

Коркунна слобода

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск 12

Ишим ◦ 2013

К статье Г. А. Крамора «Ишимский след» Абалакской иконы»

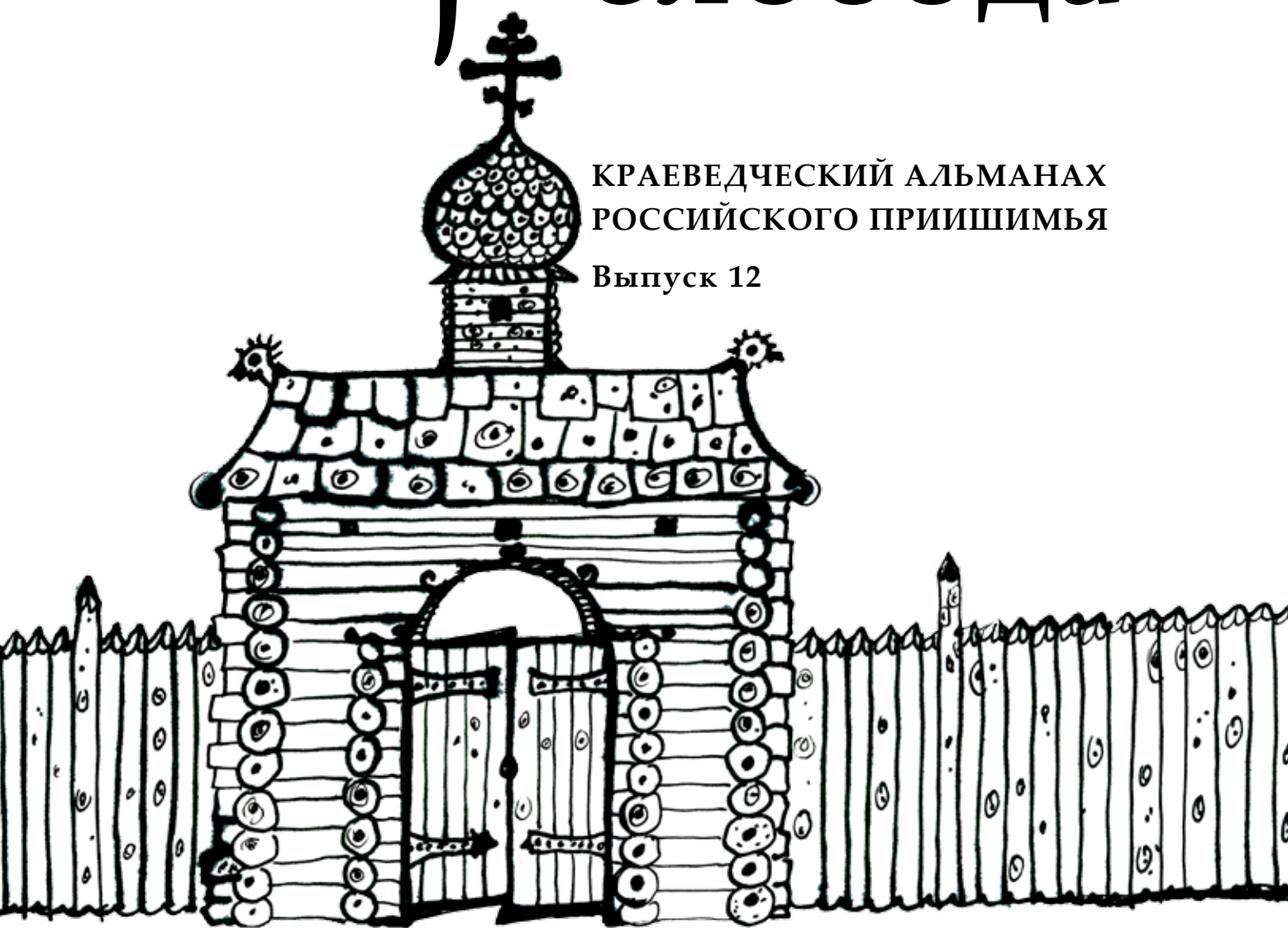

*Абалакская икона (список) в Покровском храме в Кабраматте, пригороде Сиднея (Австралия).
Фоторепродукция 1990-х гг., подаренная епископу Евтихию.
Богоявленский собор, г. Ишим.*

Коркнна слобода

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
РОССИЙСКОГО ПРИИШИМЬЯ

Выпуск 12

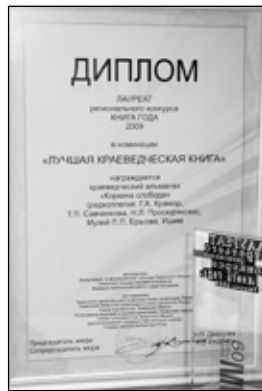
Ишим

Культурный центр П.П.Ершова

2013

*Лауреат
регионального
фестиваля
«Тюменская пресса»
(Тюмень, 2006)*

*Лауреат
регионального
конкурса «Книга года»
(Тюмень, 2009)*

*Победитель
русского конкурса
краеведческих
периодических изданий
(Санкт-Петербург,
2010)*

*Дипломант
XI межрегионального
фестиваля
«Православие и
средства массовой
информации»
(Тобольск, 2011)*

*Благодарим за помощь в издании альманаха
заместителя председателя Тюменской областной Думы,
Почётного гражданина г. Ишим
Виктора Александровича Рейна.*

Клуб друзей «Коркиной слободы»

*Е.М.Бочкарёва, А.И.Васильев, Л.В.Глазунова, Е.А.Гордеев, С.И.Григорьева, Н.В.Деева, Н.В.Денисов,
епископ Евтихий (И.Т.Курочкин), С.С.Ефремова, П.Д.Земляных, В.В.Ипполитов, Е.Н.Коновалова,
В.Г.Королёв, Н.П.Кузовкова, Г.П.Кузурманов, И.В.Курьшев, А.Г.Кутырёв, Н.В.Кутырёва, Т.П.Лавина,
В.М.Лузина, Н.К.Метелёва, О.А.Ожигбесова, В.И.Озолин, Л.А.Сарафанникова, Е.А.Сергеева,
Л.К.Соскина, Л.М.Тиховская, О.В.Устинова (Уткова), Т.П.Филиппова, Н.Н.Хрулёв, О.В.Чернышова.*

Редакционная коллегия:

*Г. А. Крамор (главный редактор),
Н. А. Проскурякова,
Т. П. Савченкова, Е.В. Шилова.*

*Рисунки: Рудольф Симанов.
Вёрстка, оформление: Геннадий Крамор.*

*На 1-й странице обложки:
Н. Г. Маджи. Портрет П. П. Ершова. Картон, масло. Ишим (?), 2-я пол. 1850-х гг. РНБ.*

Ряд материалов номера посвящён 70-летию окончания Сталинградской битвы.

Содержание

- 5 Фотоснимок номера. К 400-летию Дома Романовых
6 Сведения об авторах. Принятые сокращения

Исторические штудии

- Р. С. Гольдберг*
9 Дивизия рождения двадцать третьего года
Е. Е. Ермакова
24 Почитаемый ключ в деревне Большие Чирки
О. А. Ожигбесова
27 Крик кукабарры
В. И. Озолин
44 Последний ишимский Совет
Т. Н. Рафикова
49 Городище «Ласточкино гнездо»

Природоведение

- П. С. Ситников*
52 Памятник природы – гора Любви
О. Н. Самсонова
55 Судьба Мещанской рощи

Музей провинциальный

- Л. И. Марикова*
60 Музейное братство заложено крепкое

Архивной полки

- 65 «Дадена нам задача...»
Из писем ветеранов 229-й дивизии
67 Сталинградская улица – «метеор» ишимской топонимики

Ершов и его современники

- Т. П. Савченкова*
68 Адольф Янушкевич и Александр Одоевский: встреча в Ишиме
Т. П. Савченкова
77 Николай Маджи - автор портрета Петра Ершова
С. О. Маджи
81 Судьба художника Николая Гаэтановича Маджи
В. А. Германов
89 Потомки венецианского клана Маджи из России

Пытливый посох странника

Н. А. Проскурякова

98 В Киев – по следам ершовского архива

Линки прошлого и настоящего

Г. А. Крамор

107 Ишимский меридиан Карского моря

Андрей Бакшеев - участник конвоя БД-5

Л. И. Марикова

114 И не был позорным знак «SU»...

Судьба Тамары Геннадьевны Шастуновой

Н. В. Кутырёва

119 Михаил Зуйков – сын ишимской земли

Годословие

Н. К. Задорожня, Н. К. Метелёва

127 Род Колыбиных – Лукиянчиковых – Метелёвых в истории Ишима

Л. И. Марикова

137 Во имя жизни Родиной дышать...

Семья Залевских

Культуралкрам

Г. В. Максимова

146 «Абалацкая» («Абалакская») икона во имя Божией Матери и её копии

Г. А. Крамор

150 «Ишимский след» Абалакской иконы

М. А. Сезёмова

164 Ишимский педагогический техникум (училище) в 1929-1941 гг.

Памятные записи

А. Е. Шестаков

170 Спасибо, альма-матер!

Годы учёбы в Ишимском педучилище

Н. А. Данилин

186 Наш несравненный духовой оркестр

Д. М. Климова

189 События и встречи

Пресса лет былых

Г. А. Крамор

208 «Ершов ещё ждёт своего полного издания...»

Наш вернисаж

В. М. Лузина

212 «Большой хрустальный шар – вот всё, что я хочу...»

О творчестве скульптора Вениамина Сидоренко

ФОТОСНИМОК номера

К 400-летию Дома Романовых

Подносные блюда и солонки, подаренные наследнику Николаю Александровичу (будущему императору Николаю II) от мещан и «вернопреданных» города Ишима во время проезда его по Тобольской губернии в 1891 году. Фотография. ТГИАМЗ.

№ 12 - 2013
Коркина
слобода

5

СВЕДЕНИЯ ОБ авторах

Германов Валерий Александрович, кандидат исторических наук, историограф, журналист, краевед. Работал в высших учебных заведениях, в отделе историографии Института истории Академии наук Республики Узбекистан. Член Союза журналистов РУ. С 2007 г. – председатель секции историографии Общества историков РУ. С 2010 г. – член редакционной коллегии альманаха Ташкентской и Среднеазиатской епархии «Восток свыше». Автор многочисленных публикаций по истории и краеведению Узбекистана.

Гольдберг (Гольдберг-Гуревич) Рафаэль Соломонович, журналист, создатель и главный редактор газеты «Тюменский курьер» (с 1993 г.). Работал в газетах «Тюменский комсомолец», «Тюменская правда», на областном радио. Один из основателей газеты «Тюменские известия». Автор и соавтор изданий «Книга расстрелянных», «Запрещённые солдаты», «501-я» и др., а также многочисленных публицистических и краеведческих очерков.

Данилин Николай Акимович, журналист, выпускник Ишимского педагогического училища. Работал в Сладковском детдоме, в редакции газеты «Тюменский комсомолец». Автор книг о героях Тюменского края. Председатель Тюменского союза сирот войны.

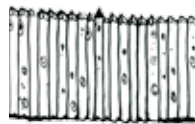
Ермакова Елена Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент Тюменского государственного университета. Научные интересы – народная медицина народов, проживающих в Западной Сибири, заговоры и заклинания восточных славян, поиск и описание почитаемых источников, духовная культура старожилов и новопоселенцев Тюменской области.

Задорожня Нонна Константиновна, выпускник Ишимского государственного педагогического института. Работала в г. Нефтеюганск учителем русского языка и литературы в средней школе № 2, в редакции газеты «Нефтеюганский рабочий», инженером по кадрам в Управлении буровых работ № 1. Ныне – на заслуженном отдыхе, проживает в Краснодарском крае.

Климова Дина Михайловна, литературовед, редактор. Член Союза журналистов РФ. Работает в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, ранее – старший редактор серии «Библиотека поэта» Ленинградского отделения издательства «Советский писатель». Автор литературоведческих публикаций в научных сборниках, в т.ч. «Ершовском сборнике».

Крамор Геннадий Андреевич, методист по научно-просветительской деятельности Культурного центра П.П.Ершова (г. Ишим). Лауреат фестивалей «Тюменская пресса-2006», «Православие и СМИ» (2007), областного конкурса молодых литераторов к 50-летию Тюменской писательской организации Союза писателей России (2013) и др. Автор статей в региональной и местной прессе, научных сборниках, 4-м томе «Тюменской энциклопедии» (Тюмень, 2009), «Ишимской энциклопедии» (Тюмень, 2010). Автор-составитель серии буклетов по истории Приишимья, мини-альбомов «Ишим – мой город на синей реке» (Ишим, 2007), «ОБЪЕКТИВно об Ишиме» (Ишим, 2008). Краеведческие интересы – история православия в Сибири, провинциальная архитектура.

Кутырёва Наталья Валерьевна, журналист, победитель областного конкурса СМИ «Семья в год семьи» (2008), один из авторов книги «Женщины, меняющие мир» (Тюмень, 2008), автор статей по культуре, образованию, краеведению При-

ишимья, в т.ч. в «Ишимской энциклопедии» (Тюмень, 2010). Сотрудничает с тюменскими и московскими периодическими изданиями.

Лузина Валерия Михайловна, искусствовед. Член Творческого союза профессиональных художников. Автор статей по истории культуры края. Сфера исследовательских интересов – творчество ишимских художников XX – начала XXI вв.

Маджи Светлана Олеговна, историк, переводчик. Праправнучка художника Н.Г.Маджи, автора портрета П.П.Ершова (кон. 1850-х – нач. 1860-х гг.). Жила и училась в Ташкенте, ныне проживает в г. Витербо (Италия).

Максимова Галина Васильевна, главный хранитель Курганского областного художественного музея. Научные интересы – иконописание в Зауралье, преимущественно XIX – нач. XX вв. Принимала участие в подготовке книг: «Уральская икона» (Екатеринбург, 1998), «Сибирская икона» (Омск, 1999), «Русское медное литьё. Избранные памятники в собраниях Урала» (Екатеринбург, 2008), автор статей в научных сборниках и журналах.

Марикова Людмила Ивановна, журналист, собственный корреспондент ОАО «Тюменский издательский дом». Автор документально-публицистических книг ««Моё дыхание – завод...» Очерк 60-летней истории Ишимского механического завода» (Ишим, 2001), «Долг особый. Страницы истории Ишимской ж.д. больницы» (Ишим, 2004), «Край людьми славен» (Тюмень, 2010); редактор-составитель изданий «Родники Ишимские» (Ишим, 2006), «Ишим: От Думы к Думе» (Ишим, 2008), «90 лет ишимскому комсомолу» (Ишим, 2009), статей и очерков о людях и событиях Приишимья в областных и региональных изданиях, ответственный секретарь изданий «Ишимская энциклопедия» (Тюмень, 2010), «Созревшие Сибирью» (Тюмень, 2012).

Метелёва Нина Константиновна, преподаватель Брянского государственного педагогического института им. акад. И.Г.Петровского, Ишимского государственного педагогического института им. П.П.Ершова. Награждена знаком «Отличник народного просвещения». С 2010 г. на заслуженном отдыхе. Автор краеведческих статей. Член Ишимского родословного общества.

Ожигбесова Ольга Адольфовна, журналист, писатель, редактор издательского отдела Тюменской областной научной библиотеки им. Д.И.Менделеева. Лауреат премии Союза журналистов России «За журналистское мастерство», обладатель Главного приза всероссийского телефестиваля «Профи-2007» в номинации «Лучший сценарий», дипломант и лауреат ряда других региональных и всероссийских конкурсов. Автор публикаций в тюменских, екатеринбургских и московских изданиях, в коллективных сборниках. Автор книг «В поисках родины» (2010), «С другом люблю и в тюрьме. Частная жизнь декабристов в Сибири» (2010), «Бабье лето» (2011), «Гольшманово: 100 лет спустя» (2011), «Белый бог с голубыми глазами» (2012), «У бабочки век короткий» (2012), «Перекрёсток любви» (2013), «Аромашево: о прошлом для будущего» (2013).

Озолин Владимир Иванович, общественный деятель. С 1984 г. - заместитель председателя Ишимского горисполкома, в 1987-1991 гг. – председатель горисполкома, член бюро ГК КПСС, в 1991-2000 гг. – первый заместитель главы (мэра) города. В 2002-2010 г. – заместитель председателя Ишимской городской Думы. Избирался депутатом Ишимского горсовета (1977-1991), членом Тюменского обкома КПСС. Главный инициатор и координатор создания «Ишимской энциклопедии» (1 том – Тюмень, 2010; 2 том – в работе). Координатор проекта «Созревшие Сибирью». Один из победителей конкурса «Книга рекордов Тюменской области сегодня» за 2012-2013 гг. и составителей буклета «Ишимский край в рекордах, событиях, достижениях и судьбах» (Ишим, 2013). Автор буклета «История герба и флага города Ишима» (Ишим, 2012) и публикаций в сборниках научных конференций. Почётный гражданин г. Ишим (2007).

Проскуракова Надежда Леонидовна, директор Культурного центра П.П.Ершова (г. Ишим). Краеведческие интересы – культура края, крестьянское восстание 1921 года. Автор статей и сценариев документальных фильмов по

истории Ишима и Приишимья. Редактор познавательного журнала для семейного чтения «Конёк-Горбунок».

Рафикова Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории археологии и естественно-научных методов Института проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук (ИПОС СО РАН), г. Тюмень. Научные интересы – археология, раннее средневековье лесосотенной и подтаежной части Западной Сибири, происхождение коренных народов Западной Сибири. Соавтор коллективных монографий и публикаций в российских научных журналах по археологии Западной Сибири.

Савченкова Татьяна Павловна, кандидат филологических наук, доцент ИГПИ им. П.П.Ершова. Научные и краеведческие интересы – жизнь и творчество П.П.Ершова, региональное литературоведение, история сибирской архитектуры. Редактор ряда краеведческих сборников, «Ершовского сборника». Автор научных и популярных статей, в т.ч. в «Тюменской энциклопедии» (Тюмень, 2004, 2009), «Ишимской энциклопедии» (Тюмень, 2010), книг «Ишим и литература. Век XIX-й» (Ишим, 2004), «Пётр Павлович Ершов (1815-1869). Архивные находки и библиографические разыскания» (Ишим, 2011). Почётный гражданин г. Ишим.

Самсонова Ольга Николаевна, кандидат филологических наук. Автор статей по истории культуры края в местной прессе и научных сборниках, «Ишимской энциклопедии» (Тюмень, 2010).

Сезёмова Мария Александровна, научный сотрудник Ишимского историко-художественного музея. Выпускник исторического факультета Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург). Автор статей в местной прессе и научных сборниках. Научные интересы – история культуры и народного образования г. Ишим.

Ситников Павел Сергеевич, профессиональный натуралист, организатор и участник полутора сотен экспедиций по изучению дикой природы края. Автор более четырёхсот научных и научно-популярных публикаций, в т.ч. в Красной книге Тюменской области и региональных энциклопедиях. Возглавляет туристический клуб «Эко-тур-72» НП «Тюменский центр здорового образа жизни» и Тюменское региональное отделение Всероссийского общества охраны природы (ВООП).

Шестаков Александр Евгеньевич, журналист, выпускник Ишимского педагогического училища, Уральского госуниверситета. Работал в редакциях газет «Ленинское знамя» (с. Омутинское Тюменской обл.), «Тюменская правда». Автор серии книг для детей; лауреат IV Всероссийского конкурса им. П.П.Ершова (2009) за произведения для детей и юношества.

Принятые сокращения:

БАН – Библиотека Академии наук (г. Санкт-Петербург)
ГАКО – Государственный архив Курганской области (г. Курган)
ГАСО – Государственный архив Свердловской области (г. Екатеринбург)
ГАТО – Государственный архив Томской области (г. Томск)
ГАТюмО – Государственный архив Тюменской области (г. Тюмень)
ГУОО «ИсА» – Государственное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области» (г. Омск)
ИГПИ – Ишимский государственный педагогический институт им. П.П.Ершова
ИИХМ – Ишимский историко-художественный музей
КОХМ – Курганский областной художественный музей
РГАДА – Российский государственный архив древних актов (г. Москва)
РГО – Русское географическое общество (г. С.-Петербург)
РНБ – Российская национальная библиотека (г. С.-Петербург)
ТГИАМЗ – Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник

Исторические штудии

Р. С. Толмберг

¹ 229-я стрелковая дивизия (СД), второе формирование.

² Как вспоминал в декабре 1980 года бывший комиссар 229-й СД Тихон Бандурин, «из тяжёлых боёв на подступах к Сталинграду вышло и сосредоточилось в Красноармейском около 700 человек... Под Волоколамск, по существу, для нового формирования – около 300 солдат, сержантов, офицеров – всего один эшелон».

Дивизия рождения двадцать третьего года

1. Жизни ещё не видели

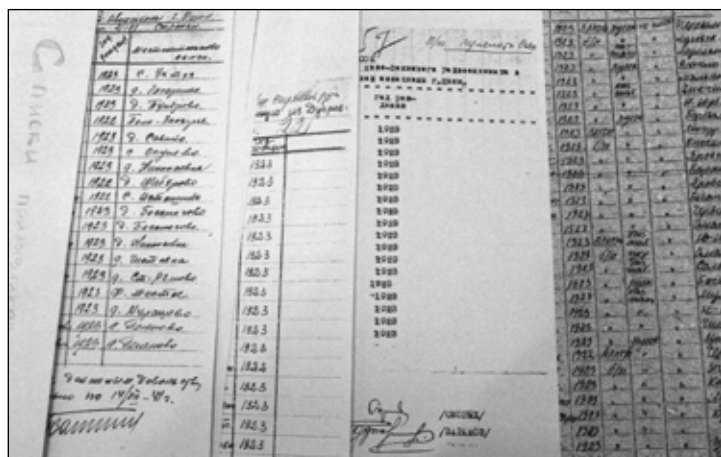
На рабочем столе лежит большой пластиковый конверт размером в лист писчей бумаги. Это привезённые нашими поисковиками из Подольского архива Министерства обороны РФ списки мобилизованных в конце 1941 года. Их призвали из деревень и сёл нынешнего тюменского юга и отправили в Ишим на формирование будущей 229-й стрелковой дивизии¹.

Подробность: почти все они родились в один и тот же 1923 год. И все они приняли участие в боях 229-й дивизии на правом берегу Дона, пытаясь преградить движение 6-й полевой армии генерала Фридриха Паулюса к Сталинграду.

И почти все они там и остались, на правом берегу.

Кто в числе убитых, – их кости до сих пор собирают за Доном поисковые отряды. Так, они нашли летом 2010 года останки рядового Степана Кузнецова из деревни Каньга Ялуторовского района и его смертный медальон в придачу...

Кто оказался в плену, а потом погиб на пути в лагерь военнопленных или в уже самом лагере, одном из множества на территории самой Германии или европейских стран, захваченных ею в ходе блицкрига.

Списки призванных 229-й СД.
Фотография автора.

...Ровные колонки повторяющихся цифр в списках напоминают солдатские шенгены. Мы до сих пор ещё точно не знаем, чьё имя сохранилось только в списках 229-й дивизии. Зато знаем, сколько их в августе 1942-го осталось в живых. Ведь на левый, восточный берег Дона вырвались из окружения 750 бойцов и командиров. А 28 сентября 1942 года, когда дивизия «убыла на новое формирование», уже третья с начала войны, в Волоколамский район Московской области, туда прибыла едва ли половина².

Но в декабре 1941-го восемнадцатилетние мальчики, направляясь в Ишим, ещё ничего этого не знали. Не знали даже, куда их точно направляют. То ли из соображений секретности, то ли по иной причине мобилизованных командировали, «удовлетворив денежным довольствием на двое суток», в распоряжение начальника 2-й Ленинградской авиашколы полковника Никифорова. Была эта школа пере-

Привокзальная площадь на станции Ишим. Сюда прибывали новобранцы, отсюда отправлялись на фронт. Конец 1930-х гг. Фоторепродукция из архива Н.П. Хрулёва.

брошена в тыловой Ишим в самый канун войны. Впрочем, вряд ли кто-то из ребят с двух- или четырёхклассным образованием рассчитывал попасть в лётную часть. На именных списках, так называются эти листки, сохранились карандашные пометки: стрелковый взвод, команда станковых пулеметчиков, команда минометчиков...

Сведения об историческом пути 229-й отрывочны и порою недостоверны. История писалась уже после войны, - на основе документов и воспоминаний тех, кто оказался в третьем формировании дивизии, получившей в 1945 году наименование Одерской, кто дожил до победы. Документы же второго, ишимского формирования не сохранились. По утверждению начальника штаба дивизии подполковника Мелешкевича, он «лично закопал все документы в районе села Жарки Сталинградской области перед последней попыткой прорвать кольцо окружения».

Майор Фёдор Фёдорович Сажин в бытность преподавателем Омского военного училища. Конец 1930-х гг. Музей школы № 31, г. Ишим.

Правда, в своих воспоминаниях лейтенант Черников, сотрудник полит-отдела 229-й Одерской СД, утверждал, что «боевая жизнь дивизии началась под Смоленском», который она защищала около месяца.

Действительно, в документах 20-й армии, относящихся к июлю 1941 года, соединение с таким номером упоминается. Оно входило в состав 69-го стрелкового корпуса и отражало атаки наступающих немецких частей в районе г. Витебск. Так, 9 июля 1941 года 229-я СД оставила Сенно, районный центр Витебской области. 10 июля она «ведёт бой с превосходящими силами пехоты и танками противника на рубеже р. Оболянка». В тот же день «выдвигается в сторону Витебска», а 811 полку (из той же 229-й) поручается «занять и удерживать восточную половину Витебска». 13 июля противник прорывается на стыке 229-й и 233-й дивизий, но «к 18-30 положение восстановлено, хотя до ста танков остались в тылу нашей обороны, с которыми бой продолжается...»

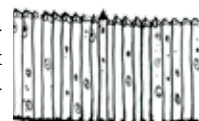
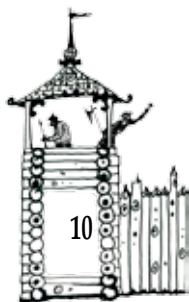
И ещё одна строчка из оперативной сводки Западного фронта. 19 августа 1941 года, 20 часов: «229-я дивизия закрепляется на прежнем рубеже...» Это уже смоленское направление. Следовательно, «боевая жизнь дивизии под Смоленском», о которой упоминает лейтенант Черников, имела место.

Но, повторюсь, иного подтверждения нет, воспоминаний об арьергардных боях лета и осени 1941 года не сохранилось. И потому днём рождения соединения официально считается 12 декабря 1941 года, а местом – город Ишим и станция Называевская.

Деталь: лейтенант Черников утверждает, что «основным пополнением была молодёжь 19-20-летнего возраста, преимущественно сибиряки, жители Омской области». Наши документы говорят, что ребята были на год-два моложе. Когда 229-я, личный состав которой не имел никакого боевого опыта, встала на пути одной из лучших в германских сухопутных войсках 6-й полевой армии, это не могло не сыграть свою роль.

II. От Ишима к большой излучине Дона

Итак, первое формирование 229-й стрелковой дивизии начало войну под Витебском и, то отступая, то контратакуя, прошло с боями до Смоленска. Потери в людях оказались так велики, что пришлось начать, фактически с нуля, второе формирование соединения.

³ Так писалось в официальной истории 229-й СД. А комиссар Бандурин вспоминал, что «до конца формирования в Ишиме мы не только знамён, но и оружия не получили – имели всего несколько карабинов для стрельбы и учебные винтовки. Стрелковое и артиллерийское вооружение части получили, когда прибыли в Горьковскую область».

Боец 229-й СД «ишимского» формирования И.Ф. Слинкин с однополчанами. Снимок сделан в г. Горький, во время остановки в пути следования на фронт. 1942 г. Музей школы № 31, г. Ишим.

⁴ Здесь и далее указано место призыва военнопленного.

Первые три месяца новым формированием 229-й руководил командир, «отсталый в военном отношении». 10 марта его сменил полковник Фёдор Сажин. Кадровый военный, 22 года в Красной армии. С начала войны Сажин командовал полком, который получил звание гвардейского, затем стрелковой бригадой.

Сроку на подготовку было отпущено немного. В двадцатых числах апреля 1942 года дивизия погрузилась в вагоны, сдав, согласно приказу комдива, всё артиллерийское, учебное и боевое оружие³. При себе осталось личное оружие (пистолеты и револьверы), противотанковые ружья и боевые винтовки – от 12 до 24 штук на полк. И по сорок винтовочных патронов на каждую. С тем и отбыли – три стрелковых полка (СП; 783-й, 804-й, 811-й), один артполк, противотанковый и зенитно-артиллерийский дивизионы, учебный, сапёрный, медико-санитарный батальоны и отдельный батальон связи.

В мае дивизия прибыла в город Скопин Рязанской области, а в июне комиссия наркомата обороны проверила состояние подготовки и признала дивизию кадровой. Потом дивизия прибыла в Сталинград, откуда пешим строем – 150 километров – к своему первому и последнему сражению в районе населенного пункта Суровикино.

Не станем заново пересчитывать роковые и ошибочные события весны и лета 1942 года, которые позволили немецким войскам на юге России выйти на оперативный простор и, согласно плану «Брауншвейг», устремиться к Волге и Сталинграду. На оси этого броска в большой излучине Дона оказались три стрелковые дивизии. Слева 112-я, справа 147-я и в центре, прикрывая железную дорогу, наша 229-я.

На левом фланге – 811-й полк, в центре – 783-й, затем 804-й, но не в полном составе. Два батальона этого полка отстали в пути и не успели занять намеченные рубежи.

«...25 июля наш 804-й полк форсировал Дон и пошёл по направлению к станции Нижне-Чирской. 2-й батальон ушёл вперед, а 1-й и 3-й шли за ним походным строем. 26 июля в районе станции Нижне-Чирской наша колонна в составе двух батальонов была окружена автоматчиками и танками. Вся колонна была пленена, в том числе и я...» (Из фильтрационного дела бывшего военнопленного Г.Д. Положкова, ст. сержанта 804-го СП, с. Юрга⁴).

А дивизионная историография утверждает, что «сражение дивизии с немцами началось 22 июля и закончилось 10 августа, когда дивизия вышла из окружения». Как протекало это сражение, в каком виде дивизия вышла из него, мы попытаемся рассказать, опираясь на оперативные сводки штаба Сталинградского фронта, штаба 62-й армии и воспоминания непосредственных участников событий.

...Развёрнутые по фронту на расстоянии свыше двадцати километров полки 229-й по-разному переживали события этих двух с лишним недель. Центральное направление, на котором путь немцам к Дону преграждал 783-й полк майора Рыбакова, было самым трудным. Фашисты хотели решить двоякую задачу: лишить поддержки обороняющиеся дивизии и выйти к Дону кратчайшим путем. Именно сюда, на позиции второго батальона 783-го СП, обрушился первый удар танков и пехоты. Немцев удалось остановить. Но ненадолго, пока не подошли главные силы противника. Бой пошёл уже по всей линии обороны дивизии. По сводке, против полка Рыбакова были брошены два немецких пехотных полка и до 60 танков. Но за двое суток врагу продвинуться здесь не удалось. Зато на правом фланге немцы потеснили 804-й полк и прорвались к реке Чир...

Фамилия	
Имя	
Отчество	
Военное звание	
год рождения	
Уроженец	
Республика	
Край	
Область	
Город	
Район	
С/совет	
Деревня	
Адрес семьи:	
Фамилия	
Республика	
Край	
Область	
Город	
Район	
С/совет	
Деревня	
Каким РВК мобилизован	
Группа армий по Янскому	

Лист из солдатского медальона.

Где-то в этих местах через шесть с лишним десятков лет поисковый отряд «Уран» из Волгограда откопает засыпанную взрывом стрелковую ячейку и вместе с останками погибшего солдата поднимет чёрный пластмассовый медальон, лист из которого удастся расшифровать в редакции газеты «Тюменский курьер». Медальон рядового 804-го стрелкового полка Степана Кузнецова, того же самого года рождения, 1923-го, из деревни Каньга Ялуторовского района.

Немцы прорвались к реке Чир и зашли во фланг полку майора Рыбакова. Фланговые атаки отбивал артиллерийский дивизион старшего лейтенанта Бондаренко. Отбивал, пока хватало снарядов. Потом в дело пошли гранаты. Рассказывают, что сам Бондаренко со связкой гранат бросился под танк...

26 июля дивизия отошла на новые позиции. Вся, кроме 783-го полка. Его отходу помешал авиационный налёт, который застал этот полк в станице Нижне-Чирская. Потом пошли танки... Только через десять часов обескровленный полк занял место на новых позициях вдоль железной дороги. Теперь уже на правом фланге обороны.

III. Встретимся в аду...

Я не претендую на абсолютную достоверность в описании того, что происходило в конце июля – начале августа 1942 года в большой излучине Дона. Здесь в значительной степени решалась судьба Сталинграда. Сумятица тех дней, всё возрастающий напор немецкой танковой громады, погибающие на берегах Дона роты и батальоны, пестрота приказов и чехарда кадровых отставок и назначений... Хотелось бы напомнить, что именно эти события легли в основу сталинского приказа № 227, один из пунктов которого делал семьи командиров в самом прямом смысле заложниками их (командиров) поведения в бою...

Да, свидетельства и факты, которые получены из различных источников: документы Центрального архива МО РФ, протоколы допросов в фильтрационных лагерях освобождённых из плена солдат 229-й дивизии, материалы, найденные в немецких архивах, – часто противоречат друг другу. Что же теперь? Ворошить прах и искать, кто больше прав? Кто виноват в том, что отступили 112-я, 229-я или 147-я дивизии? Каждый из командиров отстаивал бы свою точку зрения, если бы мог сегодня принять участие в этой дискуссии. Но не нами сказано: у победы много родителей, поражение – сирота. Потому мы предложим читателю разные точки зрения, факты, не совпадающие друг с другом. Но за каждым фактом, за каждым мнением стоял конкретный человек, у которого в этом сражении были свой окоп, свой взгляд на происходящее и своя, следовательно, оценка...

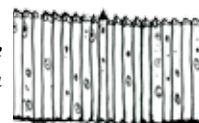
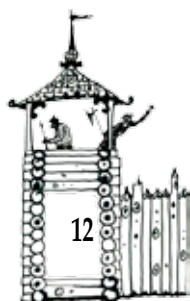
Вот отрывок из «официальной истории соединения», написанной в конце войны лейтенантом Черниковым:

«Бои на новой позиции шли беспрерывно. Дивизия не только упорно защищалась, но нередко и сама переходила в контратаки... 29 июля командующий 64-й армией объявил 229-й благодарность за упорство и стойкость в боях». Дальше цитируется сообщение Совинформбюро от 30 июля 1942 года: «...на Сталинградском направлении часть под командованием полковника Сажина в результате успешных боевых действий продвинулась вперёд, заняв несколько населённых пунктов».

«...Когда на рассвете переходит в наступление сибирская стрелковая дивизия, сильно поддержанная танками, – начинается ад. Такого миномётного огня я ещё никогда не испытывал...» – это голос человека «с той стороны», строчки из дневника немецкого унтер-офицера 297-го артполка 297-й пехотной дивизии Алоиза Хеймессера (убит в Сталинграде в октябре-ноябре 1942 г.).

«Мои дорогие Аничка и Веруся⁵. Я жив и здоров. Вот уже 15 дней горю в жарком бою. Вы, очевидно, по радио слышали, как мои богатыри громят немчуру. Вот уже не стало опасно, и до 50 танков рухнули на поле боя. Можно считать, что час расплаты с врагом близится. Правда, враг ещё очень силен и требует много усилий... Я лично и ночь, и день на поле боя, едим и спим на бегу. Ну, мои родные, живите дружно, будьте здоровы. Целую – ваш и вас любящий Федя и папа», – из письма полковника Сажина, 4 августа 1942 г.

⁵ Написание имён даётся в орфографии оригинала.

Тихон Бандурин, комиссар 229-й СД. Фотография из архива историка Юрия Власова.

Это было последнее письмо полковника. Вряд ли он хотел и мог написать обо всём, что происходило в эти дни с ним, с его дивизией и со всей Красной армией. В том числе и между 26 июля, когда обороняющиеся на правом берегу Дона вынуждены были отступить почти к реке, и процитированным выше сообщением Совинформбюро – четырьмя днями позже.

Через две недели, утром 10 августа в одной из балок севернее реки Чир был взят в плен начальник артиллерии 229-й дивизии подполковник Манько. Когда окружённые части пытались прорваться через плотное кольцо врага, в надежде выйти к Дону, до которого оставалось ещё от двадцати до тридцати ки-

лометров, подполковник Манько находился в боевых порядках 811-го полка. К его показаниям мы ещё вернемся. Сейчас я хотел бы процитировать только один абзац из протокола допроса подполковника в отделе I «Ц» 297-й пехотной дивизии:

«В результате немецкой атаки южнее Чира 25-26 июля у совхоза № 79 дивизия понесла значительные потери и отошла назад на север к Чирю. Следственный про-

Положение 229-й СД на 22 июля и 1 августа 1942 г.

цесс, начатый по результатам этих боёв против руководства дивизии, был завершён вынесением предупреждения командиру дивизии и командиру артиллерии подполковнику Манько; оба остались на своих местах...»

А 28 июля нарком обороны Сталин подписал приказ № 227, получивший название «Ни шагу назад!». Судя по всему, судьба смиловилась над полковником Сажиным. Дамоклов меч приказа № 227 не опустился на его голову. Правда, в одном из очерков, посвящённых боям на дальних подступах к Сталинграду, утверждается (со ссылкой на документы особого отдела НКВД Сталинградского фронта), что «на Сталинградском фронте этот приказ стал реализовываться на практике с 1 августа». А возможно, кто-то посчитал, что там, между реками Чир и Дон, полковнику гораздо жарче, чем в аду, о котором упомянул в своём дневнике унтер-офицер Алоиз Хеймессер.

Памятник ишимцам, погибшим в годы войны.
Соборная площадь.
Открыт 9 мая 1995 года. Фотография Г.А. Крамор.

Так, во всяком случае, читается между строк «краткой характеристики боевых действий соединения за 1942 год», которую ровно год спустя подписал новый командир 229-й полковник Соленов.

«...Дивизия с 22.7.42 по 10.8.42 вела непрерывные тяжёлые бои, сдерживала натиск превосходящих сил противника в составе: двух моторизованных, одной танковой дивизии и крупных сил авиации, оставаясь на прежних рубежах 62-й армии. За время боёв дивизия потеряла 9000 человек и технику: два артдивизиона, две батареи ОИПТД, две батареи 120 мм минометов, один дивизион Резерва главного командования, приданный...»

9000 человек – три четверти личного состава. Если заняться немислимой по объёму работой и именными списками призывников, направленных в Ишим в декабре 1941 года, сверить с многотомником «Память», со списками не вернувшихся с войны, которые хранятся в сельсоветах и школьных музеях, то после этого, пожалуй, не захочется задавать наивный вопрос: куда девался генофонд нашего народа? Почему обезлюдели деревни и сёла?

Но впереди ещё десять дней боёв.

Впереди ещё десять дней боёв. В истории Сталинградской битвы эти дни – с 31 июля по 17 августа – называются «завершающим периодом оборонительного сражения Красной армии в большой излучине Дона».

Отступив под напором 6-й полевой армии Паулюса, дивизии 62-й армии закрепились вдоль насыпи железной дороги, ведущей с запада в Сталинград. Как утверждают источники, яростное сопротивление порядком вымотало и немецкие войска. Стало понятно, что силами одной армии Паулюса взять Сталинград с ходу не удастся. Немцам пришлось перебросить с кавказского направления 4-ую танковую армию генерал-полковника Гота.

IV. Если бы памятники могли говорить...

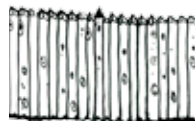
Ещё раз повторим: у победы много родителей и летописцев тоже. Поражение – сирота во всех смыслах. Информация о тяжёлых боях, которые закончились отступлением, окружением, пленом, собирается по крохам. Вот если бы мог заговорить солдат, силуэт которого украшает одну из площадей Ишима! Но и он – лишь контур бойца, пробивающегося сквозь каменную стену.

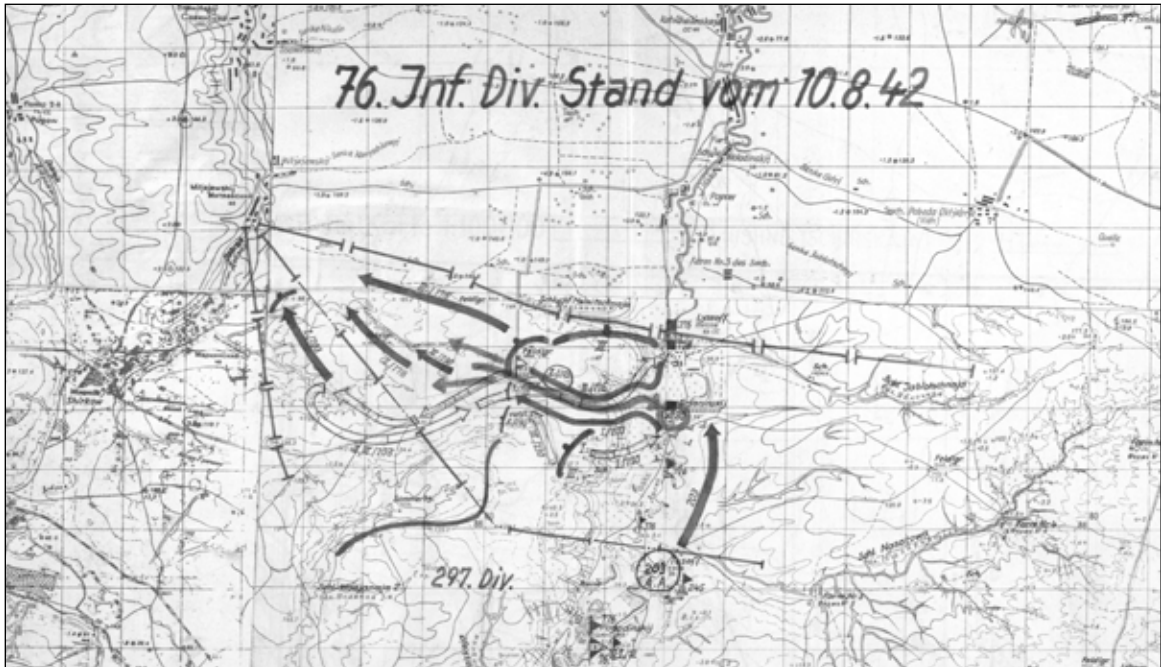
Собранные материалы невняты и противоречивы. Так, в одном из документов его автор ссылается, что ещё 26 июля, в самом начале оборонительных боёв в большой излучине Дона, «немецкие самолеты разбомбили железнодорожный мост у станции Нижне-Чирская». Хотя ни на современной карте железнодорожной сети Волгоградской области, ни на «копии с копии» немецкой полевой карты этого района, с пометкой «*feindlage*⁶: 7.8.42», нет мостового перехода в районе станции Нижне-Чирская (современное название – Нижний Чир).

Юрий Власов, петербургский исследователь истории 229-й дивизии (в ней воевал и пропал без вести его дед капитан Томилин, заместитель начальника особого отдела 229-й), считает, что речь могла идти о понтонной переправе. Железнодорожный мост на дороге от Суровикино в Сталинград (Волгоград) существует и сегодня, но он пересекает в районе станции Чир Цимлянское водохранилище, построенное после войны.

Вопрос остается вопросом... Юрий Власов прислал полученную в немецком Бундесархиве карту расположения противоборствующих войск за 7 августа. Изучив с увеличительным стеклом в руках местность, позиции полков 229-й и её ближайших соседей, населённые пункты, за которые сражались и к которым отступали, попытаемся представить себе, как это всё происходило в жаркие августовские дни в большой излучине, изрезанной оврагами, по-местному – балками. Вот рядом со станцией Чир карандаш немецкого офицера крупно вывел: «112 S.D.» Это ближай-

⁶ *Feindlage* – расположение противника.

На немецкой карте от 10 августа 1942 года – «котёл», в котором оказалась 229-я дивизия. Фотография из архива историка Юрия Власова.

ший левый сосед нашей дивизии, 112-я стрелковая, сформированная в Омске полковником Сологубом.

3 августа немцы прорвали позиции 112-й дивизии и заняли хутор Ново-Максимовский на железной дороге. Штаб армии приказал 804 полку 229-й СД при поддержке соседей слева и артиллерии вернуть хутор. Связь, как отмечено в созданной позднее лейтенантом Черниковым истории соединения, была плохая. Когда полк подошёл к Ново-Максимовскому, ни бойцов из 112-й, ни артиллерии на назначенном для начала атаки месте не оказалось. Командир СП-804 капитан Шаповаленко решил выполнить приказ самостоятельно. Без поддержки артиллерией и пехотой. Ночная дерзость ему удалась, он отбил у немцев хутор Ново-Максимовский. Наутро немцы вызвали артиллерию, танки и самолеты. Полк Шаповаленко был вынужден отойти на прежние позиции.

Судя по всему, это происходило уже 4-5 августа. Прорвав оборону 112-й дивизии и вынудив её отступить, немецкие танки и мотопехота устремились вдоль Дона в северном направлении. С каждым часом отрезая от Дона, от переправ и от возможности соединиться со своими 229-ю дивизию полковника Сажина и 147-ю генерал-майора Вольхина. В районе хутора Пятиизбенный немцы вышли к реке Дон. Дивизионный историограф 229-й лейтенант Черников с горечью констатирует: «...дивизия оказалась в тылу у немцев и роль заслона, которую она исполняла, стала ненужной. Тем более, что немцы прорвали фронт и на правом фланге дивизии. 6 августа она была в кольце, которое сжималось с каждым днём».

До трагического финала в большой излучине Дона оставалось всего четыре дня. Потрёпанные, потерявшие до половины списочного состава, дивизии с тревогой встречали утро 7 августа. В 229-й, которая две недели подряд сражалась на главном направлении немецкого удара, насчитывалось, по данным на 5 августа, всегонавсего пять с половиной тысяч человек. Меньше половины.

Через брешь, которую в боевых порядках 112-й дивизии пробил танковый удар гитлеровцев, в тыл частям 62-й армии вышли три пехотные и одна танковая дивизия вермахта. 112-я оказалась прижата к Дону и попыталась выйти к железнодорожному мосту у станции Чир. Немцы стали обстреливать мост, через который переправлялись на восточный берег реки отступающие войска. Здесь во время обстрела и погиб комдив 112-й полковник Сологуб. Утром 8 августа войска продолжали отступать на восток по горящему мосту. В полдень немецкие танки прорвались к мосту, наши сапёры 8 августа в 14.00 начали его взрывать. В половине третьего мост рухнул.

В этот же день танковые клещи сомкнулись и окончательно окружили дивизии, оставшиеся полностью или частично на западном берегу Дона. Приблизительное

число оказавшихся в окружении красноармейцев составило, по данным штаба Сталинградского фронта, 28 тысяч человек.

Судя по всему, руководство фронта ещё смотрело на ситуацию с некоторым оптимизмом и рассчитывало, что окружённые дивизии 62-й армии способны отбросить прорвавшегося врага. Даже 12 августа, когда ни 229-й, ни её соседа справа – 147-й СД уже не существовало в качестве боевых единиц, в «Боевом распоряжении № 101 штаба 62» читаем: «...совместными усилиями с частями 33-й гв., 181-й, 112-й и 229-й СД ударом с запада (выделено нами. – Авт.) уничтожить прорвавшуюся группировку противника».

Что же на самом деле происходило в окружённых частях 229-й дивизии? Об этом могут сказать выдержки из фильтрационных дел попавших в плен бойцов ишимской дивизии. Но хотелось бы сделать одну оговорку. В каждом деле называются числа, когда происходили роковые для дивизии и самого солдата события. Они записаны со слов и не всегда точны. Думается, что в сплошных боях, когда день перемешан с ночью, у человека теряется ощущение времени. Написал же участник штурма рейхстага капитан Василий Ярунов, родом из села Богандинского Тюменского района, на обороте карточки, снятой у входа в только что поверженный рейхстаг, – «31 апреля»!..

С другой стороны, эти свидетельства, – может быть, единственное, что с большей или меньшей степенью достоверности говорит, что на самом деле происходило в «котле». Как металась в поисках выхода разрозненные части, без связи, без полноценной разведки, почти без огневой поддержки. Все снаряды уже были расстреляны, и не для всех винтовок имелись патроны. А немецкие части, накапливая силы для броска через Дон, педантично уничтожали один очажок сопротивления за другим.

«...С 5 августа наша 229-я стрелковая дивизия находилась в окружении. Командиром 783-го СП был майор Рыбаков, а после его смерти полком командовал ст. лейтенант Монарх... Отходили к Дону ночами по направлению хутор Лаховский – ст. Суровикина. Переправиться через Дон не смогли. В плен попал весь 783-й СП вместе с комполка ст. лейтенантом Монархом и другим командным составом...»

(Из фильтрационного дела В.Ф. Фёдорова, бывшего военнопленного, ком. взвода 783-го СП, г. Ялуторовск).

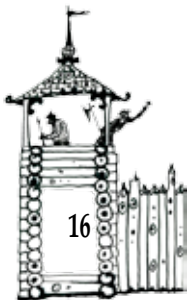
«...До 6 августа мы минировали броды на р. Чир. В этот день нашу роту направили в хутор Маркин, где командир батальона сказал, что мы находимся в окружении. Командир нашей роты лейтенант Патосов стал выводить нас из окружения через хутор Митяевский, а там сказал, чтобы шли дальше кто как может. Я с красноармейцем Ермоленко два дня просидели в балке, а кругом были немцы. Наутро по этой балке поехал конный немец, наткнулся на нас и забрал в плен».

(Из фильтрационного дела Ф.М. Шмелёва, рядового 397-го отд. сапёрного батальона, Викуловский район).

«...Я была в роте санинструктором. 5 августа 1942 г. нам сказали, что мы окружены немцами. Командир роты Захаров Сергей Яковлевич объявил, что в ночь на 6 августа будем прорываться к Дону. Началось движение. На двух машинах были раненые, и я с ними. Мне ротный приказал до утра остаться с ранеными в овраге в 3-4 км от ст. Суровикино, пообещав вернуться за нами. У меня была винтовка, но без патронов. Часов в 6 утра к оврагу подошли немцы и скомендовали выходить с поднятыми руками. При обыске у меня в кармане гимнастёрки обнаружили комсомольский билет и избили до потери сознания...»

(Из фильтрационного дела Д.Ф. Крючковой, санинструктора 811-го СП, Ишимский район).

«...7 августа мы начали отход от ст. Суровикино. 10 августа у хутора Добрино наш 783-й СП подвергся бомбёжке. Израсходовав снаряды, мы по приказанию командира батареи лейтенанта Зонова взорвали орудия и стали продвигаться вперед. Перед нами оказались танки и пехота противника. В бою с ними от наше-

го взвода осталось четыре человека. Не находя своих, пошли на г. Калач... 10 сентября снова оказались в Суровикино, где нас взяли в плен».

(Из фильтрационного дела Ф.В. Маркеева, артиллериста 783-го СП, Ишимский район).

«...В первых числах августа я был ранен и отправлен в медсанбат. Когда дивизия была окружена, в медсанбате один старший лейтенант собрал легкораненых, в том числе и меня, и повёл нас на прорыв из окружения. Но налетели немецкие самолеты и подвергли нас бомбёжке. Все разбежались, осталось пять человек. Наутро нас окружили немецкие танки, а мотоциклисты взяли в плен».

(Из фильтрационного дела П.С. Луста, рядового отдельной разведроты, Соколинский район).

V. Приказано: разбить и уничтожить

...И наступило утро, придя из-за Волги. Хотел было написать: «предпоследнее утро сражения в большой излучине Дона, на правом берегу этой великой реки». Но ведь солдаты и командиры четырёх дивизий: 33-й, 181-й, 147-й и нашей 229-й этого еще не знают. И мы с вами не знаем и вряд ли узнаем, когда на самом деле прекратилось сопротивление окружённых частей?

Итак, 8 часов утра 9 августа 1942 года. Оперативная директива № 00235 штаба Сталинградского фронта:

«62-й армии – уничтожить части противника, вышедшие на пути отхода армии, и отходить на восточный берег реки Дон, на рубеже которого, совместно со 115-м УР занять и оборонять восточный берег на фронте: Мало-Голубая – устье р. Донская Царица. Штаб армии – с. Карповка. Гордов. Хрущёв. Никишев».

У 229-й СД слитного отхода не получилось. Судьба дивизии стремительно распадалась на тысячи судеб, схожих, но в то же время неповторимых.

Как записано в неоднократно уже нами цитируемой истории дивизии, 229-я утром 9 августа получила приказ выйти из окружения – так следует понимать текст оперативной директивы штаба фронта № 00235: «уничтожить части противника и отходить». Но как сделать это? С шестого по девятое августа, целых три дня, немцы накапливались в пространстве между железной дорогой и Доном. Поэтому лейтенант Черников как человек военный делает совершенно справедливый вывод: «Речь шла не о прорыве кольца, а о проходе двадцатикилометрового участка, занятого сильнейшим противником, силы которого возрастали с каждым часом». Однако ни штаб фронта, ни штаб армии не могли себе позволить слов, которыми обрисовал ситуацию лейтенант-летописец. Поэтому ещё едва ли не целую неделю в приказах и распоряжениях повторяется: «разбить, уничтожить...» А на самом деле, как показали документы, рассекреченные шесть с лишним десятков лет спустя, всё было не так...

«Нашу дивизию немцы разбили на три кольца, каждое кольцо окружили и начали бить со всех сторон. Мы начали отходить. Я работал в штабе дивизии писарем. Документы все штабные сожгли, а потом попали в плен. Из плена мне приходилось убежать два раза, три, но никак не мог пройти через линию фронта...»

Так излагал свой эпизод Алексей Андреев из Казанского района следователю контрразведки «СМЕРШ».

Если верить этому рассказу, надежда поисковиков найти в одной из балок за Доном закопанные 9 или 10 августа документы 229-й дивизии – пустая. Нельзя вопрошать давно рассеянный пепел. Хотя бывший начальник штаба дивизии подполковник Мелешкевич утверждал, что им «все оперативные документы дивизии, списки личного состава, свои ордена и медаль «XX лет РККА» были закопаны в землю в районе с. Жарки. Там же начфин спрятал деньги. В полках документы сожгли раньше – я это лично проверил». С сомнением можно отнести только к словам подполковника «я это лично проверил»...

Солнце стояло высоко над полем боя, где танки и пехота немцев сжимали кольцо окружения. В то же время правая часть прорвавшейся группировки противника готовится к форсированию Дона. Штаб армии приказывает частям, вышедшим на левый берег, «препятствовать форсированию и обеспечить за собой переправы».

Ещё несколько отрывков из «Боевого журнала 62-й армии» за 9 августа, посвященных окруженным за Доном соединениям:

«...Сведений о 33-й гв. СД не поступало. В течение дня радиосвязь неоднократно появлялась, но, ввиду неустойчивости, обмена радиограммами не было... 181-я СД начала отход, организованный двумя колоннами... Сведений от 147-й СД не поступало... 229-я СД сосредотачивается в районе хутора Маркинский и южнее... Связь с частями, находящимися на правом берегу реки Дон, – только по радио, которое работает неустойчиво...»

Больше повезло 112-й дивизии, левому соседу 229-й, в одно время с ней сформированной в Омске. Немецкий танковый клин, ударивший в стык этих соединений, отбросил 112-ю к реке. И пока немцы окружали оказавшиеся в мешке части 62-й

армии, 112-й удалось выйти к железнодорожному мосту через Дон. Правда, сначала в отчётах и обзорах утверждалось, что «была разгромлена прижатая к Дону у взорванной переправы 112-я СД», что в бою за переправу был тяжело ранен и умер комдив Иван Петрович Сологуб. В «боевом донесении», подписанном 11 августа, сообщается, что в трёх полках 112-й дивизии насчитывается 152 старших и средних командира, 154 младших командира и 504 рядовых. Всего меньше тысячи человек. Но ещё через два дня в боевых порядках этого соединения, которое начало окапываться, готовясь к обороне на левом берегу реки, было уже 3376 человек. Видимо, группы бойцов смогли выйти из окружения, пока немцы продвигались вдоль Дона, уничтожая 33-ю гвардейскую, 181-ю, 147-ю, 229-ю дивизии.

Когда читаешь архивные документы, кажется, что штаб армии озабочен уже завтрашним днём. Тем, что противник, по данным разведки, накапливает значительные силы танков и пехоты на правом берегу, готовит переправы и понтоны и явно готовится приступить к форсированию реки. В приказах частям и соединениям эта мысль повторяется, как заклинание.

«Задача: не допустить переправы противника на восточный берег», – из боевого приказа ШТАРМ-62, 9 августа, 17-50.

«...Уничтожить прорвавшегося противника, не допуская его переправы через р. Дон», – из боевого приказа, 10 августа, 14-30.

Снова и снова: «прочно оборонять восточный берег...», «берег эскарпировать, в лесной полосе устроить сплошные комбинированные завалы...», «на железнодорожном участке создать систему ДЗОТ, каменные здания города Калач превратить в узлы сопротивления...», «...оборону занять к 20.00 10.8.42, работу первой очереди закончить к исходу 10.8.42».

Лихорадочные, не побоимся этого слова, приказы следует понимать так: ни армия, ни тем более руководство Сталинградского фронта прежде не рассматривало левый берег Дона в качестве оборонительного рубежа. А пришлось.

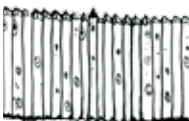
Схема движения частей 229-й СД в районе Суровикино.

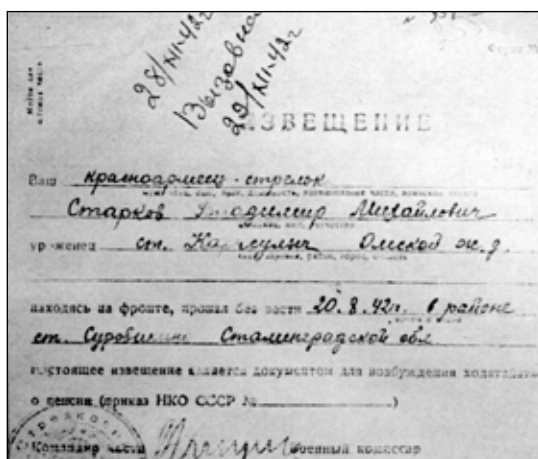
VI. В «котле»

Понятно, что в такой ситуации окружённые в глубоких балках правого берега остатки дивизий на помощь рассчитывать не могли. Правда, к их судьбе проявило интерес верховное командование.

«По донесениям штаба Сталинградского фронта 181, 147 и 229 СД 62-й армии продолжают вести бои в обстановке окружения в районе Евсеев, Майоровский,

Плесистовский. Несмотря на это и на неоднократные указания Ставки, помощь им Сталинградским фронтом до сего времени не оказана. Немцы никогда не покидают свои части, окружённые советскими войсками, и всеми возможными силами и средствами стараются во что бы то ни стало пробиться к ним и спасти их. У советского командования должно быть больше товарищеского чувства к своим окружённым частям, чем у немецко-фашистского командования. На деле, однако, оказывается, что советское командование проявляет гораздо меньше заботы о своих окружённых частях, чем немецкое. Это кладёт пятно позора на советское командование. Ставка считает делом чести нашего сталинградского командования спасение окружённых частей. У нашего сталинградского командования имеется сейчас достаточно сил и средств, чтобы пробиться к своим окружённым дивизиям и вывести их. Ставка приказывает немедленно организовать прорыв фронта противника, пробиться к своим окружённым дивизиям и организованно вывести их. О принятых мерах донести».

Извещение на «пропавшего без вести» в районе Суровикино красноармейца Владимира Михайловича Старкова, родом со ст. Карасуль Ишимского района Омской области. Музей школы № 31, г. Ишим.

Директиву Ставки № 170569 подписал Сталин. 15 августа 1942 года. Когда перечисленные в документе дивизии уже были разбиты...

Но мы опять забежали вперёд. В нашем рассказе ещё должен быть вечер 9 августа. 229-я дивизия – то, что осталось от её пехотных полков, её артиллерии, её тылов и медицинской службы, её учебного батальона, батальона связи и роты химзащиты, – сосредоточилась в глубоких балках перед хутором Тузов. И двигалась в направлении высоты 156.0, намереваясь повернуть и выйти к Дону в районе хутора Пятиизбянский. Движение это было сразу замечено, немцы начали обстрел колонн. Заградительный огонь заставил остановиться и залечь 804-й полк, следующий СП-783 смешался с ним. По схеме, реконструированной Юрием

Власовым, 804-й и 783-й полки сумели повернуть по намеченному маршруту. 811-й полк вынужден был отойти назад, к балке Водяная-2. Сажин распорядился разьединиться. Он поручил майору Крозу вывести батальон связи, и тому это удалось. Только к вечеру 13 августа батальон связи – 160 человек – вышел из окружения. Сам Сажин с учебным батальоном стал прикрывать отход...

«...Не сумев пробиться, мы повернули на город Калач, но отойдя от Суровикино 15 км, узнали, что этот город занят немцами. Тогда мы стали выходить из окружения кто как мог. Я пошёл с группой в 120 человек. С нами были командир и комиссар дивизии. 10 августа нас заметили немцы и обстреляли из миномётов. Меня ранило в ногу, и я остался лежать в поле...»

(Из фильтрационного дела А.В. Чутина, мл. сержанта 130-го зенитно-артиллерийского дивизиона 229-й СД, Викуловский район).

«...10 августа в тридцати км от г. Калач наш учебный батальон 229-й СД в количестве 200 с лишним человек был окружён немцами и пленён. При пленении мы сдали немцам имевшиеся у нас винтовки».

(Из фильтрационного дела И.Н. Попкова, рядового 811-го СП 229-й СД, Казанский район).

«...До 10 августа наш полк держал оборону левее ст. Суровикино. Немцы из миномёта ранили меня осколками в левую ногу, а потом окружили и взяли в плен вместе с другими бойцами взвода. Тяжелораненых немцы застрелили, а меня подержали за руки мои товарищи...»

(Из фильтрационного дела П.И. Сухинина, рядового 811-го СП 229-й СД, Вагайский район).

Принято считать, что группа Сажина сдерживала немцев целые сутки и что сам полковник погиб в бою в районе хутора Пятиизбянский, километрах в двадцати восточнее Тузова.

Трофейные карточки на красноармейцев Степана Михайловича Ляпунова (уроженец с. Лариха Ишимского района) и Илью Фёдоровича Тюменцева (уроженец с. Первопесьяново Ишимского района), взятых в плен в сентябре 1941 года.

VII. Последний день

В дивизионной историографии боевой путь второго формирования 229-й СД заканчивается таким текстом:

«...Точные цифры потерь дивизии нам неизвестны. Потому что большинство вышедших из окружения в первые дни попали в другие соединения. Так, батальон связи был передан 112-й СД. Бойцы и командиры артполка переданы 62-й армии. Медсанбат, по рассказам, долгое время находился в подполье, в тылу у немцев, а потом вышел и влился в другую часть...»

По понятным причинам лейтенант Черников не писал и не намекал даже, что многие из 229-й дивизии оказались в немецком плену. В том числе начальник штаба подполковник Мелешкевич, начальник артиллерии подполковник Манько. Наивно звучит сообщение о 380-м медсанбате, который «долгое время находился в подполье, в тылу у немцев».

Если перелистаете страницы пяти томов книги «Запрещённые солдаты», найдёте рассказы бывших военнослужащих медсанбата-380, врачей, медсестёр, санинструкторов, что выносили раненых с поля боя, а потом вместе с ними оказались в плену. Многие затем попали в женский концентрационный лагерь Равенсбрюк и провели там долгих три года, испытывая голод, холод, нужду, издевательства эсэсовцев. А потом ещё несколько десятилетий, уже дома, - под бдительных оком...

Последний день 229-й дивизии второго формирования официально не зафиксирован. Первый называют точно: 12 декабря 1941 года, а о последнем умалчивают. Между тем имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют назвать этот день - 10 августа 1942 года. Этот день записан во множестве фильтрационных дел и трофейных карточек военнопленных:

«Wann und wo gefangen?» - когда и где попал в плен? Одна и та же дата: 10 августа 1942 года. Меняются только названия хуторов и станиц - Суровикино, Чир, Нижне-Чирская, Калач...

«...Утром 12 августа на восходе солнца мы услышали гул моторов и увидели идущие прямо на нас по пшенице немецкие танки. Танкисты, стоя в открытых люках, показывали своей пехоте, где прячутся русские солдаты, которых собрали в плен. У нас забрали оружие и погнали в село... Ещё ночью к нам прибежал командир 1-й роты и сказал, что надо стреляться. Но наш ротный оборвал его, чтобы не сеял панику. Здесь же была девушка-медсестра. Она заплакала и просила её застрелить. Утром я увидел, что эта девушка убита выстрелом в лоб, но кто из командиров её убил, я не знаю. Она осталась лежать в пшенице, а нас около трёх тысяч человек загнали в овраг, опутанный в один ряд колючей проволокой. Охрану несли украинцы, а немцы находились у восьми пулемётов. Четверо суток кроме как немолотым зерном нас ничем не кормили...»

(Из фильтрационного дела В.Г. Васильева, рядового 783-го СП 229-й СД, Омутинский район).

Правда, и штаб 62-й армии, практически разбитой к этому времени, и штаб Сталинградского фронта об этой трагедии имели весьма смутное представление. Исследователи этого этапа Сталинградской битвы утверждают, что именно «катастрофа, постигшая 62-ю армию, заставила советское верховное командование пересмотреть своё мнение о возможностях генерал-лейтенанта Гордова руководить фронтом на стратегически важном направлении». 9 августа 1942 года в 23.00 была подписана директива Ставки № 170562, согласно которой с шести часов утра 10 ав-

Красноармейцы
в немецком лагере
Маутхаузен.
Октябрь 1941 г.

густа Сталинградский фронт подчинялся командующему Юго-Западным фронтом генерал-полковнику Ерёмко.

Ну, а наши заботы всё там, за Доном, где в окружении остались бойцы и командиры четырёх стрелковых дивизий. И о событиях тех дней и часов мы знаем по-прежнему очень мало. Более того, вся официальная информация говорит главным образом о том, что мы этого не знаем.

«...181-я и 33-я к 8.00 10 августа вели ожесточённые бои в окружении противника в районах высоты 163.0 и высоты 134.4. Дивизии ощущают острую нужду в боеприпасах. Офицер связи штаба армии ка-

питан Панкин, высадившийся на рассвете в районе ст. Калачинская, в сев. группу не прибыл... 229-я и 147-я СД (южная группа) о себе не сообщили. Связь с дивизиями на правом берегу – радио, которое работает неустойчиво...»

(Из Боевого приказа N 057, ШТАРМ 62).

«...Армия в течение дня (10 августа. – Р.Г.) продолжала оборонять вост. берег р. Дон, одновременно силами 33-й гв., 181-й, 229-й и 147-й СД вела бои на зап. берегу р. Дон по уничтожению противника, ставшего на пути отхода на вост. берег р. Дон...»

(Из оперативной сводки N 81).

В течение этого рокового для окружённых дивизий дня в сводках несколько раз находим их номера: «...Сведений от 33-й гв., 181-й, 147-й, 229-й СД не поступало, на позывные не отвечали, на приём не появлялись...»

И чуть позже, в тот же день: «...33-й гв., 181-й, 147-й, 229-й – новых сведений не поступало, в радиосвязь войти не удалось...»

(Из оперативных сводок N 85 и N 86).

Тем не менее, из сводки в сводку, из одного боевого приказа в другой переносится одна и та же формулировка, видимо, за отсутствием иной информации:

«...дивизии ведут бои в окружении, уничтожая противника на путях отхода». 12 августа... 13 августа: «... на восточный берег переправилась разведка 147-й СД во главе с лейтенантом Левашевым»... «точное положение 229-й дивизии не установлено»... 14 августа: «бои в окружении с численно превосходящим противником»... «выход отдельных бойцов и мелких групп из состава дивизий, связь установить не удалось»... 15 августа: «...новых данных о положении окружённых дивизий не поступало»... 16 августа из окружения вышел командир 33-й гв. СД полковник Утвенко с группой в 120 чел.

(Из оперативной сводки N 97).

VIII. Полковники и генералы

Сведений о судьбе командира 229-й дивизии полковника Фёдора Сажина нет. В ряде материалов утверждается, что «командир 229-й стрелковой дивизии полковник Ф.Ф. Сажин погиб 10 августа у хутора Пятиизбянский». Но свидетелей его гибели не называют, место захоронения неизвестно. Даже нет никого, кто был рядом с ним, когда дивизия разделилась на мелкие группы.

Свет мог бы пролить бывший начальник особого отдела дивизии, старший лейтенант госбезопасности И.С. Лукельев. Он, как сообщается в официальном ответе Омского управления ФСБ от 28 мая 2009 года Юрию Власову, вышел из окружения с группой бойцов и продолжил службу в органах военной контрразведки. Вероятно, его сообщение и легло в основу этого ответа.

«...Получив приказ командующего 62-й армией о выходе к реке Дон в районе переправ, «подразделения 229-й дивизии следовали на грузовых машинах (так в тек-

Капитан Томилин, заместитель начальника особого отдела 229-й стрелковой дивизии, пропавший без вести в большой излучине Дона. Фотография из архива историка Юрия Власова.

сте. – Р.Г.) по маршруту: поселок Зрянинский – совхоз N 5 – Самодуровка... В пяти километрах от пос. Зрянинский завязался бой. Сотрудники отдела заняли оборону в балке, что в двух км восточнее балки Водяная-2»... Около часа дня 10 августа, сообщает Лукельев, чтобы избежать окружения, занимавшие оборону в балке по приказу командира дивизии разбились на две группы. Первая группа вышла из балки на возвышенность. В группе находились командир дивизии и начальник особого отдела... В результате боёв часть группы вышла из окружения, в том числе начальник особого отдела дивизии Лукельев И.С».

На полевой карте 76-й немецкой пехотной дивизии обведён жирный ровный кружок как раз у поселка Зрянинский. Может быть, здесь группа Сажина наткнулась на заслон немецких частей, была остановлена и окружена? А в результате боя – рассеяна?

Весьма вероятно и другое: вынужденно отступив от высоты 156.0 на юго-запад, полковник направился в сторону громадной разветвлённой на многочисленные рукава балки Водяная-2. И погиб. Во всяком случае, никаких точных данных о судьбе командира дивизии нет.

Вторая группа, в которой находился зам. начальника особого отдела Томилин, дед Юрия Власова, погибла.

Судьба других старших командиров 229-й известна более подробно. Они, по словам начарта 229-й дивизии подполковника Манько, были все вместе ещё перед Зрянинским. При отходе дивизия попала под огонь 524-го истребительного полка немцев, а у высоты 156.0 – под огонь артиллерии 297-й пехотной дивизии. Два полка, 783-й и 804-й, смогли частично пробиться через немецкие позиции у Зрянинского. А 811-й полк, в котором находился подполковник Манько, был вынужден отойти назад. В глубокой балке севернее высоты 96.0 полк подвергся внезапной атаке того же 524-го истребительного полка. Вместе с бойцами попал в плен подполковник Манько. Попал в плен и начальник штаба подполковник Мелешкевич.

Памятник 229-й стрелковой дивизии на месте боёв в Волгоградской области. Фотография из фондов музея школы № 31, г. Ишим.

Четыре стрелковые дивизии оказались в окружении на правом, западном берегу Дона. Четыре командира.

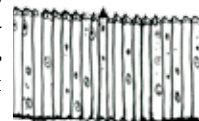
Полковник Утвенко вывел часть своих бойцов и, приняв под команду отбившихся от частей красноармейцев, получил приказ 19 августа занять оборону на новом рубеже. Командир 181-й дивизии генерал-майор Новиков взят в плен 15 августа. Он погиб в плену в декабре 1944 года. Полковник Сажин, комдив-229, как принято считать, погиб 10 августа. Трагичной оказалась судьба командира 147-й дивизии

генерал-майора Александра Вольхина.

Как известно, он вышел на левый берег Дона с небольшой группой солдат – 27 человек. Сохранился доклад генерала военному совету 62-й армии.

Из него следует, что обе дивизии, 229-я и 147-я, согласно приказу штаба армии, должны были пробиваться на восток вместе. По словам комдива-147, не сумев пробиться в ночном бою к высоте 102.3, войска обоих соединений смешались. Поскольку за 229-ю заступиться некому, командир 147-й то и дело в своем докладе подчёркивает, что соседи действовали... небезопасно. Так, «811-й полк, видимо, снова свой участок оставил без боя...», «тяжёлое и паническое состояние тылов 229-й, которые мчались с востока по большаку...» и тому подобное.

«Я решил днём никаких перегруппировок не делать, дожидаться ночи, соединить все части этой группировки и лично выводить в следующую ночь», – пишет в своём докладе Вольхин. Не получилось: утром немцы окружили всех, кто находился в балке Грачевой. Несколько часов шёл бой. Надеюсь всё-таки перейти в соседнюю, более приспособленную к обороне балку 2-я Водяная, генерал подробно перечисляет свои силы: «...15-й полк – связь с ними установить не смог... 600-й полк – связь установить не смог... 645-й танковый батальон – куда ушёл, не знаю, связь с ним установить не смог. В таком положении я сам потерял связь с дивизией...»

Обелиск на месте формирования 229-й и 384-й стрелковых дивизий в Синицынском бору под Ишимом. Июль 2012 г. Фотография Г.А. Краморы.

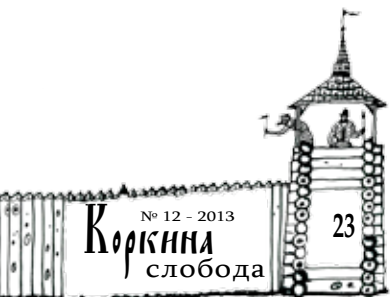
ве не то же ждало Фёдора Фёдоровича Сажина, если бы он чудом остался жив в мясорубке в районе высоты 156.0?

И последнее. Медаль «За оборону Сталинграда» считается очень высокой наградой. Уцелевшим в окружении, прошедшим плен бойцам 229-й стрелковой дивизии эта медаль, оказывается, не полагалась.

Тобояк Сергей Поскокин, 1923 года рождения, в 50-е годы – помощник капитана теплохода «Жданов» в г. Павлодар, вместо медали получил справку. О том, что «в составе 811 стрелкового полка 229 дивизии участвовал на Сталинградском фронте с 25 июля по 11 августа 1942 года. С 11 августа 1942 по 26 апреля 1945 находился в плену. Справка дана для проверки и вручения медали «За оборону Сталинграда». Указанной медали не получил ввиду того, что находился в плену. Павлодарский горвоенком подполковник Новичков».

На обороте справки приписка: «Военнослужащие, находившиеся в тылу врага, но не прошедшие спецпроверки, медали не получают. Основание: положение о медали, ст. 1, п. «е». (Подпись)».

P.S. То, что случилось в большой излучине Дона, всё-таки сыграло свою роль в исходе главной битвы Отечественной войны. Может быть, усилий, потраченных на преодоление сопротивления наших необстрелянных дивизий, стоявших в обороне между Чиром и Доном, и не хватило армии Паулюса, чтобы с марша дойти до Волги и ворваться в Сталинград?

Почитаемый ключ в деревне Большие Чирки

В этой статье речь пойдёт об одном из «забытых» почитаемых водных источников на территории Тюменской области – колодце в деревне Большие Чирки Голышмановского района.

¹ Написание населённых пунктов – по цитируемому источнику. В настоящее время название реки – Чирок (ед.ч.).

² Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII–XX вв.), 2003. С. 43, 79.

³ Написание населённых пунктов – по цитируемому источнику.

⁴ Эта дата является предположительной.

⁵ В другом источнике – «Описание церквей и монастырей Тобольской епархии» (Тобольская епархия. Ч. 2. Отд. 2) – значит, что «в селе Средне-Чирковском церковь деревянная на каменном фундаменте выстроена в 1861 году; престол в ней один – во имя Вознесения Господня» (Омск, 1892. С. 31).

⁶ Справочная книга Тобольской Епархии..., 1913. С. 64–65.

⁷ Там же. С. 65.

⁸ Характерная для Тюменской области форма заграживания колодца.

⁹ Орфография, пунктуация и графика документа сохранены.

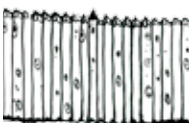

Представим административные границы территории, т.е. те населенные пункты, жители которых могли входить в круг почитающих источник (хотя, как водится, он мог быть гораздо шире). В 1893 г. среди волостей Тобольской губернии значилась Ражевская волость, куда входили села Больше-Горбуновское, Больше-Чирковское, Земляновское, Козловское, Лапушинское, Малоемецкое, Мелкозерское, Ражевское. Среднечирковское, Турлаковское. Усольцевское, Усть-Мало-Чирковское. В 1912 г. состав волости был уже иным: к нему относились сёла Земляновское, Ражевское, Средне-Чирковское, деревни Козловка, Куликовка, Лапушная, Маалая Горбунова, Мало-Емецкая, Мелкозерова, Турлакова, Усольцева (Багорова), Усть-Мало-Чиркова (Казакова), выселки Одина, Одина (при р. Чирках)¹. Сейчас д. Большие Чирки входит в состав Среднечирковского сельского поселения, куда также относятся деревни Лапушина, Мелкозёрова, Тёмная, Турлаки, Усть-Малые Чирки².

Согласно данным «Справочной книги Тобольской епархии», в Ражевской волости было две церкви – в самом с. Ражевском и в другом крупном населённом пункте – с. Средние-Чирковском³. Оба храма возведены одновременно в 1854 г., в год основания прихода. Через некоторое время после возведения и та, и другая церкви сгорели (в 1881 и 1886⁴ гг. соответственно), а затем на их месте построены новые здания (в 1882 и 1887 гг.)⁵. Оба здания были деревянными, одноэтажными, с одним престолом. Церковь в с. Ражевском была освящена во имя Рождества Христова, в с. Средние-Чирковском – во имя Вознесения Господня. В ражевский приход входили деревни Горбунова и Песьяна, в среднечирковский – Турлакова, Большие Чирки, Усть Малые Чирки, Мелкозерова, Лапушная и Малоемецкая⁶. Данные о приходе в с. Средне-Чирковском – также довольно обычные: «Всего в приходе 446 дворов, прихожан муж. пола 1848, жен. пола 1944. Земли церковной имеется: усадебной 3 дес., земля находится в расстоянии 4–6 вёрст от церкви. Церковный капитал 1193 руб. Причт состоит из священника, дьякона и псаломщика. Священник получает жалованья 120 руб., псаломщик 40 руб. в год. Кружечных доходов получается причтом до 600 руб. в год. Дома для причта деревянные, построены прихожанами, составляют собственность церкви. В приходе имеются две церковно-приходские школы: одна в Средне Чирковском, другая в Усть Малых Чирках. Ближайшая церковь в с. Ражевском (8 вер.). Расстояние от Консистории 320 вер., от благочинного 95 вер., от уездного города Ишима 75 вер.»⁷.

В этой краткой заметке нет ни слова о колодце в Больших Чирках. Вообще в «Справочной книге...» колодец упоминается лишь однажды, когда речь идет обобретении иконы в с. Черемшанском Ишимского р-на. Видимо, для церкви в те времена в почитании водных источников было больше языческого, чем христианского.

Как и положено, в церковь в с. Средние Чирки из окрестных деревень ходили «Богу молиться» (П.Ф. Филимонова). В 1930 г. храм постигла незавидная участь – его «разломали». Говорят, что некоторые храмовые иконы были спасены, – как часто бывало, богомольные женщины разобрали их по домам (Федора Васильевна). Сейчас построили новую, кирпичную церковь, также во имя Вознесения Господня. Правда, стоит она не на старом месте (за мостом), а ближе к выезду из села, на перекрёстке улиц Советская и Первомайская. В церкви ведёт службу настоятель голышмановского прихода иерей Анатолий Татаренко. По рассказам местных жителей, он приезжает на церковные праздники или для исполнения треб. Всё остальное время прихожане молятся сами.

**Завалившийся
Ивановский колодец.**

Вид на дер. Большие Чирки со стороны Ивановского ключа.

¹⁰ Т.е. рождённые в 1920-е гг. уже не знают молитв, не соблюдают религиозных обрядов.

¹¹ Об этом факте – скутке икон у населения юга Тюменской области (в деревнях, сёлах) – информаторы рассказывали не раз, причём в разных районах.

Ещё до сноса Вознесенского храма одна из дорог к нему вела от колодца, что в соседней деревне Большие Чирки (второе, до сих пор бытующее название – Кишкина). Колодец находился на достаточно крутом берегу речки Чирок, что протекает в деревне. Раньше речка была полноводной, в ней купались, ловили рыбу (встречались даже щуки, о которых сейчас и помыслить невозможно). Были очень глубокие омуты. Во время половодья река разливалась, и ключи возле колодца были видны на поверхности вешней воды. На месте выхода одного из них и решили выкопать колодец. Его огородили срубом, над которым стоял «домик» из досок, закрывающий сруб от осадков⁸. Для поднятия воды сделали барабан. Это был единственный в Больших Чирках колодец с чистой, прозрачной и холодной водой. Её ходили набирать всей деревней (сейчас пробурены скважины, стоят колонки). Информатор С.Н. Пономарёва вспоминает, как ей говорили родители: «Сходи в ключ». А.Н. Теричева рассказала: «Вся деревня ходила в одно и то же место: “иди в ключ, на ключ”. Только в одном месте была питьевая вода. Очень вкусная, светлая, свежая».

Скорее всего, колодец был связан с религиозной обрядностью. Информаторы отмечают, что «на ключ» массово ходили на престольный праздник деревни – Рождество Иоанна Предтечи (Крестителя; иначе – Иванов день), а также на другие религиозные праздники (в частности, на Троицу). Как отметила П.Ф. Филимонова, «когда ранешние праздники – тогда ходили». Кроме того, в студенческих дневниках, хранящихся в Архиве МАиЭ ТюмГУ (экспедиция 1987 г.), мною найдена ценная запись, сделанная от информатора Е.И. Бердоносовой:

«В Б. Чирках есть колодец. В Иванов день туда ходили с иконами служить и брали воду. Молились»⁹.

Опрошенные мной информаторы рассказали о некоторых, к сожалению, немногочисленных подробностях посещения этого места. П.Ф. Филимонова знает, что на колодце «Богу молились старухи. (...) Приходили – помолятся тама когда, попоют». Парасковье Фёдоровне было 6 или 7 лет, когда она была свидетелем всего этого. По сообщению А.Н. Теричевой, «из Чирков (Средних. – Е.Е.) ходили сюда в Иванов день, на наш колодец». Для паломников рядом с колодцем были поставлены, по воспоминаниям П.Ф. Филимоновой, «лавочки». А.Н. Теричева предполагает, что рядом с колодцем стояла «маленькая» часовня. Также информаторы помнят, что на колодец ходили в случае засухи просить дождя. П.Ф. Филимонова рассказала: «Когда дождя не было, до малоемецкой грани ходили (граница с д. Малоемек. – Е.Е.). От колодца. Помолются – и пошли». Воду не только употребляли для бытовых нужд, но использовали и в целях лечения от различных болезней, т.к. её считали «святой», «лекарственной». Деталей использования воды для этой цели информаторы не помнят, а между тем такая вода в жизни крестьянина очень важна, например, в магико-медицинской практике. Так, П.Ф. Филимонова воду для лечения скотины готовила следующим образом: обмывала в воде распятие, доставшееся ей от мамы, и спрыскивала этим корову, чтобы та быстро и легко отелилась. Капельки воды попадали и на новорождённого теленка.

Что представляет собой это место сейчас, в наши дни? Сохранился старый сруб, конечно, изрядно подгнивший под воздействием влаги. Не сохранилось навершие, когда-то оберегавшее его. Видно, что вода находится достаточно близко от земли, однако подойти ближе опасно. От лавочек, когда-то ждавших верующих, нет и следа. По сообщению С.Н. Пономарёвой и А.Н. Теричевой, рядом со старым (в метрах трёх выше его) пытались обосновать новый колодец, однако обнаружили, что «там чёрная вода, нехорошая», и место забросили.

¹² Е.Ф. Фурсова пишет о белорусских переселенцах, проживавших в Новосибирской обл., охваченных теми же «новшествами», что и тюменский крестьянин: «Предложенные в качестве альтернативы прежней идеи “за веру, царя и отечество” ценности коммунистического “безбожного” будущего в крестьянской среде того времени вызвали непонимание и сопротивление. Как показывают воспоминания переживших то лихолетье людей, основное неприятие вызвало отрицание традиционных ценностных ориентиров – полное игнорирование и уничтожение религиозного (православного) мировосприятия, культа семьи и пр. “Как в колхоз зашли – не до песен было”. “Стали уже всё это запрещать, говорить, что Бога нету... Я в школу заходила – тут, Боже спاسи! У дяди Евангелие был, когда крадучи прочитает... Он прятал его. Тогда за это судили, расстреливали... Куды он его закопал, не знаю. Он говорил: “Опутается весь белый свет паутиной, будут летать железные птицы”» (Фурсова, URL).

Точно времени, когда на колодец перестали ходить в связи с религиозными праздниками, никто не помнит. Насильственного запрещения почитания Ивановского ключа не было. Скорее всего, процесс этот происходил постепенно, и причины «забывания» – общие для всех описанных нами почитаемых источников. Остановимся на некоторых из них.

Уходили из жизни верующие бабушки. Проводилась атеистическая пропаганда. Как отметила С.Н. Пономарёва, «мы раньше не интересовались этим» (неверие было характерно для второго поколения, т.е. матери информатора, в то время как бабушка «знала молитвы»; у многих в семьях имелась церковная литература). Даже информатор 1928 года рождения П.Ф. Филимонова отметила, что «прошлый год не было дождя – хоть молись да молись. Если есть – дак есть, нет – дак нет»¹⁰. Секуляризации общества способствовало и отсутствие церковных зданий в районе как символов веры и своего рода напоминания о корнях, о прошлом. Мало осталось и религиозных атрибутов, которые раньше бережно передавали из поколения в поколение – нет церковных книг, мало икон. П.Ф. Филимонова рассказала, что, «когда сестра умерла, вытаскали все (иконы. – Е.Е.). Были хорошие, красивые, под стеклом. Какой-то ходил мужик, спрашивал иконы»¹¹. Думается, на духовное состояние повлияла и демографическая ситуация: если раньше Большие Чирки оправдывали своё название: «хороша деревня была» (П.Ф. Филимонова), то сейчас в ней осталось всего несколько домов, а основную массу населения составляют приезжие из других мест: «Нету законных-то, родчих-то нету» (П.Ф. Филимонова). Изменились и отношения в самом обществе: раньше «были дружные», «дома раньше не закрывали» (С.Н. Пономарева); «даже мы знаем, что мы кишкинские – мы знаем, что мы свои все люди» (А.Н. Теричева). В деревне не сохранилась ферма, у каждого – своё, частное хозяйство. Кроме того, коллективизация, довоенные и военные годы – и вместе с ними тяжелейшая каждодневная работа крестьянина – отвлекали от религиозной обрядности, не способствовали передаче и сохранению традиционных, в том числе православных, ценностей. Как афористично отметила П.Ф. Филимонова, «в 12 лет я ходила, робыла, некогда было попов собирать». К.М. Титлянова рассказала: «Те года, можно сказать, не ходили, некогда было. У меня шестеро их было (детей. – Е.Е.), и на работе каждый день»¹².

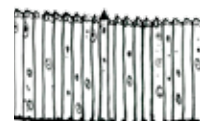
Фотографии автора.

Библиография

1. Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII–XX вв.) / Под ред. В.П. Петровой. Тюмень: ООО ТНЦ «ТюменНИИГипрогаз»; ФГУ ИПП «Тюмень», 2003. 304 с.
2. Голышмановский район. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%ED%E2%F1%EA%E8%E9_%F0%E0%E9%EE%ED
3. Описание церквей и монастырей Тобольской епархии (Тобольская епархия. Ч. 2. Отд. 2). Омск, 1892. 170 с.
4. Справочная книга Тобольской Епархии к 1 сентября 1913 года. Тобольск: Типография Епархиального братства, 1913. Ч. 1. 64 с.; Ч. 2. 227 с. Ч. 3. 89 с. Ч. 4. 66 с.
5. Фурсова Е.Ф. Ценностные ориентации и ментальность белорусских переселенцев Сибири в рассказах очевидцев. URL: <http://library.ikz.ru/puti-v-sibir-raznyh-narodov/beloruskii-put-v-sibir/fursova-e.f.-cenmostnye-orientacii-i-mentalnost>.

Информаторы

- 1987 г. (архив музея археологии и этнографии Тюменского гос. университета): Федора Васильевна, 1908 г.р., м.ж. – с. Средние Чирки Голышмановского р-на. П. 2. Бердоносова Елена Ивановна, 1913 г.р., м.р. – с. Голышманово Голышмановского р-на, место жительства – с. Средние Чирки Голышмановского р-на. П. 2.
- 2011 г. (личный архив): Пономарёва Светлана Николаевна, 1961 г.р., м.р. – д. Большие Чирки Голышмановского р-на, м.ж. – с. Средние Чирки Голышмановского р-на. Теричева Альбина Николаевна, 1963 г.р., м.р. – д. Большие Чирки Голышмановского р-на, м.ж. – с. Средние Чирки Голышмановского р-на. Титлянова Клавдия Мироновна, 1924 г.р., м.р. – д. Усольцева Голышмановского р-на, м.ж. – с. Средние Чирки Голышмановского р-на. Филимонова Парасковья Федоровна, 1928 г.р., м.р. и м.ж. – д. Большие Чирки Голышмановского р-на.

Крик кукабарры

Кукабарра – утренняя птица, будит австралийцев своим криком.

*«И за то, что нас Россия выгнала,
мы её по свету разнесли...»
Алексей Ачаир, харбинский поэт.*

Часть I. Белые сны

Прасковье Фёдоровне Ефремовой девяносто семь. Очертания окружающего её мира уже нечётки, расплывчаты, туманны. Звонкая разноголосица дня не берedit душу, не будоражит кровь, как в молодые годы. Её старость тиха и покойна. И лишь в рассветные часы всё чаще в последнее время приходит, тревожа, один и тот же сон: бесконечно-белое заснеженное поле и золотые купола, увенчанные крестами, на фоне ослепительно синего неба. В жаркие австралийские ночи снятся русской женщине Прасковье белые снега потерянной Родины.

Путешествие за два океана

Всё началось в октябре 2002 года с тридцатисекундного телесюжета о приезде в Тюмень австралийской съёмочной группы. Я вообще редко смотрю тюменское телевидение, но тут словно подтолкнуло что-то переключить канал. И ручка оказалась под рукой, и я успела наскоро черкнуть на листе бумаги несколько слов, ставших ключевыми в этой истории: Шабалино, Ефремовы, Ишим.

Хотя, нет, конечно, всё началось ещё раньше. В 1912 году сибирский крестьянин Фёдор Ефремов из села Шабалино (нынешнего Армизонского района) погрузил в деревню нехитрый скарб, детей – Прасковью и Константина, жену Матрёну и выехал за околицу. Путь держал неблизкий – к Тихому океану. Что стало причиной этого отъезда, – для его потомков сегодня уже загадка. Предполагалось, что он отправился осваивать плодородные дальневосточные земли. Но на краю русской земли заболел пятилетний Константин, и врачи якобы рекомендовали увезти его в тёплые края. Тогда семья Ефремовых и отправилась в жаркую Австралию через два океана, через Китай и Японию.

Русская Австралия

Однако русское пришествие на Австралийскую землю началось гораздо раньше – в эпоху великих географических открытий. Ещё в восемнадцатом веке океанские парусники, направленные Пётром I, впервые достигли берегов южного континента. Первым российским подданным, постоянно живущим в Австралии, судя по всему, стал Джон Потаскин (Иван Потоцкий?), который прибыл в Хобарт (Тасмания) 18 февраля 1804 года. Бывший офицер русской армии эпохи Екатерины II волею судьбы оказался среди каторжников, прибывших из Англии. Что его привело в их ряды, неизвестно, но история сохранила некоторые факты уже австралийской жизни Потаскина: освободившись, он женился и начал было заниматься сельским хозяйством, но украл овец и снова угодил в тюрьму. Так что и русская часть населения Австралии поначалу пополнилась за счёт «джентльменов удачи». Уроженцев Российской империи среди них до середины XIX века было не более полутора десятков: семь-восемь русских, один украинец, один финн и несколько выходцев из Прибалтики.

Настоящая русско-австралийская эпопея началась в середине XIX века, когда наши соотечественники поодиночке и малыми группами стали прибывать к северному берегу южного континента и селиться там. Так, город Брисбен в австралийской провинции Квинсленд приобрёл репутацию «русского». Здесь появились первые клубы, вышла первая русская газета, вырос первый православный храм.

Троицкая церковь – всё, что осталось от большого сибирского села Шабалино. Снимок сделан в день приезда телевизионной съёмочной группы из Австралии. 16 октября 2002 г. Фотография Г.А.Крамора.

С 1880-х годов количество выходцев из России в Австралии постепенно возрастало, хотя на фоне общей миграции в 250 тысяч человек ежегодно эмиграция в Австралию выглядела незначительной. В 1890 году на южный континент выехало лишь триста человек.

Тем не менее, по переписи 1891 года число русских составило 2 881 человек (2350 мужчин и 531 женщина). Ко времени образования Австралийского Союза в 1901 году на пятом континенте проживало уже 3358 выходцев из России (2648 мужчин и 710 женщин). Большая часть российских иммигрантов была сосредоточена в юго-восточных штатах Австралии. Первые российские переселенцы добирались сюда через Англию, откуда шли пароходы в Сидней, Мельбурн и другие австралийские порты.

Строительство Транссибирской магистрали и Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) позволило русским использовать дальневосточные порты, откуда шли пароходы в Австралию, – это было ближе и дешевле. Поражение России в войне с Японией послужило новым толчком: недовольные новой экономической и политической ситуацией стали уезжать в Австралию через Шанхай и Дальний.

Сыграли свою роль революция 1905-1907 годов и столыпинская реформа. В конце XIX – начале XX веков эмиграцию русских крестьян сдерживала сельская община. Революция подорвала принудительное прикрепление крестьян к наделам, а аграрная реформа со-

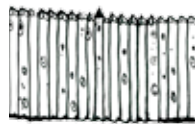
действовала продаже земель и окончательному уходу крестьян из родных деревень.

А в 1910-1912 годах началось массовое переселение на далёкий континент. Австралия была заинтересована в белой рабочей силе, и в России, главным образом в Сибири, развернули свою деятельность многочисленные эмиграционные конторы. По данным статистического отдела Бюро Южно-Русской областной переселенческой организации, со второй половины 1912 года не было, кажется, ни одного органа русской периодической печати, в котором бы не сообщалось об эмиграции русского сельского населения в Америку или Австралию. Пресса расписывала «австралийский рай для рабочих» и публиковала информацию об условиях переезда и о правительственных льготах.

По переписи 1911 года число уроженцев Российской империи в Австралии достигло 4 456 человек, и, начиная со второго десятилетия XX века, количество приезжавших из России постоянно увеличивалось. По донесению генконсула Российской империи в Австралийской Федерации и Новой Зеландии из Мельбурна князя А.Абазы, в 1911-1917 годах в Австралию ежемесячно приезжали от 90 до 150 человек из Сибири и Дальнего Востока, 20-30 человек из европейской части России и примерно столько же из Канады и США. По разным данным накануне Первой мировой войны в Австралии насчитывалось от девяти с половиной – до одиннадцати тысяч выходцев из России. А по данным того же А.Абазы, в мае 1914 года во вверенном ему округе насчитывалось 12 тысяч выходцев из Российской империи.

Большинство из вновь прибывших были коренные русские, преимущественно сибиряки. Среди них – Ефремовы из села Шабалино.

Что заставило их оставить отчие края, родные могилы? Надежда на лучшую долю? Но русские эмигранты в Австралии занимались, как правило, малоквалифицированным тяжёлым трудом, их использовали как дешёвую рабочую силу на строительстве дорог и рубке леса, на медных рудниках и золотых приисках. Некоторые становились грузчиками в порту или шахтёрами, сельскохозяйственными рабочими на фермах и сахарных плантациях. Были и такие, кто с помощью ссуды пытался купить землю и обзавестись собственным хозяйством. И это была главная ошибка: незнание особенностей аграрного производства в условиях жаркого климата приводило к разорению крестьян. Больше повезло тем, кто сначала проработал два-три года в чужих хозяйствах, а затем, приобретя опыт, начинал своё дело. Так что многие русские, прожив несколько лет в Австралии, мечтали вернуться об-

ратно на Родину. И возвращались. С 1914 по 1917 год около тысячи человек покинули Австралию. Ефремовых среди них не было.

Дома, в России, в соседней с Шабалиным деревне их ждали бабушка Ирина и самый младший сын – Василий. Наверное, Фёдор Данилович надеялся, обосновавшись на новом месте, забрать мать и сына, но вмешалась госпожа История: две войны, революция и советская власть.

Прасковья – единственная из Ефремовых, кто помнит Россию. Константин умер уже в Австралии, так и не оправившись от болезни. Пятеро детей Фёдора и его жены Матрёны, родившиеся на чужой для родителей земле, считают её своей родиной. Даже исконно русская фамилия пишется не по-нашему: Effremoff – с ударением на последний слог. Но русских корней клан Ефремовых не забыл. Все эти

Австралийская съёмочная группа у стен шабалинского храма.
16 октября 2002 г.
Фотография Г.А.Крамора.

долгие и тяжёлые для России годы они поддерживали связь с оставшимся в Шабалино Василием. Его письма, как величайшая ценность, хранятся у Прасковьи в шкатулке под замком.

Василий Фёдорович умер в 1996-м. Связь прервалась. И тогда австралийские Ефремовы решили разыскать свою сибирскую родню. Так родилась идея приехать в Россию, встретиться с родственниками и снять фильм о неведомой загадочной Сибири, где нет ничего, кроме снега. Кстати, грант на поездку выделило федеральное правительство Австралии.

Крестьянская трагедия

История сибирского рода Ефремовых – это история России. Нет, не так. Трагедия крестьянской России. Сказать, что потомки зажиточного сибирского крестьянина живут бедно, – не сказать ничего. Маленький домик в три окна в Тюмени, на улочке, разбитой в жидкую грязь. Сюда перебрался из деревни Василий Ефремов. Пара комнатушек на четверых; повалившийся забор, заброшенный огород, неухоженный двор. На всём – печать бесхозности и запустения.

Австралийские Ефремовы – дочь Прасковьи Эвелин и её сын Стивен Эббот ещё успели застать сына покойного Василия – семидесятидвухлетнего Николая, «сердечника», прикованного к постели. Ровесник своей кухни Эвелин, он умер спустя два месяца после встречи. Его дети – Валерий и Лариса не имеют ни постоянной работы, ни своих семей... Можно представить, как бедствует эта семья.

Как хотелось бы написать о другом настоящем русских Ефремовых, чтобы не чувствовали они себя униженными рядом с благополучными, излучающими жизнерадостность иностранцами. Кто виноват, что так случилось? Кто? Не нахожу ответа. Австралийский клан Ефремовых наивно полагает, что виноват дедушка Фёдор Данилович, побоявшийся взять в дальнюю дорогу маленького Василия. Девять десятков лет они испытывали чувство вины перед оставшимся в России братом!

Я познакомилась с Эвелин и Стивом уже в Ишиме, – сопровождала их в поездке в Шабалино, в «родовое гнездо» Ефремовых.

Впрочем, от села, где когда-то насчитывалось сто шестьдесят восемь дворов, сейчас осталось только название на дорожном указателе да четыре дома. Да ещё уникальный храм: от него когда-то начинались две улицы – «Сибирь» и «Россия». Поклониться деревне и храму приехали Стив и Эвелин Эбботы.

Эвелин совсем не походила на иностранку, жену профессора Сиднейского университета. Скорее на интеллигентную русскую старушку из семьи среднего достатка: жёлто-зелёный пуховичок, круглая красная вязаная шапочка, чёрные брюки, заправленные в сапоги. Странный головной убор, в котором щеголял её сын Стивен, вряд ли прельстил бы кого-нибудь из нашего телевизионного бомонда, а между тем он – популярный телеведущий. Да и вся съёмочная группа, выйдя вечером на тюменские улицы, не осталась бы без внимания милиции. Та ещё компания.

Им, впрочем, было всё равно. На поездку в далёкую Россию Эвелин благословила её мать – Прасковья Ефремова.

Импровизированное интервью состоялось прямо в машине. Перемешивая русские и английские слова, я спрашивала у австралийцев их впечатления о России.

– Холодно! – смеялся Стив в ответ на мои вопросы, – мы не видели ничего, кроме снега.

Для Австралии, где, кстати, очень большая русская диаспора, где выходят русские газеты, а новости о нашей сегодняшней жизни они узнают из «Правды» («Да, мы понимаем, что это пропаганда, – соглашается с моим недоумением Стив, – но других источников просто нет!») – Сибирь до сих пор остаётся белым пятном, неизведанной планетой.

«Наши знакомые приходили в ужас, – смеётся Стивен, – «Как, вы едете в Сибирь?! Вас там убьют, вас будут грабить через каждые пятнадцать минут!» Советовали взять с собой оружие. А получилось совсем наоборот: люди очень дружелюбные и всё время пытаются нас угостить».

Вид на озеро и бывшее село с колокольни шабалинского храма. 16 октября 2002 г. Фотография Г.А.Крамора.

Дорога к храму

Шабалинский храм виден издали. На фоне облетевших октябрьских лесов и убранных полей, чуть присыпанных первым снегом, – это единственное яркое пятно.

Церковь уникальна, и её история заслуживает отдельного рассказа. (Желающие могут обратиться к очерку «Я жил на улице Россия» в книге: Ожигбесова О.А. «В поисках родины», Тюмень, 2010; см. также: Крамор Г.А. Паломничество в «озёрный край» // Коркина слобода. Вып. 4. Ишим, 2002. С. 129-141. – Прим. ред.)

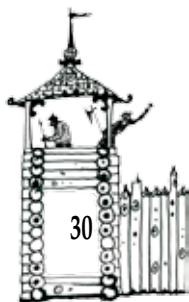
По словам ишимского краеведа Геннадия Крамора, который, кстати, сопровождал нас в поездке, церкви, подобной этой, на юге Тюменской области больше нет. Архитектурно она воспроизводит формы московского и ярославского краснокирпичного зодчества. Недаром шабалинцы называли её «наш Кремль».

У неё драматическая, но, увы, чисто русская судьба. Строили всем миром незадолго до революции; в тридцатые, когда в Шабалино было решено открыть МТС, председатель на сходе предложил «разобрать церковь на кирпич». Кто-то из селян ушёл его с трибуны со словами: «Ты не строишь, ты и не предлагай ломать». Мир построил, мир и спас. Да ненадолго. Службы в церкви продолжались до войны. Потом церковь закрыли, а священников – кого посадили, а кого и расстреляли. В «народном» храме были склады. Потом долгое время он стоял сиротой посреди поля, открытый всем ветрам, глядя на окружающий его мир разбитыми глазницами окон, устремив в небо чудом сохранившиеся кресты. Церковь была разорена.

Её начали восстанавливать уже в девяностые так же, как строили, – всем миром. Первый среди энтузиастов – уроженец Шабалино Валерий Сергеевич Степанов. (Уже после отъезда гостей мы сделали маленькое открытие: по матери он – тоже Ефремов. А если учесть, что Ефремовых в деревне было только две семьи, то ясно, что они – родственники.) Прежде всего создали религиозное общество и добились передачи ему храма. Потом открыли счёт для поступления денег. В архиве Степанова – записные книжки с ровными столбцами названий организаций, перечисливших деньги, фамилий тех, кто помог стройматериалами, рабочей силой.

Валерий Сергеевич писал письма землякам по всей России. Из Иркутска, Старой Руссы, Екатеринбурга, Кемерово шли денежные переводы.

Сделали ремонт, отопление, тюменскому живописцу Анатолию Кваснецкому заказали новый иконостас: тридцать миллионов неденоминированных рублей выделил бывший губернатор области Л.Ю.Рокецкий, ещё восемьдесят – глава Армиозонского района. Провели дорогу к храму – маленький асфальтовый аппендикс. Первую службу в июне 1993 года, на Троицу, служили во здравие восьмидесяти трёх человек, – тех, кто помогал восстанавливать храм, на следующий год – во здравие ещё сорока помощников. Несколько лет раз в месяц сюда приезжал батюшка

Валерий Сергеевич Степанов. Начало 2000-х гг. Фотография из архива автора.

из Тобольска, проводил службу. Тогда собирался народ, церковь наполнялась звуками, согревалась людским дыханием и верой в возрождение.

Десять лет восстанавливал храм Валерий Сергеевич Степанов, томенский пенсионер. Владыка Димитрий, архиепископ Тюменский и Тобольский, освятивший храм, спросил: в Бога-то Степанов не верит, а тогда – почему?

- Я взялся за храм, - честно отвечает Валерий Сергеевич, - чтобы проложить дорогу к деревне, а дальше храм жизнь Шабалино продолжит. Может быть, если церковь оживёт, вместе с ней возродится и село.

Остановиться на этой светлой ноте было бы заманчиво, но не совсем честно. Селу лишь дали шанс на вторую жизнь, но он оказался призрачным. Фермеры, для которых построили новые дома, не прижились здесь. Вокруг храма нет людей, а значит – нет и прихода. Постоянно возить сюда на службу людей из райцентра, где в конце первого десятилетия нового века наконец появился священник, – накладно и неудобно. А между тем ржавчина уже основательно погрызла крышу; нет средств, чтобы платить за газ, за свет. Внутреннее убранство оставляет желать лучшего. Рукой малолетних вандалов на кирпичные стены нанесены похабные надписи...

Но вернёмся в 2002-й. Для австралийских гостей шабалинская церковь – символ родины: в семье Ефремовых из поколения в поколение передавалась легенда о том, что их предки принимали участие в её строительстве. Об этом вспоминала Прасковья, мать Эвелин.

Но мне пришлось разочаровать их, развенчав легенду о «родовом храме»: это не та церковь, которую строил их дед. Прасковья не может помнить эту церковь. Семья Ефремовых уехала из села в 1912-м. Троицкий храм строили чуть позднее. «А где же та?» – спрашивает Эвелин. «Здесь рядом была другая...» – поясню я. Скорее всего, семилетней Прасковье запомнилась небольшая деревянная церковь Рождества Христова, выстроенная ещё в 1892 году. От неё не осталось даже каменного фундамента...

Эвелин потрясена увиденным.

- Как тяжело... – шепчет она со слезами на глазах. – Как страшно... Такая разруха... Это просто ужас!

- Вы должны быть благодарны своему деду, – говорю я, – за то, что он увёз отсюда вашу мать...

- Да! – соглашается со мной Эвелин.

В церкви зажигаем свечи, ставим... Не знаю, как сказать по-английски «за упокой», говорю: «В память о ваших предках». Я отхожу. Стивен обнимает мать за плечи, и тут нервы её не выдерживают: Эвелин плачет, закрыв лицо ладонями. Печально смотрят на неё скорбные глаза святых с новенького иконостаса. Как-то неожиданно грустно замирает Стивен, понурив голову.

А ведь они были готовы к худшему. Знали, что деревни нет, а церковь «дышит на ладан». Но всей картины представить, видимо, не могли. «У вас такая богатая страна, – поражается Эвелин, – у вас всё есть: и газ, и нефть, и золото, и лес... Вы могли бы быть самыми богатыми людьми в мире!».

...Мы расстались, когда уже стемнело, на ишимском вокзале. Обнялись на прощание, обменялись визитками. Эвелин и Стивен собирались продолжать поиски родственников в России, теперь уже по линии Матрёны – жены Фёдора Ефремова.

Но это только казалось, что вторая серия фильма о Сибири ещё впереди. Прошло лишь несколько недель, и стало ясно, что впереди целый сериал – «сибирская австралиада».

Ольга Ожигибсова (в центре) с Эвелин и Стивеном Эбботами в шабалинской церкви. 16 октября 2002 г. Фотография из архива автора.

Часть II. Бабушка из Австралии

До пятнадцати лет у Татьяны Блинецовой не было бабушки. «Пропала без вести в войну», – говорила скупая на рассказы о прошлом мать. И не вспоминала ни о ней, ни о растворившейся в пространстве и времени сестре Любе. Мама Вера вообще была суровой женщиной: в далёкой, тогда ещё советской, Белоруссии жили два брата, но и с ними она не хотела знаться, словно вычеркнув напрочь из памяти довоенную жизнь.

Но в середине 1960-х на ишимскую улочку почтальон принёс письмо в длинном заграничном конверте. Известие о бабушке, приезжающей из Австралии, повергло в шок небольшое семейство Блинецовых. Если Татьяна и её младшая сестра были потрясены этим воскресением из небытия, то родители, особенно мать, откровенно напуганы. Родственники за границей! Хороший повод испортить безупречную анкету, карьеру, и, быть может, жизнь.

Семейная тайна

Западная Белоруссия стала советской только в 1939 году. Для скромной семьи из Белостока, где папа был простым муниципальным, как принято сейчас говорить, служащим, а мама – домохозяйкой, со сменой власти мало что изменилось. Они никогда не были не только зажиточными, но и просто обеспеченными; начавшиеся гонения на «националистическую буржуазию» и их «припешников» обошли их стороной и даже оказались весьма полезными: семье, где росли четверо детей, достался реквизированный дом, не то арестованного, не то успевшего бежать зажиточного поляка, – с мебелью и всей домашней утварью.

Сёстры – и Вера, и Люба – вступили в комсомол. Вера, кроме того, ещё и занималась в аэроклубе. Именно он спас её от фашистской оккупации, когда началась война, и одновременно разлучил, казалось, навсегда, со всей семьёй. В июне 1941-го аэроклуб перебазировался на восток, – с ним уехала из Белостока и Вера.

Ей было, пожалуй, что скрывать от суровой советской власти. Семья не просто осталась на оккупированной территории. Люба познакомилась, а вскоре близко сошлась с неким Иваном Вукеличем, югославом по происхождению, – его отец, богатый винодел, поставлял вино в немецкую армию. Вукелич-старший сумел всеми правдами и неправдами переправить сына с невестой и будущей тёщей из Белоруссии в Германию, оттуда в Швейцарию и, наконец, в Лондон. В Лондоне они задержались ненадолго и, получив необходимые документы, перебрались в Австралию.

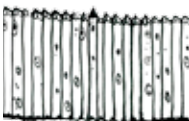
Муж бабы Иры и два сына остались в Белоруссии. Там и отыскала братьев (отец к тому времени умер) прошедшая войну Вера. Конечно, всю историю отъезда сестры и матери и географию их перемещений знать они не могли, но одного только факта, что Люба «спуталась» с врагом, да ещё и сбежала с ним, было достаточно, чтобы раз и навсегда забыть об её существовании, а вместе с ней и о матери. Неудивительно, что внезапное появление бабы Иры привело Веру в ужас: то, что она скрывала столько лет, чего боялась, вдруг вырвалось наружу, стало достоянием общественности, предметом нескончаемых разговоров вездесущих ишимских старушек.

Иностранка в Ишиме

Сейчас, спустя сорок пять лет после встречи на вокзале и тридцать пять лет со дня смерти бабушки, Татьяна жалеет, что не расспрашивала её о войне, о том, как она очутилась в Австралии. Это была запретная тема, – мать пресекала любые разговоры, запрещено было даже упоминать о том, откуда приехала бабушка Ирина. «Из Белоруссии», – объясняли любопытным соседям. Но шила в мешке не утаишь.

– Иностранка! – показывали на неё пальцем, кто с насмешкой, кто с завистью, кто – с откровенной злобой.

Ей было семьдесят пять лет, но она ходила в туфельках и сапожках на шпильках. И старушкам её возраста, – в плюшевых душегрейках, в цветастых платках, в калошах, одетых на шерстяной носок, или в ботиках «прощай, молодость», вечно перемалывающим вперемешку с семечками косточки окружающим, – было о ком посплетничать, когда баба Ира в неизменном строгом английском костюме из тонкой шерсти и сумочкой из мягкой кожи в руке, обтянутой перчаткой, проходила мимо них.

Раз в неделю – до конца дней своих! – баба Ира навещала парикмахерскую. «Пойду наплююсь!» – говорила она и возвращалась домой с укладкой и маникюром.

– Бесстыдница! – выносили свой приговор ишимские бабушки. – Срамница! – плевались они, когда (ох, это сарафанное радио!) узнавали, что баба Ира сделала педикюр. Раз в месяц – обязательно!

Она была чужой для них и тогда, когда приехала, – не просто с другого конца света, из другого мира, – и десять лет спустя. Баба Ира, впрочем, и не нуждалась в их обществе, не стремилась завоевать ничью любовь и дружбу. Напротив, чуралась компании бедно одетых, малограмотных, изношенных, как старые рабочие лошади, сибирских старух. Их существование, как, впрочем, вся советская действительность, было ей непонятно, чуждо и дико. Десять последних лет своей жизни она провела в Советском Союзе, всё это время сравнивала жизнь здесь и там, и эти две жизни не сливались в единое целое, как никогда не сольются чёрное и белое.

«Баба Ира».

«Предательница»

Баба Ира в Советский Союз приехала не навсегда. По крайней мере, так она думала. Похоже, что вообще слабо себе представляла, куда ехала. До 1939 года она жила в буржуазной Польше. Полтора года, проведённых при советской власти, вряд ли успели сформировать «социалистическое сознание» у взрослой женщины, далёкой от политики. Почти двадцать лет она прожила в Австралии. Это был человек иного мира, иной формации. Она, словно инопланетянка, не понимала элементарных, на взгляд советского человека, вещей: почему личная жизнь находится под строгим партийным контролем; почему через пятнадцать лет после войны хлеб, крупу, муку и макароны выдают по спискам; почему нельзя купить машину; почему нельзя поехать за границу? И ещё много-много разных «почему».

Баба Ира не собиралась надолго оставаться в чужой для неё стране. Она хотела лишь разыскать сыновей и дочь. Когда наступила хрущёвская «оттепель», баба Ира решила, что её время пришло.

Советская действительность вылила на неё ушат холодной воды. Пустые прилавки, скудное питание, убогая квартирка, в которой ютилась семья дочери, отсутствие элементарных удобств, холодная сибирская зима, весенняя мошка и грязь, знаменитая грязь, в которой утонул Ишим, – все эти «прелести жизни» отбили у австралийской бабушки желание задержаться в Советском Союзе чуть дольше. Она собрала вещи и, простившись с дочерью и внучками, отбыла в Москву.

Вера не успела перевести дух после её отъезда, – баба Ира вернулась. Её не выпустили из страны. «Вы что, изменница? Вы хотите предать свою родину?» – сказали ей. Она не хотела предавать родину. Но трагедия состояла в том, что ни одну страну мира бабушка Ира не могла назвать своей родиной: ни Советский Союз, ни Австралию.

Всё это время в Сиднее они жили, не имея гражданства, в лагере для перемещённых лиц, как сотни людей других национальностей, перебравшихся в Австралию в годы войны или сразу после неё. И жили при этом полноценной жизнью: работали, учились. Один из таких лагерей – Бонегилла – располагался в штате Виктория, недалеко от города Олбурн.

Иммиграционный центр Бонегилла – бывший военный лагерь, приспособленный для приёма и устройства на работу беженцев из Европы. По существу, это был городок с многотысячным населением. В нём было всё необходимое: госпиталь, столовые, магазин, баня... и даже огромное здание театра.

Беженцев расселяли в солидно построенные бараки с деревянной крышей. Внутри не было перегородок, и если в барак заселяли две-три семьи, они отгораживались военными серыми одеялами. Кормили в столовой: на столах – вазы с цветами, корзины свежего хлеба, блюдечки с маргарином, сахар и фрукты.

У них не было одного лишь – австралийского паспорта. И, по существу, баба Ира оставалась советской гражданкой, каковой она стала по воле политиков в 1939 году. Вот это и объяснили в Москве рвущейся в Австралию старушке. Она заплакала и вернулась в Ишим.

Баба Ира очень скучала. Не столько по жаркой стране, сколько по второй дочери и внукам. Стала попить, – родные то и дело находили спрятанные от их глаз

«чекушечки». Ни с кем из соседей так и не подружилась, закрывшись в маленьком мирке двухкомнатной «хрущёвки». Закрылась, но не замкнулась. Для своих близких она оставалась весёлой, доброй и очень домашней. Баба Ира умерла в Ишиме в семидесятом году, так и не увидев больше ни Австралию, ни дочь Любу, ни шестерых внуков, трое из которых родились уже без неё.

Любовь Георгиевна Беспрозванных.

Часть III. Письма одинокого человека

...Вырезку из газеты с рассказом об австралийской бабушке Любове Георгиевне Беспрозванных принесла родственница. «Возьми, – сказала, – почитай, да только обратно верни». Любовь Георгиевна развернула уже изрядно потрёпанную газетную страничку...

Любовь Георгиевна

Семья Ларионовых даже по деревенским, патриархальным меркам была не маленькая. У прадедушки Матвея Захаровича, жителя деревни Мало-Удаловой, что неподалёку от Ишима, в двухэтажном доме жили с семьями четверо его сыновей – Пётр, Михаил, Кузьма и Ефим. Только у Петра было шестеро детей! Всех остальных Любовь Георгиевна и пересчитать не берётся, но всего в прадедовском доме насчитывалось двадцать три души.

Петру Матвеевичу Бог детей дал поровну, чтобы не обидно было: три сына, три дочери. Семья была зажиточной, крепкой: хозяйство немалое, два работника. Старшего, Константина, 1898 года рождения, самого грамотного и подающего надежды, отец отправил учиться в Кадетский корпус, тем самым невольно предопределив его нелёгкую судьбу. Но сам об этом уже ничего не узнал, – умер рано.

После смерти Петра Матвеевича семья потихоньку стала распадаться. Дочери Евдокия и Августа повыходили замуж, причём за ровню, за богатых, и, когда началась коллективизация, бросили хозяйство и от греха подальше уехали одна за другой в Обдорск (Салехард). Константин канул в водоворот Гражданской войны, – мать до смерти своей оплакивала сыночка, не зная, в каких краях сложил он голову. Николай Петрович перебрался на Урал, в Кушву. Младший – Михаил – пострадал по молодости за острый свой язык и, отсидев десять лет в лагерях под Печорой, так и остался жить в далёких северных лесах.

В родных краях задержалась лишь мать Любове Георгиевны – Мария Петровна. Ей и передали в середине пятидесятых первую весточку от пропавшего в Гражданскую войну брата Константина и его сына Александра.

Собственно говоря, письмо пришло именно от Александра. То, что оно нашло адресата, было чудом: столько лет минуло и каких – революция, Гражданская война, коллективизация, война Отечественная! Их вообще могло никого не остаться в живых! Александр писал в полном смысле «на деревню дедушке» – на родину, в Мало-Удалову. По счастливому стечению обстоятельств письмо, адресованное Ларионовым, попало в руки двоюродной сестры Любове Георгиевны.

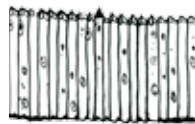
– Такой переполох был! Столько страху! Что вы! Письмо из-за границы! А у неё муж партийный, он запретил переписываться с иностранцами.

Так письмо оказалось у Любы, которая считалась самой грамотной в своей семье. Она жила тогда у дяди в посёлке Каджером, под Печорой.

– Начала переписываться, два раза вызывали в Печору в отдел КГБ, один раз – в Инту. Что спрашивали? Спрашивали, как Александр попал в Австралию, когда. Я со слов матери всё и рассказала. Когда в шестьдесят втором вернулась в Ишим, меня и здесь в КГБ приглашали.

В 1965-м переписка прервалась...

Прошло двадцать пять лет, и Александр снова – на удачу – предпринял попытку разыскать сестру. И снова, как и в первый раз, написал в деревню, где, как он помнил, жила его тётка Мария Петровна. Но в 1990 году никакой родни там уже не было... Всё так же чудом письмо попало в руки подруге детства Любове Георгиевны, – она и переслала его в Ишим. Переписка с братом возобновилась спустя четверть века. И продолжалась десять лет. Те, прежние письма, к сожалению, утрачены, но эти она нумеровала и складывала в полиэтиленовый пакетик из-под молока: одно к другому. В них – история австралийской родни.

Константин Петрович

О Константине известно мало. Кое-что – со слов Марии Петровны, которая помнила брата совсем молодым: ему не было и двадцати, когда его мобилизовали в армию Колчака. Кое-что – уже из письма Александра.

«Папа, – пишет он, – рассказывал мне про свою жизнь очень мало. Знаю про двухэтажный дом, граммофон, огромную семью из двадцати человек и двух работников. Упоминал своего дядю – офицера царской армии. Обо всём этом он говорил маме, посвящая её в прошлую жизнь, а мне приходилось слышать урывками».

Гражданская война многотонным катком прокатилась по судьбе Константина, как и миллионов ему подобных, переломала и выбросила на чужбину, как ненужную вещь.

В Первой мировой войне по молодости лет участвовать ему не довелось, а вот после революции хлебнул лиха: мобилизованный в армию Колчака, прошёл всю Сибирь. Сначала отступали до Омска, а потом под натиском красных – всё дальше и дальше, на Дальний Восток до Манчжурии. Из Омска отступило несколько сот тысяч военнослужащих и беженцев. Мороз, мгла, красное от зарева небо над городом, бесконечная лавина людей, обозов, эшелонов – таковы воспоминания тех, кто оставил этот город.

Вместе с остатками Белой армии Константин Ларионов оказался в Харбине.

Может, стоило вернуться домой, в родной Ишим? Во-первых, вряд ли дошёл бы: дважды едва не умер в госпиталях от тифа. Во-вторых, что могло ждать на родине белогвардейского офицера? В лучшем случае дожил бы до тридцатых годов.

Наверное, он всё это понимал и тем не менее, как пишет Александр, «делая надежды вернуться в родную Сибирь. Да вот паразитическая власть путём обмана крепко вцепилась в Русскую Землю».

Лишь по незнанию своему мы идеализируем за границу: там, мол, манна небесная на головы сыплется. Русские и сегодня никому и нигде не нужны. А тогда волна беженцев и остатков разгромленной армии Колчака подобно цунами наводнила маленький Харбин...

Харбин – город хлебный

К 1917 году Харбин представлял собой типичный русский провинциальный центр, построенный русскими же при строительстве КВЖД, – город, находившийся за границей, на территории Китая, но с совершенно русским, дореволюционным, патриархальным укладом жизни. Численность русского населения составляла к началу Первой мировой войны более сорока трёх тысяч человек, а в октябре 1917-го – уже около 200-220 тысяч.

В городе было более двадцати православных церквей. Вторыми по количеству после русских были поляки, объединившиеся вокруг своего «Общества Господа Польска» и двух костёлов. У татар была своя мечеть, у евреев – синагога.

Конец 1919 года ощутимо приблизил крушение Белого движения в Сибири. Красная армия стремительно развивала наступление на восток. В Маньчжурию и северо-западный Китай хлынула первая по-настоящему большая волна русских гражданских и военных беженцев. Вторая волна последовала в октябре 1920 года, третья – в конце 1922-го, с окончанием Гражданской войны на Дальнем Востоке.

В эмиграции в Маньчжурии и Китае оказался цвет русского населения Сибири и Дальнего Востока. Из Санкт-Петербурга, Москвы, Центральной России выехала интеллигенция – врачи, учителя, инженеры и техники, профессора и преподаватели высших учебных заведений, цвет русской армии. Эмигрировало много крупных сибирских предпринимателей и купцов, в том числе тюменских, – таких, как Виктор Иванович Колокольников, Василий Лаврович Жернаков. Только некоторые из них смогли вывезти малую часть своих капиталов.

Большинство беженцев смотрели на своё пребывание в Китае как на временное – на полгода, на год, надеясь вскоре, когда «всё нормализуется», вернуться назад в Россию. Однако даже «временное устройство» было большой проблемой. Остро стоял вопрос с легализацией, то есть с получением от китайских властей вида на жительство, позволявшего остаться в Маньчжурии. Но подлинным бичом являлась на первых порах безработица.

Без профессии, квалификации, особенно без знания языка было тяжело конкурировать с крайне дешёвым трудом местного населения.

Спасло, может быть, именно то, что каждый из них, будучи оторванным от семьи, от родины, всё-таки оказался не одинок в своей – и в то же время общей – беде. Сибиряки в Харбине образовали «Сибирское землячество» и как могли помогали особо нуждающимся. Резко увеличилось и число благотворительных организаций, помогавших людям встать на ноги. Беженцам предоставлялись кров, питание в общежитиях, питательных пунктах и дешёвых столовых комитета, выдавались хлебные пайки, другие продукты питания, денежные пособия, одежда и обувь, оказывалась бесплатная медицинская помощь.

Кстати, председателем Беженского комитета с 1923 по 1936 год был Виктор Иванович Колокольников – один из сыновей тюменского купца первой гильдии Ивана Петровича Колокольникова.

Константин Ларионов и Анна Шилова. Харбин. 19 сентября 1924 г.

В 1923 году Константин Ларионов познакомился с Анной Шиловой, уроженкой Вятской губернии. Анна, несмотря на молодость, была «старой» харбинкой, ещё дореволюционной закалки: она приехала в Манчжурию в 1916-м с семьёй банковского бухгалтера, где работала домработницей. Так что, в отличие от мужа, который брался за всё, а порой сидел и без занятия, имела постоянную работу.

«Она была много энергичнее отца и смекалистее, несмотря на неграмотность», – пишет Александр. – Многие наши знакомые называли папу «шляпой», а её «гвоздём». Зато характер отца был очень хороший, он мог ладить со многими... Наша жизнь протекала в очень неблагоприятных условиях. Голодом не сидели, но тянули от получки до получки. Иногда отец оставался без работы, и тогда впрягалась мать».

Забегая вперёд, скажу, что Константин Петрович и Анна Мионовна Ларионовы последние годы жизни провели в Австралии, где и похоронены на Русском кладбище в Сиднее.

Александр Константинович

Я читаю с разрешения Любови Георгиевны адресованные ей письма и понимаю, что вторгаюсь в чужую жизнь – жизнь одинокого, но очень здорового и не очень счастливого человека. Что Австралия, что

Россия – беды и радости у нас одни: семья, дети, здоровье, работа. Жизнь. Но если не прочитаешь эту своеобразную хронику, так и будешь оставаться в наивном заблуждении, что несчастны лишь мы здесь, а там, по ту сторону экватора – рай.

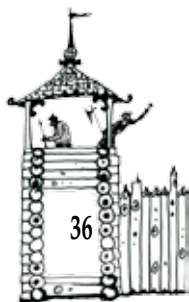
Александр Петровичу тогда было семьдесят семь. За десять лет до того он похоронил жену и остался один в большом доме: дети, а их у него четверо, не вмешивались в жизнь отца, но и не впускали его в свою.

Я могла бы понять, почему, старый и больной, он стал писать родственникам в Россию: некому больше рассказать о том, что на душе. Не принято там делиться своими бедами, да и радостями тоже. Но не надо забывать, что первое письмо пришло в Советский Союз уже в середине пятидесятых – почти полвека назад! Ещё были живы родители, друзья, перебравшиеся вместе с ним из Харбина в Австралию, русская жена Нина.

Зачем ему, никогда не жившему в России, не дышавшему её воздухом, не знавшему никого из своих родных, понадобилось через столько лет разыскивать их в чужой стране?! Почему Россия для него – родина? Что ему, родившемуся и живущему в другом, сытом и благополучном мире, до нас и наших проблем? Откуда не проходящее чувство сопричастности? Или ностальгия – это наследственное? Русская душа – не пустой звук?

Рассказывая, хоть и коротко, о родителях, Александр Петрович почти ничего не говорит о себе. Родился в 1925 году в Харбине. Учился в русской школе – в Харбине было много русских гимназий, в основном частных, и несколько государственных бесплатных, с десятилетним курсом, – потом в техническом училище на горном отделении: «Это было закрытое училище... Нас кормили, учили, давали форму да ещё и платили маленькую сумму денег. Отпуск по воскресеньям. Ездил к родителям в летние каникулы и на Рождество. Они жили в 75-80 км от Благовещенска на китайской стороне. Какие там были богатые травы-луга! – нигде ни до, ни после такой растительности я не встречал».

Что было потом? Провал... Любовь Георгиевна вспоминает: в ранних письмах речь шла о каком-то взрыве или обвале на шахте, где работал брат, – виновным в

нём посчитали русских. В результате Александр потерял работу. Сам он мельком упоминает о службе в армии в 1944-1945 годах: «В Манчжурии... вместе были в армии, за что он (друг) получил десять лет лагерей, а я был счастливым, – минула меня беда. Почти всех моих друзей арестовали. Многие погибли в лагерях. Вспоминать тошно!»

Это была японская армия Маньчжоу-Ди-Го; японцы создали её в 1939 году после того, как захватили Харбин. Русские тогда оказались между двух жерновов: оставшихся в Харбине молодых людей под угрозой расправы призывали на службу; позже, после освобождения города от японцев, они пострадали за это от советской власти.

Русская молодёжь призывного возраста всякими способами старалась уехать из Харбина, чтобы не воевать против соотечественников. В 1939-м японцы потерпели поражение от советских войск и были злы на всех русских, в том числе и харбинцев, не доверяли им. Те, в свою очередь, не хотели быть для японцев «пушечным мясом».

Великий обман

28-летний Александр Ларионов в первые дни в Австралии.

Массовый отъезд русских из Харбина в СССР начался ещё в 1935 году, после того как в 1932-м Маньчжурию оккупировали японцы. Была развёрнута широкая пропаганда по возвращению всех желающих на родину. Репатрианты с энтузиазмом грузились в теплушки со всем своим имуществом, включая домашний скот. Они надеялись на достойную встречу. Но вышло всё совсем по-другому. Остаётся только удивляться: для чего понадобилось возвращать тысячи эмигрантов? Чтобы затем начать расправу над ними?

Большинство репатриированных арестовали сразу же после пересечения границы, с конфискацией имущества. А затем был издан оперативный приказ народного комиссара внутренних дел СССР № 00593 от 20 сентября 1937 года: «Органами НКВД учтено до 25 тысяч человек, так называемых «харбинцев», осевших на железнодорожном транспорте и в промышленности... В большинстве они состоят из бывших белых офицеров, полицейских, жандармов, участников различных эмигрантских шпионско-фашистских организаций... являются агентурой японской разведки... На железнодорожном транспорте и в промышленности за последний год репрессировано до 4500 харбинцев... Приказываю: с 1 октября 1937 года приступить к широкой организации по ликвидации диверсионно-шпионских и террористических кадров харбинцев».

Этот приказ, по сути, означал уничтожение всех репатриантов. Их арестовывали в две очереди: сначала бывших офицеров и просто военнотружущих царской и Белой армий – тех, кто служил в самом НКВД, в Красной армии, на транспорте и во флоте, работал на заводах; затем всех ОСТАЛЬНЫХ (так в приказе – О.О.). Арестовывали тех, кто служил в иностранных фирмах. Доходило до абсурда: к таким иностранным фирмам, к примеру, была отнесена так называемая «белогвардейская фирма Чурина». При этом совершенно не учитывалось, что это была торговая компания, имевшая сеть магазинов. Где же ещё было работать русским эмигрантам, как не в русских компаниях! Изобличённых в «шпионско-диверсионной деятельности» надлежало приговаривать к расстрелу, всех остальных – к восьми-десяти годам лагерей и тюрем.

Согласно этому приказу, практически каждый харбинец, вернувшийся на родину до войны, был репрессирован. Погибло очень много молодёжи, уехавшей учиться в различные советские вузы.

Но и в 1945 году, после освобождения Советской армией Харбина от японцев, там были произведены массовые аресты русских жителей. Многих вывезли в Советский Союз и осудили на разные сроки; значительная их часть погибла в лагерях. Аресту подверглись даже учителя: так, преподавателей Лицея Св. Николая в Харбине – среднего учебного заведения для сирот и малоимущих русских детей – в буквальном смысле слова выкрали китайские коммунисты и затем передали советским властям. Все они получили значительные сроки – от 10 до 25 лет лагерей, многие так и не дождались освобождения.

Неудивительно, что когда в конце сороковых в Харбин приехали советские эмиссары, – агитировали бывших соотечественников ехать в Казахстан, осваивать целину, – то Александр, памятуя о доле, постигшей друзей и земляков, выбрал дру-

гой путь. В 1951 году внук сибирского крестьянина ступил на чужой берег далёкой Австралии.

«Все они – земляки-сибиряки»

В одном из писем Александр Константинович упоминает несколько фамилий: Ст. Ст. Реут, Александр Малышкин, Иван Михайлович Ермолаев, Георгий Тимофеевич Ражев. «Все они – земляки-сибиряки. Отец упоминал о них. И даже вроде есть такая деревня – Ражево».

Село Ражево отыскалось в Голышмановском районе Тюменской области. А следы Георгия Тимофеевича – в архивах КГБ.

Здесь необходимо сделать ссылку на архивный поиск, проделанный Александром Петрушиным, тогдашним сотрудником Тюменского отделения ФСБ. Ещё в 1995 году в журнале «Сибирский тракт» он опубликовал статью «Белый исход», в которой и рассказал о судьбе бывшего белого офицера Георгия Ражева.

В 1988 году в Генпрокуратуру СССР поступило письмо от Валентины Георгиевны Димовой. Она просила сообщить о судьбе своего репрессированного отца Георгия Тимофеевича Ражева, служившего в Белой армии: «Я не знаю, в каком военном чине и где он воевал. На территорию Китая отец попал, отступая с частями армии Колчака. Поселился в Харбине... Своим трудом содержал большую семью, да ещё помогал другим беженцам из России... Никакой враждебной деятельностью против Советского государства не занимался. Отец был очень добрым, отзывчивым человеком. Нас, четырёх детей, он воспитал русскими людьми. Именно отец привил нам любовь к родине, которую так сильно любил...»

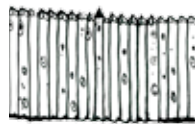
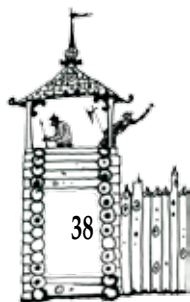
Георгий Тимофеевич Ражев родился в 1893 году в селе Ражево Ишимского уезда Тобольской губернии. Закончил три класса сельской школы и экстерном пять классов гимназии в Ишиме, – так что грамотный был крестьянин. До 1915 года работал в хозяйстве своего отца. После призыва в армию попал в 26-й Сибирский запасной стрелковый полк, затем – в Омскую школу прапорщиков.

В июне 1917 года после присвоения первого офицерского чина оказался на германском фронте и воевал в 49-м Сибирском стрелковом полку командиром роты. В декабре Георгий Ражев заболел и был отпущен домой в отпуск. Из армии его демобилизовали. Однако это не помешало позднее в 1918 году мобилизовать его в армию Временного Сибирского правительства. К моменту объявления Колчака Верховным правителем России Ражев стал ротным командиром в стрелковом батальоне.

За два года боёв Белой и Красной армий наш земляк из прапорщика стал подполковником. «За время службы в белой армии, - писал он позже, - я никогда не участвовал в карательных операциях против мирного населения, но, как офицер, честно выполнял боевые приказы, о чём свидетельствовало моё быстрое продвижение по службе...» В 1920 году с сыпным тифом и нервным расстройством он попал в госпиталь и в армию уже не вернулся, – уехал в Харбин.

«Если бы все русские офицеры, – отмечает в своей статье А.А.Петрушин, – были такими, как Ражев, людьми чести, то результаты гражданского противостояния могли быть иными».

Его арестовали в Харбине 28 сентября 1945 года сотрудники отдела военной контрразведки «СМЕРШ». Официальное обвинение – участие в Гражданской войне на стороне белых. Прошло двадцать пять лет! Но советская власть не признавала срока давности. Следствие совершенно не интересовало политические убеждения Ражева и мотивы его участия в белом движении. Не были приняты во внимание его патриотизм и лояльное отношение к советскому режиму, а также добровольное внесение в фонд обороны через консульство СССР в Харбине крупных денежных взносов. Десять лет лагерей – такой срок именем Союза Советских Социалистических республик был объявлен Ражеву (гражданину, кстати говоря, другого государства) 28 ноября 1945 года в 12 часов 25 минут в хабаровской краевой тюрьме № 1. Вся «судебная» процедура не заняла и часа. А в январе следующего года, то есть спустя месяц, Георгий Тимофеевич умер в Севвостлаге Магадана. Он был реабилитирован в апреле 1990 года.

Мечтаю побывать на родине

Письма Александра Ларионова – своеобразная и, главное, очень достоверная иллюстрация неизвестной нам жизни русских эмигрантов.

«В каждом крупном городе Австралии много русских, прибывших сюда в 50-е годы, – бывших граждан СССР, не пожелавших вернуться на родину и избежавших насильственной репатриации... Местами встречи являются церкви и клубы. Ряды старшего возраста редеют, а более молодое поколение от всего русского, включая и язык, отходит и постепенно сливается с главенствующей частью англосаксов. При каждой церкви существует школа для детей, где проходится русская литература и преподаётся русский язык до десятого класса, но окончившие школу всё забывают без практики после нескольких лет».

Кстати, в одном из писем Александр Петрович сетует, что собственные дети не понимают его, когда он пробует говорить с ними по-русски: «Как и большинство молодёжи, выросшей в Австралии, мои дети почти не имеют контакта с русскими, а потому без практики в русском языке. Говорить могут, но ломаным языком и запас слов ограниченный. О чтении и писании не вспоминают. В общении мне приходится употреблять оба языка. Иначе смысл может не дойти до них».

Для Александра Петровича общение с далёкими родственниками – единственная отдушина: «Корреспонденция моя увеличивается. Это хорошо, так как вечерами сидеть и глядеть в коробочку (телевизор) надоедает, гораздо приятнее поговорить с вами на бумаге».

Письма как письма: о родных, о делах, о болезнях, жалобы на детей, рассказы о поездках и встречах. И практически в каждом – беспокойство за судьбу России.

Александр Ларионов. Сидней.

22 мая 1990 г.

«Как ты, Люба, относишься, да и другие, к переменам, происходящим в стране с приходом М.С Горбачёва? Народ не привык к самостоятельным решениям, всё ждёт указа сверху, равносильно больному, пролежавшему долгое время и разучившемуся ходить, а тут вдруг ему говорят: «Беги!»

22 июля 1991 г.

«По телевизору смотрел фильм о путешествии на экспрессе «Россия» по Транссибирской железной дороге от Москвы до Владивостока. Проехал мысленно ваши края...

К сожалению, у вас всё ещё чувствуется торжество власти над законом; когда же будет наоборот, тогда и наступит справедливость и порядок».

Фильм, о котором упоминает Александр Константинович, называется «Красный экспресс». Участие в съёмках принимали не только видные российские политики, но и тюменские журналисты. Вот что вспоминает об этом писатель Борис Галязимов:

«Съёмочную группу, в которую входило около десяти человек, возглавлял известный и опытный режиссёр, побывавший во многих горячих точках – Хью Пайпер. Продюсером была Ира Ульман – русская эмигрантка, выступавшая в роли переводчика.

Время, в которое они приехали в Советский Союз, было смутным. Страна бурлила. Им и хотелось увидеть Россию на переломе. В Москве они снимали Ельцина, в Ленинграде – Собчака.

В Тюмень австралийцы прибыли в начале осени, - помню, что было уже холодно. Они выглядели очень уставшими, - шутка ли, проехать через всю страну! Меня нашли через газету «Тюменский комсомолец», я тогда много публиковал статей, разоблачавших коммунистов. О чём говорили? Конечно, о положении дел в России. Помню, Хью Пайпер спросил меня:

- Кто, по-вашему, станет Президентом?
- Ельцин, - ответил я.
- Почему?
- Да потому, что он – в русском духе.
- А что будет дальше?
- Река дорогу найдёт...

Пайпер рассказывал о нахолившихся городах, о бедствующих старушках, которые попадались им на полустанках, об общем ощущении грозы. Я возил их на Сибирский тракт, рассказал, что вся Россия прошла этой дорогой.

А потом меня пригласили в вагон, в котором они ехали: прицепляли к поезду, переезжали в другой город, отцепляли, и он ждал, пока они сделают свои дела. Потом двигались дальше. Доехал я с ними до Ишима. Всю дорогу – а эти четыре часа промелькнули для меня, как пятнадцать минут, – Ира Ульман задавала мне вопросы, я отвечал, а камера, установленная в коридоре, снимала. Я боялся одного: они не знают и не понимают нашей истории. Что такое сталинская ссылка? Почему ссылки целые народы? Как им это объяснить? Я рассказал им о своей судьбе, о судьбе своих родственников.

В Ишиме мы простились. Я вернулся в Тюмень, а они отправились дальше».

Но вернёмся к письмам Александра Ларионова.

29 августа 1991 г.

«Много мы тут за ваши судьбы и будущее России переживаем в эти грозные дни с 19-го августа. И так страна и народ в большой беде, а тут вновь пробуют свои «чёрные силы» захватить власть и закабалить на многие годы! Спасибо Б.Ельцину и его сподвижникам. Таким сибиряком надо гордиться!»

...Вот и компартия разлетелась, как черепки... и национальный русский флаг над Москвой. Ещё будет много изменено к величавому прошлому России... Бог вам всем поможет!»

15 июня 1993 г.

«Мечта о посещении России всегда будет жить во мне!»

4 декабря 1993 г.

«Что-то малоприятное следует ожидать в результате выборов 12-го декабря. Народ заблудился и, малоподготовленный, идёт ложной тропой».

20 сентября 1998 г.

«Опять смена в верхах... Когда же настанет приемлемая сторона существования? Кто-то тратит, нахавав загодя обманным путём, сотни тысяч долларов за границей, а народ стоит с протянутой рукой...»

Десять лет переписки, двадцать четыре конверта, немного фотографий. Чем дальше, тем более печальным становится содержание писем: одного за другим он хоронит русских друзей или получает известия о смерти близких. Чем более сужается круг, тем ценнее тоненькая ниточка, связывающая его с далёкой родиной. Но всё призрачней, всё туманней надежда побывать в России, ступить на родную землю и поклониться ей.

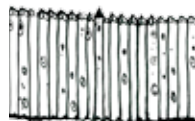
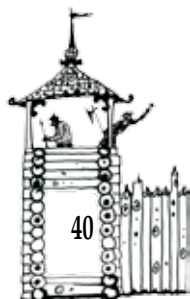
В последнем своём письме к сестре, долгожданная встреча с которой так и не состоялась, Александр Петрович пишет с горькой иронией, проступающей между строк: «Береги сердце! Я своё пытаюсь тоже сохранить, да, наверное, поздно спохватился. Остаётся пересыпать нафталином и обложить камфарой, – в таком виде дольше сохранится. Оставайтесь с Богом!»

Часть IV. Я жениться приеду в Ишим...

На сорок девятом году жизни Николай решил жениться. И решением своим поверг в печаль сиднейскую русскоязычную православную диаспору, уже видевшую его епископом Австралийской епархии Русской Православной Церкви за границей. Ещё большее удивление вызвал тот факт, что выбор его пал... на девушку из России, жительницу тихого, в Австралии не известного сибирского города Ишима.

Сиднейский странник

С Колей Ротенко, инженером из Сиднея, мы познакомились в 2005 году во время экспедиции на Вагайские болота, где сотрудники Ишимского краеведческого музея искали следы участников крестьянского восстания 1921 года. (См.: Ожгибесова О.А. Пропавшая экспедиция, или Сафари на Вагайских болотах // Коркина слобода. Вып. 8. Ишим, 2006. С. 132-138. – Прим. ред.). Это была уникальная экспедиция. Вместо запланированного одного дня она продолжалась трое суток, в течение

которых мы не могли связаться с внешним миром. Мы чуть не утонули в болоте. На два дня застряли на острове, где принял свой последний бой отряд повстанцев. У нас трижды ломался вездеход, на котором мы преодолели 35 километров болотом и ещё столько же лесом, и дважды – «Газель», на которой мы пытались добраться до дома. На наши поиски уже готовился вылететь вертолёт.

Коля все тяготы походного быта переносил не просто стойчески, но, я бы даже сказала, с нескрываемым восторгом. Мало того, что оказался в Сибири, так ещё и попал в такую глухомань, побывал в такой переделке, увидел такие красоты, какие

*Николай Ротенко
во время экспедиции
на Вагайские болота.*

27 сентября 2005 г.

Фотография

Г.А.Крамора.

не каждый русский увидит! Иностранцы за подобный экстремальный отдых большие деньги платят. Так что Коля дышал полной грудью.

Да и в экспедиции он оказался человеком далеко не лишним. То ли профессиональная жилка сказывалась, то ли долготерпение верующего человека, но за любое дело он брался с охотой и в первых рядах. Колесо у «Газели» лопнуло, - Коля лезет под машину, устанавливает домкрат, откручивает гайки, невзирая на то, что становиться на колени приходится в самой что ни на есть жирной сибирской грязи, а руки помыть в радиусе нескольких сотен километров негде. Крест на могиле повстанцев установить – Коля берёт в руки лопату и

начинает копать яму. Миноискатель не работает – Коля сначала его настраивает, а потом сам ходит с ним по острову, пытаясь отыскать хоть какие-то следы пребывания повстанцев. Гусеница у танка лопнула – Коля с кувалдой ходит за водителем и помогает ему ремонтировать. После очередного ремонта - в шоке:

– Я не могу понять, как можно без единой запчасты отремонтировать машину так, что при этом ещё и лишние детали остались? Они их выбросили, сказали: и так пойдёт!

Когда уже по дороге домой в лесу отлетело очередное колесо, мужики, чтобы поставить его на место, выкопали в земле яму. Починили и поехали было дальше. Коля схватил лопату и яму стал закапывать.

– Ты зачем это делаешь? – подошёл к нему глава экспедиции.

– Вдруг после нас кто-нибудь поедет и провалится, - ответил ему Коля, сразив этой фразой наповал. Двадцать лет по этой глухомани никто не ездил и ещё лет двадцать после нас никто не поедет! Вот что значат другой менталитет и другое восприятие мира. Яму Коля закопал и только после этого забрался в кузов танкетки.

Мужественные наши спутники вели себя сдержанно, хотя, как мне думается, иногда кому-нибудь из них хотелось сказать пару крепких словечек. Прорывалось только тогда, когда, казалось, женщин поблизости не было. При этом мужчины забывали о том, что в лесу громкие слова разносятся на большие расстояния. Спрашиваю Колю:

– В Австралии русские употребляют идиоматические выражения?

– Не знаю, – пожимает он плечами, - наверное, но в моём кругу таких нет. Я с такими не общаюсь.

Бедный Коля!

Харбинские русские

Николай Ротенко принадлежит к первой волне русской эмиграции. В далёкие двадцатые годы его предки покинули Россию. О том, как это было, Коля имеет весьма смутное представление: в семье мало вспоминали об этом времени.

Дедушка его Павел Брызгалов родом из Пермской губернии, вырос в крестьянской семье. Закончил два класса церковно-приходской школы. В 1920 году пятнадцатилетним подростком оказался в армии Колчака, отступавшей через Сибирь на Дальний Восток. Так он попал в Харбин. Туда же перебралась семья Кудриных из Уфы – старообрядческий священник отец Иоанн и его двенадцать детей. Пути их пересеклись. Батюшка заметил работающего молодого человека и быстро,

как рассказывает Коля, женил его на своей старшей дочери Анне. В 1925 году родилась дочь Надя, будущая мама нашего Коли, а двумя годами раньше – её брат Евгений. Оба закончили русскую школу, оба поступили в Харбинский политехнический институт – «рассадник» русской интеллигенции в Китае.

Жили вместе, хотя и бедно, но дружно. Обедали всей семьей. Во главе стола с деревянной ложкой в руке сидел протоиерей Иоанн: кто разговаривал, тут же получал по лбу. На Масленицу и Прощёное воскресенье прабабушка пекла блины. Прадедущка позволял детям побегать, поваляться в снегу, потом все возвращались в дом и просили друг у друга прощения. По воскресениям к протоиерею приходили прихожане – на чай с пирогами. Обыкновенная русская идиллия. На китайской земле.

Семью Кудриных-Брызгаловых мировая история стороной не обошла. В середине тридцатых Харбин захватили японцы. Как мы уже знаем, молодых людей под угрозой расправы призывали на службу. Среди призывников оказался Евгений Брызгалов.

- Уже после войны, - рассказывает Коля, - дядя Еня поехал с бабушкой в город Дальний, что стоит рядом с бывшей крепостью Порт-Артуром. Там его арестовали - за то, что служил в японской армии. Никто не стал разбираться, что служба была по принуждению. Осудили Евгения за измену родине – стране, в

которой он никогда не жил и гражданином которой не был. Отправили в Союз, в лагерь на Дальнем Востоке, где он отсидел больше десяти лет.

После освобождения Евгений Брызгалов работал в Иркутске. Родители, как только стало возможно, приехали к нему в Советский Союз и прожили у сына целых три месяца. Это было в 1965 году. А через год Евгений умер. Но это будет позже, а в 1953-м году тяжёлой формой астмы заболела бабушка. «Увозите её, – сказали врачи, – ещё одну зиму в этом климате она не проживёт». Выбор был невелик – Советский Союз, где томился в неволе старший сын, или Австралия, куда к тому времени уже перебрались некоторые родственники. Как ни странно, но в советской визе им отказали. Тогда и было решено перебираться на южный континент.

С переездом за три моря связана весьма романтическая семейная история. Дело в том, что между получением приглашения в Австралию и оформлением визы прошли месяцы. За это время Надя Брызгалова успела выйти замуж за своего однокурсника Георгия Ротенко. Медовый месяц, впрочем, был испорчен необходимостью отъезда молодой жены. Георгий остался в Харбине. Несколько лет супруги не могли воссоединиться, несмотря на то что Надежда отправила приглашение мужу сразу по прибытии в Сидней. Если бы не их настойчивость, мой собеседник мог бы так и не появиться на свет. Однако в 1957 году все австралийские газеты напечатали историю любви молодой русской пары, ждавшей встречи долгих четыре года.

«Я полон патриотических чувств»

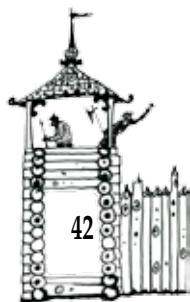
Семья Коли – из числа тех эмигрантов, кто на протяжении десятилетий сохраняет свою принадлежность к русскому языку, русской культуре и, конечно же, к православию. В Россию попал впервые ещё в 1998 году. Дело случая: русский американец Олег Михайлович Родзянко (потомок того самого Родзянко, председателя 3-й и 4-й Государственной Думы) решил подарить Ишимско-Сибирской епархии РПЦЗ типографский станок. Научить ишимцев работать на нём должен был Николай Ротенко.

- Я был полон патриотических чувств к родине, которую никогда не видел. Прилетел в аэропорт «Шереметьево-1». Неделю побегал по Москве, потом меня посадили в плацкартный вагон, сказали: так безопасней! И отправили в Ишим. В плацкарте было хорошо. Мне велели никому не говорить, что я иностранец, и я честно молчал первые двадцать четыре часа.

Потом он всё-таки разговорился с женщиной, ехавшей на соседней полке. Когда она узнала, что имеет дело с иностранцем, хотя и русским, да ещё и из Австралии, то... пригласила Колю к себе в деревню. Жила она где-то под Абаканом: надо

*Николай Ротенко
рыбачит с Сергеем
Левченко на
реке Ишим у
дер. Симанова.
26 сентября 2005 г.
Фотография
Г.А.Крамора.*

Николай Ротенко со своей избранницей Анной и коллективом типографии Богоявленского собора.
22 июня 2006 г.
Фотография П.Д.Земляных.

Ещё Колю удивили чиновники. Когда он приехал в Ишим, в первую очередь ему как иностранцу нужно было зарегистрироваться. Коля по наивности своей не думал, что это так важно: три дня просрочил, а на четвёртый к квартирной хозяйке пришли из милиции.

Чтобы получить заветную регистрацию, Коле пришлось ехать в Тюмень, где с ним полдня беседовал некий господин – уполномоченный по религиозным делам области.

– Он был хорошо информирован. Говорил со мной о Русской Зарубежной Церкви, о Московской патриархии, о том, что я думаю о возможном объединении, о митрополите Виталии – Первоиерархе РПЦЗ, который был противником воссоединения. Он спросил меня даже про отца Владимира Макеева – священника из Австралии! Это был настоящий допрос, после которого, я так понял, чиновник должен был написать рапорт.

После той, первой, поездки Коля побывал в Сибири ещё дважды. Наверное, его тянет сюда, как любого нормального человека не может не тянуть на свою малую, пусть незнакомую, непривычную, но всё-таки родину. После каменных джунглей Сиднея тихий Ишим произвёл на Колю неизгладимое впечатление. Этот город обладает уникальной способностью притягивать к себе людей. Старые, ещё дореволюционные дома – свидетели той России, которую оставили много лет назад его предки; цветущие яблони, неспешный ритм жизни,

голубые озёра, лесная клубника и, конечно же, незабываемая поездка в тайгу, по Вагайским болотам.

– Здесь всё ново, всё другое. Меня водили в баню в Боровом, возили в Шаблыкино. Кормили супом из крапивы, который мне показался очень вкусным. Об экспедиции по болотам рассказывал коллегам по работе. Наверное, если бы не было фотографий, они бы мне не поверили. Они хватились за головы и говорили: такое возможно только в России.

Теперь Коля снова удивил всех, решив жениться на россиянке. К матримониальной процедуре (предполагающей в дальнейшем оформление гражданства для второй половины) в Австралии относятся серьёзно, поэтому ишимским друзьям приходится писать своего рода официальные подтверждения, что жених и невеста действительно любят друг друга и брак их не будет фиктивным.

– Коля, – спрашиваю я, – неужели в Австралии нет хороших русских девушек?
– Есть, – отвечает он мне совершенно серьёзно, – но они другие – характером, воспитанием. У меня всегда была заветная мечта жениться на русской из России. Специально не искал. Не думал, что желание исполнится. Просто так получилось. Я думал о том, чтобы остаться в Ишиме. Я был готов здесь остаться, если бы это понадобилось. Обоим. Но всё-таки решили ехать в Австралию. Туда, где кенгуру.

Свадьба состоялась в Сиднее в январе 2007 года.

Николай и Анна Ротенко у памятника героям сказки П.П.Ершова «Конёк-Горбунко» в селе Ершово.
7 июня 2006 г.
Фотография Г.А.Крамора.

Последний ишимский Совет

«Сила, мощь страны зависит от той организации самоуправления, которая существует или не существует».

(Из доклада комиссии по местному самоуправлению члена Государственной Думы России В.И. Стемпковского 5 декабря 1916 г.).

6 марта 1994 года в соответствии с действующим законодательством в Ишиме состоялись выборы в представительный орган, названный впоследствии Ишимской городской Думой I созыва. Последующие созывы: II – январь 1997 г., III – январь 2001 г., IV – январь 2005 г., V – октябрь 2010 г. В данной же статье речь пойдёт о последнем советском созыве – городском Совете народных депутатов XXI созыва, действовавшем с марта 1990 г. по 21 ноября 1993 г. (председатель городского Совета до ноября 1991 г. – В.А. Рейн, с ноября 1991 г. до 26.02.1993 г. – А.В. Креков, с 20.02.1993 г. до 21.11.1993 г. – Н.З. Рябцев).

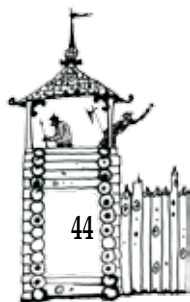
Время деятельности народных депутатов этого созыва совпало с противостоянием и борьбой на самом высшем уровне государства, сопровождавшимся мощными политическими взрывами. ГКЧП, мучительный выбор направления реформ. Кадровая чехарда в правительстве России и полная его смена. Распуск союзного парламента. Прекращение деятельности недавно ещё всесильной КПСС. Мощное давление на Верховный Совет РСФСР для принятия решений о проведении преобразований в стране. Политическая осень 1993 года со стрельбой, и Указ Президента № 1400 от 21.09.1993 г. о прекращении деятельности Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. На региональном уровне – разделение области на три субъекта, разговоры о создании Уральской республики.

Эти годы отличались бурной активностью людей; годы наивных иллюзий и надежд; годы холодной расчётливости, начала накопления капитала теми, кто быстрее других преодолел «комплексы» прошлого воспитания или не имел их вовсе; годы слепой веры и глубоких разочарований, личных трагедий.

Уместно привести выдержку из романа «Обрушенные берега» тюменского писателя Альбина Куликова: «Подобно шальному паводку обрушилась на нашу страну горбачёвско-ельцинская перестройка. Люди, опьянённые, будто алкогольным зельем, мутной перестроечной водичкой, подсиропленной «новым мышлением», «общественными ценностями» и «социализмом с человеческим лицом», ждали благих перемен, а дождались крушения берегов своей размеренно-стабильной жизни, слома духовно-нравственных основ, а затем и развала своей державы. То, что десятилетиями создавалось упорным трудом советских людей и было защищено в горниле Великой Отечественной войны, – всё унёс в бездну частных карманов коварный паводок перестройки, а вместе с тем сломал и перековеркал жизнь миллионов людей».

Как и во всей стране, Совет народных депутатов в Ишиме был многочисленным: депутаты избирались из 135 избирательных округов. 4 марта 1990 г. в горсовет было избрано 112 депутатов (в 23 округах выборы не состоялись). 97 – избраны впервые; 31 – женщины; 7 депутатов возрастом до 30 лет; 60 членов КПСС и кандидатов в члены КПСС; 1 член ВЛКСМ; 25 руководителей предприятий, организаций и учреждений; 24 рабочих; 33 представителя ИТР (инженерно-технических работников) и служащих. Представительство по отраслям: торговля и общественное питание – 6; образование – 9; здравоохранение – 10; партийные и советские органы – 8; комсомольские органы – 2; правоохранительные органы – 2; профсоюзные органы – 2; культура и печать – 4; физкультура – 1; пенсионеры – 1.

Во время срока действия Совета народных депутатов XXI созыва были избраны 144 депутата. 19 депутатов в разное время по различным обстоятельствам сложили депутатские полномочия. Для работающих в исполнительном органе городского Совета и в органах государственной власти таким обстоятельством стало введение в действие законодательной нормы о запрете совмещения их работы с депутатской деятельностью. Избранный председателем горсовета в начале созыва В.А. Рейн в ноябре 1991 г. назначен главой администрации города. Председателем горисполкома В.И. Озолин назначен первым заместителем главы, заместителями главы стали Ю.А. Бессонов, В.Э. Кулицкий. Они сложили депутатские полномочия на ос-

новании вышеуказанной законодательной нормы.

Аппарат городского Совета был создан в январе 1992 года в составе: заместитель председателя городского Совета – Светлана Ивановна Григорьева, заведующая отделом по работе Совета – Зинаида Тимофеевна Макарова, инструктор – Любовь Петровна Воложанина, экономист и ревизор – Людмила Сергеевна Ешкова, юрист – Попова Светлана Дмитриевна, секретарь-машинистка – Ия Юрьевна Коротаяева.

Постоянные комиссии городского Совета народных депутатов XXI созыва (указаны фамилии председателя и его заместителя):

1. Планово-бюджетная. Анатолий Петрович Сотник, главный бухгалтер завода ЖБИ «Ишимский»; Тамара Анатольевна Богданова, управляющая Ишимским отделением Сбербанка № 577.

2. По делам молодежи. Николай Дмитриевич Трофимов, директор медучилища; Юрий Яковлевич Натчук, директор пионерского лагеря «Дружба».

3. По здравоохранению, социальному обеспечению населения. Владимир Иванович Казанцев, главный врач детской объединённой больницы; Владимир Иванович Зайцев, главный врач городской станции скорой медицинской помощи.

4. По народному образованию, культуре. Виктор Иванович Макушин, директор станции юных техников; Светлана Эдуардовна Стрельцова, завуч детской музыкальной школы № 2.

5. По архитектуре и строительству, ЖКХ, транспорту и связи. Иван Васильевич Бугай, мастер по ремонту горбытобъединения; Николай Захарович Рябцев, главный инженер ПОЖКХ.

6. По защите жизни, здоровья людей и охране окружающей среды. Геннадий Павлович Бозылев, машинист электровоза локомотивного депо; Галина Владимировна Поздосеева, помощник санитарного врача санэпидстанции.

7. По торговле и общественному питанию. Геннадий Иванович Буль, машинист-инструктор локомотивного депо; Валерий Павлович Панков, директор агентства по приватизации жилья.

8. По законности и охране прав граждан. Василий Васильевич Кобышев, старший инспектор по БТУ, капитан; Александр Иванович Тимошенко, бригадир участка ремонтной мастерской арендного предприятия автоколонны № 1319.

9. Мандатная комиссия. Нина Дмитриевна Свяженина, директор восьмилетней школы № 9; Анатолий Иосифович Бучинский, спецкор областной газеты «Наше время».

10. По физкультуре и спорту. Валерий Иванович Горбатенко, директор детско-юношеской спортивной школы.

В последующем, в связи с объединением свободных округов со смежными округами, депутатскую деятельность осуществляли 125 народных депутатов XXI созыва. За три года произошли существенные изменения по месту работы и занимаемой должности некоторых депутатов. А.М. Кондратьев стал профсоюзным лидером в ИПОАТ; В.И. Макушин – директором СЮТ; А.П. Сотник – заместителем управляющего в «Северкомбанке»; Ю.А. Натчук - директором пионерлагеря «Дружба»; А.И. Тимошенко – бригадиром участка ремонтной мастерской АК 1319; С.И. Гри-

горьева – заместителем председателя горсовета; А.В. Надежкин – заведующим гаражом ИСХТ; В.М. Кашкаров – директором ГДК; Ю.А. Шилов – директором базы заготовок ОПС; В.Н. Яговцев – директором рынка; С.Э. Стрельцова – директором музыкальной школы № 2; В.П. Приходько – инспектором в комитете по охране природы; Н.З. Рябцев – председателем городского Совета; П.Я. Савинкин – главным инженером Ишимских электросетей; А.И. Бучинский – специальным корреспондентом газеты «Наше время»; Л.Н. Муравьева – начальником пионерлагеря им. Ленина; Л.К. Майорова – начальником отдела кадров вагонного депо; А.П. Вычужанин – заместителем начальника Тюменского отделения Свердловской ж.д. по социальным вопросам; В.Ф. Коробейников – директором РСУ бытового обслуживания; В.М. Горбатенко – тренером ДЮСШ; В.С. Юн – главным врачом горбольницы № 3; В.Д. Сологуб – заместителем директора коммерческого центра; В.И. Черновец – руководителем муниципальной инспекции; А.В. Креков – с ноября 1991 г. до 20.02.1993 г. был председателем малого Совета народных депутатов. Пенсионерами стали народные депутаты В.И. Костов, И.В. Бугай, М.М. Андреевко.

Энергия избранных представителей иногда переделивалась за край. Пытаясь взять на себя практическое решение различных вопросов городской жизни, депутаты часто блокировали работу административных органов. Нередко на эмоциях пытались принять решения, выходящие за пределы законодательных рамок и разумной логики.

Выборы 1990 года шли под лозунгом «Вся власть Советам!». Двойной смысл лозунга – избавиться от всевластия партийной номенклатуры и поставить под жёсткий контроль исполнительные органы. Впервые на местном уровне пришлось заниматься вопросами приватизации, коммерциализации, недвижимости, земельных ресурсов, формированием муниципальной собственности. Это время связано с появлением первых центров НТТМ (научно-технического творчества молодёжи) и кооперативов, с ваучеризацией.

9 апреля 1990 г. Президентом СССР подписан Закон СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР». Впервые в современной истории Закон выделил местное самоуправление из системы государственной власти и установил самостоятельность и независимость Советов народных депутатов, их ответственность за решение вопросов местного значения. Закон вовремя поддержал развитие местного самоуправления. Но главным недостатком его явилось то, что он не разделил чётко компетенцию между разными уровнями власти, обозначив только принципиальные подходы.

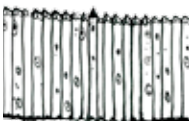
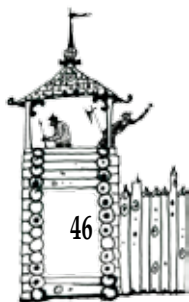
Новый Закон РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР» был подписан 6 июля 1991 года. Законом исключалось соподчинение Советов, вводилось понятие муниципальной собственности, вместо горисполкома появилась администрация (её главой в Ишиме был избран Виктор Александрович Рейн), ограничивалось совмещение должности председателя Совета и руководителя исполнительного органа, вводилось единоначалие на всех уровнях исполнительной власти, вводился механизм досрочного роспуска Советов.

Положительным решением следует считать устранение такого недостатка как громоздкость депутатского корпуса. Для исполнения Постановления Верховного Совета РСФСР «О порядке введения в действие Закона РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР»» до проведения выборов в местные Советы нового созыва предлагалось избрать из своего состава малый Совет по норме: одна десятая от числа народных депутатов.

Так в Ишиме в марте 1991 г. был создан малый Совет из 14 депутатов. Его члены: Макар Максимович Андриенко, Геннадий Павлович Бозылев, Геннадий Иванович Буль, Иван Васильевич Бугай, Александр Николаевич Гончаров, Александр Иванович Герасимов, Светлана Ивановна Григорьева, Наталья Васильевна Гультьева, Роза Ивановна Загнеева, Виктор Фёдорович Кожин, Любовь Фёдоровна Кожина, Александр Георгиевич Кутырёв, Николай Захарович Рябцев, Александр Павлович Турпак.

Малым Советам была передана значительная часть полномочий больших Советов, в результате ситуация на местах существенно улучшилась, но это не защитило от решения высшей власти о роспуске в 1993 году Советов всех уровней.

Этот откат на исходные административно-централизованные рубежи начался сразу после того, как по окончании жёсткой двухлетней борьбы определился расклад политических сил. Лозунги «За рыночную экономику, за либерализацию» никто не отменял, но сути происходящего они не меняли.

Фотоколлаж –
С.Сафронов,
Е.Гаврикова.

У руководителей органов муниципально-го самоуправления отняли стимул к активной деятельности, к собственной инициативе.

Указ Президента от 29.01.1992 г. отстранил органы муниципального самоуправления от процесса приватизации. У органов местной власти не было возможности сформировать необходимую муниципальную собственность. В то же время постановлением Правительства РФ ответственность за ход приватизации на территориях городов была возложена на глав администраций. Комитетам по земельной реформе и земельным ресурсам дали право приостанавливать решения органов местной администрации, Постановлением Правительства РФ одновременно выстраивается государственная «земельная» вертикаль до районного звена.

В такой ситуации оказалось местное самоуправление, которое на энтузиазме развивали тысячи руководителей по всей стране. Это те «кирпичики», которые составляли единый дом – государство, благодаря им этот дом удержался и не рухнул.

Октябрь 1993 года: стрельба, разогнан парламент. Судьба Советов всех уровней, а значит, и всего местного самоуправления предрешена. Из указа Президента РФ № 1760 «О реформе местного самоуправления»: «Деятельность городских и районных Советов народных депутатов прекратить, их функции выполняет соответствующая местная администрация».

Городской Совет народных депутатов XXI созыва прекратил деятельность 3 ноября 1993 г. Согласно другому указу Президента РФ, выборы новых представительных органов местного самоуправления должны были быть проведены в период с декабря 1993 г. по июнь 1994 г. В Ишиме выборы нового состава представительных органов

были назначены на 6 марта 1994 г.

Глава администрации города стал главой местного самоуправления – высшим должностным лицом на территории города. Было понятно, что у новых депутатов полномочия будут декоративные, т.к. основные рычаги и ресурсы – у главы города.

А сейчас вернёмся к высказыванию члена Государственной Думы В.И. Степковского 5 декабря 1916 г., приведённому в эпитафье. Прошло 97 лет. Что имеем?

В 2001 году было проведено крупное социологическое исследование. Опросы большого числа жителей и экспертов в 26 регионах России показали: «Все уровни власти в России в цепочке «Центр – губернатор – областная Дума – мэр – городская Дума» конфликтуют друг с другом. По мнению населения, (...) наименее конфликтным является уровень мэров городов». И ещё одна цитата оттуда же: «Наиболее уважаемая и авторитетная ветвь власти в общественном мнении - органы местного самоуправления».

Приложение.

Городские общественные советы по месту жительства

По состоянию на март 1990 года 135 избирательных округов были разделены на 24 администра-

тивных участка (от 3 до 6 округов в каждом). По сути административные участки были прообразом будущих советов ТОС (территориального общественного самоуправления), которые впервые в городе стали создаваться только в 1999-2000 годы и нашли законодательное закрепление с введением в действие ФЗ № 131 «Об общих принципах местного самоуправления в РФ».

Конечно, функции права и обязанности квартальных комитетов, объединённых в административные участки, отличаются от установленных законом, но цель и задачи те же – привлечь к участию в самоуправлении население города. Рамки статьи не позволяют отдать должное этой теме, но роль квартальных комитетов в поддержании порядка на территории города, взаимодействие их с органами власти бесспорна и заслуживает уважения к тем людям, которые бескорыстно десятками лет исполняли свои, порой неблагодарные, обязанности. Пусть опубликование нижеприведённых списков председателей квартальных комитетов и уполномоченных административными участками будут малой данью в память их заслуг. Именно они в первую очередь были связующим звеном в работе с народными депутатами, исполнительными органами, обеспечивая эффективность их работы.

В статье нет данных по 13, 14, 16 и 17 административным участкам ввиду отсутствия их в архиве. Автор приносит свои извинения.

Уполномоченная адм. участком № 1 Самусенко М.М.

Председатели квартального комитета: 1. Коневич Т.М. 2. Кузнецова В.И. 3. Ширинова Л.И. 4. Бридер Н.В. 5. Суслина З.К. 6. Галганова А.Г. 7. Муштукова К.И.

Уполномоченный адм. участком № 2 Шевцов В.И.

Председатели квартального комитета: 1. Макушина Т.Е. 2. Мануйлова А.Т. 3. Гутрова А.И.

Уполномоченная адм. участком № 3 Лыжина Н.Д.

Председатели квартального комитета: 1. Грищенко В.П. 2. Мазалова А.И. 3. Дьяченко Е.Е. 4. Константинова А.И. 5. Антошкина П.И. 6. Архипова М.Д.

Уполномоченная адм. участком № 4 Антонова Н.В.

Председатели квартального комитета: 1. Котова Н.В. 2. Лаптева В.А. 3. Залевская О.Н. 4. Краснова К.И. 5. Беспалов Н.И. 6. Карташкова Ф.А. 7. Плотникова Е.Е. 8. Мазалова Н.Г.

Уполномоченная адм. участком № 5 Клевцова В.И.

Председатели квартального комитета: 1. Гулецкая Л.П. 2. Клевцова В.И. 3. Васильев Г.П. 4. Ионова С.А. 5. Исакова А.С. 6. Марченко М.С.

Уполномоченная адм. участком № 6 Бальшиева М.К.

Председатели квартального комитета: 1. Фёдорова И.Е. 2. Галкина Л.А. 3. Ларионова А.А. 4. Чутина З.П. 5. Захарова Р.А. 6. Нестерова Е.Я. 7. Носков В.М.

Уполномоченная адм. участком № 7 Стёпина В.В.

Председатели квартального комитета: 1. Путилова Е.И. 2. Белова В.А. 3. Стёпина В.В. 4. Евсеева А.З. 5. Драчев П.С. 6. Жолнерова А.Т.

Уполномоченная адм. участком № 8 Поспелова И.И.

Председатели квартального комитета: 1. Галкина Г.В. 2. Хлопова В.М. 3. Лактионова Л.В.

Уполномоченная адм. участком № 9 Мануйлова М.С.

Председатели квартального комитета: 1. Шантурова М.А. 2. Хохлова Н.Г. 3. Андреева Л.В. 4. Гелясь Г.В. 5. Берсенёва Е.Е. 6. Коссинская Л.А. 7. Самсонова З.Г. 8. Тюменцева В.В.

Уполномоченный адм. участком № 10 Мансуров Т.Н.

Председатели квартального комитета: 1. Ясенчук А.П. 2. Кропанцева А.Е. 3. Пинигина Г.Л.

Уполномоченная адм. участком № 11 Максимович В.Д.

Председатели квартального комитета: 1. Воронина Г.К. 2. Старикова В.Ф. 3. Луста А.Г.

Уполномоченная адм. участком № 12 Курреева М.С.

Председатели квартального комитета: 1. Аверина Р.М. 2. Оргян О.В. 3. Панькина Е.Ф. 4. Пономарёва Е.П. 5. Курреева М.С. 6. Нестерова Л.И. 7. Малюгина З.В. 8. Посметухова Т.С.

Уполномоченная адм. участком № 15 Истратова Е.А.

Председатели квартального комитета: 1. Яковлева В.Н. 2. Горных В.В.

Уполномоченная адм. участком № 18 Новоселова Н.Г.

Председатели квартального комитета: 1. Стец Г.К. 2. Шорохова Е.Н. 3. Ширинов А.И. 4. Силецкая Г.И. 5. Едапина В.И. 6. Гурьева А.А.

Уполномоченный адм. участком № 19 Окунев Ю.И.

Председатели квартального комитета: 1. Дмитриева Т.И. 2. Левчук Л.Д. 3. Маслакова Ф.Н. 4. Гаврилюк З.С. 5. Ярославцева Л.Х. 6. Репкин П.А.

Уполномоченный адм. участком № 20 Лукашин И.А.

Председатели квартального комитета: 1. Голыбина А.С. 2. Ануфриева Т.В. 3. Лукашин И.А. 4. Тихонов А.В. 5. Голыбина А.С. 6. Зерова А.М. 7. Колесников В.И. 8. Герасимов В.

Уполномоченный адм. участком № 21 Чепкасов А.А.

Председатели квартального комитета: 1. Филиппенко П.М. 2. Еременко Е.П. 3. Жижин А.Н. 4. Якубовский И.К. 5. Федина Л.А. 6. Тюменцева Л.Г. 7. Шатилова Р.К.

Уполномоченная адм. участком № 22 Онищенко П.П.

Председатели квартального комитета: 1. Борисова А.И. 2. Чиркова А.В. 3. Баянов Г.Е. 4. Ваганова А.А.

Уполномоченный адм. участком № 23 Носков М.И.

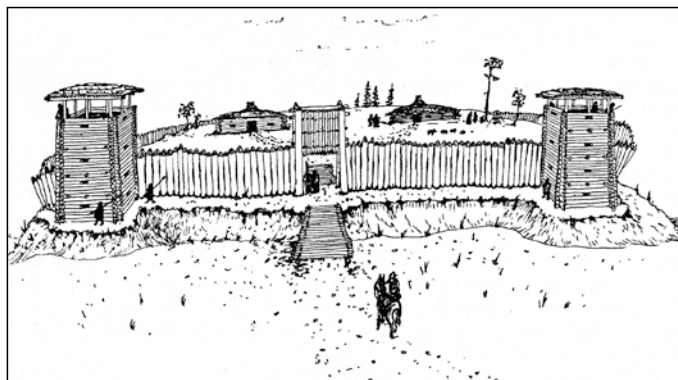
Председатели квартального комитета: 1. Константинова А.П. 2. Дудин Д.Я. 3. Губина А.Д. 4. Козлов Ф.В. 5. Алексеева В.П. 6. Усольцева Л.В. 7. Васильева З.Г. 8. Быковская Л.П. 9. Тихоненко Л.Н.

Уполномоченная адм. участком № 24 Орлецкая В.А.

Председатели квартального комитета: 1. Кубышева В.М. 2. Белова М.А. 3. Медведев В.Ф. 4. Селедкова Е.Д. 5. Полеводова Г.Н.

Городище «Ласточкино гнездо»

Вариант реконструкции городища «Ласточкино гнездо». Рисунок Рудольфа Симанова.

Ишимские бугры. Вид со стороны дер. Орловка. 1950-е гг. Фотография Г.П.Кузурманова. ИИХМ.

В 13,5 километра к югу от города Ишим и в 2,6 километра к северо-востоку от села Клепиково на территории памятника природы «Ишимские бугры – Гора Любви» на высокой сорокаметровой террасе реки Ишим расположено древнее городище с поэтическим названием «Ласточкино гнездо». В наше время это одно из излюбленных мест молодожёнов, так как с площадки мыса открывается великолепный панорамный вид на много километров вокруг.

В 2000 году на территории памятника экспедицией Института проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук (ИПОС СО РАН) начаты, а в 2013 году продолжены археологические работы, с помощью которых было установлено, что люди начали жили здесь около трёх тысяч лет назад, в переходный период от бронзового века к железному. В это время на мысу существовал небольшой посёлок, укрепленный частоколом. Через несколько веков жизнь на памятнике прекратилась и возобновлена была лишь в период раннего средневековья, когда в первых веках нового тысячелетия представители бакальской археологической культуры выбрали это место, чтобы основать здесь свой город.

Городище «Ласточкино гнездо» – необычный памятник. Помимо возможности осветить особенности жизни и быта древнего и средневекового населения, оно позволяет изучать редкие оборонительные сооружения – башни. До настоящего времени археологи не уделяли им должного внимания. Основная причина – трудоёмкость работы. Для того, чтобы раскопать подобное сооружение, требуется много сил и времени, и не всегда полученные результаты того стоят. Так или иначе, но на сегодня именно под Ишимом впервые большой площадью изучены оборонительные сооружения и башня средневекового периода.

Что же за люди в средневековое время обитали на этом месте?

Археологи установили, что в результате Великого переселения народов существовавшая в Западной Сибири богатая саргатская культура распалась. Часть населения (скорее всего, знать) вместе с гуннами откочевала на запад, на нашей же территории осталось лишь рядовое разрозненное население. В это же время в Тоболо-Ишимье проникают таёжные племена, предки современных манси и ханты. В результате контактов оставшегося саргатского населения и таёжных групп сформировалась новая археологическая культура, которую археологи назвали бакальской. (По принятой в археологии традиции название культуры даётся по месту, где впервые были обнаружены характерные для неё посуда и сооружения. В нашем случае впервые керамика бакальского облика была обнаружена недалеко от деревни Бакалда в Курганской области. Отсюда и пошло название – «бакальская культура».)

Остатки бастионов средневекового городища до проведения второго этапа раскопок. Апрель 2006 г. Фотография Г.А. Крамор.

стена. Такие городки, установленные на мысах, где помимо «вал-ров линий» их защищали и отвесные стенки мысов, превращались в неприступные крепости.

Жители «Ласточкина гнезда» также постарались отгородиться от враждебного мира. Вначале был построен вал – высокая стена, за которой вырыли ров. Но бакальцы посчитали эти укрепления недостаточно надёжными и построили на памятнике две башни. Они должны были ликвидировать «мёртвые зоны» обороны, не дать противнику незаметно подобраться к городищу. К сожалению, как показали результаты раскопок, городище просуществовало недолго. Мощные проколы грунта свидетельствуют, что посёлок погиб в огне.

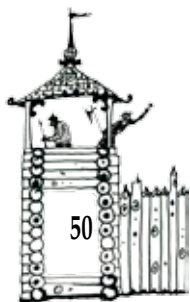

В процессе раскопок. Июль 2013 г. Фотография автора.

Отчего произошёл пожар – из-за нашествия врагов или из-за неосторожности самих жителей – ещё предстоит узнать. После камеральной работы (обработки материалов, оцифровки чертежей) можно будет выполнить словесную и графическую реконструкцию данного сооружения – сначала на бумаге, а потом, может быть, удастся и в натуральном масштабе воссоздать древнее городище. Большое количество проб, отобранных от деревянной конструкции башни, позволит с помощью методов радиоуглеродного анализа точно и надёжно датировать памятник. В настоящее время мы полагаем, что памятник существовал в III-IV вв. н.э.

Жило население бакальской культуры в деревянных домах, сооружённых из жердей и брёвен, дополнительно утеплённых землёй. По берегам рек и озёр сооружали сезонные постройки, где жили в летнее время во время заготовки рыбы либо во время кочевания со своими стадами. Разводили лошадей, овец, крупный рогатый скот, охотились на косуль и лосей, добывали пушного зверя. Женщины занимались изготовлением посуды из глины, прядением и ткачеством, выделкой шкур, пошивом одежды, изготовлением берестяной и деревянной утвари. В средневековое время, в середине I тысячелетия н.э., активно велась торговля, в том числе и со Средней Азией. Покупали преимущественно украшения, посуду, ткани. Украшения изготовляли и сами, преимущественно из бронзы – это могли быть гривны, которые женщины носили на шеях, браслеты и перстни, бисер, которым расшивали одежду.

В ходе изучения городища в 2013 году был обнаружен совершенно не характерный для данной категории памятников объект – погребение. В небольшой (около 1х0,5 м) могилке был захоронен ребёнок. Он был уложен на спину, голова немного наклонена к правому плечу, ноги согнуты в коленях и подогнуты под себя. К сожалению, от тяжести земли череп ребёнка разрушился. В дальнюю дорогу в загробный мир с ним были уложены горшочек с пищей, кусочек баранины и рыбка. Конечно, до наших дней сохранились от баранины – только

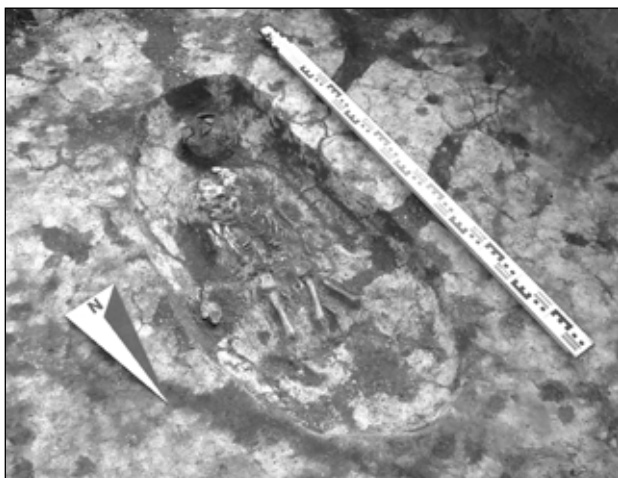

Раскоп на уровне материка. Июль 2013 г. Фотография автора.

он существовал, какова его историческая судьба. Средневековые городища по реке Ишим практически не изучены. Поэтому в 2014 году археологи вновь планируют проведение раскопок на городище Ласточкино гнездо. В новом полевом сезоне нам хотелось бы собрать большую дружную команду, поэтому приглашаем к участию в раскопках школьников и студентов города Ишим и Ишимского района. Ведь это

кусочек кости, а от рыбки – кости, чешуя и жаберные крышки. Предположительный возраст ребёнка – 3-4 года. Точнее возраст и пол определяют антропологи после изучения черепа и тазовых косточек. Помимо антропологов, в определении даты погребений помогут химики, с помощью радиоуглеродного анализа они определяют время захоронения с точностью до 50 лет. Пока мы полагаем, что это переходный период от раннего железного века к средневековью – где-то II-III вв. н.э.

Несмотря на то, что археологами давно изучаются памятники бакальской культуры, в истории этого населения на нашей территории ещё много «белых пятен». До настоящего времени учёные спорят о времени происхождения этого народа, как долго так заманчиво – открывать тайны, которые до сих пор скрывает земля.

Погребение ребёнка. Июль 2013 г. Фотография автора.

В экспедиции, которая состоялась в июле 2013 года под руководством автора статьи, также приняли участие кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории археологии и естественно-научных методов ИПОС СО РАН Светлана Владимировна Берлина, аспирант ИПОС СО РАН Николай Попов, сотрудник Тюменского областного Музейного комплекса им. И.Я. Слоцова Константин Барабанщиков и четверо волонтеров из колледжей и школ Тюмени. Хотим выразить искреннюю благодарность людям, без помощи которых наша экспедиция могла бы не состояться – директору Культурного центра П.П. Ершова Н.Л. Проскуряковой, генеральному директору ОАО «Ишимская обувная фабрика» В.Г. Степанову, главе администрации МО «Клепиковское сельское поселение» В.В. Ключникову и участковому уполномоченному полиции отдела УУП и ПДН МО МВД РФ «Ишимский» майору полиции В.В. Ренёву.

Природа - ведение

П. С. Ситников

Памятник природы – гора Любви

Информаци-
онный стенд о
памятнике при-
роды (уничтожен
вандалами).

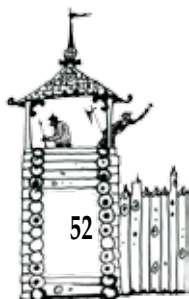
2008 г. Фотография
автора.

Этот памятник природы хорошо знаком всем ишимцам, хотя и среди них находятся такие особи, кто ни разу там не был. Может, это и к лучшему...

К сожалению, большинству ишимских обывателей это чудное место известно лишь как аналог моста Влюблённых в Тюмени. Только тюменцы вешают металлические замки, выбрасывая в Туру ключик. Наверное, чтобы не было желания у кого-то из супругов втихушку снять замочек и этим колдовским действием разрушить их брачный союз. У ишимских молодожёнов другая «фишка»: свадебный кортеж едет за 12 километров от города на

древнюю и очень высокую террасу реки Ишим, чтобы на одиноко стоящую старую берёзку повязать какую-нибудь тряпицу. Причём чем выше вскарабкается бедный свидетель (это именно его обязанность), чем выше повяжет тряпочку, тем, видимо, выше и чище будут супружеские отношения. На самом деле тот рад обычно только одному, – что не шваркнулся оземь в то самое время, когда были заняты руки навязыванием сомнительного украшения, ведь цепкий хвост, согласно учению дедушки Дарвина, мы уже давно утратили.

Конечно, на красивом панорамном месте, где всегда дует ветерок, внизу серебристой змеей изгибается река, стрекочут кузнечики и благоухают цветочки, нужно постоять, сфотографироваться. И обязательно выпить за здоровье молодых (по другому укреплять здоровье мы обычно не умеем), а пустую тару... Куда бы её деть??? – Может, с собой увезти? – Нет, такого, наверное, ещё ни разу не бывало, судя по склону и полянке, щедро усыпанным пустыми бутылками и битым стеклом. Где-то у индийских йогов это целое искусство, когда босыми ногами! А здесь – это традиция, которую можно и нужно жёстко загасить двумя взаимодополняемыми средствами. Во-первых, установить и хотя бы раз в неделю менять мусорный контейнер (а лучше – врыть его в землю по самую кромку, чтоб не портил пейзаж). Во-вторых, посадить в кусты парочку юных хулиганов с рогатками и наделить их правом больно, по мягкой и широкой мишени, наказывать тех, кому не захочется дойти до контейнера. Таких «жертв» будет никак не меньше половины, хотя потом статистика должна пойти на убыль (условный рефлекс академика Павлова действует на всех, от глистов до обезьян). Кстати, это гораздо забавнее, чем натягивать верёвку поперёк трассы с мчащимся кортежем молодожёнов и выпрашивать подаяние, уподобляясь грязным бомжам и псевдонизимам. Кстати, на роль хулиганов выстроится километровая очередь. Я бы и сам записался! В цивилизованных странах этим занимается экологическая полиция и крепко наказывает огромными штрафами. Но у нас своя страна, свой менталитет, и даже в центре Тюмени такая мера, введённая

Ковыль на пологом склоне горы Любви. Июнь 2006 г. Фотография Г.А. Крамора.

к летнему мусорному сезону в 2008 году, практически не работала.

Кстати, это географическое место – гору Любви – наши предки облюбовали ещё несколько тысяч лет назад. На ровной площадке перед обрывом учёные обнаружили остатки древнего городища, а чуть южнее, за глубоким оврагом, захоронения. Раскопы археологов уже давно зашорканы подошвами отдыхающих, поэтому об историческом значении этого места никто обычно и не вспоминает. Хотя горой Любви её назвали, наверное, гораздо позже, уже в новое время, когда там давно никто не жил, а ближайшие деревни располагались в нескольких километрах по ту и другую сторону.

Влюблённым парочкам наверняка было очень удобно встречаться именно там, где их никто издали не увидит, а тут ещё и ветерок сдувает всех комариков, поэтому как следует влюбляться друг в друга ничто не мешает.

В восторге от горы Любви, кстати, не только влюблённые парочки, но и влюблённые в своё дело исследователи дикой природы: ботаники, зоологи, энтомологи. Но те уже по другой причине, о которой никто, увы, не поведает, а знать-то надо бы. Может, и относиться к памятнику природы будут по-другому. Красочный, стильно оформленный аншлаг, к сожалению, давно уничтожен вандалами, испытывавшими на нём меткость своих ружей. Поэтому теперь многие и не догадываются, что пять минут назад запоганили не просто какую-то там горку, а природоохранную территорию, своеобразный микро-заповедник дикой Природы, официально учреждённый постановлением Правительства Тюменской области № 200-п от 31 августа 2007 года. Теперь самая пора рассказать и об этом.

Впервые большая группа биологов побывала на горе Любви 19 июля 2000 года во время комплексной экспедиции «Тюменская лесостепь», организованной департаментом экологии области и призванной выявить места обитания редких видов животных, растений и грибов. Заодно – аргументированно предложить территории, где можно учредить новые памятники природы. Одним из таких мест как раз и оказалась впоследствии гора Любви. Тому есть масса объяснений.

Самое интересное и редкое из того, что нашли там биологи, как раз обитает не на той площадке, где тусуется праздный люд, а на так называемых «неудобьях» (этот народный географический термин обозначает земли, которые неудобно косить и распахивать): в глубоких оврагах и на крутом склоне, куда детей гулять не пускают, а взрослый и сам не рискнёт. Зато трезвые и вполне здравомыслящие биологи как горные козы разбрелись тогда по всей высоте в поисках редких видов. Такое «прочёсывание» за пару часов принесло просто кучу сюрпризов.

Во-первых, крутой склон, обращённый к солнцу, весь порос степной растительностью, которая, вероятно, существовала здесь ещё в доледниковый период и сохранилась почти в неизменном виде (как хорошо, что это – «неудобье!»). Среди экзотических трав встречаются десятки видов редких растений из Красной книги Тюменской области. Расскажем о них поподробнее*.

Самые первые, ещё по весне, когда кроме жухлой прошлогодней травы ещё ничего не видно, пробиваются подснежники (прострелы желтеющие). Чуть позже – цветы ещё красивее: низкий ирис и весенний адонис, оба глянцево-ярко-жёлтые. В то же время пучками цветёт оносма простейшая.

В июле можно заметить ярко-зелёные стрелки лука-слизуна (как только не догадались им закусывать при пикничках!). Там же на крутых склонах пригрелся очень экзотичного вида гониолимон красивый и степной шалфей. Простым таким жёлтым цветочком, типа одуванчика, прикинулся австрийский козелец. Зверобой здесь тоже краснокнижный, – носит официальное название изящный. Самый декоративный облик – колючий сиреневый шарик на тонкой ножке – у обыкновенного мордовника; народ это тоже замечает, поэтому с годами его становится всё меньше и меньше.

Самый заметный на склоне, особенно в конце лета – это развевающийся на ветру ковыль. Впрочем, его можно встретить и на берегах Андреевского озера, и даже в самой Тюмени – на берегах озера Цимлянского. Но здесь растёт ковыль сразу пяти

* См. также фотографии на цветной вклейке.

разновидностей: перистый, Лессинга, Коржинского, Залесского и волосатик. Среди малозаметных видов – овсец Шелля, сибирский истод, татарская марена.

В оврагах, среди берёз, от глаз обывателей прячутся не менее красивые редкие растения: лилия кудреватая, сибирский василёк... На обоих берегах Ишима под горой Любви заросли съедобной редкой ягоды - сизой ежевики, которая поспевает ближе к августу. Кстати, собирать её ягоды разрешается!

Цикада зелёная.
Фотография
автора.

Там, где редкие травы, обязательно будут и редкие насекомые, - одного без другого в природе не бывает. На степном склоне в 2000 году летали крупные коричневые бабочки – сатиры Бризеида, типичные степняки, обычные лишь в Казахстане. И чудом попалас Статилин, – этого сатира можно считать самой редкой из всех дневных бабочек области, т.к. он – южный вид, типичный представитель кавказской фауны. Его даже южнее, в Курганской области, ещё ни разу не встречали! В расщелинах почвы можно встретить крупных глянцево-чёрных жуков – степных медляков (тоже Красная книга), известных пока лишь в трёх-четырёх аналогичных местах юга области. При опасности они встают на голову, задирая брюшко высоко вверх, видимо, считают, что так они выглядят страшнее. На самом деле – не страшнее божьей коровки!

Звуковой фон лета наряду с поющими птичками всегда создают поющие насекомые. И прежде всего – кузнечики. Но на горе Любви они поют в хоре с уже профессиональной певичей, систематически относящейся к семейству певчих цикад, – зелёной цикадой. Именно здесь удалось качественно сфотографировать это красивое, редкое и очень осторожное насекомое. Пришлось изрядно за ней погоняться, так как при малейшей опасности эта цикада улетает метров на 10-15 и буквально

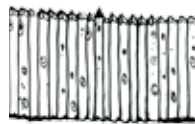
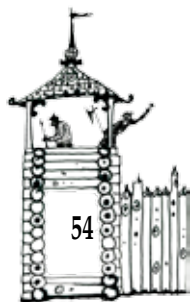
Ящерица прыткая. Фотография
Г.А. Краморы.

сливается с такой же зелёной растительностью. Вычислять её приходится только по голосу, чуть-чуть отличающемуся от трелей певчего кузнечика.

Если кому-то кажется, что ради букашек и травок и не стоило учредить памятник природы, скажу: напротив, это самая важная часть Природы. Это птицы и звери могут улететь или уйти за несколько десятков километров, найдя себе глухое место для размножения, а «малые наши братья», как правило, лишены таких возможностей: растениям не всегда подходит почва, насекомым – состав растительности: надо, чтобы там было именно то растение, которым питаются личинки. Иногда краснокнижное насекомое и не может существовать без краснокнижного растения. Например, адонисовый листоед – без весеннего адониса. Или как колорадский жук без картофеля. Впрочем, второй пример я привёл для шутки. Ведь до того, как этого жука привезли в Европу, он и вредителем-то не был, кушал себе какие-то сорняки у себя в Америке и назывался десятиполосым листоедом (именно так переводится его латинское название). А тут - такая вкуснятина, зачем же отказывать себе в удовольствии! Мы ведь тоже картофель предпочли репе, которая веками кормила Русь.

Впрочем, мы отвлеклись. Лучше бы насекомых-вредителей кто-нибудь так же ел, а то каждый год полчища гусениц непарного шелкопряда столько берёз обгладывают, что больно смотреть на такой лес. Кстати, на горе Любви есть весьма симпатичный любитель потрапезничать насекомыми – это прыткие ящерицы. В 2000 году экспедицией было установлено, что их здесь живёт гораздо больше, чем в любых других местах Тюменской области. Убежищем ящерицам служат длинные и глубокие почвенные разломы, в таких местах и мышевидных грызунов навалом, – не надо копать норки лишний раз. Именно поэтому ваш покорный слуга как-то поймал там весьма толстую гадюку, никто из участников экспедиции тоже такую крупную не видел. Выпустили её обратно, конечно, пусть жирует на мышах и полёвках дальше.

Вряд ли мелкие животные сохранились на горе Любви в таком количестве сейчас, это заметно даже по растениям: обеднение по некоторым редким видам – в разы, даже ковыля не видно! И виной тому – Человек. Точнее, весенние палы, оставляющие на обугленной поверхности склона лишь стёкла и бутылки, которые под лучами солнца зачастую сами служат источником самовозгорания. Выход здесь один – экологический десант. Добровольцы, студенты и школьники, надев перчатки (иначе все порежутся!), захватив мешки и надев туристическую обувь с глубокой рифлёной подошвой, должны одним разом, в один день убрать все стёкла и прочий мусор и вывезти его в город. Проводить эту акцию необходимо как минимум каждый год, весной или осенью, когда трава либо не выросла, либо почти вся за лето от солнца выгорела, тогда весь мусор будет как на ладони.

Судьба Мещанской рощи

Мещанская, Берёзовая, Хуторская, Амелинская – все эти названия относятся к роще в юго-западной части Ишима, тянущейся вдоль улицы Казанская. Мой интерес к этому зелёному островку города не случаен – в роще располагалась родная средняя школа № 7, которую окончила я, мои сёстры и мой сын. Нам довелось и с шелкопрядом бороться, и очищать лес от бытового мусора. Мы бегали кросс на площадке школьного стадиона, участвовали в туристических слётах на территории лесного массива, осваивали лыжню, проложенную инструкторами по периметру рощи. Майская зелень деревьев служила нам фоном для прощальных фотографий с «последнего звонка» и выпускного бала.

Каюсь, что интерес к истории рощи появился у меня не в пору юности, когда многие могли подробно рассказать об этом историческом месте города. Сейчас тех, кто помнит Мещанскую рощу в её первоначальном виде, осталось немного. Автор благодарен им за то, что они нашли возможность ответить на мои назойливые вопросы. Кроме того, некоторые сведения и воспоминания о роще удалось найти в архивных источниках.

«Ещё в 1930-е годы, в пору своего детства, мы собирали на поляне у Мещанской рощи землянику, примерно в районе нынешней школы № 2. Дальше рос крепкий строевой берёзовый лес с густым подростом, мощные высокие прямые деревья в обхват. Роща тянулась в длину до Красного Яра (близ плодотомника), в ширину – от реки Ишим до реки Мергенъка. Справа от дороги тогда было озеро, к нему мы пробирались сквозь густые заросли тальника. Долгое время неподалёку от озера сохранялся колодец. Противозидемические бараки, которые потом стали больницей, находились глубоко в лесу по левой окраине. В роще были видны углубления в земле в виде окопов, вырытые, видимо, во время боёв в 1919 году. С юго-западной стороны рощу постепенно вырубали и строили жилые дома. Место это называли Хутор. Мы, мальчишки, ходили в лес за кладками птиц и наслаждались многоголосьем птичьего грая. Помню, что в первые послевоенные годы, когда от рощи оставался лишь нестройный ряд пенёчков, мы ходили через бывший лес на лыжах».

Георгий Петрович Кузурманов, 1928 г. рождения.

«Мещанская роща стояла на окраине города, поэтому когда в конце XIX века встал вопрос о строительстве бараков для больных холерой, то строить их начали именно вдоль тракта Ишим-Петропавловск между рощей и рекой Ишим. В советское время эти бараки заняла вторая (хирургическая) больница (ныне снесена). Когда началась Великая Отечественная война, древесина рощи пошла на отопление бараков и частных домов. После войны рощу вновь засадили деревьями, но дальше того места, где она начиналась до войны. За рощей был питомник, откуда мама в первые послевоенные годы привозила сливы, облепиху, смородину. Тогда мы не имели садов, и питомник очень помогал ишимцам запастись ягодами и фруктами».

Нелли Валентиновна Деева, 1936 г. рождения.

«Роща была густая, я запомнила темноту этого берёзового леса. Мы туда бегали за луковичками саранок (диких лилий). Наша семья жила на Хуторе, в доме на улице Берёзовая (ныне Магистральная). Это была уже окраина города, совсем рядом с рощей. Потом деревья вырубали. Оставались пенёчки разной высоты. Также стали видны окопы, вырытые, видимо, в Гражданскую войну. Многие семьи разрабатывали землю вокруг них для посадки картошки».

Валентина Ивановна Макушина, 1933 г. рождения.

«В своих воспоминаниях о предвоенных годах мне хочется отметить особое место, которое занимала в нашей жизни Мещанская роща, – берёзовый лес с могу-

Вид на рощу и бывшие «холодные бараки» (впоследствии 2-я Советская больница) из-за реки Ишим. 1910-е гг. Фоторепродукция. Архив М.А.Бровко.

чими столетними берёзами. Эта роща начиналась сразу за городом (за Хутором) между Петропавловским и Тюменским трактами. Мещанской она называлась потому, что была местом массового выезда горожан «на природу». Особенно людно там было летом и по праздникам. Роща постепенно переходила в обыкновенный берёзовый лес. Во время войны он, несомненно, помог нам выжить. В роще был огромный грачовник. На могучих берёзах насчитывалось по 10-12 гнёзд. Мы, мальчишки, питались грачиными яйцами, потом перестреляли и съели грачей. А после горожане спилили и сожгли в печах и саму рощу. Сгорев, она спасла людей в зимнюю стужу...

*Мещанская роща, мещанская роща,
Как много ты значила для нашего города!*

*Принимая гостей на отдых и праздник,
Ты приветливо ветвями качала.
Светлые блики белых берёз
Отражались в лицах весёлых.*

*Алеет земляника на бруствере окопа,
Как будто капли крови обронены в траве
Бойцами далёкой Гражданской войны.*

*Спасая от смерти иззябших людей,
Ты сгорела сама,
Когда вся страна, напрягли силы,
Боролась с коричневой чумой фашизма».*

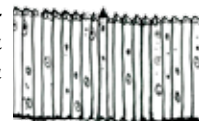
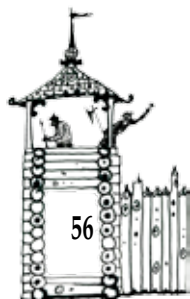
Михаил Иванович Толкачёв, 1928 г. рождения.

Таковы воспоминания ишимских старожилов.

Поэтичные описания Мещанской рощи мы находим и в опубликованных мемуарах людей, уже ушедших в мир иной. Такой увидели рощу молодые ишимцы, выехавшие на загородную прогулку в одну из первых весен XX века:

«...Вот такими улочками и катилась молодая кавалькада за город в чудесную берёзовую рощу. Возле городов ещё хранятся такие рощи, и, если хозяева городов берегут их десятками и даже сотнями лет, они обращаются в естественные прекрасные парки, – правда, без аллей, но с излюбленными дорожками, полянами и массой цветов.

Такие рощи очень чисты, ибо все, даже самые мелкие, сучки и хворост от падающих со временем сухих веток тщательно подбирают городская беднота, проходящие обозы, таборы и городские жители, выезжающие сюда по воскресным дням попить чайку на «вольном воздухе», а то и кутнуть где-нибудь возле речки на лужайке.

Роща, о которой идёт рассказ, была расположена между рекой, на которой стоял город, и её притоком – маленькой речкой, местами переходящей в ручеёк, местами разливающейся в широкое кочковатое болото, богатое утинными выводками, бекасами и дупелями.

Почти сразу за городом, проехавши с полверсты по тракту, Эдвард свернул вправо, и линейка покатила по просёлку, поросшему между колеями травой, уже высокой, но совсем ещё свежей и сочной...

Роща уже приблизилась. Что и как скажешь про белоствольную подругу российского колорита! Широкие, спокойные, некоторые плакучие, – они сияли сейчас молодыми, облитыми блестящим соком листьями, распустившими свои бурые серьги-червячки – этот скромный цвет благочестивой обитательницы наших лесов.

Каким-то особым уютом всегда обдаёт берёза, хочется смотреть на неё, скромную, тихую, приветливую, как на добрую ласковую сестру, одетую в неснимаемый мягкий траур. Редко растущие широкие и могучие берёзы красовались своими густыми кронами. И тихо, и спокойно было в роще. Совсем где-то недалеко высвистывали жёлтые невидимые иволги свою простенькую переливистую руладу, однообразную, но никогда не надоедающую, благодаря особенно приятному для уха мягкому звуку, который по тембру в точности не извлечёшь из

В Мещанской роще. 2 мая 1939 г.
Фотография.
Архив М.А.Бровко.

одного инструмента. Кукушки теперь коротко повторяли свои рыдания, которыми они упивались на утренней заре...

Лошади пошли шагом. В этом месте было особенно хорошо. Дорога шла бугорком через поляну и почему-то широко врезалась в мягкую почву, так, что походила на миниатюрную железнодорожную выемку, склоны которой были усеяны незабудками...»

Анатолий Алексеевич Постников (1889-1953), повесть «Тахта»
(«Коркина слобода», № 9, 2007, с. 154-155).

Про традиционный майский выезд в 1906 году на «пикник» в рощу вспоминала ветеран коммунистической партии Ксения Павловна Чудинова:

«Приближалась весна, и политические ссыльные решили отметить праздник трудящихся – Первое мая – майвкой в лесу.

Накануне Леонид впервые заговорил со мной особенно серьёзно и таинственно. – Завтра, – начал он почти шёпотом, – мы хотим собраться в берёзовой роще. Придут товарищи. Не могла бы ты, Ксюша, покараулить в это время на опушке... Если увидишь чужого человека или городского, тут же свистни. Ты ведь, я знаю, умеешь свистеть не хуже любого мальчишки.

Я немедленно согласилась...

И вот утром первого мая мы с Петькой стоим на стрёме. Было холодно. Весна к нам в Сибирь приходит поздно, и, хотя по календарю наступил май, деревья стояли ещё без листвы; сквозь проталую землю едва пробивалась первая нежная зелень травы, а под бугорками белели крупные головки сибирских подснежников...»

Ксения Павловна Чудинова (1893-1993), повесть «Юности прекрасное начало»
(Москва, изд-во «Детская литература», 1979, с. 15-16).

Довоенный облик Мещанской рощи, начинавшейся «на западной окраине нашего города сразу же от табачных плантаций», красочно запечатлела краевед Мария Александровна Бровко:

«Мещанская роцца... Здесь под сенью вековых берёз усталый путник находил себе приют и отдых. Здесь жители Ишима собирались по праздникам, в знойные летние дни слышались звуки гармошки и задушевные народные песни. В начале Мещанской роцци было небольшое лесное озеро, заросшее камышом. На поверхности его цвели водяные лилии. Их золотистый цвет придавал озеру волшебную красоту. По берегам росли черёмуха и шиповник.

Как хорошо было в берёзовой роцце весной и летом, когда лесные поляны покрывались ковром голубых незабудок и попевала душистая земляника! А сколько здесь было груздей и волнушек! За грибами ходили и взрослые, и дети. Наступала осень, и над лесным озером поднимались стаи диких уток, направляясь на юг...

Началась Великая Отечественная война, тяжёлая, кровопролитная. Предприятий в Ишима становилось всё больше и больше, прибывали эвакуированные. Наступила зима 1941 года. В тот год она была лютой, а отопления – угля и дров – было мало. Работу на предприятиях в военное время остановить было невозможно, и началась в тот роковой год порубка пригородной Мещанской роцци. В домах у жителей Ишима было холодно и голодно. Молодёжь уходила на фронт, а старики и дети замерзали в неоплеченных горницах. Они поддерживали порубку роцци.

Шли дни, годы, порубка продолжалась. Плакали дети, когда вырубали лес. Сколько там было кудрявых берёз! В сорок пятом году порубка закончилась. На месте Мещанской роцци осталась пустыня. Сохранилось лишь несколько деревьев у метеорологической станции, а чудесное озеро превратилось в болото...»

Новопостроенное здание школы № 7. Вид со стороны роцци. Начало 1970-х гг. Фотография. Музей школы № 7.

«Изучая историю Ишима, я встретила с документальными материалами о жизни и деятельности учёного-философа Н.А.Аравийского. Николай Алексеевич очень любил природу. Его дети Александр и Евстолия под влиянием отца увлеклись достопримечательностями стеного простора за рекой Ишим, куда отец перевозил их на лодке. Много времени проводили они и в Мещанской роцце... Лесные тропинки, небольшое озеро, водяные лилии на нём и стаи диких уток – эта живая картина нашего края на всю жизнь осталась в памяти его детей... Всё это я узнала из писем профессора Александра Николаевича Аравийского, с которыми переписывалась много лет».

Мария Александровна Бровка (1908-2000), учебное пособие «Ишим - город исторический» (Ишим, 2000, с. 77-78); статья «Мещанская роцца» (газета «Ишимская правда», 1 октября 1992 г.).

Возрождение памятной ишимцам роцци, пусть и на меньшей территории, началось в послевоенные годы.

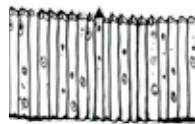
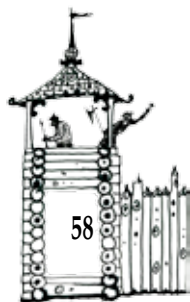
«Бывшая загородная роцца. Когда-то, в былые времена, она называлась «Мещанским лесом». Чудесный был лес. Потом его вырубали, а на месте бывшего леса начали рыть огороды. Сейчас загородная роцца будет восстановлена. 10 гектаров площади уже засажены различными деревьями, среди которых много культурных – яблонь, сирени, ясеня, акации, американского клёна и других пород».

Газета «Серп и молот», 25 июня 1948 г.

«В 1950-е годы мне довелось ходить пешком из деревни Первое Песьяново на Ишимскую пимокатную фабрику. Носила шерсть для валяния пимов. Мастерские находились на окраине города, слева от роцци. Это уже был не густой лес, а заново высаженные молодые деревья».

Анна Прокопьевна Нечунаева, 1925 г. рождения.

Учитель истории, заведующая музеем МОУ СОШ № 7 Татьяна Ивановна Артёмова предоставила материалы из фондов музея, в которых раскрываются и трагические страницы истории роцци.

Ученики школы № 7 на прогулке в роще. 1980-е гг. Фотография. Архив автора.

Первые саженцы аллеи выпускников. 1968 г. Фотография. Музей школы № 7.

«Мой дедушка Игнатъев Григорий Петрович жил в селе Бердюжье. Колхоза тогда ещё не было, хозяйство вели единолично. У дедушки были две лошади, немного земли. Однажды фельдшер попросил его завезти в больницу. Тем временем дедушка заехал в лес покормить и напоить коней. Прошло несколько дней, домой он не вернулся. Его жена (моя бабушка) обратилась в милицию. Через некоторое время ей сообщили, что в роще обнаружили труп неизвестного мужчины. Приехав в Ишим, она его опознала. Это случилось в 1922 году. Того, кто его убил, так и не нашли. В то время в роще свирепствовали бандиты. Они забрали коней, сняли с деда сапоги и верхнюю одежду. Свидетелями этих расправ стали белые берёзы...»

Галина Фёдоровна Квасюк,
учитель географии.

«Городская тюрьма была переполнена. Ночь. Железные ворота тюрьмы с шумом распахнулись. Показалась группа людей, сопровождаемая солдатами. Они шли по направлению к эпидемическим баракам, потом повернули в рощу. Арестованных остановили. Застучали о землю лопаты. Залп. Застонало эхо в вершинах вековых берёз... Ещё долго в лесу стоял стон умирающих людей».

Это цитата из записей, хранящихся в архиве школьного музея. Текст составлен на основании рассказов очевидцев в советское время. Почти дословно мы встречаем его в статье М.А.Бровко о коммунисте Порфирии Гаранине, расстрелянном летом 1919 года по приговору колчаковских властей. Но есть сведения и о том, что в пору политических репрессий в 1937 году на краю рощи хоронили в безымянных братских могилах расстрелянных в ишимской тюрьме. Места этих захоронений неизвестны.

В 1964 году по решению городского совета в роще заложили фундамент новой школы – № 7. 10 июня 1968 года она открылась. Директором назначили Георгия Дмитриевича Амелина. Педагогический коллектив и учащиеся сразу стали заботиться о роще. Первые выпускники заложили новые аллеи. В 1987 году школьники защищали берёзовую рощу от шелкопряда, в 1996 году вырубали сорные деревья и кустарники. Ежегодно ученики проводят очистку леса от мусора.

Биологи отмечают, что на территории лесопарка «Берёзовая роща» произрастают 5 видов из трёх семейств древесно-кустарниковой растительности, 33 вида из тринадцати семейств травянистых растений. Доминантными являются берёза повислая, берёза пушистая и сосна обыкновенная (на отдельных участках). Древесно-кустарниковые насаждения парка оцениваются как здоровый древостой. На рощу оказывается достаточно сильная антропогенная нагрузка, которая обусловлена её расположением в черте города. По всей территории проложены тропинки, что ведёт к уплотнению почвы и отрицательно сказывается на видовом составе и обилии растений.

В роще находится стадион – место активного отдыха местного населения и соревнований городского значения.

В 2003 году в управлении архитектуры и градостроительства появился план с названием «Благоустройство рощи». Планом предполагалась застройка рощи частными домами и постройка кольцевой дороги вокруг рощи для выезда из коттеджей. При этом 18 процентов деревьев должно было быть вырублено. Благодаря совместным действиям депутата Городской думы, директора МОУ СОШ № 7 И.А.Прокопцева, педагогического и ученического коллективов, родительской общности и Совета ветеранов Ишима проект застройки рощи был отклонён, и роща спасена.

Публикуется с дополнениями Г.А. Крамора.

Музей провинциальный

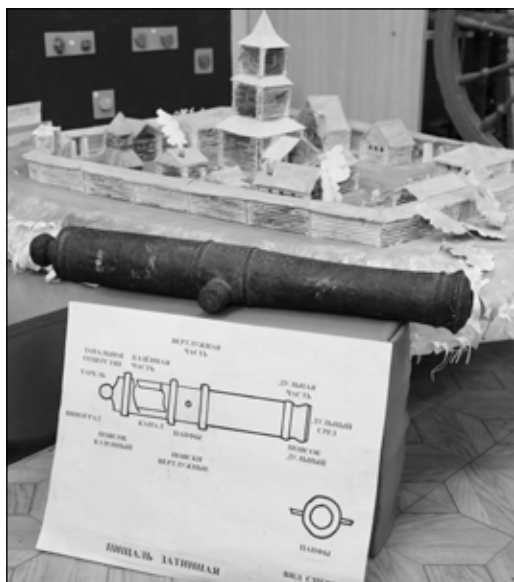
Л. У. Марикова

¹ Очерк написан в 2005-2008 годах. (Прим. ред.)

² Начало школьного музея – краеведческая комната, руководителем которой в 1967 году стала учитель Нина Ивановна Селянинова. (Прим. ред.)

Музейное братство заложено крепкое

На выставке «Наш край в древности» в Ишимском краеведческом музее можно увидеть новый экспонат на временном хранении¹ – полуфунтовую дальнотарядную крепостную пушку. Ее культурная ценность подтверждена в музее-заповеднике «Московский Кремль». Мне же довелось увидеть эту пушку «дома» – в музее городской школы № 7. И тогда о её раритетности специалисты только спорили.

Пушка начала XVIII века, найденная у села Пахомово.

Мне так и не удалось выяснить, случайно ли в этот час в школьном музее оказалась его основатель И.К.Дюсенбаева². Да и не так это, наверное, важно. Важно, что встретила я с увлечённым человеком, сумевшим не просто создать музей, а зажечь ребячьи сердца и умы мыслью о том, что музейное дело – особая поэзия. Поэзия любви к родному городу, улице, по которой каждый день идёшь в школу, любви к своей семье, в чьей родословной тоже есть непрочитанные страницы. Инна (Инкар) Кусаиновна чувствовала свою ответственность как учитель истории и за души учеников, и за поколения, уже отжившие, но передавшие нам доброе слово, прочную вещь, полезный навык, заветы нравственности, красоты, а в целом – великие духовные ценности. Она соединила в небольшом кабинете день вчерашний и день сегодняшний во имя будущего. Через лучшее прошлого она стремилась открыть лучшее в современных школьниках. И на пятачке школьной площадки рождалось сотрудничество, приносящее удовлетворение и учителю, и ученикам.

Преемницей Инны Кусаиновны стала учитель истории Татьяна Артёмовна, краевед по внутренней потребности. И всё-таки провести для меня экскурсию она попросила Инну Кусаиновну, отдавая тем самым дань уважения, а сама убежала срочно звонить. Как потом пояснит, звонила научному сотруднику городского краеведческого музея Н.Л. Проскуряковой по поводу той самой пушки, чтобы узнать, установили ли её «родословную». Вот и получается, что Инна Кусаиновна заложила истоки, обозначила направления школьного краеведческого музея и вместе с детьми наполняла его предметами старины далекой, страницами летописи микрорайона и его именитых жителей. А Татьяна Ивановна, сберегая накопленное богатство, продолжила поиск, работая над описанием каждого предмета.

В общем, убежала Татьяна Ивановна звонить, а Инна Кусаиновна со знанием дела и какой-то внутренней интеллигентностью рассказала о многих экспонатах. Я чувствовала её любовь к каждому предмету, потому что за ними стоит целая эпоха

Инна Кусаиновна Дюсенбаева. Фотография из музейного архива.

Кости древних животных, найденные школьниками в походах с И.К. Дюсенбаевой.

её жизни, за ними стоит чья-то конкретная судьба. Но вначале немного о судьбе И.К. Дюсенбаевой. Учительскую биографию после окончания педагогического института в Казахстане начала в школе-интернате № 1 г. Ишим, а потом перевелась в новую школу № 7 – «на всю оставшуюся жизнь». Опыт создания музея в виде популярной в те годы Ленинской комнаты у нее был. Решила взяться на общественных началах за краеведческий музей, понимая, что на близком и родном легче заложить в сердца детей настоящий патриотизм. Поддержали идею коллеги, но за дело взялась с классом, в котором была классным руководителем.

– Многие из тех выпускников сейчас работают сами учителями, – говорит Инна Кусаиновна, – и в родной школе тоже. Это Инна Андреевна Шилова, первый председатель музея, Лена Осинцева, сейчас преподаватель русского языка, Марина Красникова тоже здесь работает, Татьяна Агафонова – завуч в школе № 8. Они многое делали по поиску, распространению материала, были прекрасными экскурсоводами, занимали призовые места. Много было увлечённых историей ребят. Много было родителей, которые помогали... Бывало, до 8-10 вечера сидели мы, вдохновлённые этой работой.

– Скажите, а почему именно музей? В Вас ощущается глубокий ум, наверное, можно было, например, заняться наукой?

– Тянуло именно к этой работе. Она вдохновляла, хотя и неоплачиваемая, и зарплата учителя тоже была небольшой. Ходили по домам, собирали, вели беседы, писали письма... Большую помощь оказывали шефы – автоколонна 1319. Вот эту стелу в музей они сделали и записали имена тех своих рабочих, которые не вернулись с войны. Именно люди автоколонны – ветераны войны, труда – стали героями нашей первой рукописной летописи.

– Самые первые экспонаты помните?

– Это результаты раскопок горы Кучум. В то время разрешалось нам ходить на экскурсии. Нашли вот эти кости, бивень мамонта. Потом – предметы старинного обихода, домашняя утварь: глиняные горшки, кувшины, чу-

гунки, ступки, серпы, ухваты... Мы за ними ездили в Пахомово, потому что дети из этого села учились в нашей школе.

Я, видевшая раньше многие подобные вещи, всё-таки многому удивляюсь, например, разнообразию литых утюгов, «пробую» их на вес, изумленно замечая:

– Это какой силой должна была обладать женщина, чтобы утюгом работать...
– Таким тяжёлым утюгом гладили в основном мужчины. Шинели шили из сукна тяжёлого, их и гладили. А вот смотрите, какой утюг – с трубой...

– Чтобы пар выходил?

– Не просто пар, а дым. Внутри можно было положить горящие угли, чтобы постоянно и дольше поддерживать жар. А вот уже другая эпоха: керогаз, каска пожарного, керосиновые лампы, прялка, которую привезли из Травного... Каждый предмет для меня дорог, потому что мы собирали со всего света. А это рубель (каторк) и валёк для глажения, – вновь хочет удивить меня Инна Кусаиновна, но не получается, потому что такой ручной прибор я видела в действии в умелых руках моей бабушки, Елены Селивёрстовны Карасёвой. И ножницы железные большие у нас были, и хват. Защемило внутри, доброй памятью сердце отозвалось о детстве, о людях любимых.

А Инна Кусаиновна переходит к следующей экспозиции – старинных книг и иконок. «Библейская книга» в кожаном переплете с боковым крючком для закрытия поступила от учителя истории Н.Я. Долгих, «Псалтырь» – от одного из активных помощников музея, ветерана Великой Отечественной войны Я.И. Ермилова, есть книги

Часть коллекции утюгов.

из семейной библиотеки самой И.К.Дюсенбаевой, которыми пользовался во время учёбы ее отец. «Принесла, здесь нужнее, отец был учителем, в казахской школе вёл русский язык, в русской – казахский. Это программы по обучению русскому языку». Я ещё долго стою у этой витрины, рассматриваю столетнюю афишу, факсимиле газеты «Искра» от 1 декабря 1900 года и «Омскую правду» за 8 декабря 1936 года, книгу из собрания сочинений Д.Н.Овсянниково-Куликовского издания 1914 года, которая имеет штамп Ишимской мужской гимназии, а потом принадлежала образцовой школе им. Сталина, «Журнал для хозяек» от 20 марта 1911 года и другие. Здесь же – чернильница-непротолк-важка, ручка с железным пёрышком. И литая рюмка, найденная при разломе деревянного дома на ул. Малая Садовая. «Это очень старинная вещь. Так же как и коробка для хранения конфет, табака». Веет «преданиями старины далёкой»...

Коллекция газет «Омская правда» за 1936 год.

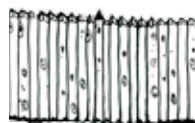
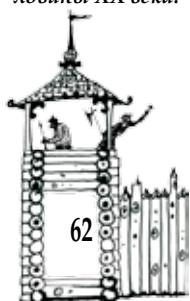
А далее – тревожное время. Великая Отечественная... Вот этот репродуктор-тарелка когда-то приносил горестные и радостные вести с фронта. Полевая сумка, польский котелок, который известный уже нам Я.И. Ермилов получил в обмен на свой от друга-поляка под Старой Руссой в 1943 году, осколок, удалённый из тела фронтовика В.И. Склюева уже в мирное время, камешки из стен Брестской крепости... И старый, без каймы, ажурный чёрный платок, обозначенный на выставке как «Платок печали». Инна Кусаиновна поясняет, что в нём женщины нескольких поколений одного рода оплакивали не вернувшихся с поля брани мужей, сыновей и что изготовлен он ещё до Октябрьской революции. Несколько рукописных книг об ишимцах – ветеранах Великой Отечественной написали под руководством И.К.Дюсенбаевой и пишут сегодня под руководством Т.И.Агафоновой учащиеся школы № 7: «Письма с фронта»,

Педагогические книги первой половины XX века.

«Наши деды – наши гордость», «У войны – не женское лицо»... Множество историй о конкретных людях... Множество фотографий... Т.Г. Шастунова, А.Л. Каранчук, А.П. Гончарова, М.Е. Кутырёв. – всех не перечислишь. А Инна Кусаиновна помнит каждого из этих героев, помнит, как выходили на новое имя, вели поиск, вступали в переписку с родными из других городов. И с благодарностью несколько раз говорит о бывших шефах – автоколонне 1319 – и о том, как такое взаимодействие было выгодно и школе, и предприятию. Теснее была связь между отцами и детьми... В год 60-летия Великой Победы эти экспозиции зазвучат вновь актуально – во имя мира и патриотизма. Есть в музее и страницы о других войнах – афганской, чеченской. Если бы история включала только светлое...

Т.И. Артёмова, вернувшись в музей, сообщает, что описание их пушки отправлено в Московскую Оружейную палату.

Экспозиция о военных годах с шинелью Г.Г. Игнатьева.

Инна Андреевна Шилова показывает один из экспонатов школьного музея.

– Эту пушку мы из-под Пахомова привезли, – вспоминает И.К. Дюсенбаева, – ребята меня так таинственно в поход позвали. «Что там делать?» – говорю. А они: «У нас пушка есть!» «Каких лет?» – заинтересовалась я. «Не знаем. Говорят, со времён Гражданской войны». Небольшая, тяжёлая... Так мы и не смогли пока определить... Из областного краеведческого музея у нас просили кости мамонта, пушку, радио, другие предметы. Но я ответила, что если после меня никто этим не будет интересоваться, тогда можете взять, а пока я за это отвечаю.

– Пушка может быть и из Коркиной слободы. А может, и с Пугачевского восстания. Нам самим интересно, – говорит Татьяна Ивановна.

Позднее из заключения учёных станет известно, что «орудия этого рода широко распространялись в российской крепостной артиллерии после указа Петра I о замене в крепостях имевшихся там бронзовых орудий на чугунные (1718)».

– Вот ведь как получилось: мы собирали вещи, а углубиться в историю каждой не было времени, – задумчиво произносит Инна Кусаиновна.

– Получается, что основу Вы заложили, а более кропотливо по истории вещи предстоит работать сегодняшним любителям истории?

– Предстоит атрибутировать предметы, установить их причастность к той или иной эпохе, – поясняет Татьяна Ивановна, и рассказывает, как в музей принесли солдатскую шинель:

– Её принесла наша учительница Галина Фёдоровна Квасюк и сообщила, что носил шинель Григорий Григорьевич Игнатьев. Он родился в крестьянской семье в Бердюжье, окончил школу, сельскохозяйственный институт, поступил в Ульяновское училище Красной армии, в звании лейтенанта направлен на фронт. Командовал взводом, погиб в 24 года. Его матери Анастасии Фёдоровне Игнатьевой в память о сыне была выслана эта шинель и командирская полевая сумка, назначена пенсия... Вот его фотография, копия похоронки...

– Она долго не отдавала, берегла, говорила, что шинель хранит запах её сына, – говорит Инна Кусаиновна.

– Я как раз хотела спросить, как люди расстаются с вещами?

– Часто – трудно, потому что памятно для них. Особенно старые люди, словно от сердца отрывают. Молодые легче расстаются. Так было и с письмами с фронта... Потом, увидев, что я долго работаю в школе,

что храню их вещи, что это хорошо воздействует на их внуков, они приносили сами, – поясняет И.К. Дюсенбаева, затем рассказывает об орденах, медалях... Вновь – судьбы людей. – Я словно несу вечную ответственность, вдруг кто-нибудь спросит: «Где мои награды?» Они верили... Просили помочь в поиске родных...

Сколько же историй хранится в школьном музее... Со временем музей переехал в новое большее помещение. Помощь в оформлении интерьера оказывали предприятие «Мостстройсервис» (Б.П. Елизаров), фирма «Ясень» (Л.П. Шляхова), аэропортклуб (А.Л. Мякишев).

Т.И. Артёмова сумела сохранить традиции краеведческого музея школы № 7. Гордится, что при И.К. Дюсенбаевой музей занимал 1 место в областном смотре, а уже при Татьяне Ивановне получил 2 место в городском конкурсе. И Инна Кусаиновна спокойна – передала в надёжные руки, человеку с горячим сердцем.

– А это посмотрите, из архива Падышевых. Собственноручно нарисованная открытка маме на день рождения от сына Анатолия Падышева, 25 января 1942 года, – спешит поделиться Татьяна Ивановна.

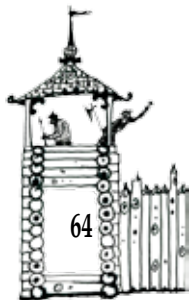

Татьяна Ивановна Артёмова. Фотография из музейного архива.

Каска пожарного середины XX в.

³ С 2010 года Т.И. Артёмова работает учителем истории в пос. Толька Красноселькупского района Ямало-Ненецкого АО. Музей школы № 7 ныне возглавляет Инна Андреевна Шилова. (Прим. ред.)

Татьяна Артёмова – удивительно скромный человек. В 2008 году за активную работу по патриотическому воспитанию она награждена Почётным знаком «Патриот России». Поздравляю её с этим событием, активисты музея удивляются: «Как? Вы даже не рассказали нам?». «Да что я? – машет рукой Татьяна Ивановна, – это всё вы...». «Вы» – её ученики, в которых поистине души не чаёт. Они прибегают сюда на каждой перемене и после уроков. На вопрос: «Зачем?» – отвечают вначале коротко: «Интересно здесь всё!». Потом всё-таки рассказывают подробнее.

Екатерина Ковалёва вела поиск о ветеранах-учителях, участниках Великой Отечественной и советско-финляндской войны. Круг интересов Марины Антошкиной, которой Катя передаёт пост председателя совета музея, – Русская Православная Церковь.

Дарья Антошкина тоже уходит во взрослую жизнь из школы № 7, в которой проучилась всего два года. Но каких! На конференции «Шаг в будущее» заняла 2 место с работой «Медаль «За отвагу». Этот военный знак доблести нашли и принесли в музей мальчишки.

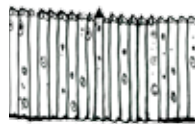
Сейчас сделали запрос в архивы, чтобы по номеру определить хозяина медали. Но ручеек поиска перетёк в наши дни. Даша нашла воинов-афганцев, награждённых медалью «За отвагу», записала интервью с ними, устроила с одним – В. Тепловым – встречу в музее.

У Руслана Шалыгина несколько призовых мест в различных конкурсах, а за 3 место в областной конференции «Шаг в будущее» он получил очень желанное приглашение в ТюмГНГУ. Александр Насекин победой в городской олимпиаде по истории и высшим баллом по ЕГЭ обеспечил себе поступление в ИГПИ им. П.П. Ершова. Наталья Рагозина и Анна Кульпина дружат с музеем с 5 класса, их «конёк» – Коркина слобода. Екатерина Консевич занимается корейской войной. У Елены Копощко 3 место в Краеведческих чтениях. Пополнение материала по теме «Мгновения истории» постоянно продолжается, потому что это – рассказы о достижениях сегодняшних учащихся школы № 7. Каждую победу, каждый маленький успех заносит Лена в летопись школы.

Юля Ботова восстанавливает страницы родословной. Её прапрадед Филат Медведев был репрессирован и расстрелян в Ишиме. Юля получила из архива документы. С работой «Никогда больше» была призёром городской конференции «Шаг в будущее», областной «Родом из Сибири». Следующая семейная история – о прадедушке Василии Елунине, лётчике, который доблестно погиб в годы войны, прикрыв своим самолётом крылатую машину товарища.

Все активисты музея гордятся сопричастностью к истории города. Результат их поисков – оформление новых экспозиций, рукописных книг, в городе открыто несколько мемориальных плит. Ученики начинали рассказ о себе со слов благодарности Татьяне Артёмовой – учителю, руководителю музея, организатору краеведческих дел. Она же, в свою очередь, каждого называет яркой звёздочкой, делает упор на их успехах и росте, жалеет, что вот таких общих теплых встреч было не много, больше – индивидуальное общение. И для неё сегодня – «отрада сердца, что все вместе». Выпускной бал разлучит многих. И в отличие от других этих ребят будет роднить ещё и музейное братство³.

Фотографии и фоторепродукции Г.А. Крамора.

О АРХИВНОН ПОЛКИ

«Дадена нам задача...»

Из писем ветеранов 229-й дивизии

Немногим бойцам 229-й дивизии второго, «ишимского» формирования удалось выйти живыми из того боя в Сталинградской битве. Тем важнее воспоминания каждого из них. В музее ишимской школы № 31 собран драгоценнейший архив воспоминаний и фотографий тех, кто воевал в составе 229-й стрелковой дивизии.

М.К. Бусарев.
Ишим. 1942 г.

Вот выдержки из письма одного из ветеранов – омича Михаила Кирилловича Бусарева, 1904 года рождения, присланное юным следопытам в 1970-х годах. Всего один день боя сделал его инвалидом на всю жизнь.

«В 229-й стрелковой дивизии служил в 783-м стрелковом полку, в батарее 45-миллиметровых орудий, в 3-м взводе рядовым красноармейцем. Прибыл в полк в январе 1942 г., выбыл в июле 1942 г. по случаю ранения на фронте...»

Наша часть прибыла в Сталинград в июне по железной дороге. Выгрузились из вагонов. Походной колонной полк дошёл до реки Дон. Остановились на позиции, а через сутки вновь двинулись походной колонной вдоль Дона, дошли до города Калач. После короткого отдыха часть походной колонны подошла к переправе, перешли на другой берег реки Дон – и снова движение с короткими отдыхами. Дошли до реки Нижний Чир, переправились вброд и пошли по направлению к совхозу № 79. Там полк был расположен к обороне.

Наш 3-й взвод с двумя 45-мм орудиями занял оборону: оборудовали площадку, отрыли окопы и т.д. Дадена нам задача: отбивать танковые атаки проходящих немцев. Мне было дано приказание осуществлять связь с командным пунктом полка.

С 10-11 часов начались бои по всей линии обороны полка. Около нашего отделения находился командир взвода Орлов и комиссар батареи Волнушкин. Я два раза доставлял донесения на командный пункт полка. На позиции нашего взвода было пока спокойно.

В середине дня комиссар батареи дал мне приказание: разыскать кухню и накормить личный состав взвода. Кухня была на 1-1,5 км позади наших позиций. Я нашёл кухню, получил обед и всё, что положено. Стал пробираться в свой взвод. По всей линии обороны полка шёл бой – миномётно-артиллерийская «дуэль».

Когда я прибыл на позицию 3-го взвода, то из личного состава там был один красноармеец по имени Яша, 18-летний юноша на должности «ездовой орудия». И стояло одно орудие. На нас шли немецкие танки, стреляя на ходу из пушек и пулемётов. Я встал к орудию наводчиком, а Яша – заряжающим, и мы повели огонь по подходящим танкам. В результате подбили два танка – порвали гусеницы. Они закрутились на месте. И ещё подбили миномётную установку.

Тут появилась группа танков – 6-8 штук. Они повредили нашу пушку – сорван был щит и заклинило вертикальную наводку. Мы припасли противотанковые гранаты, но тут произошло неожиданное для нас: по немецким танкам дали несколько залпов наши гвардейские миномёты – «катюши». Все подходящие танки дымили, горела и вся территория, где крутились подбитые танки. Немцы замолчали.

Тут мы с Яшей опомнились: запрягли лошадей к орудию и бричке с боеприпасами и погналы галопом к отходящим нашим подразделениям. Когда же немцы опомнились, то стали обстреливать нас автоматно-пулемётным огнём. И тут я полу-

чил два ранения: одно в грудь, касательное, а второе сквозное. Девушка-санитарка забинтовала мне раны, и я снова сел на бричку и доставил её до командной группы. Начальник штаба полка по фамилии Монарха принял от нас орудие и боеприпасы и направил на медпункт.

На медпункте 783 полка мне обработали раны и сказали, чтобы пробирался в медсанбат дивизии для направления в госпиталь. В это время немецкие бомбардировщики непрерывно обстреливали позиции нашего дивизионного артполка – вероятно, искали «катюши».

Настал вечер. Дорогой меня посадили на бортовую автомашину лично состава «катюш» и доставили в санбат. Тем и закончилось моё участие в боевых действиях».

Я.А. Белкин.
1970-е гг.

А вот строки из письма жителя с. Чернолучье Омской области Якова Лаврентьевича Белкина, 1905 г.р.:

«В начале войны я служил в зенитно-артиллерийском полку 88 Зап. СибВО, который был отправлен на фронт, а меня отправили в распоряжение СибВО, откуда в декабре 12 числа был направлен в г. Ишим во 2-е Ленинградское авиачулице. Когда же здесь стала формироваться 229 дивизия (командир Арсений Георгиевич Сабуров), при ней был сформирован 130 отдельный истребительный противотанковый дивизион. Я был назначен автотехником этого дивизиона, служил там до декабря 1945 года.

В начале мая 1942 года мы выехали на фронт в Горьковскую область, в г. Балахна, ждали там материальную часть, пушки, машины и через месяц выехали в Рязанскую область, г. Скопино. Там получили материальную часть и пушки и направились на Сталинградский фронт, проезжая через города Саратов, Энгельс, мимо озёр Эльтон и Баскунчак. Выгрузились на баржи и поплыли в г. Сталинград, где выгрузились на железной дороге со своими вагонами и поехали до станции Катлубань. Там выгрузились и через г. Калач поехали до совхоза № 43, переплыв реку Дон. За совхозом № 43 в двух-трёх километрах заняли линию обороны.

Во второй половине июля 1942 г. мы приняли бой, и в первом же бою погиб командир 130 дивизиона капитан Стешикин.

С Нижне-Чирской и до Карповки вели произвольный отход, дойдя до станции Сурукино. Там встретились с противником, вели бои и попали в окружение. С окружения вышло очень мало солдат. Сбор был около речки Царица. При выходе из окружения погиб командир 229 дивизии Фёдор Фёдорович Сажин, а комиссар Бондаренко вышел и стал командовать отступлением.

Таким образом мы дошли до Сталинграда, до уличных боёв. Там мы пробыли до сентября 1942 г., а потом были переправлены в Нижнюю Ахтубу на отдых и новое формирование, которое было около г. Волоколамск...»

В.А. Носков.
1970-е гг.

И ещё выдержка из письма Василия Афанасьевича Носкова, 1922 г.р., уроженца Омской области:

«В январе 1941 г. я был призван на действительную военную службу, а в начале 1942 г. был направлен в г. Ишим... При формировании 229 дивизии меня зачислили в дивизионную конную разведку в должности рядового. В первых числах мая 1942 г. нас отправили на фронт, сказали: на защиту города Сталинград. В Горьком недалеко от Сормова нас высадили, и мы простояли около месяца, а потом поехали в Рязанскую область...»

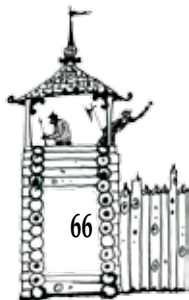
В Сталинграде мы сдали своих лошадей и нас присоединили к 783 стрелковому полку. Пошли маршем до р. Дон, и в десяти километрах заняли оборону.

Рано утром 25 июля мы приняли бой с немцами, где я был ранен в мягкие ткани ноги. Сделали перевязку и стали искать выход из окружения, но выйти не смогли и попали в плен.

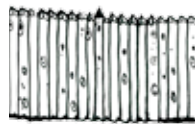
Находился в лагере военнопленных в г. Новошахтинск, заболел тифом и был изолирован в больницу села Николаевка. По выздоровлении... мне удалось сбегать во время отправки военнопленных дальше в тыл врага. Скрывался в одной из деревень...»

В марте 1943 года при освобождении нашей территории я вновь оказался в действующей армии...»

Фотографии из
фондов музея школы
№ 31, г. Ишим.

Подготовил Г. А. Крамор.

Сталинградская улица – «метеор» ишимской ТОПОНИМИКИ

Улица Болотная
к северу от пере-
крёстка с ул. им.
Маркса.
Весна 1957 г.
Фотография
М.С. Горячева.
Архив
Н.П. Хрулёва.

Протокол № 5 заседания исполкома Ишимского городского Совета депутатов трудящихся 30 января 1959 года

Председательствовал тов. Белов И.Н.

Присутствовали: зам. председателя исполкома горсовета т. Деев Г.И.

Секретарь исполкома горсовета тов. Иванов Г.И.

Члены исполнительного комитета (...) т.т. Шорохов, Поваляев, Николаенко, Сырей-
щиков (...)

№ 11. Слушали: о переименовании улиц города Ишима.

(Докл. руковод. земгруппы т. Готов).

Исполком городского Совета решил:

1. В целях упорядочения с нумерацией и названием улиц, а также принимая во внима-
ние просьбу отдельных граждан города, произвести переименование следующих улиц: (...)

16. Улица Болотная – улица Сталинградская.

17. Проезд Болотный – переулок Сталинградский. (...)

Машинопись.

Госархив в г. Ишиме, ф. 150, оп. 1, д. 132, лл. 167, 170.

Протокол № 18

заседания исполкома Ишимского городского Совета депутатов трудящихся
Тюменской области, РСФСР от 22 ноября 1961 года

№ 167.

Слушали: Заявления организаций и трудящихся города. (...)

Слушали: О переименовании улиц им. Сталина и Сталинградской и детских им.
Сталина.

Учитывая многочисленные пожелания трудящихся, исполком городского Совета
решил:

1. Переименовать ул. им. Сталина в улицу Мира, ул. Сталинградскую и переулок
Сталинградский – в улицу и переулок им. Ф. Энгельса, детские им. Сталина – детские
№ 1. (...)

Машинопись.

Госархив в г. Ишиме, ф. 752, оп. 1, д. 155, лл. 215, 216.

Публикация – Г. А. Крамор.

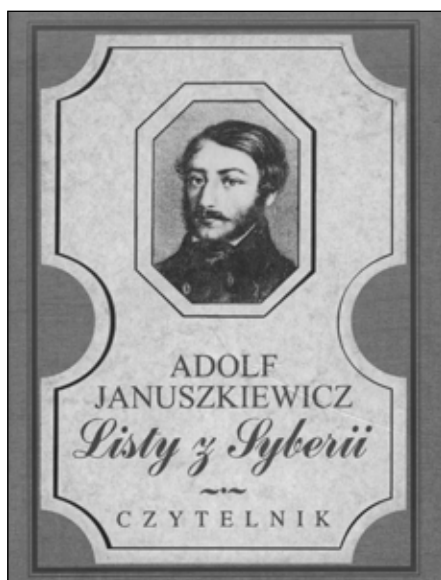

Ершов и его современники

М. П. Савченко

Адольф Янушкевич и Александр Одоевский: встреча в Ишиме

Обложка книги
Адольфа Янушкевича «Письма
из Сибири» с портретом автора.
Варшава, 2003 г.

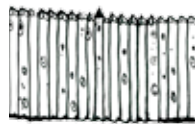
Знакомство и совместное пребывание Адольфа Янушкевича (1803-1857) и Александра Одоевского (1802-1839) в городе Ишим Тобольской губернии продолжалось в течение года (август 1836 – август 1837). После пятилетнего «каторжного» периода в Читинском остроге и Петровском заводе и трёхгодичного поселения в Елани (36 вёрст от Иркутска) Одоевский был переведён в Ишим, куда он приехал в августе 1836 года.

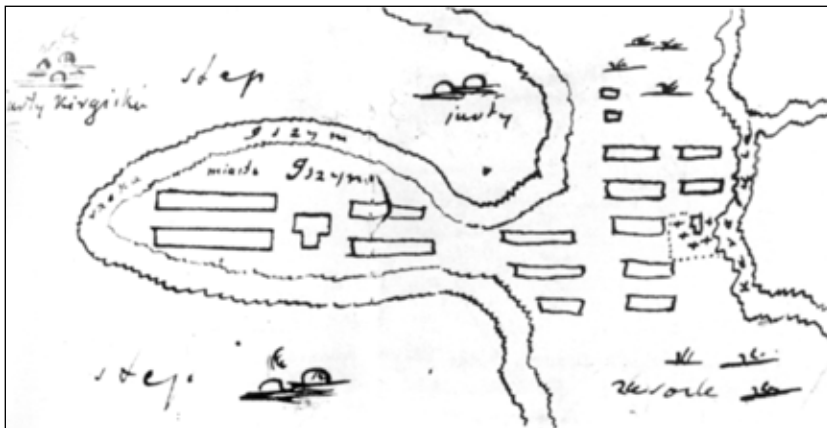
К этому времени Янушкевич уже находился в сибирской ссылке четыре года. Как участник вооружённого восстания 1830-1831 гг. он оказался в Западной Сибири весной 1832 года. С 6 мая 1832 г. по декабрь 1833 г. Янушкевич жил в Тобольске, а с 10 декабря 1833 г. – в деревне Жилияковка Ишимского округа, расположенной на небольшой речке Карасуль в версте от Ишима. С начала 1835 года ему было разрешено поселиться в самом городе.

Сразу же обратим внимание на факт отсутствия дневниковых или эпистолярных свидетельств о встречах в Ишиме как со стороны Янушкевича, так и Одоевского. Возможно, такие записи существовали, но до нашего времени они не дошли.

По этой причине особую значимость приобретают воспоминания декабриста Н.И.Лорера, который хорошо знал Одоевского по ссылке в Восточной Сибири. Впоследствии он был переведён в Курган, а в 1837 году в числе других декабристов отправлен на Кавказ, где проходил службу с А.И.Одоевским. Лорером были записаны многие стихи поэта.

Выйдя в отставку в 1842 году, Лорер работал над мемуарами «Записки моего времени», в дальнейшем частично опубликованными в журналах «Русский архив» (1874 г.) и «Русское богатство» (1904 г.), и над прибавлениями к «Запискам», в которые вошли собранные им и до той поры в основном не напечатанные стихотворения А.И.Одоевского. В полном виде мемуары Лорера с названием «Записки декабриста» вышли в 1931 году. В своих воспоминаниях Лорер отмечал: «Одоевский был поселён в Ишиме Тобольской губернии. Там он сошёлся с одним поселенцем, поляком Янушкевичем, очень образованным человеком, много путешествовавшим, сдружился с ним, полюбил, и они были неразлучны. Этот яркий патриот во время польского восстания вернулся из Италии, но был уличён в противуправительственных мыслях и действиях и сослан в Ишим. Одоевский, как поэт, написал

План Ишима, который Адольф Янушкевич отправил Адаму Мицкевичу.

¹ Троицкая церковь при городском кладбище была отстроена вначале из дерева по разрешению Святейшего Синода от 21.01.1827 г. Она сгорела 2.01.1840 г., после чего попечением купеческой фамилии Еманакowych возобновлена в кирпичном исполнении и вновь освящена 21.01.1843 г. (См.: Крамор Г.А. Православные храмы Ишима // Ишим и Приишимье: страницы истории: колл. монография. – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П.Ершова, 2013. – С. 224.) Поскольку план составлен в 1836 году, то Янушкевич отобразил на плане деревянную, а не каменную, Троицкую церковь. (Прим. ред.).

письма Адольфа Янушкевича родственникам в Литву. Следует отметить, что письма Янушкевича, умершего вскоре по возвращении на родину в 1857 году, доставлены были во Францию. Братья покойного Евстахий и Ромуальд в 1861 году напечатали их в Париже. Книга называлась «Zywot Adolfa Yanuszkiewicza i jego listy ze stepow kirgizkich». Её второе издание вышло в Берлине в 1875 году. Книга состояла из двух томов – в первый входила биография Янушкевича, написанная его другом по Виленскому университету Феликсом Вротновским, с включёнными в неё выдержками из писем самого Янушкевича; второй том содержал в основном путевые записки Янушкевича, связанные с его поездкой по Казахстану.

Первый перевод «Писем из киргизских степей» с польского языка на русский был выполнен в 1966 году исследовательницей польско-русских культурных связей Ф.И.Стекловой (1910-1980) и вышел отдельной книгой в Алма-Ате. Но, интересуясь в первую очередь отражением в эпистолярном и дневниковом наследии Янушкевича темы Казахстана, Фаина Ивановна почти не затронула здесь восьмилетний ишимский период его жизни.

Научная публикация сибирских писем Янушкевича в их максимально полном виде состоялась в 2003 году в Варшаве. Её подготовкой занимались историки литературы Януш Одровонж-Пенёнжек и Галина Гебер [2].

В своих письмах Янушкевич создаёт выразительные зарисовки города в «рамке» его окрестностей, рассказывает о заботах и развлечениях ишимцев – коренного населения и ссыльнопоселенцев, – о зимних бурях и летней жаре, о поездках на охоту в степи за рекой Ишим и занятиях садово-огородными делами. Незадолго до приезда в эти края Одоевского Янушкевич нарисовал план города, который отправил в Париж Мицкевичу. Этот документ сохранился в Польской библиотеке и музее Адама Мицкевича в Париже.

На рисунке показан город, окаймлённый двумя реками: Ишимом, образующим крутую петлю на юге, и Карасулью, в просторечии ишимцев – Карасулькой, с северной стороны. В основной части города, омываемой с трёх сторон рекой Ишим, указана площадь с большой каменной Богоявленской церковью в центре. Эта главная достопримечательность города того времени возводилась в течение ряда лет – с 1775 по 1814 год. Во второй же городской части, с расположенными с востока на запад кварталами, обращает на себя внимание кладбище с другим храмом – частично построенной каменной Троицкой церковью. Завершение её строительства состоится в 1842 году, через год после отъезда Янушкевича из Ишима¹. За пределами городского пространства, как это хорошо видно на плане, свободно раскинулись по всей степи юрты казахов, называемых в XIX веке киргизами.

Какие события происходили в жизни Янушкевича во время пребывания в этом городе А.И.Одоевского, то есть с августа 1836 по август 1837 года? Этот отрезок времени отражён в одиннадцати или десяти, если считать днём приезда Одоевского в Ишим 21 августа [3, с. 42], сохранившихся письмах Янушкевича. Их содержанием становятся события повседневного существования Янушкевича, заботы бытового характера, проблемы со здоровьем, охота на зайцев в близлежащих степях, обучение грамоте двух маленьких дочек ишимского мещанина Гаева, рассказ о Пасхе, особенностях ишимского климата, а также история прощания с невестой Стефанией Гиновской, сообщившей в Ишим о своём предстоящем замужестве.

ему... прекрасные стихи – «А. М. Янушкевичу, разделившему со мной ветку кипарисную с могилы Лавры» [1, с.179].

Не располагая иными прямыми свидетельствами по данному вопросу, попытаемся дать представление об обстановке, в которой происходили встречи Одоевского с Янушкевичем: о городе, людях и событиях 1830-х гг. XIX века. Основным источником таких сведений для нас являются

Есть в письмах и упоминания товарищей по ссылке – подполковника Северина Кшижановского и унтер-офицера Юзефа Новака. Здоровье Кшижановского, руководителя Патриотического общества, арестованного в 1825 году, было подорвано следствием и ссылкой, в 1832 году он был доставлен из Тобольска в Ишим, а в октябре 1836 года у него проявились признаки умопомешательства. Именно об этом и сообщает Янушкевич своим родным. С Юзефом Новаком, унтер-офицером 3 полка пехоты армии Царства Польского, участником Ноябрьского восстания, потерявшим в битве ногу, Янушкевич до приобретения собственного дома жил на общей квартире у Гаева. В Ишим Новак попал в 1834 году.

Адольф Янушкевич. Портрет работы художника Я. Краевского, созданный в Ишиме в 1835 году.

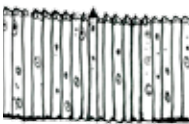
Надо сказать, что в Ишиме этого времени образовалась целая колония поляков, в которую входили также майор Ансельм Ивашкевич, член Патриотического общества, арестованный в 1826 году и проживавший в Ишиме с 1829 года, князь Киприан Воронецкий и дворянин Киприан Хороденцкий, находившиеся в Ишиме с 1832 года. В 1835 году в сибирском городе оказались Каспер Бабский, Леон Грохольский, Евгений Лемпицкий, Густав Зелинский. Почти в то же время в Ишим были отправлены за попытку бегства в повстанческие отряды в Литве корнет Ингерманландского полка гусар Павел Чеплинский, выпускник медицинского факультета Московского университета Каспер Шанявский и поручик Аренсбургского батальона внутренней охраны Михаил Морачевский [4, с. 136].

Безусловно, можно предположить знакомство Одоевского с кем-то из этих ссыльных, принимая во внимание и следующий факт: в городе с двумя тысячами жителей находилось весьма незначительное количество людей дворянского происхождения и близкого Одоевскому культурного уровня.

По всей видимости, Одоевский общался с поэтом Густавом Зелинским, будущим автором романтических поэм «Киргиз» и «Степи», созданных в Ишиме. Так, Одровонж-Пенёнжек в своей статье о Зелинском «Образ «доброго киргиза» замечает: «Известны контакты Янушкевича и Зелинского с поэтом-декабристом Александром Одоевским, который жил в Ишиме в течение года» [4, с. 183]. Подтверждением знакомства Одоевского с Зелинским стала запись Зелинского, сделанная в Ишиме в августе месяце: «27 odjazd pana Odojewskiego na Kaukaz», найденная Ф.И.Стекловой в «Календаре» Зелинского за 1837 год в рукописном отделе Музея и библиотеки им. Зелинских в Плоцке [5, с. 92].

Возможны посещения Одоевским собственного дома Янушкевича в Киселёвке, как называлась тогда южная часть города от Богоявленского собора до изгиба реки Ишим. Своё жилище, о котором Янушкевич мечтал с самого начала пребывания в Ишиме, он приобрёл в марте 1837 года. В письме от 23 марта/4 апреля 1837 г. Янушкевич сообщает об этом родным: «Последней почтой получил резолюцию высшей власти, позволяющей мне купить дом в самом городе Ишиме и сегодня стал действительным его владельцем. Несколько часов назад заплатил за него 325 рублей серебром. Завтра со всем своим имуществом торжественно въеду в собственный дворец. Следовательно, теперь могу смело сказать, «ступая здесь по моей земле», что имею наследство в Азии и обеспеченное проживание в городе и вместе с тем объект постоянной работы и наилучшего утешения в неволе... Прилагаю здесь же наскоро сделанный план моего графства.

Река Ишим, которая тут не шире Немана под Святым Двором, делая большой эллипсоидный изгиб, с трёх сторон опоясывает город того же названия. Главная улица тянется через весь этот полуостров, а последним домом на её конце по левой стороне у самой воды и является купленный дом. У него пять окон на улицу с задней стороны двора, окружающего дом. Из сеней направо – передняя с окном на двор, дальше – рабочий кабинет и зал для приёмов, за ними – спальня с окнами на улицу, налево же – кухня и комната кухарки. С одной стороны дома – въездные ворота, с другой – дровяной склад. От въезда в углу двора – амбар, а рядом с ним в будке пёс на цепи. Против сеней – конюшня с завозней, а рядом навес для сена и хлев, плетённый из лозы. При всём этом большой огород, а в глубине его баня, то есть купальня.

Клетушек много, и будет тепло, когда подремонтируем, потому что, правду сказать, это просто развалина: дом стоит как-то набекрень, как шапка у улана, уличная стена выпятилась, как большой живот, окна смотрят хмуро... но что можно было приобрести за такие деньги?» [2, с. 104].

Густав Зелинский. Портрет работы художника Я. Краевского, созданный в Ишиме в 1835 году.

Заметим, что сведения о проживании самого Одоевского в доме Филиппа Лузина на Ярмарочной улице, получившие отражения в некоторых работах, посвящённых Одоевскому, являются недостоверными [6, с. 201]. Адрес пребывания Одоевского в Ишиме неизвестен, как неизвестны и многие обстоятельства создания поэтом стихотворения «В странах, где сочны лозы виноградные...», связанного с Янушкевичем. Содержание этого прекрасного образца романтической лирики, в котором противопоставляются «чуждый юг» и «отчизна вьюг», «сень лесов» и «край снегов», а также присутствует герой-паломник, волею судьбы, ставший изгнаником, соотносится с путешествием Янушкевича по Европе в 1829-1830 гг., о котором он будет постоянно вспоминать в своих письмах.

Во время путешествия по югу Франции Янушкевич посетил могилу Лауры, возлюбленной итальянского поэта XIV века Франческо Петрарки, похороненной в Авиньоне, городе Воклюзского департамента, прославленного виноградниками и источниками. Дорожные заметки Янушкевича, опубликованные в книге «Listy z Syberii», включают упоминание авиньонских достопримечательностей: «Увидеть красивый Отель инвалидов, бывший дворец пап, могилу Лауры, фабрику шелков, окрестности Воклюза» [2, с.369]. Показательно и то, что ветка кипариса – центральный поэтический символ стихотворения Одоевского, этот знак дружеского единения близких по духу людей в чужом краю, существовала в реальности. В письме из Тобольска от 16 марта 1833 года Янушкевич пишет: «Очень прошу маму прислать мне свои волосы, а Касыльку (сестра Касыльда – Т.С.) поделиться со мной веточкой кипариса, которую я привёз с могилы Лауры» [2, с.57].

Воспоминания о разнообразных впечатлениях европейской жизни красной нитью проходят через все сибирские письма Янушкевича. За несколько месяцев до приезда в Ишим Одоевского Янушкевич не без горечи и сожаления напишет родным в Литву: «Когда я был за границей и когда тысячи новых картин проходили передо мной; когда с вершины Альп спускался в прекрасные долины Италии; когда с Капитолия смотрел на руины Форума или в венецианской гондоле грезил о возлюбленной; когда с берегов Дуная, подобно орлу, перелетал всю Германию, чтобы напиться воды из Рейна, Роны или хотя бы Дюрансы, тогда и стиль моего письма должен был быть живым, как моя полная впечатлений жизнь. Но сегодня, когда я сижу в одном тихом, глухом месте, когда постоянно вижу перед собой и над собой и около себя одно и то же, не будет ли и письмо моё мёртвым, как моя сегодняшняя атмосфера» [2, с.87].

Не располагая какими-либо конкретными фактами об обстоятельствах знакомства Янушкевича с Одоевским, мы в то же время можем сказать: стихотворение «В странах, где сочны лозы виноградные...» – это живой поэтический отклик ссыльно-го декабриста на встречу с Янушкевичем в Ишиме и на его дар рассказчика.

Интересна история публикации этого стихотворения. Впервые оно было напечатано в 1844 году в журнале «Отечественные записки» под заглавием: «К Я-у, который подарил автору ветку с могилы Лауры в Авиньоне», за подписью: «А. Од-й» [7, с.146].

Воспроизведём этот текст:

*В странах, где сочны лозы виноградные,
Где воздух, солнце, сень лесов
Дарят живые чувства и отрадные
И в девах дышит жизнь цветов,
Ты был! – пронёс пытливым посох странника
Туда, где бьёт воклюзский ключ...*

*Александр Иванович Одоевский.
Гравюра А. Скино
по рисунку
Н.А. Бестужева.*

*И где же встретил я тебя, изгнанника?
В степях, в краю снегов и туч!
И что осталось в память солнца южного?
Одну лишь ветку ты хранил
С могилы Лауры: полный чувства дружного,
И ту со мною разделил!
Так будем же печалью заветными
Делиться здесь, в отчизне вьюг,
И крылами, для мира незаметными,
Перелетать на чудный юг,
Туда, где дол цветёт весною яркою
Под шёпот авиньонских струй
И мысль твоя с Лаурой и Петраркою
Слилась, как нежный поцелуй.*

Вторая публикация стихотворения была осуществлена журналом «Русская беседа» в 1859 году. В оглавлении было напечатано: «Я-ну...», а в тексте – «Я-у». Здесь появилась полная подпись Одоевского и датировка – 1827 год [8, с.3].

Криптонимы «Я-ну», «Я-у» ввели в заблуждение следующих публикаторов. В книге «Собрание стихотворений декабристов», изданной в Лейпциге в 1862 году Н.В.Гербелем, стихотворение опубликовали под названием «Ивану Дмитриевичу Якушкину, разделившему со мною ветку...». И с той же ошибочной датой [9, с.33].

В 1873 году стихотворение было напечатано в газете «Гражданин» с примечанием, в котором рассказывалось об обстоятельствах вручения ветки Якушкиным Одоевскому: «Предлагаемое неизданное стихотворение А.И.Одоевского (декабриста) написано им по следующему случаю:

Однажды в Сибири товарищ его по несчастью Якушкин, роясь при нём в своём чемодане, нашёл каким-то случаем сохранившуюся там засохшую ветку. – Знаешь откуда это? – сказал он Одоевскому, - я сорвал её с дерева, посаженного над могилою Лауры и Петрарки, перед тем, как вернуться в Россию... - Отдай мне её! – воскликнула юноша (Одоевскому было 19 лет, когда он попал в изгнание). – Не подарю всю, а половину возьми. Поэт отблагодарил его следующим:

Якушкину, разделившему со мною кипарисовую ветку с могилы Лауры» [10, с. 1307].

В 1883 году выходит первое издание стихотворений А.И.Одоевского, подготовленное на основе списков А.Е.Розена и записей других друзей поэта по каторге (в частности, П.А.Муханова) [11]. Печаталось оно, как отмечал литературовед советского времени М.А.Брисман, без непосредственного участия А.Е.Розена и по этой причине «не могло быть гарантировано от ошибок – от элементарных опечаток и от вполне возможного вмешательства фактического редактора издания Г.П.Данилевского» [12, с. 201]. В этом издании стихотворение, посвящённое Янушкевичу, сопровождалось заголовком, содержащим полное имя адресата и указание на место и время написания стихотворения: «А.М.Янушкевичу, разделившему со мною ветку кипарисовую с могилы Лауры. В городе Ишиме на поселении, в 1836 году, 30-го августа» [11, с. 47].

Это стихотворение, как уже указывалось в начале статьи, приводит в своих записках и Н.И.Лорер. Сопоставление всех вышеперечисленных изданий показывает, что публикаторы, скорее всего, обращались к разным спискам, так как в текстах стихотворения наблюдаются разночтения.

Приведём их перечень:

Ст. 5. «Принёс» вместо «пронёс» («Русская беседа»); «пышный» вместо «пытливый» (Лорер).

7. «Где ж встретил я тебя, теперь изгнанника» (Розен).

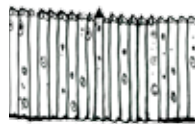
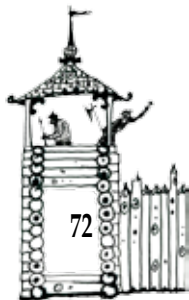
8. «В степях, в стране снегов и туч» (Русская беседа).

9. «И что же в память...» («Гражданин»).

11. «С могилы Лоры» (Лорер).

12. «Светлый» вместо «чудный» (Гербель).

Подтверждают это предположение и разные варианты заглавия стихотворения.

*Богоявленский собор и Киселёвка в наше время.
Январь 2012 г.
Фотография
Г.А. Крамора.*

Как нам удалось установить на основании сопоставления двух совершенно независимых друг от друга источников, Янушкевич имел самое непосредственное отношение к первой публикации стихотворения Одоевского, то есть в его распоряжении находился, по всей видимости, автограф стихотворения.

В книге литературоведа В.И.Кулешова, посвящённой журналу «Отечественные записки» и его роли в развитии русской литературы 40-х гг. XIX века, изданной в 1958 году, содержалась ссылка на письмо «некоего Аполлона Сотникова, посланное 4 марта 1844 года из Омска» [13, с. 45].

Это письмо было выявлено В.И.Кулешовым в фонде издателя журнала А.А.Краевского в Государственной Публичной библиотеке (Ленинград). Отправляя в журнал стихотворение А.И.Одоевского «К Я-у, который подарил автору ветку с могилы Лауры в Авиньоне», Сотников писал Краевскому: «Принадлежа к числу искреннейших почитателей Вашего журнала, голос которого, провозглашающий великие современные истины, я сравниваю с торжественным благовестом, гармонический звон которого парит над хаосом нестройных криков толпы, шарлатанов и врагов прогресса, и зная, что в Вашем журнале было помещено Лермонтовым «Памяти А.И.Одоевского» и «Сен-Бернар» (стих. Одоевского – Т.С.), я почитаю долгом покорнейше просить Вас... сообщить публике в Вашем журнале эту пиесу, которая, по-моему мнению, кроме своего внутреннего достоинства, ещё может быть важна как памятник замечательной личности и как произведение одного из главнейших с Лермонтовым представителей юной России, умершей в их лицах, но сохранившейся и процветающей ещё между глубокими их почитателями» [13, с.45].

Возникает вопрос, от кого мог получить автограф или список ещё нигде не опубликованного стихотворения «некий» Аполлон Сотников? Ответ на него, как и другой – о личности Сотникова, был найден в письмах Янушкевича от 30 мая/11 июня и 18/30 июня 1842 года, отправленных Густаву Зелинскому из Омска в Ишим. Как известно, в 1841 году Янушкевич был принят на службу в канцелярию начальника Пограничной охраны сибирских киргизов в Омске и покинул Ишим. Из писем Янушкевича выясняется, что «пан Сотников» – сослуживец Янушкевича, чиновник особых поручений в канцелярии Пограничной охраны. Высокообразованный, хорошо разбирающийся в обычаях, культуре, поэзии киргизов, превосходно знающий восточные и европейские языки, Сотников характеризуется Янушкевичем как «человек с незаурядными способностями» [2, с. 230]. И, как свидетельствует ещё одно письмо того же времени, без даты, предполагалось участие Сотникова в создании рецензии на поэму Г.Зелинского «Киргиз», написанную в Ишиме.

Безусловно, такой человек не мог не принять участие в опубликовании стихотворения Одоевского, текстом которого располагал его омский сослуживец и друг Адольф Янушкевич.

Почти одновременно со стихотворением «В стране, где сочны лозы виноградные...» Одоевский создаёт ещё одно «ишимское» стихотворение «Ты знаешь их, кого я так любил...»:

*Ты знаешь их, кого я так любил,
С кем чёрную годину я делил...
Ты знаешь их! Как я, ты жал им руку
И передал мне дружный разговор,
Душе моей знакомый с давних пор:
И я опять внимал родному звуку,
Казалось, был на родине моей,
Опять в кругу союзников-друзей.*

*Так путники идут на богомолье
Сквозь огненно-песчаный океан,
И пальмы тень, студёных волн приволье*

Бюст А.И. Одоевского в Ишиме.
Установлен в 1989 г.
Скульптор В.Матросов, архитектор М.Коваленко. Декабрь 2008 г. Фотография Г.А.Крамора.

*Манят их в даль... лишь сладостный обман
Чарует их; но их бодрят силы,
И далее проходит караван,
Забыв про зной пылающей могилы.*

Впервые оно было напечатано в 1845 году в сборнике «Вчера и сегодня» [14, с. 68] без заглавия, за подписью: «А. Од-ий», перепечатано под полным именем Одоевского в «Собрании стихотворений декабристов» [15, с. 43-44], выпущенных Н.В.Гербелем в вольной печати за границей. В 1870 году А.Е.Розен представил его М.И.Семевскому для публикации в журнале «Русская старина» под заглавием «Приезжему из Кургана, который передал Одоевскому поклон от курганских его товарищей» [16, с.527].

Как мы видим, имя адресата стихотворения здесь отсутствовало, да и само слово «приезжий» указывало на человека, проживающего вне Ишима. Название стихотворения соответствовало как его содержанию – обращение поэта к некоему лицу, близкому друзьям – «союзникам» самого поэта, так и его историческому контексту – в Кургане 1836 года находились на поселении декабристы М.А.Назимов, В.Н.Лихарев, А.Е.Розен, М.М.Нарышкин, Н.И.Лорер.

Но через тринадцать лет в «полном» собрании сочинений А.И.Одоевского данное стихотворение было помещено издателем Г.П.Данилевским после стихотворения «А.М.Янушкевичу, разделившему со мною ветку кипарисовую с могилы Лауры» с названием: «Ему же, передавшему привет от курганских товарищей, 3 октября 1836 года» [11, с. 50-52].

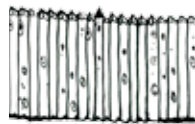
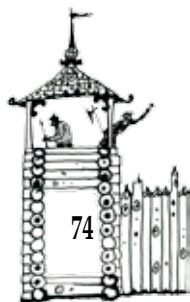
Обращение «Ему же», то есть А.М.Янушкевичу, не подтверждённое ни одним историческим фактом, ввело в заблуждение литературоведов. Так, Ф.И.Стеклова попыталась аргументировать название стихотворения биографическими сведениями из жизни Янушкевича. В статье «А.И.Одоевский и Адольф Янушкевич» она писала: «Из писем Янушкевича мы узнаём, что в сентябре 1836 г. он действительно ездил лечиться на небольшое солёное озеро: «принял ещё 28 ванн в соседнем с Ишимом озере... народ называет его «горьким озером» и при всех болезнях и ранениях прибегает к его воде». (В Курганской области и ныне есть курорт, который называется «Горькое озеро».) Мог ли Янушкевич не воспользоваться случаем и не заехать в Курган (а может, и по просьбе своего нового друга), где жили и сосланные поляки – друзья Мицкевича, и декабристы – друзья Одоевского?» [17, с. 60].

Эти доказательства Ф.И.Стекловой перешли и в работы польских историков литературы. Я.Одровонж-Пенёнжек указывал: «Стихотворение «Ему же» связано с выездом Янушкевича в Курган, где находились другие декабристы, друзья Одоевского: Лорер, Розен, Нарышкин и другие» [4, с. 135].

Галина Гебер, обратившая внимание на ошибку Стекловой в датировке письма Янушкевича о его поездке на «Горькое озеро», написанном не в сентябре 1836-го, а в августе 1835 года, то есть годом ранее создания стихотворения Одоевского, тем не менее, попыталась дать объяснение этому несоответствию фактов в своих комментариях к сибирским письмам Янушкевича: «Горькое озеро – озеро рядом с Курганом, обладающее целебными свойствами, в настоящее время курорт в Курганской области. В 30-х гг. XIX века вблизи от этого озера находилась колония ссыльных декабристов, а также польских повстанцев 1831 г. (А.Е.Розен. Записки декабриста. Лейпциг, 1870). О встречах с ними Янушкевич, по-видимому, сообщил годом позднее сосланному в 1836 году в Ишим русскому поэту Александру Одоевскому, который увековечил это событие в одном из своих стихотворений» [2, с. 84].

В действительности в письме Янушкевича от 10/22 августа 1835 года идёт речь о поездке на одноимённое озеро, расположенное рядом с городом Ишимом. Заметим, что озеро «Горькое» Курганской области находится в пятистах километрах от Ишима и, конечно, никак не может быть названо «соседним».

Янушкевич предельно точен в описании этой достопримечательности ишимских окрестностей, сохранившейся в неизменном виде до настоящего времени (озеро находится в 22 километрах от Ишима): «Напившись вдоволь кумыса, в течение 40 дней принял ещё и 28 ванн в соседнем с Ишимом озере. Оно весьма примечательно: небольшое, в форме треугольника, две стороны которого длиной по вер-

*Озеро Горькое,
Ишимский район.
Июль 2006 г.
Фотография
Г.А. Крамора.*

сте, а третья – четверть версты. Вдоль берегов осадок, подобный мраморной белой рамке. Вода темноватая, мутная, гнилостная, солёная, неприятная на вкус. Даже при самом малом её употреблении она вызывает рвоту и расстройство желудка, даже лёгкое движение ногами, особенно на небольшой глубине, превращает её в жидкую топь. При всём том вода эта обладает свойствами минеральной, она чрезвычайно вязкая и напоминает мыло, но этим мылом вымыться невозможно, погружённая в озеро голова тотчас же покрывается подобием мыльных хлопьев. Словом, это озеро особенное,

очень интересное и заслуживающее моей благодарности, потому что мне очень хорошо послужило. Люди называют его горьким озером и при всех слабостях и ранах к нему обращаются. Оно удивительно помогает коням. Если бы оно находилось в многолюдном месте, то, пожалуй, берега его вскоре зацвели бы достатком, сейчас же никто на нём не живёт. Следовательно, я вынужден был каждый день по два раза ездить сюда из деревни, расположенной за три версты², а в ней всё это время питаться только цыплятами, картошкой и репой» [2, с. 83].

Все опубликованные письма Янушкевича не дают никаких оснований считать, что он планировал или осуществил поездку в Курган. За время пребывания в Ишиме Янушкевичу был разрешён выезд только в Тобольск с целью лечения, где он находился с 28 мая по 31 июля 1834 года. Намеревался он лечиться и в Петропавловске, о чём сообщал матери в письме из Ишима от 8/20 июля 1835 года: «Могу похвалиться, что здоровье моё с тех пор, как начал пить кумыс, значительно улучшилось, по крайней мере так мне представляется, а это уже много для больного, если сам он уверен в своём здоровье. Вчера перестал его пить. Выпил *summa summagum*³ этого татарского напитка две бочки с верхом и пил бы ещё больше, если бы не трудности с его доставкой за 180 вёрст из Петропавловска, в окрестностях которого проживает множество богатых киргизов, у которых кумыс делается намного лучше, нежели у здешних бедных пастухов. Следующей весной, если ничего не изменится, буду просить власти, чтобы позволили мне задержаться на три месяца в Петропавловске для лечения кумысом, в месте, где изготавливают этот напиток» [2, с. 82].

Но эта поездка Янушкевича по неизвестным нам причинам не состоялась.

Янушкевич, безусловно, не может считаться адресатом стихотворения «Ты знаешь их...», что подтверждается и архивными данными. В рукописном отделе Пушкинского Дома (ИРЛИ (ПД) РАН) хранится список стихотворений Одоевского, выполненный его друзьями-декабристами А.П.Беляевым и А.Е.Розеном и переданный М.И.Семевскому для публикации в журнале «Русская старина». Стихотворение «Ты знаешь их...» сопровождается заголовком «NN» и примечанием: «По случаю приезда чиновника из Кургана, который передал Одоевскому поклон от курганских его товарищей» [18]⁴.

Нет причин и для предположения о том, что Одоевский посвятил Янушкевичу стихотворение «Пусть нежной думой, жизни цветом...», печатавшееся иногда под названием «В альбом»:

*Пусть нежной думой – жизни цветом – / Благоухает твой альбом!
Пусть будет дума та заветом / И верным памяти звоном!*

*И если кто – альбома данник – / Окончит грустный путь земной
И, лучшей жизни новый странник, / Навек разлучится с тобой, -*

*Взгляни с улыбкою унылой / На мысль, души его завет,
Как на пустынный скромный цвет, / Цветущий над его могилой.*

Стихотворение впервые было опубликовано по списку Розена под заглавием «В альбом...» в издании 1883 года с датировкой и местом создания: «В Ишиме, 1836»

² По-видимому, дер. Травная, ныне с. Новотравное Ишимского района. (Прим. авт.).

³ В общем итоге (лат.)

⁴ Хочу выразить благодарность Дине Михайловне Климовой, представившей автору данной статьи эти значимые сведения.

[11, с. 46]. Список этого стихотворения был и у Н.И.Лорера. Им открывался альбом, подаренный Лорером А.А.Капнист с надписью: «Александре Алексеевне Капнист» [12, с. 232].

В XX веке Ф.И.Стеклова попыталась соотнести данный лирический образец Одоевского с личностью Янушкевича: «...Это не посвящение женщине, в нём не говорится о чувстве любви, нет того особого аромата нежности, которым овеяно каждое стихотворение Одоевского, посвящённое женщине, стихи носят явно философский характер. Такое могло быть посвящено мужчине, другу <...> Словесный арсенал этого стихотворения близок к словарю двух первых стихотворений, посвящённых Янушкевичу <...> Думается, что это «альбомное» стихотворение также посвящено Адольфу Янушкевичу» [17, с. 62].

Рассуждения Ф.И.Стекловой вызвали осторожное возражение Я.Одровонжа-Пенёнжжа, указавшего на отсутствие каких-либо упоминаний об этом альбоме в записках самого Янушкевича, сохранившихся в Польской библиотеке в Париже, но и не исключившего окончательно самого факта существования такого альбома [4, с. 135].

В дальнейшем это стихотворение, переведённое Й.Вачковским, наряду со стихами «В странах, где сочны лозы виноградные...» и «Ты знаешь их...» в переводах Й.Вачковского и Л.Левина, вошло в книгу «Письма из Сибири». Галина Гебер включила его в раздел-приложение: «Адольф Янушкевич глазами друзей и родных» [2, с.398-399].

Разумеется, все три стихотворения, принадлежащие одному поэту, не могут не иметь черт сходства в лексическом составе, ритмике, системе изобразительных средств, но этого, на наш взгляд, недостаточно для определения их адресата – Адольфа Янушкевича. В подобных случаях необходимы более веские доказательства биографического характера.

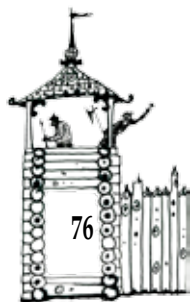
А теперь подведём итог всему вышесказанному.

Обращение к ряду документальных материалов и, в первую очередь, письмам Янушкевича позволяет сделать следующие выводы:

- Адольф Янушкевич является безусловным адресатом только одного стихотворения Одоевского – «В странах, где сочны лозы виноградные...»;
- Адольф Янушкевич вместе с Аполлоном Сотниковым содействовал первой публикации стихотворения «В странах, где сочны лозы виноградные...» в журнале «Отечественные записки»;
- Требуется дополнительные архивные разыскания, как в русских, так и польских архивах, которые, возможно, помогут установить адресатов двух других стихотворений Одоевского – «Ты знаешь их...» и «Пусть нежной думой...».

Библиография

1. Записки декабриста Н.И.Лорера / Под ред. М.Н.Покровского. – М., 1931.
2. Adolf Januszkiewicz Listy z Syberii / Wybor, opracowanie i przypisy Halina Geber. Przedmowa Janusz Odrowaz-Pienazek. – Warszawa: Czytelnik, 2003. Далее письма Янушкевича цитируются по данному изданию в переводе Т.Савченковой.
3. Дмитриев-Мамонов А.И. Декабристы в Западной Сибири. – СПб., 1907.
4. Odrowaz-Pienazek Janusz Mickiewicziana zbierane po swiecie. Warszawa: Iskry, 1998.
5. Стеклова Ф.И. В кругу декабристов // Советское славяноведение. – 1978. – № 4.
6. Язунин В.П. Александр Одоевский. – М.: Молодая гвардия, 1980.
7. Отечественные записки. СПб., 1844. Т. XXXIУ. № 6. Отд. I.
8. Русская беседа. – М., 1859. – Т. III. Кн. 15.
9. Собрание стихотворений декабристов. Лейпциг, 1862. (Библиотека русских авторов Т.2).
10. Гражданин. – СПб., 1873. № 49. 3 декабря.
11. Полное собрание стихотворений кн. А.И.Одоевского (декабриста). Собрал барон Анд. Евг. Розен (с дополнениями и примечаниями издателей, портретом и факсимиле князя А.И.Одоевского). Санкт-Петербург. В типографии А.А.Краевского, 1883.
12. Брискман М.А. Примечания // А.И.Одоевский. Полное собрание стихотворений / Вступит. статья, подготовка текста и примеч. М.А.Брискмана. – Л.: Советский писатель, 1958.
13. Кулишов В.И. «Отечественные записки» и литература 40-х годов XIX века». – М.: Изд-во МГУ, 1958.
14. Вчера и сегодня. Ч. 1. – СПб., 1845.
15. Собрание стихотворений декабристов. <Ред. Н.В.Гербеля>. Лейпциг, 1862. (Библиотека русских авторов. Т. 2).
16. Русская старина. СПб., 1870. Т. II.
17. Стеклова Ф. А.И.Одоевский и Адольф Янушкевич // Советское славяноведение. – 1968. – № 3.
18. ИРЛИ (ПД) РАН. Ф.265. Оп.2. № 1874 (Архив журнала «Русская старина»). Л. (9)17.

Николай Маджи - автор портрета Петра Ершова

Немало загадок было связано с портретом поэта и педагога, автора всемирно известной сказки «Конёк-Горбунок», нашего земляка П. П. Ершова, обнаруженным автором данной статьи в рукописном отделе Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург) в 2004 году¹.

¹ ОР РНБ. Ф. 712. Собр. рис. № 535.

² Ярославцов А. К. С. 11-12.

³ Приблизительная дата поступления определяется по изданию: Государственная Орден Трудового Красного Знамени Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Краткий отчёт рукописного отдела за 1914-1938 гг. - Л., 1939. - С. 157.

⁴ РО РНБ. Ф. 341. Опись архива Картавых. - С. 8.

⁵ Маджи С. Художник Николай Гаэтанович Маджи на страницах дневника его сына Евлампия Николаевича Маджи // Ершовский сборник / Под ред. Т. П. Савченковой. Вып. 6. - Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П.Ершова, 2010. - С. 110-116.

Недатированный портрет размером 26х20 см, написанный маслом на картоне и обрамлённый овалом, представляет Ершова средних лет на фоне неба с лёгкими, розоватого оттенка облаками. На нём чёрный сюртук, белая рубашка, узкий галстук-бант; одухотворённое лицо задумчиво и спокойно – облик, соотносимый со словесным описанием поэта университетской поры в биографической книге его друга А.К. Ярославцова: «...Это была сибирская девственная натура, хранящая в себе какие-то драгоценности. Спокойным днём мая представлялось лицо его, бледноватое, без румянца; тёмные волосы слегка закручивались на широком лбу и на висках; нос небольшой; брови дугой подымались над его добродушными глазами, из которых глядели мысль и фантазия; зрачки глаз были небольшие, голубые; голова на довольно широких плечах, всегда наклонена немного вперёд»².

Портрет поступил в рукописный отдел библиотеки из архива коллекционеров Алексея Фёдоровича и Петра Алексеевича Картавых не ранее 1914 года³. П.А. Картавов в 1907-1918 гг. являлся издателем журнала «Весельчак», в котором П.П. Ершов ещё в 1858 году опубликовал юмористическую поэму «Нос», и мог располагать материалами редакции журнала предыдущих лет, в составе которых, возможно, были и портреты корреспондентов⁴. Портрет мог попасть в коллекцию Картавых и от других издателей, заинтересованных в публикации изображения автора знаменитой сказки.

На оборотной стороне портрета надпись печатными буквами: «Писал Н. Маджи». Поиски этой фамилии среди петербургских художников XIX века оказались безуспешными. И только обращение к сибирским архивам позволило представить основные вехи биографии замечательного художника, посвятившего много лет своей жизни преподаванию рисования в учебных заведениях Западной Сибири. Очень значимым источником фактов о Николае Гаэтановиче Маджи стал дневник его сына, ещё одного сибирского художника – Евлампия Николаевича Маджи, сохранившийся в личном архиве Светланы Маджи – праправнучки Николая Гаэтановича, проживающей в настоящее время в г. Витербо (Италия)⁵.

Н. Г. Маджи родился в Пскове 23 января 1824 года в семье итальянца, австрийского подданного Гаэтано Маджи. Обучался в Петербургском римско-католическом училище Св. Екатерины, а затем в Императорской Академии художеств. Не завершив по ряду обстоятельств обучения в Академии, он в 1852 году уехал в Сибирь, имея при себе свидетельство на звание учителя рисования.

Преподавательская деятельность Маджи должна была начаться в Берёзовском уездном училище, но молодого учителя, приехавшего в Сибирь, начальство определило в Ишимское уездное училище. Через два года состоялся его перевод в Туринское уездное училище. С 1854 до начала 1859 г. он находился в Туринске. В 1859 г. Маджи заболел и не смог продолжать работу. Получив отпуск, он приехал в Ишим, откуда отправил 1 февраля прошение на имя штатного смотрителя Туринских училищ с просьбой об увольнении его от службы и выдаче жалованья с 1 ноября 1858 г. и по день отставки. Прошение вместе с формулярным списком и рапортом смотрителя Туринских училищ попало на рассмотрение директору училищ Тобольской губернии П. П. Ершову (Ершов исполнял обязанности директора с ноября 1856 г., официальное назначение – январь 1857 г.). В Тобольском архиве сохранился документ с датой – «март 5 дня 1859 года»:

Гравюра, сделанная на основе портрета П.П.Ершова кисти Н.Г.Маджи, которая публиковалась в изданиях сказки «Конёк-Горбунок» с 1880 по 1917 год.

⁶ Госархив в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 32. Ед. хр. 75. Л. 1 с об.

⁷ Госархив Курганской области. Ф. 63. Оп. 1. Д. 113. Л. 5.

⁸ Там же. Л. 27 об.

Его Высокородию, Господину Исправляющему должность Тобольского Гражданского Губернатора

Штатный Смотритель Туринских Училищ, при рапорте от 27 февраля за № 29, представляя в Дирекцию прошение учителя рисования вверенного ему Училища Коллежского Регистратора Маджи об увольнении его по болезни вовсе от службы, просит ходатайства Дирекции на таковое увольнение Г. Маджи от службы.

Не находя со своей стороны препятствия на увольнение Г. Маджи по болезни от службы, я имею честь испросить на сие начальственного разрешения Вашего Высокородия с тем однако ж, что он, учитель Маджи, как по воспитанию принадлежащий к третьему разряду, обязан был по выздоровлении дослужить по Учебному ведомству десятилетний срок со дня получения классного чина. При чём имею честь представить в подлиннике прошение Г. Маджи и формулярный о службе его список в одном экземпляре.

Директор Училищ Ершов⁶.

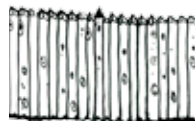
10 сентября 1859 г. Маджи вновь определили учителем искусств в Ишимское уездное училище, в котором он служил до 1876 года, совмещая преподавательскую деятельность с работой архитектора и фотографа. Можно предположить, что знакомство Маджи с Ершовым, а также работа над портретом автора сказки произошли в период с 1857 по 1861 г. во время инспекторских визитов Ершова в Туринск или Ишим.

Ишимский край, родина Ершова, по всей вероятности, был дорог и Николаю Гаэтановичу, который обрёл здесь семью. Ещё в свой первый приезд в Ишим он женился на дочери ишимского купца Анне Фёдоровне Мальцевой. Здесь родились его дети: Анна – 9 февраля 1861 г., Евлампий – 10 октября 1864 г. и Антоний – 10 июля 1867 г.

В 1876 г. Маджи вместе с семьёй покинул Ишим и Сибирь и отправился в европейскую часть России в город Кременец Волынской губернии. Четыре года он служил учителем искусств в Кременецком двухклассном городском училище, а в 1880 г. вновь возвращается в Сибирь, где продолжал преподавать рисование учащимся Тобольского уездного училища в 1880-1885 гг., а затем - Курганского уездного училища в 1885-1893 гг. В Кургане Маджи учил рисованию не только мальчиков, но и девочек, работая по совместительству в Александровской женской прогимназии, «выросшей» из Курганского женского училища 2-го разряда, открытого при участии П. П. Ершова в 1858-1859 гг.

Занятия в прогимназии велись по «авторской» программе. В архиве Курганской области отложились документы, имеющие отношение к Н. Г. Маджи. Это «План занятий по чистописанию, черчению и рисованию в продолжении 1886-1887 учебного года», который входит в программы по учебным дисциплинам для учениц прогимназии. Ссылаясь на свой тридцатилетний опыт преподавания, Маджи определяет следующие моменты работы: «Чистописание ведётся во всех трёх классах по американской методе, составленной А. Ф. Роде фон Реда, членом Академии наук в Песте (?) и учителем каллиграфии в Венском Политехническом Институте, так как эта метода более применительна при большом количестве учеников. Черчение. 1-й класс: ознакомление с масштабом, черчение с классной доски, начертанных мною заранее фигур: загоронок, решёток, мостов, окон, дверей и т. д.; 2-й класс: черчение с оригиналов планов и фасадов простых зданий; 3-й класс: черчение фасадов и планов, черчение и раскрашивание ордеров архитектуры Виниолы. Рисование. 1-й класс: деление линий на части, рисование прямолинейных и овальных фигур, нарисованных мною заранее на доске по сетке: это рисование приучает учеников к черчению географических карт; 2-й класс: рисование частей лица, а для более способных – рисование с оригиналов, а также рисование ландшафтов; 3-й класс: рисование головы и части лица и геометрических тел»⁷.

Маджи видел в курганских учебных заведениях учеников с большими способностями и сожалел о том, что нельзя преподавать рисование «в более обширном размере» из-за отсутствия необходимых пособий, их ветхости; малого количества по числу учеников»⁸.

Соборная площадь в Ишиме. Справа – здание уездного училища. 1890-е годы. Фотография. ИИХМ.

В Кургане, а также, по всей видимости, и в других городах, Маджи занимался иконописью. Искусствоведом Курганского областного художественного музея Г. В. Максимовой установлено, что в 1887 г. Маджи написал две иконы для церкви села Введенское Курганского уезда⁹.

В 1893 г. Маджи второй раз устроился на службу в Тобольске, а через два года перевёлся в Каинское уездное училище Томской губернии. Каинск стал последним местом его более чем сорокапятилетнего служения образованию и искусству. Из Каинска в 1898 г. он приехал в Тобольск, где ушёл в отставку. Здесь он и умер 29 декабря 1901 года. Похоронили художника на Завальном кладбище, на котором упокоился в 1869 году и П. П. Ершов. Могила Маджи не сохранилась.

В тобольском архиве находится дело тобольского губернского управления с названием: «По ходатайству отставного Губернского Секретаря Николая Маджи о назначении ему добавочной пенсии». Начало: 11 июня 1899 г. Конец: 15 июня 1901 г. Открывается оно аттестатом. Публикуем этот документ в полном виде с сохранением орфографических, пунктуационных и стилистических особенностей оригинала:

Аттестат

Предъявитель сего, бывший учитель чистописания, черчения и рисования Каинского уездного училища, Губернский секретарь Николай Каэтанович Маджи, купеческого звания; вероисповедания православного, семидесяти трёх лет от роду; имеет: орден св. Владимира 4-й степени за 35-тилетнюю службу, бронзовую медаль в память войны 1853-1856 гг., знак беспорочной службы за 40 лет и серебряную медаль в память в Бозе почивающего Императора Александра III; жалованья получал 200 руб. и за сибирскую службу 168 руб. 75 коп., а всего 368 руб.75 коп. в год; имения за ним, за родителями и женою его, как видно из формулярного списка, никакого не состоит. Обучался в С.-Петербургском католическом училище св. Екатерины. По удостоению Императорской Академии Художеств звания учителя искусств, Департаментом Министерства Народного Просвещения, от 30 июня 1852 г., определён учителем искусств в Берёзовское уездное училище, Тобольской губернии. По прибытии в Сибирь, перемещён, по воле начальства, на таковую же должность в Ишимское уездное училище в 1852 г. октября 3 дня. По распоряжению начальства перемещён на таковую же должность в Туринское уездное училище в 1854 г. сентября 4-го дня. Высочайшим приказом, от 23-го ноября 1855 года за № 16, утверждён в службе по учебному ведомству. За поездку в Сибирь получил не в счёт годовой оклад жалованья и двойные прогоны. Согласно прошению, по указу Тобольскаго Губернскаго Правления, от 7 июля 1856 г. за № 8075, был приведён к присяге на верноподданство России в Туринском Окружном Частном Управлении. Журналом Тобольскаго Тюремнаго Комитета утверждён членом Туринскаго Попечительнаго о тюрьмах Отделения в 1857 г. марта 22 дня. Исправлял должность учителя Туринскаго приходскаго училища с 26-го августа 1857 г. по 1-ое июня 1858 г. Высочайшим приказом, от 23 мая 1858 г. за № 129, произведён за выслугу лет в

⁹ История культуры Южного Зауралья. – Курган, 2005. – Т. 1. – С. 326. См. также: ГАКО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 11. Л. 9.

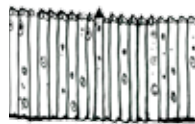
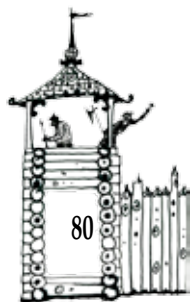
чин Коллежского Регистратора со старшинством с 30-го июня 1852 г. Г. Тобольским Губернатором уволен от службы в отставку с тем, чтобы по выздоровлении дослужить десятилетний срок со дня получения чина в 1859 г. марта 12 дня. Указом Правительствующаго Сената произведён за выслугу лет в чин Губернского Секретаря со старшинством с 30 июня 1856 г. Согласно прошению Г. Генерал-Губернатором Западной Сибири определён учителем искусств в Ишимское уездное училище с 10 сентября 1859 г. Получил бронзовую медаль на Владимирской ленте в память войны 1853-1856 гг. 31-го декабря 1861 г. Департаментом Министерства Народнаго Просвещения, от 13 апреля 1865 г., за прослужение в Сибири пяти лет назначено ему добавочное жалованье по 50 руб. в год с 10 сентября 1859 г. Департаментом Министерства Народнаго Просвещения, от 5 августа 1870 г. за № 7561, за прослужение в Сибири десяти лет назначено ему добавочное жалованье по 100 руб. в год с 10 сентября 1869 г. Согласно прошению, приказом Г. Попечителя Киевского учебного округа, от 30-го июля 1876 г. за № 8051, перемещён учителем искусств в Кременецкое двухклассное городское училище. За полезную деятельность по преподаванию рисования получил от Императорской Академии Художеств свидетельство на право преподавания рисования в средних учебных заведениях в 1878 г. октября 18 дня. Приказом Г. Генерал-Губернатора Западной Сибири, от 10 июля 1880 г., согласно прошению, определён учителем искусств в Тобольское уездное училище. Департаментом Министерства Народнаго Просвещения, от 24 июля 1882 г. за № 8927, назначено ему за выслугу пятнадцати лет в Сибири добавочное жалованье по 150 руб. в год с 10 сентября 1880 г. За тридцатипятилетнюю беспорочную службу Всемилоостивейше награждён орденом св. Владимира 4-ой степени 22 сентября 1882 г. Согласно прошению, приказом Г. Главнаго Инспектора училищ Западной Сибири, от 26-го апреля 1885 г. за № 706, перемещён учителем искусств в Курганское уездное училище с 1-го июля 1885 г. Приказом Г. Попечителя Западно-Сибирскаго учебного округа, от 18 сентября 1887 г. за № 93, объявлена благодарность за аккуратное исполнение своих обязанностей. Приказом Г. Попечителя Западно-Сибирскаго учебного округа, от 12-го января 1893 г. за № 2, согласно прошению, перемещён учителем искусств в Тобольское уездное училище с 1-го февраля 1893 г. За сорокалетнюю беспорочную службу Всемилоостивейше пожалован в 22 день августа 1894 г. знаком отличия беспорочной службы. Приказом Г. Попечителя Западно-Сибирскаго учебного округа, от 21-го июля 1895 г. за № 77, согласно прошению, перемещён на таковую же должность в Каинское уездное училище, Томской губернии. По Именному Высочайшему Указу, данному Правительствующему Сенату в 26 день февраля 1896 г., получил серебряную медаль в память в Бозе почивающаго Императора Александра III. Согласно поданному прошению уволен от службы с первого декабря тысяча восемьсот девяносто восьмого года. На основании Высочайшаго повеления, последовавшаго в 25-ый день августа 1895 года по всеподданнейшему докладу Главноуправляющаго Канцелярию Его Императорскаго Величества по принятию прошений на Высочайшее Имя приносимых, назначена предложением Г. Товарища Министра Народнаго Просвещения, от 25 января 1899 г. за № 2112, за 45-летнюю службу ему пенсия из казны по сто двадцати рублей в год. В походах против неприятеля не был; в штрафах, под следствием не состоял; в отпусках не был; в отставках был – с 13-го марта 1859 г. по 11-ое сентября того же года. Женат на Анне Фёдоровой, имеет детей: Анну, родившуюся 9 февраля 1861 г., Евлампия, родившагося 10 октября 1864 г. и Антония, родившагося 10 июля 1867 г.; жена и дети вероисповедания православнаго.

В удостоверение чего и дан Маджи настоящий аттестат за надлежащим подписом с приложением казённой печати. Г. Каинск. Марта девятого дня тысяча восемьсот девяносто девятого года.

Подлинный подписал Штатный Смотритель училищ Каинскаго и Барнаульскаго уездов А. Аргунов¹⁰.

Судьба портрета Ершова, созданного в Сибири провинциальным учителем, по своему исключительна. Не известный до настоящего времени, этот портрет ещё во второй половине XIX столетия становится источником для гравированного изображения поэта, включавшегося почти во все издания «Конька-Горбунка» с 1880 по 1917 год. Имена художника и гравёра в этих небольших по формату книжках не указывались; под портретом размещался ершовский факсимильный автограф. Благодаря этому портрету читатели сказки впервые увидели облик её автора.

¹⁰ Госархив в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 34. Ед. хр. 571. Лл. 1-4.

Судьба художника Николая Гаэтановича Маджи

¹ Маджи С. Художник Николай Гаэтанович Маджи на страницах дневника его сына Евлампия Николаевича Маджи // Ершовский сборник / Отв. ред. Т.П. Савченкова. – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2010. – Вып. 6. – С. 110-116.

² Савченкова Т.П. Сибирский художник и учитель рисования Н.Г. Маджи // Ершовский сборник. Вып. 6. – С. 117.

В моей статье, вышедшей в «Ершовском сборнике»¹, было отмечено, что большая часть используемого материала взята из дневника моего прапрадеда Евлампия Николаевича Маджи, уроженца города Ишима Тобольской губернии. Скорее всего, документу, посвященному названию «История моей фамилии», было суждено остаться невостребованным, но волею случая в моё поле зрения попали плоды методичной и кропотливой работы кандидата филологических наук Т.П. Савченковой и краеведа Г.А. Крамора, где, говоря словами Карамзина, видится «...не только русская история, но и... работа русской мысли над русской историей». В настоящей публикации страницы дневника представлены в расширенном варианте.

В 2004 году Т.П. Савченковой в рукописном отделе Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург) был обнаружен портрет писателя П.П.Ершова². Наверное, трудно было предположить, какими интересными деталями пополнится в связи с этой находкой история сибирского краеведения. Ведь основные годы жизни и творчества автора этого портрета, «неизвестного художника Н.Г. Маджи», связаны именно с Сибирью. В самом деле, эта странно звучащая для русского человека фамилия вряд ли привлекла бы чьё-нибудь внимание, не явись он автором портрета известного всем писателя.

Художник Гаэтано Маджи (Gaetano Maggi) был итальянцем по происхождению и австрийским подданным, поскольку его отец, носивший то же имя Гаэтано, родился в 1758 году на территории бывшей Далмации, входившей тогда в состав Австро-Венгерского государства. К началу XIX века становление Италии как целостного государства ещё не произошло.

Приблизительно в 1819 году Гаэтано Маджи переселился в Россию и записался в купцы, так как занимался коммерцией, оставаясь по происхождению благородным, то есть дворянином. Сначала он живёт в Каменец-Подольске, где на правах антрепренёра держит каменный театр, затем переезжает в Саратов, после – в Псков. Там 23 января 1824 года (все даты даются по старому стилю) у него родился сын, наречённый также Гаэтано. Николаем он назовётся будучи уже двадцати девяти лет от роду, при крещении в православную веру, в честь особо почитаемого на Руси святого Николая Угодника.

Вскоре семья перебралась на жительство в Санкт-Петербург, где глава семьи завёл кондитерскую. Дела идут хорошо, и семья живёт безбедно, но отец умирает и за неимением средств шестилетнего Гаэтано отдают на воспитание к одной знакомой баронессе. По рассказам Гаэтано, баронесса была очень добрая и полюбила его как родного сына.

В возрасте десяти с половиной лет Гаэтано Маджи поступил в римско-католическое училище святой Екатерины. «В этом училище преподавали 13 предметов: закон Божий, русский, французский, латинский и немецкий языки, арифметику, алгебру, геометрию, физику, историю, географию, чистописание и рисование. Ученики, оканчивающие курс в этом училище, получали право на первый классный чин при поступлении на государственную службу».

В училище лучше других предметов Гаэтано давалось рисование, между тем как по другим предметам в аттестате его значится не более чем «хорошо». На его особое дарование обратил внимание друг семьи, член Академии художеств Богаевский, который и устроил молодого Гаэтано Маджи в Академию. «Художественные занятия его в Академии шли успешно, и когда Гаэтано стал уже довольно силен в живописи, стал увлекаться настенными работами по части писания икон и портретов. К этому, конечно, побуждала его необходимость зарабатывать деньги, чтобы помогать матери и сестре; это с одной стороны, а с другой – деньги необходимы были ему и для удовольствий. Он был хороший танцор, довольно красив собою и не любил

упускать случая повеселиться... В то время тон в Академии задавал всем известный Карл Павлович Брюллов, автор «Последнего дня Помпеи». Про него ходили слухи, что он трезв никогда не бывает... Так старались себя вести и молодые подрастающие художники. Такую дань времени отдал и Гаэтано; бывали случаи, когда он, идя, например, в Петергоф на гуляние, не пропускал со своими товарищами ни одного трактира, находящегося по дороге, чтобы не зайти туда и не совершить возлияние в честь Бахуса. Таким образом он начал превращаться в так называемого «вечного студента». И вот в голове его складывается следующий проект: временно выйти из Академии, взять свидетельство на звание учителя рисования и ехать в провинцию, вернуться с деньгами в Петербург, кончить курс и затем, если не казённый, то на свой счёт, поехать в Италию».

Евлампий Николаевич Маджи (?). Фотография. Архив автора.

Проект был приведён в исполнение, и 7 февраля 1852 г. совет Академии выдал ему свидетельство на звание учителя уездного училища; звание учителя гимназии ему не дали, т.к. он не окончил полного курса. Департамент народного просвещения предложил ему место учителя графических искусств и чистописания в Берёзовском уездном училище Тобольской губернии. Когда об этом узнала его мать, «с ней сделался параличнный удар».

30 июня 1852 года Гаэтано Маджи был назначен учителем в Берёзовское уездное училище. «Оклад учителя чистописания, черчения и рисования в уездных училищах в то время был небольшой – 156 рублей и 48 копеек серебром в год. Отбывая в такой отдалённый край, он имел право на двойные прогоны, а по прибытии в Сибирь ему должен был быть выдан ещё и годовой оклад жалованья не в зачёт». Гаэтано приискал себе двух попутчиков, ехавших в Омск, и с ними тронулся в путь через Москву, Тамбов и Оренбург. В то время железная дорога существовала только между Петербургом и Москвой, следовательно весь остальной путь нужно было совершить на лошадах...

Являясь неотъемлемой частью мемуарного жанра литературы, дневниковые записи прежде всего – ценней-

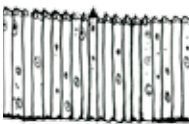
ший историографический источник по изучению истории и краеведения; материал, наиболее ярко представляющий историческую эпоху на срезе конкретной социальной среды. Поэтому для полноты передачи быта и нравов того времени воспроизведём дословно нижеследующий отрывок:

«Один из попутчиков был купец, другой фельдъегерь или курьер, вёзший письмо в Омск к генерал-губернатору Западной Сибири. В Москве купец приобрёл гартанас и в нём поехали не имея надобности переключиваться. В столице Гаэтано приобрёл себе белую папаху, ехал он в форменной академической шинели с блестящими пуговицами, и когда поехали «казацкой линией» от Оренбурга до Омска, то казаки принимали его за важный чин и потому лишь только приезжали они на станцию, лошадей им запрягали немедленно».

3 октября того же года Гаэтано прибыл в Омск и явился к генерал-губернатору Западной Сибири. «Генерал-губернатор принял его очень любезно, Маджи предстал перед ним в своём академическом сюртуке воспитанника Академии и, не зная ещё чиновничьих правил, не застегнулся на все пуговицы. Генерал-губернатор, чтобы дать понять, как надо являться к высшему начальству, во время разговора с ним как бы нечаянно застегнул у него незастёгнутые пуговицы...» Узнав, что Гаэтано назначен в Берёзов, генерал-губернатор пришел в ужас: «Что Вы, молодой человек, едете в такую глушь?! Да знаете ли Вы, что Берёзов находится в тысяче вёрст на север от Тобольска!? Да Вы там после Петербурга умрёте от скуки или же сопьётесь с первого же года! Нет, я Вас не пушу в такую глушь и предлагаю Вам место в городе Ишиме Тобольской губернии, он лежит на триста вёрст южнее Тобольска, там сухой и здоровый степной климат...»

Так по милости генерал-губернатора Гаэтано Маджи был назначен на службу в Ишим, где он произвёл сенсацию: «...Молодой, красивый художник, петербуржец, ловкий танцор, итальянец... он вскружил там головы всем невестам!...».

«Город Ишим в то время был небольшой городок, в котором едва ли было более тысячи жителей. Самым видным лицом был управляющий винным откупом во

Фотография-«визитка», сделанная в фотоателье Н.Г. Маджи в Ишиме. 1860-1876 гг. ИИХМ.

всём уезде – купец Фёдор Агапович Мальцев, он имел в Ишиме свой большой дом, салотопенный завод и своих лошадей и жил не хуже губернатора в Тобольске. Он состоял на службе у известного в то время богача Базилевского, жившего в городе Барнауле Томской губернии и заведывавшего винным откупом во всей Западной Сибири. Мальцев был большой хлебосол и жил очень дружно со всеми городскими властями. Гаэтано Маджи был ласково принят в доме Фёдора Агаповича и вскоре сделал предложение его старшей дочери Анне. Предложение было принято с условием крещения Гаэтано в православную веру. Он тем охотнее согласился на переход в православие, потому что в то время в Сибири ещё не было костёлов даже в губернских городах, не говоря уже об уездных. Ксёндзы из России тоже никогда не приезжали в Сибирь для совершения богослужений и треб. Поэтому Гаэтано Маджи как человеку религиозному приходилось живя в Ишиме всё равно ходить в православную церковь, и ходить довольно часто и даже обязательно как дежурному учителю вместе с учениками. Таким образом, обряд принятия его в православную веру состоялся в совершении над ним таинства миропомазания по православному обряду» 11 января 1853 года, – тогда же он получил имя Николай.

«...Свадьбу решено было устроить после Пасхи в апреле месяце, потому что до Масленицы нельзя было успеть сшить необходимое приданое. По этой причине Гаэтано пробыл женихом три с половиной месяца, но он не очень скучал, потому что каждое воскресенье посещал дом своей невесты, где обедал, а потом ехал кататься по городу вместе с невестой и её сестрой. Катанье иногда сопровождалось курьёзными приключениями: невеста вместе с сестрой Евгенией садились в крытую карету, запряжённую парой бойких лошадей в дышло, а молодой человек ехал сзади один на лёгких беговых санях. На улице было много снега, и иной раз жениху приходилось сваливаться вместе с санками в сугроб... Бракосочетание состоялось 29 апреля».

В своих записях Гаэтано так отметил этот день: «Погода только что разгулялась». Следовательно, примета была хорошая и предвещала впереди светлое будущее... Но с начала нового учебного года (1853-54) уроки рисования были закрыты во всех уездных училищах Тобольской губернии, исключение составляло только Туринское училище.

«Случилось это потому, что преподавание графических искусств в уездных училищах должно было вестись из экономических средств училищ. По штатам 1828 года учителю графических искусств уездного училища полагалось только 90 рублей сере-

бром в год. Жалованье это через десять лет оказалось мизерным, а потому в 1837 году оно было удвоено, но не за счёт государственной казны, а за счёт экономических ресурсов самих училищ, (таких, например, как плата за правоучение). Обыкновенно таких средств было мало, поэтому в 1853 году дирекция училищ Тобольской губернии распорядилась закрыть уроки графических искусств во всех уездных училищах, исключая Туринское училище, где был женский монастырь, поддерживающий преподавание рисования в городе для создания кандидатов для занятий иконописью. Оказавшись таким образом «за штатом», учителя имели право на получение жалованья в течение целого года. Когда подошёл к концу годовой срок, учебное начальство предложило Николаю Гаэтановичу место в Туринском училище».

«Туринск – небольшой городок Тобольской губернии, в 1854 году в нём было не более полутора тысяч жителей. В нескольких десятках вёрст от Туринска в Пермской губернии лежит уездный городок Верхотурье, вблизи которого находится скит с мощами праведного Симеона, верхотурского чудотворца. На поклонение его мощам летом является много богомольцев. В первое же лето по приезде в Туринск Николай Гаэтанович предпринял паломничество в Верхотурье. Дорога шла через красивый густой бор кедровых деревьев. Хождение на богомолье не обошлось без курьёза, который он вспоминал потом всю жизнь. Проезжали они через одну из де-

² Е.Н.Маджи исходит из даты ровки основания поселения – 1670 год, принятой в конце XIX в.; если исходить из принятой ныне – 1687 г., то это время правления Софьи Алексеевны, дочери царя Алексея Михайловича. (Прим. ред.)

³ Так называли этнических казахов. (Прим. С.М.)

⁴ Служил «...городским архитектором, за что получал жалованье 120 руб. в год, и сверх того, чертил отдельные планы...». Так, в 1879 году правление Ишимского училища привлекало «местного техника Н. Маджи» для осмотра здания на училищной усадьбе (РГИА, ф. 802, оп. 17, д. 160, лл. 2, б). (Прим. ред.)

⁵ «Фотография Н.Г. Маджи» была первым фотографом Ишима. (Прим. ред.)

ревень, дело было в воскресенье; на лужайке у деревни боролись парни, а девушки водили хоровод. Николай Гаэтанович хотел было попробовать свои силы, но парни отказались, говоря, что он им не пара: «А вот, барин, коли хошь, борись с нашими девками!». Услышала эти слова одна рослая и бойкая деваха, сама вызвалась вступить в борьбу с барином, да и шлёпнула его на землю...»

В Туринске Николай Гаэтанович прожил пять лет, там в окружном полицейском управлении 7 июля 1856 года принял он и русское подданство, – когда началась «Севастопольская» (Крымская) война и в России стали опасаться вооружённого выступления Австрии. Сделавшись подданным Российской империи, Маджи приобрёл право на чиновничество и в 1858 году получил чин коллежского регистратора, а в следующем году – чин губернского секретаря. Кроме прямых своих обязанностей, он, живя в Туринске, состоял на почётной должности члена городского попечительства.

С утверждением 17 апреля 1859 года новых штатов уездных училищ преподавание графических искусств было признано необходимым. Учителю графических искусств было положено 200 рублей серебром в год. И Гаэтано Маджи поспешил вернуться в Ишим.

«Город Ишим лежит на левом берегу Ишима (приток Иртыша) в так называемой Ишимской степи, которая на юге переходит в Киргизскую степь, начиная от Петропавловска Акмолинской области. В 60-х годах XIX века в Ишиме было не более трёх тысяч жителей. На окраине города было несколько салотопенных (свечных) и кожевенных заводов. Порядочный ежегодный доход горожанам давала зимняя Никольская ярмарка, которая после Нижегородской и Ирбитской считалась третьей по своим крупным оборотам. Ярмарка эта приносила большое оживление городу, потому что на неё приезжали купцы как из России, так и из Сибири; много среди них было татар и других восточных народов в их пёстрых и ярких одеждах. Благодаря этой ярмарке город Ишим стал быстро расти. С другой стороны, эта знаменитая ярмарка давала возможность лёгкой наживы, а потому и воров в Ишиме было великое множество...»

Ишим возник ещё в царствование царя Алексея Михайловича в виде деревни Коркиной². Климат в нём степной: сухой и здоровый, летом бывает довольно жарко, а зимой иной раз морозы в 40° по Реомюру. Против города, на правом берегу Ишима, расстилается Ишимская степь, поросшая густою травой, в которой летом родится много ягод, особенно клубники. В десяти верстах к югу от города проходит цепь холмов высотой сажень в сто, цепь эта тянется затем на север к Тобольску и образует тобольскую цепь холмов. Около Ишима цепь упомянутых холмов очень живописна, будучи покрыта сосновым бором. Около самого города в Ишимской степи постоянно кочевало несколько семейств киргизов³, кибитки которых постоянно привлекали к себе горожан, желавших попить кумысу. С северной стороны города тянется невысокий берёзовый лес, где было много груздей...»

Приехав в Ишим, Николай Гаэтанович купил себе с аукционного торга дом, принадлежавший ранее мещанину Пенькову. «Дом находился в самой старой части города, называемой Киселёвкой. Эта Киселёвка лежала на южном конце города и была с трёх сторон окружена изгибом реки Ишим. В Киселёвке же находился мост через реку и затем дорога, ведущая в степь, мимо киргизских юрт, к цепи упомянутых холмов... Купленный дом был небольшой и при нём было мало служб, поэтому в течение первых лет пришлось его обустроить».

В этот счастливый ишимский период жизни Николая Гаэтановича в его семье появляются трое детей: дочь Анна, сын Евлампий и сын Антоний. Позже семья пополнилась приёмным сыном Василием Пурловым, прожившим у Маджи вплоть до совершеннолетия, когда он поступил на службу к тобольскому фотографу Туленкову.

«Служебное положение в этот период жизни Николая Гаэтановича также было самое лучшее: он был преподавателем рисования и чистописания, занимался фотографией, был городским архитектором⁴ и, наконец, агентом страхового общества. Эта сравнительная обеспеченность давала ему возможность жить довольно на широкую ногу. Во время Святка ежегодно в течение целой недели каждый вечер принимали маскированных, угощая их и устраивая танцевальные вечера с музыкантами. В первые дни Рождества и Пасхи в его доме всегда бывало два десятка визитёров. Именины также справлялись при большом числе гостей...»

Графический портрет, выполненный Василием Москвинным, учеником Н.Г.Маджи. 2-я пол. XIX в. Архив автора.

⁶ Во 2-й пол. XIX в. в Ишиме работала иконостасная мастерская Сергея Павловича Багишева, в которой работали его средний сын Иван и младший Николай, старший был часовщиком. Возможно, речь идёт о ком-нибудь из них. См.: Чукардин Е.М. История жизни моего отца (по его рассказам) // Коркина слобода. Вып. 10. Ишим, 2008. – С. 86-90. (Прим. ред.)

Дом находился на Соборной площади, при нём Маджи построил фотографическую «галерею»-павильон⁵. Заниматься фотографией он мог почти без ущерба для учебных занятий: учительская служба в Ишиме не была тяжела и составляла только 16 уроков в неделю. Дисциплина в училище была патриархальная: учителя не только оставляли учеников без обеда, но и драли их за уши, ставили на колени и могли даже наказывать розгами. В школах Ишима порка розгами была упразднена только в середине 70-х годов XIX века.

В 1870 году в Ишимское уездное училище поступил циркуляр, в котором предлагалось «представить в Петербургскую Императорскую Академию Художеств работы лучших учеников для соискания награды», в числе которых были похвальные листы и серебряные медали. Это предложение воодушевило Николая Гаэтановича, и он немедленно организовал в зале своего дома вечерний класс рисования из лучших учеников. Спустя шесть месяцев из Академии был получен ответ: сыну иконостасного мастера Багишева (имя, опять же, не указано)⁶ выслана серебряная медаль, а двум другим ученикам – похвальные листы. Это, конечно, произвело сенсацию.

«Интересна судьба медалиста Багишева. Вскоре после получения медали в Ишим приехал на ревизию тобольский архиерей. Он заинтересовался юношей и ходатайствовал о его приёме в Академию художеств. (Тогда, чтобы попасть в число учеников Академии, достаточно было иметь общеобразовательный ценз уездного училища. Впоследствии, лет через двадцать, туда стали принимать только окончивших среднее учебное заведение).

В 1874 году в Академии художеств был назначен новый конкурс для учеников гимназий и уездных училищ... Все восемь учеников Николая Гаэтановича, в числе которых были его дочь Анна и сын Евлампий, были награждены от Академии похвальными листами. Окружное начальство обратило внимание на энергичную и полезную деятельность Н.Г. Маджи и предложило ему место учителя рисования в Омской женской гимназии, но это место он мог занять только «из платы по найму», потому что не имел от Академии художеств звания учителя рисования средних учебных заведений. Обдумав это предложение, он отказался, потому что не захотел действительную должность в уездном училище менять на вольнонаёмную. Конечно, учебное начальство могло найти и другой способ его поощрения...»

После этого Н.Г. Маджи несколько охладел к своим вечерним курсам и задумал совсем уехать из Сибири. Его прошение о переводе в департамент народного просвещения, где в числе мотивов было указано желание дать детям образование, было удовлетворено. Н.Г. Маджи был перемещён в Кременецкое городское двухклассное училище Волынской губернии. Семья выехала из Ишима 8 сентября 1876 года, а прибыла в Кременец 12 октября. Маршрут дороги был таков: Ишим, Шадринск, Екатеринбург, Пермь, Казань, Нижний Новгород, Москва, Киев, Дубно и Кременец.

В Кременце Н.Г. Маджи преподавал в мужском и в женском городских училищах. В конце 1878 года Академия Художеств в награду за деятельность Н.Г. Маджи в Ишиме дала ему свидетельство на право преподавать в средних учебных заведениях. Тогда он решил возвратиться в Сибирь и подал прошение на имя генерал-губернатора Западной Сибири о перемещении в Тобольск.

Когда один из кременецких друзей Николая Гаэтановича помещик Борщевский спросил его, с чем связано такое решение, тот ответил: «Климат кременецкий хорош, фрукты его предельны... Климат сибирский действительно суров и холоден, но дрова там очень дешёвы... Но, самое главное, мы соскучились по Сибири; там у нас много родных и знакомых, там я скорей выдам мою дочь замуж, там в случае моей смерти и жене моей будет где пристроиться...»

Просьба была удовлетворена, и 10 июня 1880 г. Н.Г. Маджи был назначен в Тобольское уездное училище.

«При въезде в Тобольск прежде всего бросается в глаза множество церквей старинной архитектуры. Особенно величественна архиерейская церковь с её громадной колокольней, с тысячепудовым колоколом. Эта церковь стоит на горе, а пото-

⁷ Ошибка мемуариста: Прямым назывался «пешеходный» взвоз, экипажи поднимались по Никольскому взвозу. (Прим. ред.)

Анна Николаевна Маджи с мужем Василием Павловичем Румянцевым (в будущем – настоятель приходской церкви Кургана). Их знакомство состоялось в Тобольске, где Анна в епархиальном училище, а Василий обучался в духовной семинарии. Шадринск. Фотография Прибылева. Архив автора.

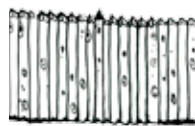
му и колокольня её видна вёрст за двадцать пять, если подъезжать к Тобольску по почтовому тракту от Тюмени. За столько же вёрст слышен и благовест тысячепудового колокола... В 1880 году, когда мы приехали в Тобольск, в нём обращали на себя внимание следующие достопримечательности: архиерейское подворье, где в особой пристройке сохранился угличский колокол, сосланный туда Борисом Годуновым, затем громадное здание духовной семинарии с монастырём, громадное трёхэтажное здание губернских присутственных мест, губернаторский дом, здание мужской гимназии и Мариинской школы женского института. Из нижнего города в верхний было два пути: один – для пешеходов в виде большой деревянной лестницы (в несколько сот ступеней), а другой – для езды в экипажах; этот последний назывался «Прямым взвозом»⁷. Около него на выступе горы находился красивый городской сад, засаженный елями и пихтами и украшенный обелиском в честь «Покорителя Сибири Ермака», в этом же саду находился и тобольский музей, где находились чучела северного оленя, белого медведя и северных птиц... Небо тобольское около двухсот дней в году бывает пасмурно, редкий день летом бывает там такой, чтобы не шёл дождь, а зимой редкий день бывает такой, чтобы не падал снег. Скучно тобольское лето, постоянные ветры целые дни жалобно воют там ежедневно...»

Приехав в Тобольск, Н.Г. Маджи оказался в течение первого года службы в очень тяжёлом финансовом положении. «Почти через год после приезда в Тобольск, который по своему старорусскому купечеству и чиновничеству напоминал типы «Ревизора» Гоголя и тит-титовичей комедии Островского, Николай Гаэтанович получил известие, что его кременецкие ученики также были отмечены наградами. Это обстоятельство сразу подняло его престиж в глазах директора народных училищ Тобольской губернии и директора Тобольской мужской гимназии Панова. Но только с начала второго учебного года Николай Гаэтанович получает уроки рисования и чистописания в Тобольской мужской гимназии». Нужно отметить, что подход к преподаванию таких предметов как рисование, чистописание и черчение в гимназии отличался от системы преподавания этих же предметов в уездном училище. «Штатным предметом в гимназии считалось только чистописание, а черчению и рисованию гимназисты учились по желанию, за особую плату в воскресенье. Кроме того, чистописание с юридической точки зрения являлось предметом незначительным; имея даже единицу, гимназист все равно переводился в следующий класс».

В период тобольского житья в 1883 году Н.Г. Маджи получил орден св. Владимира «за 35 лет беспорочной службы». «По существовавшим в то время законам этот орден давал право на потомственное русское дворянство, но Николай Гаэтанович не стал просить себе грамоты на дворянство из департамента герольдии Правительствующего Сената...». Он решает уехать из Тобольска.

«В Тобольской губернии в то время было девять уездных городов. По числу народонаселения они в 1885 году распределялись так: Тобольск – 18000 жителей, Тюмень – 15000, Курган и Тара по 7000 жителей, Ишим – 5000, Ялуторовск – 4000, Туринск и Тюкалинск – по 3000 и Берёзов – 2000». Из этих статистических данных видно, что по плотности населения город Курган занимал третье место среди других городов губернии. «Уезд его славился как один из хлебородных (наряду с Ишимским и Ялуторовским уездами). Хотя в нём и не было ярмарок, он лежал при начале Оренбургской степи и отличался молочным хозяйством. Впоследствии, когда через Курган прошла великая Сибирская железная дорога, коровье масло стали вывозить из него в Россию вагонами. Вагонами же стали вывозить из него и хлеб... Курганское уездное училище после Тобольского и Тюменского считалось одним из лучших в губернии».

По примеру прошлых лет Николай Гаэтанович также посылал работы своих учеников в Академию художеств. На этот раз особой похвалы Академии был удостоен ученик уездного Курганского училища, сын сельского священника Лебединский. По окончании курса в Кургане Лебединский был назначен учителем графических искусств в Берёзов.

Николай Гаэтанович возвратился на службу в Тобольск, в уездное училище, когда ему было почти семьдесят лет. Здесь он был представлен к золотой пряжке с вензелем «за беспорочную сорокалетнюю службу». Тем не менее его ожидала печальная перспектива быть в скором времени инвалидом, нищим, без всяких средств к существованию. «Какая злая ирония царского правительства над человеком, прослужившим верою и правдой «Царю и Отечеству»! Какая злая насмешка над стариком, которому дали потомственное русское дворянство, но не дали грошовой пенсии! А между тем дворяне считались в России «опорою престола»! Хорош же был трон, который опирался на дряхлых нищих!»

*Дочь ссыльного поляка Мария Красутская и Анна Маджи (сидят, слева направо), за ними стоит Евлампий Маджи.
Фотография Н.Г. Маджи (?).
Архив автора.*

После занятия живописью самым любимым времяпровождением Николая Гаэтановича было чтение Псалтыри, Служебника и Часослова, «в чём находил он духовную пищу для своей души». Поэтому не случайно появляется мысль бросить учительскую службу и искать должности священника где-нибудь в селе. Желая осуществить свою идею, летом 1893 года, взяв предварительно копию своего послужного списка, он представил её Тобольскому архиерею. Архиерей предложил ему место миссионера в Берёзовском округе с местожительством в селе Обдорском, лежащем в 500 верстах к северу от Берёзова, при устье реки Оби, на берегу Ледовитого океана. Другого места архиерей ему не давал.

1 июня 1894 года Николай Гаэтанович подал прошение на имя государя Императора – в качестве милости назначить хоть какую-нибудь пенсию за сорок лет беспорочной службы.

Летом 1895 года он покинул Тобольск (отъезд был вызван его ссорой со смотрителем уездных училищ) и переехал в Каинск. «Это небольшой городок Томской губернии; он будет поменьше Ишима и гуще, чем какой-либо другой город в Западной Сибири, был насе-

лён в то время ссыльными поселенцами, а потому заслужил реноме - «город варнаков». (Варнаками в Сибири называли вообще ссыльных). В Каинске находилось три учебных заведения: трёхклассное уездное училище, трёхклассная женская прогимназия и приходское училище. Уездное училище было очень немногочисленно: в нем было всего человек шестьдесят учащихся».

В Каинске Николай Гаэтанович прослужил учителем ровно три года и летом 1898 года, подавши рапорт об отставке, навсегда переехал в Тобольск. Художник и педагог теперь «был просто неизвестен. От его прежней, быстрой походки не осталось и следа; теперь он ходил едва волоча ноги...»

1 декабря 1898 состоялось полное увольнение Николая Гаэтановича Маджи в отставку. Более сорока пяти лет прослужил он учителем, и когда знакомые спрашивали, доволен ли он своей отставкой, он с грустью отвечал: «Нет, хотелось бы мне прослужить учителем ровно полвека»...

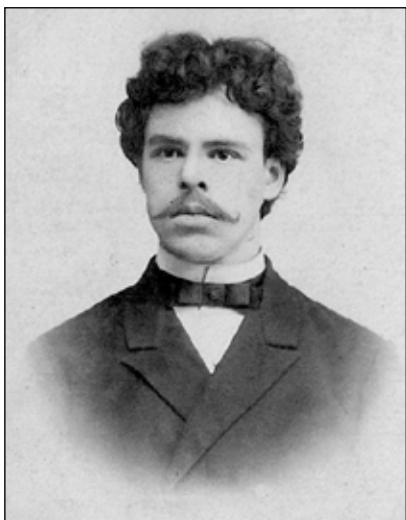
В последней части дневника, озаглавленной «Отставка и смерть», старший сын Николая Гаэтановича вспоминает: «В это лето в Тобольске собралась вся семья. Было получено радостное письмо от Васи Пурлова, где он писал, что перебрался на службу в Туркестан; «в страну жаркого солнца и золотистых абрикосов...». Его письмо, где он описывал нам прелести роскошной восточной природы, очень нас заинтересовало, и я невольно воскликнул: «Поедем, папа, в Туркестан!...» Но отец с грустью ответил: «Нет, Люнечка, я собираюсь ехать поближе... на тобольское кладбище, что здесь на горе...»

Его похоронили 29 декабря 1901 года на тобольском кладбище, а на сороковой день после его смерти умерла и его жена...

На похоронах Николая Гаэтановича были его ученики и бывшие сослуживцы. «Все жалели и восхваляли нашего прекрасного старичка, – писал С.П. Гашинский его сыну. – Покойный был ангел, которого доброту и истинный характер никогда не забудут».

Антоний Маджи.
Тобольск. Фотография Туленкова.
Архив автора.

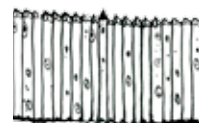
Василий Пурлов,
приёмный сын
Н.Г.Маджи.
Фотография.
Архив автора.

Прошло почти полтора века. В статье Т.П.Савченковой о творчестве писателя П.П.Ершова есть фраза: «...вся Россия впервые увидела облик автора любимейшей сказки благодаря портрету неизвестного художника; Н.Г.Маджи является автором одного из лучших портретов П.П.Ершова». Безусловно, судить об этом современникам..., и всё же личность художника Маджи было бы неправильно ограничивать рамками одного портрета, даже и лучшего.

Ценен вклад Николая Гаэтановича в культурную жизнь Сибири XIX века, прежде всего – как учителя. Именно его педагогическую деятельность справедливо назвать творчеством, когда, готовясь к конкурсам, организовывал он в зале собственного дома вечерние классы рисования из лучших своих учеников. «Он буквально превращал свою гостиную в классную комнату; были выписаны из Петербурга гипсовые классические головы, коллекция деревянных моделей и геометрических тел и заведены ученические столы с наклонными столешницами. Николай Гаэтанович был одним из первых педагогов-художников, начавших обучать своих учеников рисованию с натуры, до сих пор рисование в низших и средних учебных заведениях в России велось с оригиналов...» Знания и навыки, полученные им в своё время от Карла Брюллова, «живого классика русской живописи», Николай Гаэтанович ежедневно, методично и добросовестно передавал своим ученикам. Свидетельство тому – многочисленные награды петербургской Академии художеств, отнюдь не всегда благосклонной в своих оценках; так, например, работу другого тобольского учителя Шелуткова Академия аттестовала следующим образом: «В преподавании не видно метода, а рисунки учеников указывают на недостаток учебных пособий...».

За более чем сорокапятилетнюю трудовую деятельность среди учеников Николая Гаэтановича были как художники (Москвин, Багишев), так и «рядовые» учителя рисования и графических искусств, чьи имена неумолимо время уже давно стёрло из недолговечной человеческой памяти... Таков естественный ход вещей, и, выраженный ёмкой латинской фразой: «Sic transit gloria mundi»⁸, – он тем более поражает, чем ярче и значительнее была конкретная человеческая личность... Например, есть недалеко от Рима местечко, носящее название Манциана. Пожалуй, его единственной достопримечательностью является забытый современными жителями факт, а именно: здесь жил и творил великий русский живописец - Карл Павлович Брюллов...

⁸ «Так проходит земная слава» (лат.)

Потомки венецианского клана Маджи из России

¹ Дож (итал. *doge*, от лат. *dux* – вождь, предводитель), глава Венецианской (в конце 7–18 вв.) и Генуэзской (в 14–18 вв.) республик. В Венеции дож избирался патрициатом из своей среды путём многоступенчатых выборов пожизненно и имел поначалу большую власть. Однако после попыток отдельных дож превратить свою власть в наследственную синьорию венецианская олигархия в течение 12–14 вв. постепенно свела роль дож к номинальному представительству.

² Маги – в древнем Иране, Хорезме, Бактрии зороастрийские жрецы. Магами называли также волшебников, чародеев, астрологов.

³ Немирович-Данченко В. *Лазурный край. Очерки, впечатления, маражи и воспоминания.* – СПб: Издание Н.Ф. Мертца, 1896. – С. 42, 43, 47, 61, 62, 63.

⁴ Иногда в документах возникает другая транскрипция его имени – Каэтано.

Вокруг выдающихся людей складываются легенды, вокруг заурядных – сплетни.

Фамильное предание или легенда?

Моя первая аспирантка Светлана Олеговна Маджи рассказывала, что происходит из старинного венецианского рода Маджи и среди её предков были венецианские дожи¹. Фамилия, которую она носит, восходит к древнему арийскому корню Маги (ср. европейскую транскрипцию Maggi, Magi, Magee, Mudgee и т.д., различные вариации написания которой сохраняются и поныне в итальянском, французском, голландском, английском, иранском и других индоиранских языках). Словом, магическая фамилия, эзотерический смысл которой теряется во тьме минувших веков².

За два года общения со Светланой (1989–1990 гг.) я составил более или менее целостное представление о нескольких поколениях Маджи после эмиграции одного из них в Россию.

Венецианские корни рода Маджи

Венецианцы до сих пор не могут разобраться, от кого они происходят. Записывались они в сыновья к галлам, сарматам, германцам, скифам, даже пафлагонцам, как кому нравилось – всё равно отцы не оставили наследства, которое пришлось бы делить. В одном они уверены неколебимо – что нет народа древнее их.

Вспоминают они о первых своих начальниках, построивших чудо-город с улицами-каналами. Эти фамилии образовали историческую аристократию, предшествовавшую нынешней денежной. Таковы были семьи из Гераклеи и Альтината: Партечинази – «мудрые и благосклонные», Кандиани – «смелые и воинственные», Барболини из Пармы – «преизбыточные», Чентраничи – «могущественные», Сальво из Бергамо – «миролюбивые», Масталичи из Реджио – «храмостроители и грешники», Маджи – «взбалмошные и забияки»...

То есть сохранились не только имена первых строителей и насельников Венеции, но и присущие им черты характера, оставшиеся в памяти горожан. Это были «majores», образовавшие собой «ottimati» – класс почтенных, патрициев... Вместе с богатством они перенесли сюда и знания, и страсть к архитектурному творчеству. Таким образом, всё то, что составляет славу Венеции, находилось в зародыше у венецов, а когда нашествие варваров выгнало венецов из их городов на лагуны Адриатического поморья и зачиналась нынешняя Венеция, эти благородные свойства развились широко и ярко в деятельности фамилий, здесь перечисленных. Народ нанёс землю и покрыл её болотинами, называвшиеся дотолё «могилами», вырыл и провёл каналы, соорудил пристани и убежища для судов, вырыл колодцы, разработал окрестные дуга, насадил виноградники и фруктовые деревья, обвёл сады укреплениями, чтобы избавить их от бешенства морских волн, поднял мельницы и стал варить соль... В то самое время, когда вокруг замков Тосканы плебеи развращались и обезличивались, в Риме под новым игом народ и патриции переживали агонию рабства – здесь работало смелое, сильное и предприимчивое племя лицом к лицу с заманчивой лазурью моря³.

Судьба Гаэтано Маджи⁴, представителя знатного и именитого венецианского клана, которого судьба занесла в Россию, окутана дымкой легенд.

После многовекового упадка Италия ненадолго обрела своё лицо в годы после Французской революции, однако с падением Наполеона в 1814–1815 гг. итальянцам пришлось смириться с реставрацией старых порядков, а полуостров был разде-

⁵ Полевая за-
пись историка
В.А. Германова
от 15.08.2010
г. в г. Ташкент.
Информация
от Светланы-
Виттории Маджи.

⁶ Карл Павлович
Брюллов (12 (23)
декабря 1799,
Санкт-Петербург
– 11 (23) июня
1852, Манциана,
Италия) – русский
художник, живопи-
сец, монумента-
лист, акварелист,
рисовальщик,
представитель
академизма. Член
Миланской и
Пармской акаде-
мий, Академии
Святого Луки в
Риме, профессор
Петербургской и
Флорентийской
академий худо-
жеств, почётный
вольный общник
Парижской Акаде-
мии искусств.

⁷ Ныне Олег Вален-
тинович Панфилов
вместе с Алексе-
ем Симоновым,
сыном писателя
Константина
Симонова, воз-
главляет Центр
экстремальной
журналистики в
Москве.

⁸ Моголтау – горы
на правом берегу
реки Сырдарья, на
севере Таджики-
стана. Высота до
1624 м. На Сырда-
рье в отрогах Мо-
голтау находится
Фархадская гидро-
электростанция.

лён на девять государств под австрийским протекторатом. Две северные провинции – Ломбардия со столицей в Милане и Венеция – вошли в состав австрийских владений.

В это же время венецианец Гаэтано Маджи был вынужден перебраться в Россию. Его сын Николай Гаэтанович Маджи обучался в Санкт-Петербургской Императорской Академии Художеств и получил направление в Западную Сибирь. До этого, как свидетельствуют глухие семейные предания⁵, он удостоился приглашения знаменитого русского художника (опять же итальянского происхождения) Карла Брюллова⁶ участвовать в росписи кафедрального Исаакиевского собора в «Северной Венеции» – в Санкт-Петербурге.

В Душанбе...

Фамилия Маджи притягивала моё воображение, как магнит, поскольку существовала и другая предыстория.

Дело в том, что о Гаэтано Маджи, первом представителе венецианского клана, покинувшем Италию и отправившемся во второй половине XIX века в вынужденное изгнание в Россию, впервые мне довелось услышать в городе Душанбе в октябре 1985 года: я собирал в столице Таджикистана материал для своей кандидатской диссертации. Там состоялось моё знакомство с талантливым исследователем Олегом Панфиловым⁷. Он также работал над диссертацией на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Изучение наскальной живописи Моголтау⁸ вывело его на Андрея Евлампиевича Маджи, посвятившего этой проблеме специальную статью⁹, вернее, на учёное наследие Андрея Евлампиевича и его детей, хранителей его архива. Сам А.Е. Маджи ушёл из жизни 11 марта 1962 г.¹⁰ Его сын Лев Андреевич стал геологом. Были ещё дочь Татьяна Андреевна и внучка Евгения Львовна.

В то пребывание в Душанбе, или в «Рио-Душанбейро», как вполне душевно именовал его Олег, мне случилось посетить дом 118 на улице Жданова, где в квартире 4 обретался подающий большие надежды историк, археолог, искусствовед и журналист Панфилов, не чуждый, впрочем, и занятий живописью. В ту встречу мне довелось услышать от него немало интересного¹¹.

В Ходженге...

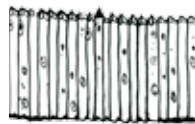
В 1930-е годы на улицах Худжанда¹² можно было встретить высокого темноволосого человека, который с неподдельным интересом посещал старые кварталы города, по-прежнему называемые «махалля». Его видели поднимающимся в горы Моголтау или спешащим на попутных машинах, а то и просто пешком, в отдалённые кишлаки. И влекла его исследовательская жажда поиска, которая присуща людям с пытливым умом и неистощимым стремлением к неизведанному.

Этого человека хорошо знали в Худжанде и, вероятно, многие помнят до сих пор. Звали его Андрей Маджи. Его уважали и седобородые аксакалы, с которыми он мог подолгу беседовать, собирая сведения об истории города, и молодые люди – студенты созданных в Ленинабаде первых высших учебных заведений, сельскохозяйственного и педагогического институтов¹³.

Кем же был А.Е. Маджи?

Ориенталистом, с успехом занимавшимся археологией; археологом, писавшим труды по этнографии; этнографом, опубликовавшим серию работ по методике преподавания таджикского языка. В личном архиве исследователя – десятки рукописей, посвящённых географии, педагогике. Интересен составленный им документ с предложением образовать на Сырдарье водохранилище. Одновременно его увлекают проблемы селекции виноградарства. Но поскольку изучение истории всё же привлекало его более всего, правильнее, по мнению О.В. Панфилова, назвать А.Е. Маджи Краеведом с большой буквы...

Учившийся в Лазаревском институте в Москве, успешно окончивший с золотой медалью классическую гимназию в г. Скобелев (ныне – Фергана) и затем Восточный факультет Среднеазиатского государственного университета, А.Е. Маджи великолепно знал несколько европейских и азиатских языков, свободно читал в арабской графике средневековые и более ранние восточные рукописи. Именно он, скромный

⁹ Маджи А.Е. *На-
скальные рисунки
в горах Могол-
тау // Известия
Академии наук
Таджикской ССР.
Отделение обще-
ственных наук. –
Сталинабад, 1957.
Вып.14. С. 78-79.*

¹⁰ Полевая запись
историка В.А.
Германова от 14
октября 1985 года
в г. Душанбе. Ин-
формация истори-
ка и журналиста
О.В. Панфилова.

¹¹ Полевая запись
историка В.А.
Германова от 14
октября 2010
года в г. Душан-
бе. Информация
О.В. Панфилова.

¹² В разное время
этот город имено-
вался: Александрия
Эсхата, Ходжент,
Ленинабад, ныне –
Худжанд.

¹³ Панфилов О.
Преданный науке.
К 2500-летию
Ходжента–
Ленинабада //
Ленинабадская
правда. 1985.
15 июня.

¹⁴ Библиогра-
фический словарь
отечественных
тюркологов.
Дооктябрьский
период. 2-е изд.,
перераб., подго-
товил член-корр.
АН СССР А.Н.
Кононов. – М.:
Наука, Главная ре-
дакция восточной
литературы, 1989.
– 300 с.

ориенталист итальянского происхождения, являлся главным собирателем персонального архива выписок и переводов из этих манускриптов; одновременно он был одним из первых исполнителей проекта академика А.А. Семёнова – составителем «Собрания восточных рукописей», знаменитого «СВР». Именно источниковый материал А.Е. Маджи лёг в основу монографии Б.Г. Гафурова «Таджики».

Андрей Маджи родился в семье потомственного дворянина Е.Н. Маджи в старинном сибирском городе Тобольск 27 июля 1898 г., был внуком того самого Николая Гаэтановича Маджи – автора портрета П.П. Ершова. Однако и судьба его отца, Евлампия Николаевича Маджи, тоже заслуживает отдельного рассмотрения.

Обратившись к справочнику для отечественных тюркологов, составленному академиком А.Н. Кононовым¹⁴, читаю на странице 149 и при этом глазам своим не верю (цитирую полностью): «Маджи, Евлампий Николаевич (? – ?). (Сведений нет.) I – II. Сартовские фразы, пословицы, анекдоты, обычаи и правила вежливости, или Ключ к «Руководству для практического изучения сартовского языка» В.П. Наливкина. Скобелев, 1909, 96 с.»

Куда больше рассказывает о Е.Н.Маджи аттестат, датированный 1911 годом:

«По указу Его Императорского величества дан этот аттестат бывшему учителю рисования и чистописания и помощнику классных наставников Скобелевской мужской гимназии статскому советнику Николаевичу МАДЖИ в том, что он, как видно из формулярного о службе его списка, происходит из потомственных дворян; от роду имеет 47 лет (родился 10 октября 1864 г.); вероисповедания православного; имеет ордена Святой Анны и Святого Станислава 3 степени, золотой вензелевый нагрудный знак, Высочайше утверждённый 2 мая 1897 года по Ведомству учреждений Императрицы Марии, тёмно-бронзовую медаль на ленте из государственных цветов за труды на Всероссийской переписи населения 1897 года и серебряную медаль в память царствования Императора Александра III...

По окончании курса в Омской учительской семинарии, приказом г. попечителя Западно-Сибирского учебного округа определён учителем старшего отделения Ялуторовского городского училища с 28 августа 1885 года.

Преподавал из платы по найму иконописание в Тобольской духовной семинарии с 25 августа 1897 года по 31 августа 1898 года.

Получил от отца Ректора благодарность за труды по преподаванию иконописания в Тобольской духовной семинарии 23 сентября 1898 года. Приказом генерал-губернатора Туркестанского края от 14 июля 1900 года перемещён на должность учителя рисования и чистописания в Маргеланскую мужскую прогимназию Ферганской области. Определением Правительственного сената по Департаменту герольдии, состоявшимся 20 ноября 1901 года, он признан в потомственном дворянском достоинстве, с правом на внесение в дворянскую родословную книгу, в 3-ю часть оной. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству, от 8 декабря 1908 года за № 83, произведён за выслугу лет в чин статского советника со старшинством с 12 марта 1908 года.

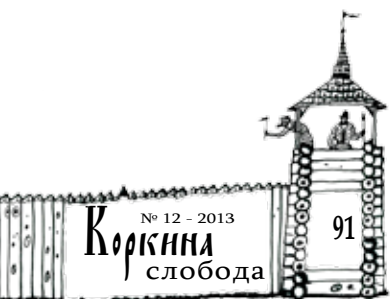
*Подлинный аттестат подписали
Директор Скобелевской мужской гимназии А. Яхонтов.*

*Письмоводитель И. Вьюнов.
Город Скобелев. Ноября 2 дня 1911 года»¹⁵.*

6 февраля 1887 г. Евлампий Николаевич Маджи вступил в законный брак с купеческой дочерью Ольгою Семёновной Мясниковой, родившейся 10 июля 1869 г. Имел трёх дочерей и двух сыновей. Жена и дети вероисповедования православного. Два сына Евлампия Николаевича со временем станут известными востоковедами.

Незадолго до выезда в Туркестан Е.Н. Маджи в Тобольске в 1898 году издал перевод с французского языка известной тогда брошюры барона де Бай «От Волги до Иртыша»¹⁶.

Приехав в Туркестан, в город Скобелев (Фергана), Евлампий Николаевич самостоятельно изучает узбекский язык. Вскоре учитель чистописания и рисования Маргеланской мужской гимназии коллежский советник Е.Н. Маджи обращается к главному инспектору училищ Туркестанского края – действительному статскому советнику Ф.М. Керенскому (отцу будущего премьер-министра Временного правительства) – с прошением о своём перемещении в Самаркандскую женскую гимназию. Но 26 января 1906 г. получает ничем не мотивированный отказ: «...Имею честь

¹⁵ Личный фамильный архив геолога Олега Петровича Маджи.

¹⁶ Барон де Бай. От Волги до Иртыша. Археологическо-этнографическая экскурсия по Приуралью и Западной Сибири в 1895 году. Перевод с французского Е. Маджи. – Тобольск, 1898.

¹⁷ Письмо Е.Н. Маджи от главного инспектора училищ Туркестанского края Ф. Керенского № 549 от 26 января 1906 года. Личный архив О.П.Маджи.

Евлампий Николаевич Маджи. Нач. XX в. Маргелан. Фотография В.Вырвинского. Архив С.О. Маджи.

уведомить Вас, Милостивый Государь, что просьба Ваша о перемещении Вас в Самаркандскую женскую гимназию удовлетворена быть не может»¹⁷.

Через несколько лет Е.Н. Маджи издаёт своё дополнение к популярному учебнику узбекского языка выдающегося этнографа и знатока среднеазиатских языков В.П. Наливкина, а спустя несколько лет публикует собственный самоучитель узбекского языка в восьми частях¹⁸.

В 1909 г. Е.Н. Маджи совершает из Ферганы путешествие на историческую родину – в Венецию через Константинополь и Афины, затем второе турне в 1912 году – через те же города в Париж. Эти путешествия Евлампий Николаевич описал в изданных им двух книжках¹⁹.

После Октябрьского переворота 1917 г. в России Е.Н. Маджи работает преподавателем узбекского языка и рисования в различных городах Ферганской долины. С середины 1920-х гг. он преподаёт в Бухарской Военно-трудовой школе, имея звание, отвечающее подполковнику Бухарской Красной Армии. Здесь он переиздаёт свой самоучитель узбекского языка уже в латинизированной графике. Педагогическая деятельность Е.Н. Маджи как преподавателя рисования и особенно как учителя узбекского языка протекает до августа 1933 г., после чего он как инвалид 2-й группы вынужден прервать служебную деятельность и выйти на пенсию²⁰.

Итак, младший сын Евлампия Николаевича – Андрей Евлампиевич Маджи с двухлетнего возраста жил в Средней Азии, что оказало определяющее влияние как на его жизнь, так и на жизнь его брата Петра Евлампиевича, успевшего завершить образование в Лазаревском институте восточных языков, одном из флагманов мирового востоковедения.

В Скобелеве (Фергане) А.Е. Маджи учился в гимназии, которую окончил с золотой медалью, затем выдержал вступительные экзамены в тот же Лазаревский институт. Исследовательский талант Андрея Евлампиевича проявился на втором курсе при начале подготовки дипломной работы под руководством академика А.Е. Крымского. Но закончить её не довелось. Разруха и голод 1918 года возвращают А.Е. Маджи в Маргелан, где он работает заведующим отделом народного образования. В 1919-1921 годах он преподаёт на курсах ликвидации безграмотности на угольных копях в городе Кизил-Кие, одновременно привлекается к участию в развернувшихся здесь боевых действиях.

Эти годы были для него временем накопления знаний – в языках, этнографии и археологии Ферганской долины. И знаний этих хватило, чтобы в 1923 году поступить на Восточный факультет Среднеазиатского государственного университета. Однако в Ташкенте ему снова приходится испытывать тяжёлую нужду. Постоянная нехватка денег, двухмесячные летние заработки, которые растягиваются на 10 последующих учебных месяцев... и – упорная учёба. В результате четырёхгодичный курс пройден был за три года.

В апреле 1925 года Андрей Евлампиевич Маджи делает доклад на секции этнографии и археологии в составе Туркестанского отдела Русского географического общества на тему «Об остатках старины в Китабе и Шах-рисябзе»²¹. Тогда же его направляют на преддипломную практику в Афганистан в качестве переводчика при строительстве дороги и телеграфа, которые осуществляют советские специалисты. Некоторое время он работает также в геологической экспедиции А.С. Уклонского – одного из организаторов Среднеазиатского государственного университета, основоположника Среднеазиатской минералогической и геохимической школы, – ставшего впоследствии академиком²².

В Афганистане Андрей Евлампиевич близко сошёлся с Д.Д. Букиничем, старшим научным сотрудником экспедиции академика Н.И. Вавилова²³. Вместе они совершают ряд любительских археологических вылазок, в частности в Бамиан.

По возвращении из Афганистана весной 1927 года Андрей Евлампиевич блестяще защитил дипломную работу на тему «География Афганистана» Мухаммед Хусейна, перевод с персидского с примечаниями, которая была высоко оценена виднейшими востоковедами А.А. Семёновым и М.С. Андреевым²⁴.

Антоний Николаевич Маджи.
Томск. Фотография Л. Пейсахова.
Архив С.О.Маджи.

¹⁸ Маджи Е.Н. Самоучитель сартовского [узбекского] языка. В 8-ми ч. – Скобелев, 1919; Маджи Е.Н. Самоучитель узбекского языка. В 8-ми ч. – Фергана, 1926.

¹⁹ Маджи Е.Н. Путешествие из Ферганы в Венецию через Константинополь и Афины. – Скобелев, 1909; Маджи Е.Н. Путешествие из Ферганы в Париж через Константинополь и Афины. – Скобелев, 1912.

²⁰ Дополнение к биографии Е.Н. Маджи. Личный архив О.П.Маджи.

А.Е. Маджи становится членом редакционной коллегии «Сборника научного кружка при Восточном факультете Среднеазиатского государственного университета». Однако наука вновь остаётся на втором плане. В том же 1927 году А.Е. Маджи принимает приглашение комиссара народного образования Таджикской ССР Н. Мухаммеда поработать в школах республики и впоследствии работает заведующим отделом народного образования в Кулябе, затем в школах Душанбе, Ховалинга, Гарма и Шахринау.

В начале 1930-х с созданием в Таджикистане высшей школы Андрея Евлампиевича приглашают заведовать кафедрой языковедения в сельскохозяйственном институте в Ходженте. В 1934 году он одновременно работает и в педагогическом институте ассистентом кафедры истории Востока и Запада, читает лекции по языкознанию, английскому и таджикскому языкам. А.Е. Маджи принимает непосредственное участие в организации работы крупнейшего педагогического вуза Таджикистана – Ленинабадского государственного педагогического института имени С.М. Кирова. Это было время, когда ощущался недостаток в кадрах, учебниках, наглядных пособиях, приспособленных для занятий помещенных.

Особенно тяжелы были военные годы.

А.Е. Маджи записывает в дневнике²⁵ 21 марта 1942 г.: «Готовясь к лекции, сижу с платком на лице, чтобы не задуть копилки неосторожным дыханием – нет спичек. С конца марта сели на жмых – жарим котлеты. Сыты...» 7 ноября 1942 г.: «На вечернем отделении пединститута веду занятия при одной керосиновой лампе без стекла и горелки – копоть и головная боль».

Об этих занятиях вспоминала бывшая студентка, впоследствии профессор, проректор Ленинабадского государственного педагогического института В.М. Ионова: «Это были проникновенные, увлечённые рассказы о том, что было ново для нас, не замечались ни холод в аудитории, ни голод. Лекции А.Е. Маджи в памяти до сих пор»²⁶.

Именно годы жизни в Ленинабаде стали для А.Е. Маджи этапом напряжённых научных исследований. По мнению профессора Н.О. Турсунова, Андрей Евлампиевич впервые определил динамику роста территории и становления Ходжента с древнейших времен до XIX века, описал время появления некоторых жилых кварталов, дал список 84 жилых и 23 торгово-ремесленных кварталов в статье «К истории раннефеодального Ходжента». Он первый попытался дать научное объяснение наскальным изображениям и надписям Моголтау. Кроме того, немало сделано им для становления историко-краеведческого музея в Ходженте.

В конце 1944 года А.Е. Маджи переехал в Душанбе, где по предложению академика А.А. Семёнова начал работать в Академии наук Таджикистана, занимаясь анотированием восточных рукописей. Особенно большая роль ему принадлежит в подготовке к изданию первых пяти томов «Собрания восточных рукописей» Академии наук Таджикской ССР. Параллельно с этими занятиями Андрей Евлампиевич читал в Таджикском государственном университете лекции по различным дисциплинам, в том числе по восточной нумизматике.

Жизненный путь Андрея Евлампиевича завершился 11 марта 1962 г. После него остались изданные и неизданные учёные труды и ценный архив²⁷. В Центральном государственном архиве Республики Узбекистан в личном фонде Д.Д. Букинича хранится и ждёт издания черновик монографии «Материалы к истории по археологии Афганистана», объёмом в 420 страниц, написанной А.Е. Маджи в соавторстве с Д.Д. Букиничем.

Ташкентская одиссея

Вот автобиография старшего брата А.Е. Маджи Петра Евлампиевича Маджи, написанная им 25 декабря 1948 года:

²¹ Бюллетень Среднеазиатского государственного университета. Выпуск 10. Ташкент: Издательство САГУ, 1925. С. 216.

²² Минералог А.С. Уклонский в 1926 году работал 9 месяцев в Афганистане в качестве консультанта по вопросам геологии при смешанной Советско-Афганской комиссии.

²³ Букинич Дмитрий Демьянович (1881-1939) – русский учёный, ориенталист, археолог, этнограф, инженер-ирригатор, исследователь водных ресурсов, географ, специалист по сельскому хозяйству Ср. Азии, а также путешественник, исследовавший столицу Чингисхана Каракорум. Вместе с выдающимся генетиком академиком Н.И.Вавиловым написал известную книгу «Земледельческий Афганистан». О Д.Д. Букиниче высоко отзывались В.В. Бартольд и ряд учёных первой величины. В личном фонде Д.Д. Букинича хранятся также 50 писем к нему от А.Е. Маджи в период с 1929 года по декабрь 1938 года (ЦГА РУ, ф.Р-2243, оп.1, д. 345, 91 л.).

Родился 24 ноября 1894 г. в городе Тобольске (ныне Тюменская область) в семье бывшего дворянина – учителя рисования местной школы Евлампия Николаевича Маджи. Последние годы своей жизни мой отец, будучи инвалидом труда, жил на получаемую пенсию в городе Фергане (ул. Пушкина, дом № 31). Умер в марте 1941 года.

Мой дед (Николай Гаэтанович – В.Г.) также всю свою жизнь работал учителем рисования. Недвижимого имущества ни у моего деда, ни у моего отца никогда не было. В 1903 году я был отдан в Ферганскую мужскую гимназию, которую окончил в 1912 году. Для продолжения образования в том же 1912 г. я поступил в Московский Лазаревский институт восточных языков и окончил его по I-му разряду в 1916 году. В 1917 году для защиты дипломной работы должен был оставаться в Москве, а потому поступил на службу в Московскую контору Государственного банка в качества канцелярского работника. Через год я был повышен в должности до помощника контролёра 2-го разряда.

В конце 1917 г. после защиты дипломной работы я возвратился в г. Фергану по месту жительства семьи и с января 1918 г. уже работал секретарём Ферганского Союза кредитных и ссудо-сберегательных товариществ. В 1920 году был направлен преподавателем узбекского языка на 101-ые пехотные командные курсы в городе Фергане, а затем в Пехотную школу имени В.И. Ленина в городе Ташкенте. В настоящее время состою в запасе начальствующего состава Рабоче-крестьянской Красной армии.

После демобилизации 1 декабря 1922 г. работал в школе 2-й ступени преподавателем узбекского языка до июня 1923 г., когда через местный Горсовет был вызван Уполномоченным Народного Комиссариата иностранных дел СССР в Средней Азии и направлен на работу по специальности секретарём Агентства НКВД СССР в Кушкинском и Тахта-Базарском районах (Туркменская ССР). 6 декабря 1924 года был командирован Наркоматом иностранных дел СССР в город Кабул (Афганистан) в качестве драгомана²⁸ полномочного представительства СССР, где я проработал до конца 1926 года.

С января 1927 года по август 1941 года непрерывно в течение 15 лет работал преподавателем географии первоначально в Таджикском институте просвещения, реконструированном затем в Педагогический техникум, в Педагогический комбинат, наконец, в Таджикский Государственный университет имени Горького в Ташкенте. В последнем я исполнял обязанности старшего преподавателя физической и экономической географии и методики географии, а также был деканом естественно-географического факультета. Преподавание географии вёл на таджикском языке. По совместительству в то же время вёл курс экономгеографии на географическом факультете САГУ и в различных военных школах.

Для повышения своей квалификации в 1935 году я окончил двухгодичный вечерний Институт марксизма-ленинизма в Ташкенте по методологическому отделению.

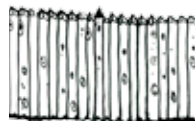
В августе 1941 года после прекращения работы в Таджикском учительском институте перешёл на работу в Ленинский районный отдел народного образования в качестве школьного инспектора. В августе 1942 года был отозван из Ташкентского городского отдела народного образования (ТашГорОНО) и назначен методистом по географии при городском методическом кабинете ТашГорОНО, где и работаю по настоящее время. Имею уроки географии в неполной средней школе № 3 Центрального района.

Членом профсоюза состою с 5/V.1918 г. С 1936 года состою членом Узбекистанского Географического общества. С июня 1947 г. состою членом Высшего учебно-методического совета при Министерстве просвещения УзССР. Педагогический стаж – свыше 25 лет (получаю пенсию). Беспартийный. Женат, имею сына (рождения 1927 года).

Под судом или следствием не состоял и не состою.

За время своей педагогической работы много раз был премирован за добросовестную работу почётными грамотами и ценными подарками.

14 октября 1939 года указом Президиума Верховного Совета Таджикской ССР награждён Почётной грамотой. С декабря 1939 года по февраль 1948 года состоял депутатом Ленинского районного Совета депутатов трудящихся города Ташкента и членом постоянной комиссии просвещения. 30 августа 1944 года награждён Народным комиссариатом просвещения Узбекской ССР «За заслуги в деле народно-

²⁴ Маджи Андрей Евлампиевич (1898-1962). Биография. Личный архив О.П.Маджи.

²⁵ Личный дневник А.Е. Маджи. Фамильный архив его дочери Татьяны.

²⁶ Личный архив О.В. Панфилова.

²⁷ Маджи А.Е. К истории феодального Ходжента // *Материалы по истории Таджикистана и Таджикистана*. Сборник 1-й. Под грифом «Редакция истории Таджикистана и Таджикистана, Институт истории, литературы и языка ТФАН СССР». – Сталинабад: Госиздат при СНК Таджикской ССР, 1945. С. 114-45; Маджи А.Е. Наскальные рисунки в горах Моголтау // *Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук*. – Сталинабад. 1957. Вып.14. С. 78-79; Маджи А.Е. К истории двух последних десятилетий бухарского ханства // *Известия АН Таджикской ССР. Отделение общественных наук*. № 2 (29). – Душанбе, 1962; Маджи А.Е. Арба ферганская // *Известия Академии наук Таджикской ССР*. 1976. № 2. С. 21-28.

го образования» Грамотой отличника народного образования. 23 декабря 1944 года награждён Президиумом Верховного Совета Узбекской ССР «За активное участие в социалистическом строительстве» Почётной грамотой. 1-го мая 1946 года награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». 29 апреля 1948 года «За плодотворную деятельность в органах народного образования, инициативу и активное участие в “общественной работе” объявлена благодарность в приказе по ТашГорОНО за № 74 ²⁹.

Интерес представляет и характеристика выдающегося знатока географии Туркестанского края, бывшего Ташкентского городского головы, всю жизнь работавшего над составлением Географической энциклопедии Туркестанского края, заслуженного деятеля науки Узбекистана профессора Николая Гурьевича Маллицкого, данная П.Е. Маджи.

ХАРАКТЕРИСТИКА научной подготовленности и.о. доцента Таджикского Учительского Института тов. МАДЖИ П.Е.

Тов. МАДЖИ П.Е. является наиболее заслуженным и ценным работником Таджикского Учительского Института.

Интерес к научным занятиям по географии проявился у него ещё во время службы в Народном комиссариате иностранных дел СССР – в Кабуле и на Афганской границе (район Куики). Об его содействии к изучению геологии Куикинского района (открытию третичных вулканов) с признательностью вспоминает известный, ныне покойный геолог Тринклер в своей книге «*Quer durch Afghanistan nach Indien*».

Знание западноевропейских языков облегчало для т. Маджи ознакомление с иностранной географической литературой, в более чем десятилетнее преподавание экономгеографии в ВУЗ'ах гор. Ташкента дало ему возможность углубить и расширить свои познания; им составлена для себя очень ценная географическая библиотека. Под свои специальные знания им подведён солидный идеологический фундамент (он окончил в 1935 году курс Вечернего Института Марксизма-Ленинизма).

В связи с педагогической работой, которой он отдаётся и по должности преподавателя и по должности географического (ныне естественно-географического) факультета Таджикского Учительского института, интересы т. Маджи за последние годы сосредоточились на вопросах методических. Помимо его работы по созданию учебника русского языка для начальных школ Таджикистана (часть I и II), следует упомянуть, что им разработана по заданию Наркомпроса программа по методике географии для педтехникумов Таджикистана – ещё до получения в Средней Азии Московской программы. Этот труд на таджикском языке был размножен Наркомпросом Таджикской ССР и разослан для руководства всем преподавателям методики географии в педтехникумах Таджикистана. В том же порядке Наркомпросом Таджикской ССР размножены разработанные им материалы для проведения практикума по методике географии в педтехникумах Таджикистана.

Ныне тов. Маджи специально работает над методикой преподавания курса общей физгеографии в Учительских Институтах Таджикистана.

Наконец, следует отметить, что тов. Маджи была разработана географическая терминология на таджикском языке; этот труд не был закончен для печати в связи с изменением таджикской орфографии, но уже использован при Народном комиссариате просвещения Таджикской ССР.

Зав. кафедрой географии Таджикского учительского института профессор: (Маллицкий).

В дополнение к биографии П.Е. Маджи можно сказать, что перед реформированием Таджикского учительского института (ТУИ им. Горького) в Ташкенте (1935-1941 гг.) он, работая некоторое время деканом естественно-географического факультета, заведует кафедрой географии этого института. После расформирования института Пётр Евлампиевич переходит в систему народного образования УзССР в качестве преподавателя географии в различных школах Ташкента, а также в качестве школьного инспектора Ленинского района, а позже горно. Эту работу он совмещает с преподаванием географии в Заочном институте советской торговли и

²⁸ Драгоман – официальная должность переводчика и посредника между ближневосточными и азиатскими державами и европейскими дипломатическими и торговыми представительствами. (Прим. ред.)

²⁹ Автобиография Маджи Петра Евлампиевича (1898–1962). Биография. Личный архив О.П.Маджи.

в Высшей партийной школе. В связи с организацией в августе 1944 года Восточного факультета в Среднеазиатском государственном университете (САГУ) П.Е. Маджи приглашается на этот факультет, где проводит большую работу по его созданию, а также читает лекции по персидскому языку и восточной каллиграфии, а на историческом факультете САГУ он в это же время ведёт курс арабского языка.

П.Е. Маджи был избран членом Совета Народного образования в Фергане в период 1918–1919 гг., а также по отделу Народного образования в 1939–1948 гг.

В Кабуле, будучи официальным драгоманом постоянного представительства, по совместительству работал там же вторым секретарём и заведующим финчастью.

Награждён грамотой Верховного Совета УзССР и званием «Отличник Народного образования УзССР».

Преподавал в средних учебных заведениях, школах и курсах предметы: география физическая, география экономическая, физика, черчение, рисование, узбекский язык, психология. Преподавал в высшей школе предметы: физическая география, экономическая география, общее землеведение, методика географии, практика персидского языка, восточная каллиграфия, арабский язык.

В последние годы жизни (умер в 1951 г.) П.Е. Маджи, будучи уже пенсионером, работал инспектором школ в городе Ташкент.

Трудовой список П.Н.Маджи 1920-1930-х гг. Фоторепродукция автора.

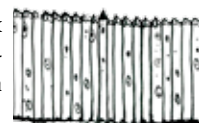
Старые истории, как и старые дороги, не имеют конца...

В 1989 году мне как заведующему отделом историографии, источниковедения и археографии института истории АН Узбекистана приходилось заниматься перестройкой работы и подбором кадрового состава корпуса историографов. Большую помощь и поддержку в этом направлении я ощущал со стороны руководства института, особенно со сто-

роны директора профессора Рано Ядгаровны Раджаповой. Неожиданно ко мне обратилась старший научный сотрудник Института Людмила Павловна Дядюра с просьбой протезировать Светлану Маджи.

Она рассказала мне, что отец Светланы Олег Петрович Маджи имеет итальянские корни, является потомком венецианских правителей. Это известный в Ташкенте краевед, собиратель древностей, геолог и первооткрыватель второго по значению в Узбекистане месторождения золота Кызылалмасай. А также он сын Петра Евлампиевича и племянник Андрея Евлампиевича, братьев-востоковедов, внук Евлампия Николаевича, автора самоучителя узбекского языка, правнук художника Николая Гаэтановича, написавшего портрет П.П. Ершова, наконец, праправнук венецианца Гаэтано Маджи, потомка дождей, обретшего судьбу в России...

Вскоре Светлана Маджи была зачислена в Отдел историографии, источниковедения и археографии, а через год поступила в очную аспирантуру Института истории АН Республики Узбекистан. Она закрепила на республиканском проблемно-координационном совете тему кандидатской диссертации «Историография Бухарской республики» и за два года аспирантуры написала около десятка добротных концептуальных статей³⁰. Кстати, она первой из моих аспиранток посвятила исследовательскую статью деятельности в Туркестане французского востоковеда Жозефа Кастанье.

**Олег Петрович
Маджи.**
Фоторепродукция
автора.

Ивана Ефремова «Таис Афинская», приступила к публикации статей по генеалогии венецианских представителей своего рода.

Как сказано, старые истории, как и старые дороги, не имеют конца – возвращаются на круги своя. Однако важно понять, где же эта точка соединения.

Отдаю отчёт в том, что история эта ещё не рассказана, не договорена...

В процессе совместной работы Светлана Олеговна познакомила меня со многими документами и фотографиями обширного семейного архива, ныне частично утраченного.

Остаётся сказать, что бесценные материалы в конце концов были вульгарно разворованы или скуплены за бесценок «коллекционерами» у больного, безвременно ушедшего из жизни Олега Петровича Маджи. Вслед за ним ушла и его жена.

Светлана, похоронив отца, оставив незавершённую диссертацию, неожиданно покинула Узбекистан. Уехала сначала в Россию, а затем в Италию. Ныне она – Светлана-Виктория Маджи, гражданка Итальянской республики, читает лекции в университете города Витербо. Осуществила перевод романа

Публикуется в сокращении по статье из духовного и литературно-исторического журнала Среднеазиатского митрополичьего округа (Ташкент) «Восток Свьше», 2011, № 23-24, 2011, с. 66-78
(<http://www.uzlit.net/pdf/Vostok23-24.pdf>).

*Полный текст доступен также по адресу:
<http://mytashkent.uz/2012/01/22/potomki-oenetsianskogo-klana-madzhi-v-peterburgetobolske-hodzhente-fergane-buhare-tashkente-dushanbe-chast-1/; ...-2/; ...-3/ ...-4/>.*

³⁰ Маджи С.О. Бухарская республика. Заметки историографа // Ташкент: Изд-во «Фан» Академии наук УзССР, 1991. С. 73-75; Германов В.А., Маджи С.О. Георгий Сафаров против Иосифа Сталина // Народное слово. Газета Верховного Совета Республики Узбекистан. № 200. 1991. 16 октября. С. 3; Маджи С.О. «Ласточки», не сделавшие весны // Позиция. – Ташкент. 1992. № 5-6. С.54-56; Маджи С.О. Бухарские студенты в Германии. Историографический этюд // Народное слово. № 8 (259). 1992. 10 января. С. 4., № 9 (260) 1992. 11 января. С. 4.; Маджи С.О. И.А. Кастанье как историк Средней Азии // Общественные науки в Узбекистане. – Ташкент: Изд-во «Фан» Академии наук Республики Узбекистан, 1993. № 6. С. 14-19; Маджи С.О. XI – Боб. Француз тарихшунослигида Узбекистон тарихи муанмолари (Кастанье ижодига доир) // XX асрнинг дастлабки уттиз йиллигида Узбекистонда тарих фани (Тарихшунослик очерклари). II Кисм. Гриф: Узбекистон Республикаси Фанлар Академияси, Тарих Институту, Жaxon ва Ватан Тарихшунослиги булимии. – Ташкент: Узбекистон Республикаси Фанлар Академияси, «Фан» нашриёти, 1994. 443-455 бетлар; и др.

Пытливый посох странника

Н. Л. Проскурякова

В Киев – по следам ершовского архива

В самом начале июня 2012 года мне с сотрудниками Еришовского центра Татьяной Павловной Савченковой и Геннадием Андреевичем Крамором довелось отправиться в очередное (увы, уже редкое для нас!) путешествие – научную командировку в Киев. Деньги на это, естественно, в бюджете «не предусмотрены». Помогли нам московский благотворитель Сергей Павлович Козубенко и его сестра Татьяна Павловна Филиппова, которые благословили потратить на поездку небольшие средства, оставшиеся после вручения VII Международной литературной премии им. П.П.Ершова за произведения для детей и юношества.

Центр села
Бышев с заново
отстроенной
Покровской цер-
ковью.
6 июня 2012 г.

Поводом для поездки послужило полученное в марте того же года электронное письмо некоего Александра Воробья из Украины, который неожиданно для нас выслал сканы уникальных материалов из архива семьи Ершовых. Возникла переписка, в результате которой мы удостоверились, что в селе Бышев Киевской области сохранился архив внучки поэта, учительницы Ольги Владимировны Ершовой. Эти документы ершововеды считали давно утерянными.

День первый

Долгая дорога в Киев завершилась 5 июня встречей на перроне с нашей землячкой Верой Чураковой, которая помогла найти маршрутный автобус в село Бышев, расположенное в ста километрах от Киева. По дороге подивили нас расположенные непривычно близко друг к другу сёла и деревни, где почти в каждом радовали глаз ухоженностьюobeliski и монументы на братских могилах советских воинов. Кое-где встречались поклонные кресты с навешанными на них рушниками; как объяснили нам позже, – таков украинский обычай на Троицу, которая праздновалась за два дня до нашего приезда.

Только мы приехали в Бышев, как разразился ливень. Нас встретил Александр Воробей, который довёз до квартиры, где нам предстояло провести четыре дня. Там нас уже ждала семья Поплужных – мама Лена и её дочь, восьмиклассница Валентина. Она угостила нас борщом, который, как сказала девушка, варили «всем этажом:

О.В.Ершова (слева) с приёмным сыном Вадимом и его матерью М.С.Петрик. 1937-1938 гг. Фотография из архива В.Т.Ершова.

Вадим Тимофеевич Ершов во время беседы с гостями из Ишима. 6 июня 2012 г.

у кого буряк, у кого картошку взяли; живём мы бедно, но дружно». Общежитие, где живут Поплужные, изначально создавалось как больничный корпус, но после аварии на Чернобыльской АЭС здание перестроили для жителей пострадавшего района.

После обеда нас ожидало ошеломляющее и очень приятное известие: Вадим Тимофеевич Ершов, приёмный сын Ольги Владимировны Ершовой, жив и находится в доме одиноких инвалидов и престарелых в селе Грузьке в нескольких километрах от Бышева. В письме О.В.Ершовой историку литературы Л.В.Азадовской от 13 января 1961 года было сказано: «Живу со своим приёмным сыном и его матерью. Сын (год рождения 1934) паралитик от рождения и совершенно беспомощный. В 1952 году он окончил среднюю школу экстерном, а в 1960 году окончил центральные курсы «ин-яз» по немецкому отделению. Здоровье его неважное, а когда будет лучше, он собирается подыскать переводы на дому. Очень интересуется и неплохо знает музыку. Мечтает работать музыковедом и музыкальным критиком». С тех пор прошло уже более полувека, и увидеть Вадима Тимофеевича живым мы не надеялись.

Неудивительно, что в тот же миг мы помчались на встречу с ним, – встречу, которая запомнится на всю жизнь. На пороге интерната нас встретила весьма курпулентная хозяйка дома престарелых и услужливо проводила в комнату, где нас с утра уже поджидал Вадим Тимофеевич. Нам до сих пор не понятно, откуда он узнал о приезде гостей из Сибири? Мы приехали не одни, а с «переводчиком», бывшей соседкой Ершовых, и было видно, что эта милосердная женщина частая гостья и помощница Вадима Тимофеевича.

Ещё в раннем детстве он заболел инфекционным менингитом, результатом болезни стали полная неподвижность и неразборчивая речь, но при этом ребёнок имел необыкновенно ясный ум и фантастически развитую память. Ольга Владимировна прикладывала огромные усилия, чтобы излечить приёмного сына, обращалась к врачам, подолгу лежала с ним в больницах Киева, но всё без результата. Несмотря на свою полную неподвижность, Вадим Тимофеевич стал музыкальным критиком, переписывался с композитором Дмитрием Кабалевским, публиковался в журналах, рассказывая о премьерных Киевского оперного театра, куда его приносили на руках. Можно смело сказать, что воспитание Вадима стало духовным подвигом Ольги Ершовой.

Его светлая голова и ясный ум на восьмом десятке лет сохранили многие истории и легенды семьи Ершовых. В самом начале знакомства Вадим Тимофеевич устроил нам своеобразный экзамен, желая узнать, что известно гостям из Сибири о потомках П.П.Ершова. Ответ Татьяны Павловны его вполне удовлетворил и порадовал, и он начал свой рассказ, из которого мы узнали много интересного и неожиданного. Позднее мы стали понимать Вадима Тимофеевича и без «переводчика». Нам казалось, что он может ответить на любой вопрос, и мы записывали в свои блокноты и на диктофон эти бесценные воспоминания. Например, он открыл неизвестные черты в облике сына поэта – Владимира Петровича Ершова. Вот лишь небольшая часть того, что мы узнали.

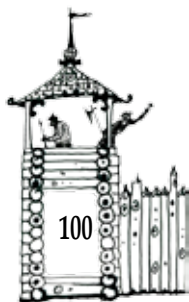
Владимиру было 13 лет, когда умер его отец. Первое образование он получал в Омском кадетском корпусе, который когда-то возглавлял его дед Николай Львович Черкасов. «Владимир был своеобразным мальчиком, он не любил дисциплину, не хотел быть военным, «солдафоном». В кадетском корпусе в Омске, куда его отдали учиться родители, были плохие условия жизни, кадетов плохо кормили. Однажды Володя увидел в каше червяка, вызвали интенданта Дементьева, который не расте-

Владимир Петрович Ершов.
Париж. 1906 г. Фотография из архива О.В.Ершовой.

Семья В.П.Ершова в саду у дома в Благовещенске.
Начало 1900-х гг. Фотография из архива В.Т.Ершова.

рялся и заявил: «Это изюминка», – взял и проглотил. По окончании обеда и молитвы Дементьев обычно запрыгивал в свои галоши и вылетал из столовой. Но однажды кадеты прибили галоши гвоздями к полу и налили туда жидкой каши. Для Владимира кадетский корпус был чем-то гадким...»

После было обучение на физико-математическом факультете Санкт-Петербургского университета. Владимир любил выпить, гулнуть, поскандальить на различных сходках. Во время учёбы он укрепился в своих народнических взглядах и связался с какой-то организацией вроде «Народной воли». Его арестовали по так называемому «Делу Щедрина», и он пошёл бы на каторгу на 8 лет, если бы не заступничество двух человек – Дмитрия Ивановича Менделеева (его Владимир боготворил) и Николая Никитича Лещёва, пасынка П.П.Ершова по первой жене, который единственный из всего «ершовского гнезда» достиг довольно высокого положения. Чтобы замять историю, Владимира срочно женили на Анне Михайловне Слащёвой, которая была старше мужа на 8 лет, и отправили назад в Сибирь. Большой любви у них не было, но родилось пятеро детей: Надежда, Николай, Борис, Ольга и Артемий. Николай и Борис умерли в один день от дифтерии,

Артемия в 31 год убили грабители ради шубы.

«В 1877 году В.П.Ершов участвовал в похоронах Н.А.Некрасова, и в нашей семье, – вспоминает Вадим Тимофеевич, – хранились карманные часы, которые он купил в день похорон писателя, когда возвращался с кладбища. Часы служили до 1971 года, сломались, и родственники выбросили их как непригодные.

Первоначально Владимир Петрович учительствовал в только что открытой Семипалатинской гимназии, но «дебют» оказался неудачным. Он с переменным успехом искал новое место работы и, наконец, получил назначение в Благовещенск преподавать биологию в мужской гимназии и математику в женской гимназии».

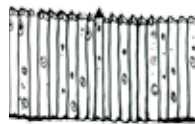
Вот две истории, связанные с его жизнью в городе на Амуре и характеризующие мировоззрение В.П.Ершова.

«В Благовещенске была традиция: после Рождества и Пасхи священник объезжал видных граждан с поздравлениями. Ему наливали стопку водки, давали закусить и вручали конверт с определённой суммой денег. В Благовещенске Ершова были приписаны к Кладбищенскому приходу, и когда ездил священник, который крестил Ольгу и Артемия, всё было нормально. Но в 1900 году или около того священник переменялся

(умер или уехал), пришёл новый. В комнате, где стояло пианино, священнику налили сто граммов водки, дали закусить, и Владимир положил 25 рублей. Священник выпил, закусил, поднимается, оглядывается, хочет перекреститься – «А где Ваши иконы?». Хозяин же – нет, чтобы сказать: «Иконы в комнате жены», – его словно бес попутал: «А мы икон в доме не держим». Тогда священник вынимает эти 25 рублей, кладёт их на стол, уходит и подаёт два заявления: епархиальному епископу и инспектору по линии образования. Владимиру Петровичу пригрозили снятием с работы и назначили трёхмесячную епитимью: каждое воскресенье ходить в церковь и отмаливать грехи. После этого Анна Михайловна поехала по магазинам покупать иконы.

Когда в 1901 году в Китае разгорелось националистическое восстание «боксёров» (ихэтуаней), в Благовещенске стали преследовать китайцев, их выслали из города, некоторым предложили раздеться и переплыть через Амур на китайский берег, а любой мог по ним стрелять. Несколько человек погибли. Владимир Петрович возмутился, и на этой почве было наиболее громкое его столкновение с амурским губернатором, тем более, что у В.П.Ершова было много друзей среди китайцев в Благовещенске...»

Просидев у Вадима Тимофеевича более трёх часов, мы вернулись обратно в Бы-

**Встреча во дворе
усадыбы, при-
надлежавшей
О.В.Ершовой.**
Слева направо:
Н.Л.Проскуракова,
Валя Поплуж-
ная, З.А.Барух
с мужем,
Т.П.Савченкова.
5 июня 2012 г.

ный стол и всё время извинялась, что не может забрать брата из интерната, ведь за ним надо постоянно ухаживать, а силы уже не те, что в молодости. Она настойчиво предлагала нам перейти жить в её дом, но мы вежливо отказывались, даже не подозревая о тех страстях, какие кипели вокруг нашего приезда.

Под вечер пешком по узенькой и извилистой зелёной улочке мы возвращались в многоэтажку к семье Поплужных. Много радости вызвал аист, сидящий на специально устроенном для него гнезде. В глубине дворов, за фруктовыми садами, едва виднелись дома, – совсем не так, как в Сибири, где избы стоят по фронту улицы.

Вечером к нам наконец вновь заглянул Александр Воробей, занятый постоянными заботами о хлебе насущном

и были приглашены к его двоюродной сестре Зинаиде Андреевне Барух (ур. Дмитриевой). Она показала свой дом, в котором когда-то жили Ершovy (правда, он был значительно реконструирован с тех пор), показала бережно хранимую книгу ершововеда В.П.Уткова, высланную когда-то О.В.Ершовой с вклеенной в неё фотографией «Оли Владимировны» (так на украинский манер называет её Зинаида Андреевна), и подарила нам шкатулочку для драгоценностей и чернильницу, принадлежавшие когда-то прежней хозяйке этого дома. После гостеприимная Зинаида Андреевна усадила нас за обиль-

ными заботами о хлебе насущном для своего семейства, в котором только-только появился первенец, и после неоднократных просьб и уговоров принёс-таки драгоценный архив, который мы приобрели действительно за кругленькую сумму. Особенно важными были подлинные фотографии Владимира Ершова – его лицо мы увидели впервые. Также там были экзаменационный лист и фотографии Ольги Ершовой, стихи и рисунок её брата Артемия и крепостная бумага на приобретение В.П.Ершовым участка земли в Киеве.

**Книга В.Г.Уткова
«Сказочник
П.П.Ершов», при-
надлежавшая
О.В.Ершовой,
с автографом
автора. Архив
З.А.Барух. 5 июня
2012 г.**

День второй

Утро следующего дня 6 июня началось бурно. В квартиру буквально ворвалась Зинаида Андреевна, вся в слезах. Взяв меня за руку, она попросила приватного разговора, увела в соседнюю комнату и, всхлипывая, начала рассказ – столь громкий, что его невольно слышали все члены нашей экспедиции. Впрочем, мы уже догадывались о содержании этого откровения. Зинаида Андреевна любит наводить порядок и чистоту в доме, и занятие это похвальное, но в этот раз оно послужило на беду русской литературе. После реконструкции дома долгое время нетронутым лежал на чердаке мешок с личными бумагами Ольги Владимировны. Но вот и до него дошли руки. В костёр, разведённый во дворе дома, полетели и переписка Вадима Тимофеевича с музыковедами, и письма «Оли Владимировны», и уникальные фотографии. Вышел «на огонёк» сосед пожарный, увидел старинные вещи и попросил отдать, быстро смекнув о ценности горящих бумажек. А когда чистоplotная соседка опомнилась и попросила вернуть отданное, то получила ответ: «Нету уже!» О том и плакала горестно.

Понимая, что совершила непростительный поступок, Зинаида Андреевна при-

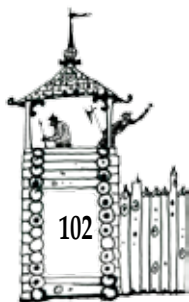

Предметы, принадлежавшие О.В.Ершовой: портрет брата Артемия в рамке, шкатулка для драгоценностей, стеклянная чернильница, французский ридикюль.

Старый памятник на могиле О.В.Ершовой. 6 июня 2012 г.

102

несла в подарок кожаный ридикюль Ольги Ершовой, купленный ею в Париже в начале XX века. В нём легко поместились приобретённые нами накануне документы, – вероятно, там они и лежали прежде. Также она связалась со своей сестрой Валентиной Андреевной Колосовой, живущей в Николаеве, и та выслала в Ишим имевшиеся у неё материалы об О.В.Ершовой и свои воспоминания.

История же ридикюля оказалась крепко-накрепко связанной с исчезнувшим архивом Петра Павловича Ершова. Дело в том, что в 1923 году архив его сына Владимира Петровича вместе с бумагами отца хранились в большом сундуке в селе Малый Бу-

крын Черкасской области у родственников Марьи Кирилловны Жабенко, также учительницы и подруги Ольги Владимировны, которая постоянно подвигала Ершову к переездам из одного села в другое; переезжать же постоянно с сундуком было несподручно. От Вадима Тимофеевича мы узнали, что там были письма Константина Эдуардовича Циолковского к Владимиру Петровичу Ершову с какими-то математическими выкладками, одна из рукописей поэмы П.П.Ершова «Сузге», неопубликованная пьеса «Якутские божки» и многое другое, принадлежащее перу Петра Павловича. В 1943 году в дом, где хранился уникальный архив, попала бомба, и всё сгорело. И только небольшую часть дорогих сердцу фотографий Ольга Вла-

димировна перевезла в Бышев перед самой войной в этом самом ридикюле, который чуть не сожгла Зинаида Андреевна, а сообразительные коллекционеры предложили нам выкупить.

В этот же день мы отправились на могилу Ольги Владимировны Ершовой, за которой ухаживала Зинаида Андреевна. На могилке мы увидели небольшой бетонный обелиск, на котором белой краской от руки были неровно написаны имя и фамилия внучки поэта. Памятник и могила были обильно украшены искусственными цветами и живыми остролистами по случаю недавней Троицы. Затем мы подошли к могиле Марии Свиридовны Петрик, родной матери Вадима, которая всю жизнь жила вместе с сыном и усыновившей его официально Ольгой и умерла в 1996 году, через 32 года после кончины О.В.Ершовой.

Выйдя с кладбища через другие ворота, с надписью «Небеса даруют бессмертя», мы все вместе зашли в салон ритуальных услуг и приобрели новый металлический крест, который Зинаида Андреевна с семьёй позже установила на могилу Ольги Владимировны.

Не могли мы пройти и мимо школы, в которой преподавала математику О.В.Ершова. Правда, прежнего здания, где она работала, уже нет.

Новое построено напротив прежнего, перед входом – бюст украинского писателя Микола Олейника, родившегося в Бышеве.

Когда мы вошли в школу, я испытала лёгкое потрясение – это словно моя родная ж.д. школа № 1 в Ишиме! Типовой проект. Нас повели в школьный музей, организованный учителем истории Валерием Викторовичем Обухивским, настоящим краеведом-энтузиастом, с огромным количеством экспонатов: от обломков древнегреческих амфор до крыла сбитого фашистами советского самолёта. В этой же школе существует этнографический музей, где с нами беседовала его организатор и показала сохранённые документы об учительнице О.В.Ершовой, а мы не могли не рассказать об украинской дивчине Параскеве Луполовой, памятник которой установлен в Ишиме.

Своим новым друзьям, и, конечно, Вадиму Тимофеевичу мы оставили на память книгу Т.П.Савченковой «Пётр Павлович Ершов (1815-1869). Архивные находки и библиографические изыскания». Дарили также номера детского журнала для семейного чтения «Конёк-Горбунок».

После мы снова поехали в Грузьке. Здесь нас ожидал сюрприз – благодаря Елене

Бышевская школа и бюст Н.Я.Олейника. 6 июня 2012 г.

нокартины «Две верных подруги – любовь и разлука...». Семейная история революционер-народников Ларисы Васильевны Чемодановой (1855-1923) и Сергея Силевича Синегуба (1851-1907) в этом фильме овеяна ореолом революционной романтики. Вначале фиктивный брак по конспиративным соображениям, а после глубокая и верная любовь, много детей. Семьи Владимира Петровича Ершова и Сергея

Поплужной прибыли журналисты украинского телеканала «Интер». Новость о приезде исследователей из Сибири прозвучала на всю страну.

Во время беседы после отъезда телевизионщиков произошёл небольшой конфуз, который несколько рассердил Вадима Тимофеевича. «Вы не знаете, кто такая Лариса Чемоданова?» – спросил он нас строго. Мы стали оправдываться, что, мол, знаем Веру Засулич, Павла Алексева и многих других народников, а вот Ларису Чемоданову, к сожалению, не знаем. Пришлось Вадиму Тимофеевичу заняться нашим просвещением. На телеканале «Культура» иногда показывают художественный фильм «Нас венчали не в церкви», но более известен романс из этой ки-

нокартины «Две верных подруги – любовь и разлука...». Семейная история революционер-народников Ларисы Васильевны Чемодановой (1855-1923) и Сергея Силевича Синегуба (1851-1907) в этом фильме овеяна ореолом революционной романтики. Вначале фиктивный брак по конспиративным соображениям, а после глубокая и верная любовь, много детей. Семьи Владимира Петровича Ершова и Сергея Силевича Синегуба дружили многие годы. В 1897 году одна из дочерей Синегуба, Наталья, застрелилась в возрасте 15 лет. Она дружила с Надеждой Ершовой, сидела с ней за одной партой и была её ближайшей подругой. Общей горе сблизило Надежду с братом Натальи Львом. Они официально считались женихом и невестой. Но Лев Синегуб тоже встал на революционный путь, участвовал в теракте – покушении на высокопоставленного чиновника, и за это его повесили в 1903 году. А Надежда осталась навсегда верна своей первой любви, больше замуж не выходила, и детей у неё не было.

Съёмочная группа телеканала «Интер» в гостях у В.Т.Ершова. 6 июня 2012 г.

Владимира Петровича стал бояться за свою любимицу – младшую дочь Оленьку, – как бы она не попала на каторгу или, того хуже, на виселицу. Для него это стало «идеей фикс» и привело к бегству в Париж, где он попытался устроить Ольгу на обучение в Сорбонне. Но её туда не приняли, и она училась «в частном порядке». За время жизни во Франции (с августа 1906 по август 1910 года) Ольга прекрасно овладела французским языком и написала роман на французском языке из жизни студентов Латинского квартала (рукопись осталась у подруги в Париже). Из Парижа Ольга вернулась не в родной Благовещенск, а в Киев, где устроился жить её отец. Там она окончила математический факультет Высших женских курсов и стала работать учительницей.

Рассказ Вадима Тимофеевича о своей приёмной матери, так же как и история жизни самого рассказчика, заняли бы много страниц, и такая публикация обязательно будет, а сейчас расскажем об истории замужества Ольги Владимировны.

Как и отец, Владимир Петрович держал в Благовещенске пансион для гимназистов. У него на квартире жили четверо учеников, в том числе Павел Бьянкин. У них с Ольгой возникла симпатия. Он впоследствии учился в университете Томска, а затем переехал в Киев, вслед за Ольгой. В апреле 1914 года они поженились. Ольге было 26 лет. Павел был высоким, два метра ростом, Ольга тоже – 1 метр 78 см; когда была объявлена мобилизация на войну, он ходил в форме амурского казака, и их пара очень привлекала внимание прохожих. На войне Бьянкин попал в плен к немцам и умер в лагере от голода в 1916 году.

Павел Бьян-кин, муж О.В.Ершовой. Начало 1910-х гг. Фотография из архива В.Т.Ершова.

Ольга стала математиком по воле отца, считавшего лучшим образованием естественнонаучное, хотя дочь его была гуманитарием по складу ума. Она легко овладевала языками, любила музыку. В 1938 году в Киеве проходила аттестация учителей по украинскому языку. Сорок два человека сдавали этот экзамен, в том числе «природные» украинцы, но единственную отличную оценку получила только Ольга Владимировна. В годы жизни в Киеве она стала завсегдаем оперного театра. Была там и 1 сентября 1911 года, когда произошло покушение на премьер-министра П.А.Столыпина, сидела по обыкновению на галёрке вместе с Марьей Кирилловной. Когда из зала повели Дмитрия Багрова, убийцу Петра Аркадьевича, Ольга, думая, что покушение было неудачным, сочувственно сказала (она по своим взглядам была близка к эсерам): «Вот какая беда – и человек погиб, и гадость осталась». И во время проверки школьных тетрадок О.В. напевала отрывки из арий. Если она исполняла романс Вильгельма Мейстера из оперы Амбруаза Тома «Миньон» «О, весна, дай своё обаянье...», то это было признаком отличной оценки. Когда же приближалась «двойка», звучала ария из оперы «Пиковая дама»:

«Что наша жизнь? Игра...».

Подобно своему отцу, Ольга Ершова не была религиозна. Так, в 1939 году в первый день Пасхи, когда по православным обычаям работать нельзя, она приказала ученикам и ученицам явиться в школу и делать клумбы. «Если это праздник, - сказала она, - то цветы будут особенно ярко цвести». Цветы она очень любила до конца своих дней.

Ольга Владимировна не любила ходить на рынок, считая торг постыдным, и была профаном в ювелирных делах. У неё хранилось 4 или 5 орденов отца. Когда его хоронили в апреле 1917 года в Анапе, она прицепила ордена к мундиру покойного, но священник приказал снять их. В годы Гражданской войны Ольга развинула ордена, и в разобранном виде они в дальнейшем хранились. Одна из этих наград была и в утраченном Зинаидой Андреевной наследии, но до нас орден уже не дошёл.

К сожалению, многие из приобретённых нами фотографий не были подписаны, поэтому пришлось показать Вадиму Тимофеевичу их сканы, высланные ещё Александром Воробьём, для атрибуции. Наш собеседник заметно разволновался, узнав снимки, и, ка-

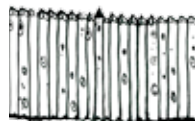
жется, начал догадываться о произошедшем. Поэтому он попросил достать с полочки один из своих альбомов и великодушно отдал нам хранившуюся у него часть дореволюционных снимков, попросив лишь прислать ему копии (что и было исполнено). Среди этих снимков было много фотографий, сделанных в Благовещенске, в том числе снимки Павла Бьянкина и семьи на фоне дома.

Экзаменационный лист О.В.Ершовой на Киевских высших женских курсах. Апрель 1918 г. Из архива О.В.Ершовой.

День третий

7 июля, в предпоследний день командировки, наша группа разделилась: Татьяна Павловна отправилась к Вадиму Тимофеевичу за уточнениями, а мы с Геннадием Андреевичем поехали в Киев, в Киево-Печерскую Лавру, в которой бывала и наша Прасковья Луполова. «Язык до Киева доведёт» – это сказано именно о паломниках, шедших изо всех концов земли Российской сюда, в колыбель русского монашества. История Лавры начинается с XI века, и я, честно признаюсь, позабыла киевлянам, которые могут в любой момент обратиться за молитвенной помощью к святым подвижникам. Со свечой в полумраке передвигались мы узким

*Ольга Ершова.
1913 г. Фото-
графия из архива
В.Т.Ершова.*

*О.В.Ершова на
склоне лет. 1950-е
гг. Фотография из
архива В.Т.Ершова.*

подземным пещерным коридором. Первыми увидели мощи Ильи Муромца и Нестора Летописца, особенное потрясение вызвали кельи монахов – затворников, посвятивших свою жизнь только молитве, – в стенах коридора остались маленькие окошечки, через которые затворнику передавали хлеб и воду; если в течение нескольких дней еда оставалась нетронутой, то это означало кончину подвижника, и окно замуровывали. Радостной была встреча с нашим «земляком» – митрополитом Павлом Тобольским, чьи мощи также покоятся в песчаниковой нише.

В этом святом месте мы заказали сорокоуст о здравии и Вадиму Тимофеевичу, который признался нам, что не так давно принял Крещение.

Неподалёку от Лавры расположен национальный музей «Мемориал памяти жертв голодоморов в Украине». Известно, что Голодомор 1932-1933 годов признан Верховной Радой актом геноцида украинского народа. И вот мы стоим у 32-метровой Свечи Памяти, по периметру которой расположены жернова – символ 24 тысяч человек, которых голод уносил каждые сутки (в том же Бышеве умерли полторы тысячи жителей). В центре стоит трогательный памятник маленькой девочке, которая прижимает к груди колоски. Но, к сожалению, голод был не только на Украине. И в 1932, и в 1921 году, после разгрома крестьянского восстания, ишим-

ская земля пережила подобную трагедию. В память об этих событиях в центре нашего города в мае 2011 года на народные пожертвования был поставлен памятник с образом чёрного ворона, но через три месяца безо всякого объяснения его отправили на кладбище истории, – чтобы не будоражил память благополучных потомков. Удивительно, почему же на Украине не стесняются горьких страниц своей истории, и не только в Киеве, но и во всех городах и сёлах стоят и ухоженные памятники советским солдатам, и памятники Голодомору (опять же, в Бышеве мы видели посвящённый ему холм с крестом)?..

День четвёртый

8 июля был нашим последним днём на удивительной украинской земле. В этот же день начался чемпионат Европы по футболу, открытие было в Варшаве, но и в Киеве ждали спортивного зрелища: Крещатик превратили в огромную фанзону с огромными мониторами и сценами для выступлений знаменитых певцов, а также многочисленными палатками по продаже пива.

Мы прощались с великолепным городом и вместе с Леной Поплужной прошли самые знаменитые достопримечательности Киева – от Князь-Владимирского собора до Дома с химерами. Напротив Верховной Рады прошли по узкому тротуару между молчаливыми людьми, державшими в руках флаги с надписями «За мову! За батьківщину!». Как раз в эти дни в Раде обсуждался закон о придании русскому языку статуса второго государственного (ведь на Украине можно встретить вывески только на украинском и на английском). Видя негативное отношение к русскоязычным жителям, я, проходя мимо демонстрантов, стала громко говорить по-русски. Но люди с флагами смотрели на нас равнодушно и спокойно, ведь они не выражали своё личное мнение, а приходили сюда за подённую плату.

Уставшие, но полные впечатлений, мы сели в поезд. Командировка прошла успешно, открыта ещё одна страница жизни нашего великого земляка и его потомков. Впереди была Москва, где мы оставляли Татьяну Павловну Савченкову работать в архивах в поисках новых сведений о П.П.Ершове. Ведь Ишим, несмотря на все

Киевский оперный театр, в который любила ходить О.В.Ершова и в котором бывал В.Т.Ершов. 8 июня 2012 г.

В Киево-Печерской лавре. 7 июня 2012 г.

Акция «в защиту украинского языка» напротив здания Верховной Рады. Киев. 8 июня 2012 г.

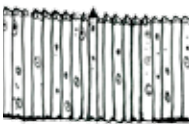
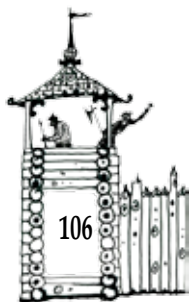
Фрагмент мемориального комплекса, посвящённого Голодомору. Киев. 7 июня 2012 г.

Снимок на память у входа в «Дом с химерами». Киев. 8 июня 2012 г.

Памятник на братской могиле советских воинов в Бышеве. Слева виден дом, где останавливались гости из Ишима. 7 июня 2012 г.

Линки прошлого и настоящего

Т. А. Крамор

Ишимский меридиан Карского моря

Андрей Бакшеев - участник конвоя БД-5

*Ш*естьдесят пять лет отделяют нас от победного финала Великой Отечественной. Две тысячи километров отделяют Ишим от берегов Карского моря. Немного меньше отстояли эти географические пункты от официальной линии фронта. Но смертоносные щупальца войны коснулись и степных ишимских вод, и льдов северного побережья Тюменской области. С тех пор словно реки обратились вспять, и волны Карского моря горькой пеной бьются в сердца одной ишимской семьи...

Несчастливая судьба «Марины Расковой»

«И чаще всего погибал человек в Атлантике самой худшей из всех смертей, которая зовётся безвестной. Это не та общедоступная смерть, когда тебя подберут, накроют шинелью и уложат в братскую могилу. У этой смерти нет даже могилы...». Равно справедливы эти слова и к Арктике.

Взяты они из романа Валентина Пикуля «Реквием каравану PQ-17». Его называют лучшим произведением писателя. Им зачитывалась вся страна в начале 70-х. Трагическое описание гибели 23 кораблей с их командами заставляла содрогнуться. Спаслось лишь 11 судов. Среди них – пароход «Ironclad». Судьба его сложна. Заложный на американских верфях в 1917 году, он был спущен на воду с названием «Mystic». Впоследствии не раз перепродавался и переименовывался. Но мистическая судьба, закреплённая в первом имени, словно преследовала этот грузовой корабль. В июне 1942 года он вышел из Исландии в составе союзнического каравана, вёзшего грузы Советскому Союзу по программе ленд-лиза (поставка техники и продовольствия с отсроченным сроком платежа). Будучи спасён от гибели во время нападения немцев на караван, благополучно пришёл в порт Молотовск (ныне Северодвинск).

Здесь начинается череда неудач. При попытках выйти в обратный путь судно дважды садится на мель. Его ремонтируют и передают в состав Северного государственного морского пароходства, присвоив имя «Марина Раскова» – в честь недавно погибшей лётчицы, Героя Советского Союза. Первый же рейс отремонтированного судна на Новую Землю оказался несчастливым – в шторме сломался руль. Пароход удалось отбуксировать и вновь поставить на ремонт. Рабочих поторапливали: короткое северное лето заканчивалось, а «Марине Расковой» предстояло немало трудов.

Наконец, к 8 августа на судно было загружено около 6000 тонн различных грузов для Карской военно-морской базы (КВМБ) Беломорской военной флотилии и полярных станций Карского моря и моря Лаптевых для смены зимовщиков и снабжения их топливом, снаряжением и продовольствием. Помимо экипажа (51

Картина
В.Н.Адаева «Трагедия в Карском море 12 августа 1944 г.», находящаяся в офисе общественной организации «Полярный конвой» (г. Санкт-Петербург).

вали походу. 11 августа конвой БД-5 («Белое море – Диксон») через пролив Югорский Шар вышел в Карское море и лёг на курс к острову Белому у северной оконечности Ямала.

Впоследствии выяснилось, что к началу августа в Карском море на ключевых мореходных путях заняли боевые позиции шесть немецких подводных лодок «стаи полярных волков» «Грайф» под руководством гросс-адмирала Дёница.

Атака фашистской субмарины

В восемь часов вечера 12 августа прогремел взрыв у правого борта «Марины Расковой». Командир конвоя и командир флагманского тральщика капитан-лейтенант С.М. Купцов расценили происшедшее как взрыв неконтактной мины. Командир Т-114 капитан-лейтенант И.О. Панасюк тем не менее начал галс противолодочного поиска, но он не привёл к успеху. Вскоре последовал взрыв у кормы флагманского Т-118. Были предприняты меры по спасению людей с повреждённых судов, хотя надо было немедленно покидать опасный район.

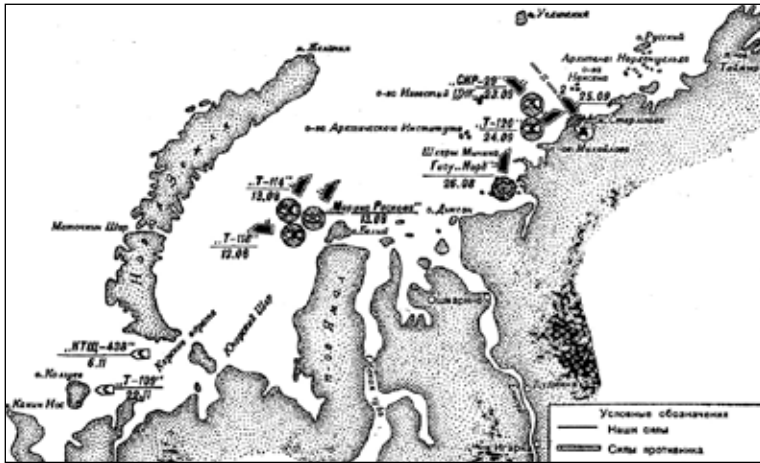
Флагманский тральщик спасти не удалось – он быстро шёл ко дну. Команду эвакуировали на Т-114. Меры по спасению транспортного судна также оказались неэффективными. Вода подошла к топкам, решено было их потушить и отправлять людей также на Т-114. В первую очередь переправили женщин и детей. К полуночи на тральщик было принято 144 человека с «Марины Расковой» и более шестидесяти членов команды погибшего Т-118. На Т-114 оказались в основном женщины и дети, мужчины эвакуировались позднее и их принимал Т-116.

Последними покидали транспортный корабль капитан В.А. Демидов и оставшиеся члены команды. В этот момент у борта Т-114 прогремел мощный взрыв. Взметнувшийся вверх высокий столп воды свидетельствовал о торпедной атаке немецкой субмарины. После первых торпедирований она беспрепятственно ушла на дно для перезарядки торпед и теперь взялась довершать своё чёрное дело. Неподвижно стоящие корабли стали для неё лёгкой добычей. Т-114 ушёл на дно в течение четырёх минут. Находившиеся на нём пассажиры с «Марины Расковой» и вся команда, включая командира конвоя А.З.Шмелёва, погибли. Спаслись только 26 человек.

Командир Т-116 капитан-лейтенант В.А. Бабанов принял решение немедленно покинуть опасный район, чтобы не подвергнуть опасности последнее судно со спасёнными, и, доставив их на берег, вернуться за оставшимися. Тральщик взял курс на запад и около 01.00 ч. на полном ходу отправился в порт Хабарово. Через некоторое время (по разным данным – через полчаса или через час четвертью) прогремели два взрыва на полузатопленной «Марине Расковой». Добив грузовой транспорт, немецкая подлодка смело поднялась на поверхность и, не обращая внимания на людей в шлюпках, погналась за ушедшим тральщиком.

В дальнейшем стало известно, что «Марина Раскова» и тральщики были потоплены немецкой подводной лодкой «U-365» под командованием капитан-лейтенанта Х. Ведемейера. Она применила бесследные акустические электроторпеды, которые самонаводились на шум винтов кораблей. Ю.Д. Капранов в статье «Траге-

Схематическая реконструкция трагических событий в Карском море.

них были свидетелями гибели на тральщике Т-114 своих родных и близких. Теперь же им предстояло новое и тяжёлое испытание – борьба за жизнь с ледяными волнами Карского моря, имея при этом небольшие запасы пищи и питья. Дождевший благополучно до Хабаровова Т-116 не смог вернуться из-за непогоды и из-за работы комиссии по расследованию обстоятельств гибели транспорта «Марина Раскова» и тральщиков Т-114, Т-118. Тем временем течение и ветер раскидали лодки в разные стороны.

Несмотря на непогоду, самолёты, управляемые опытными лётчиками С.В. Соломоном, М.И. Козловым, В.Н. Евдокимовым и другими, начали поиски. Принять на борт найденных было затруднительно из-за высоких волн. Тем не менее в течение 12 дней, прошедших после гибели БД-5, ценой героических усилий и риска собственной жизнью лётчики спасли жизни 71 человека (по другим данным – 69). Стоит заметить, что Матвей Ильич Козлов прежде принимал участие в спасении людей, уцелевших после разгрома каравана PQ-17...

Всего из 655 человек, находившихся на борту потопленных судов, удалось спасти 279 человек, погибли – 376. Как пишет историк и журналист С.В. Шулинин, это была самая трагическая страница внутренних конвоев в истории Великой Отечественной войны в Арктике.

5 октября 1944 года вышедший из Диксона тральщик Т-116 обнаружил вражескую подводную лодку и атаковал её глубинными бомбами. Как оказалось, это была лодка «У-362». Но и век «У-365», погубившей транспорт с мирными людьми, оказался недолог. 13 декабря 1944 года она была потоплена глубинными бомбами самолётов с британского эскортного авианосца «Сапрапа» юго-восточнее острова Ян-Майен в Норвежском море. Весь экипаж погиб. Но командовал субмариной тогда уже не Хеймар Ведемейер. Он мирно скончался в 1998-м, прожив 92 года.

Память не умирает

Про трагедию конвоя БД-5 было написано несколько статей, но своего Пикуля для этой истории не нашлось. Поэтому большинство жителей Тюменской области

Тральщик Т-116 – единственный уцелевший из конвоя БД-5.

даже не подозревает, насколько близко война подошла к границам нашего региона.

В 2008 году региональная общественная организация «Полярный конвой» (г. Санкт-Петербург) и городская общественная организация обдорских краеведов «Родник» (г. Салехард) взялись за подготовку общероссийской экспедиции памя-

Крест на братской могиле погибших 12 августа 1944 г. в Карском море (ныне утрачен) и остатки кунгаса, на котором спасались пассажиры. Остров Белый. 1950 г. Фотография Н.А. Михалёва.

ти к месту гибели конвоя БД-5. Благодаря деятельности проекта «Карская экспедиция-2009» удалось найти не только родственников погибших в водах Арктики, но и живых участников конвоя. Координатор проекта салехардец Сергей Владимирович Шулинин подробно освещал деятельность организаторов и выкладывал в Интернете (веб-сайты polarpost.ru, srpo.ru и др.) найденные материалы и результаты собственных исследований по истории конвоя БД-5. В опубликованных списках погибших значилось и имя Андрея Никитича Бакшеева. Там же было указано, что его семья проживала на станции Ишим Омской железной дороги.

В это же время в альманахе «Врата Сибири» (№ 1 за 2009 год) вышла статья Камиллы Кузнецовой, где также упоминался ишимец Бакшеев. Главный редактор альманаха Анатолий Васильев не мог остаться равнодушным, увидев имя земляка. Позвонил историку и краеведу Надежде Проскуряковой. Ей удалось вырвать из тени забвения не одно славное имя, связанное с Ишимом. И на этот раз Васильев не ошибся. Проскурякова начала поиск. Взяв телефонный справочник, обзвонила всех упомянутых в нём Бакшеевых. Безрезультатно. И тут вспомнила: по соседству с нею когда-то жила Лариса Андреевна Зотина, в девичестве Бакшеева.

Расчёт оказался точным. Вскоре в кабинете Надежды Леонидовны мы беседовали с дочерью героя северной битвы. Надо сказать, что прежде Ларису Андреевну уже нашли помощники проекта «Карская экспедиция-2009». В газете «Ишимская правда» было дано объявление о поиске родных А.Н.Бакшеева. Его дочь отклик-

Знак памяти трагических событий в Карском море, установленный в 2009 году. Кадр из документального фильма «Пора возвращать» (ОГТРК «Ямал-Регион», 2012).

Андрей Бакшеев – первокурсник ВМУ им. Фрунзе. Январь 1934 г.

нула, позвонила по указанному телефону. Но, разволновавшись, не смогла до конца понять, что её приглашают участвовать в этой экспедиции.

К сожалению, в том году поход к месту гибели кораблей конвоя БД-5 так и не состоялся. Зато в Салехарде и в Воронеже появились мемориальные доски. Памятный знак от имени губернатора Ю.В. Неёлова и жителей Ямало-Ненецкого АО был установлен и на острове Белый, где в сентябре 1944-го были захоронены тела погибших, обнаруженные на прибитом волнами к берегу кунгасе. Как пишет С.В.Шулинин, за последние годы проведена немалая научно-архивная работа по сбору информации об истории конвоя, получены

новые данные, составлен список участников конвоя, собраны воспоминания, фотоколлекция, публикации, книги о конвое, установлены контакты с родственниками более 130 очевидцев трагедии.

Морской меридиан Ишима

Лариса Андреевна, волнуясь, рассказывает об отце. Собственная память ей плохой помощник – в год гибели Андрея Никитича ей было 5 лет. Помнит лишь наколку на руке – якорёк. Поэтому опирается на рассказы матери, на немногочисленные документы и фотографии отца. Перед нами всё яснее проступает его облик – человека внешне не героической судьбы, героизмом которого стала честная служба своему Отечеству. Хотя дочь больше знает не о службе отца, а об истории его любви.

Андрей и Елена познакомились на танцах в железнодорожном парке в 1933 году. Ему исполнилось 20 лет, она – младше на пять лет. Семьи их, как и семьи большинства железнодорожников, – приезжие. Никита Бакшеев происходил из забайкальских казаков, его сын тоже родился в Читинской области. Родион Степанов, отец Елены, приехал из Курганской области. Их детям ещё предстояло учиться. Андрей поступал в Ленинградское военно-морское Краснознамённое училище имени М.В.Фрунзе. Елена решила стать учительницей и уезжала в Пермь. Влюблённые дали друг другу клятву верности. И сдержали её.

Елена Родионовна вернулась домой чуть раньше. Не окончив до конца курс обучения из-за травмы, приехала на родину и устроилась учительницей в начальную школу № 34 на станции Ишим. Это учебное заведение располагалось на углу улиц

Школьная и Карла Маркса; теперь память об этом здании сохранилась только в городской топонимике. Андрей Никитич учился на минёра-подводника. В свидетельстве об окончании, выданном 17 июня 1938 года – разные оценки: от «посредственно» до «отлично». Особенно удачно давались будущему морскому офицеру такие предметы как «торпедное оружие», «средства наблюдения и связи», «устройство подводной лодки». По «истории ВКП(б)» – «хорошо». Из анкетных данных мы знаем, что впоследствии он вступил в ряды партии большевиков. Последняя запись в свидетельстве – о том, что приказом наркомвоенмора № 542 А.Н.Бакшееву присвоено звание лейтенанта.

В семье сохранилось несколько фотографий Андрея в форме курсанта. Снимки одиночные, снимки с друзьями... Молодые, весёлые, сильные...

После встречи с Л.А.Зотиной мы связались с семьёй художников Троегубовых. Мать Людмила Геннадьевна Троегубовой, Раиса Никитична Иванова, в девичестве – Бакшеева. Родная сестра Андрея Никитича, она вспоминала, что детство их проходило в бедности. Жили они тогда в районе ж.д. школы № 113. Андрей, будучи школьником, занимался там у замечательного тренера В.А.Порфирьева, воспитавшего плеяду замечательных спортсменов. Василий Андреевич выделял

Курсанты ВМУ
им. Фрунзе.
Третий слева в
первом ряду –
А.Н.Бакшеев.

когда приезжал домой в отпуск, обязательно привозил подарки: отцу – табак, матери – платок.

«Продолжать нашу хорошо начавшуюся жизнь...»

После выпуска из ВМУ А.Н.Бакшеев получил назначение в порт Находка. На Дальний Восток они ехали с Еленой (по-домашнему – Люсей) уже как муж и жена. В 1939 родился первенец – дочь Лариса, Ляля. В 1942-м – сын Георгий, Жорик. До

1943 года семья жила вместе. Потом отца направили, как предполагает дочь, в США получать выделенные по программе ленд-лиза минные тральщики американского производства. Перед началом эксплуатации нужно было изучить их устройство, которое отличалось от конструкции советских кораблей. После возвращения на Дальний Восток нашим морякам предстояло сопровождать полученные корабли и грузы на запад, в район боевых действий.

К этому периоду относится одно из двух сохранившихся у Ларисы Андреевны писем отца. Оно датировано 17 октября 1943 года. Многие сказано между строк (военная цензура!), а потому осталось

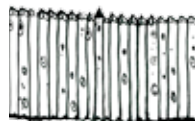
Свидетельство
об окончании
ВМУ им. Фрунзе.
1938 г.

для нас загадкой. Судя по всему, после прихода в порт Находка моряки надеялись встретиться с родными, но надежды не оправдались. Поэтому то, что не удалось сказать при встрече, Андрей Никитич доверил бумаге. Поход предстоял трудный и опасный (пять кораблей и подлодка шли в распоряжение Северного флота по арктическим морям), все это знали, и письмо своё офицер написал как завет жене и детям:

«Когда ты, дорогая, получишь письмо моё, меня здесь не будет, начну свою длительную командировку, и вот перед уходом, Люся, мне хочется написать тебе хорошее-хорошее письмо...»

С тех пор, как я тебя узнал, прошло много дней, но я горд за то, что за эти долгие дни я никогда, ни одного раза не усомнился в своей любви, а это хорошо, и для тебя это должно быть хорошо, дорогая.

Хорошо то, что я любил, люблю и буду любить, но хорошо и то, что ты умела любить, и я больше всего рад тому, что я чувствовал твою любовь. Это меня радует,

Елена Бакшеева с дочерью Ларисой. Находка, 1939 г.

это даёт надежду на будущее, и сейчас, когда я расстанусь с тобой надолго, я уверен в своей любви, уверен и в твоей, это очень хорошо...».

Невозможно без волнения читать эти строки, ставшие завещанием, – читать, зная, что тот, кто их писал, и та, кому их писали, больше никогда не увиделись в земной жизни. Можно лишь предположить, сколько слёз было пролито над этими тетрадными листками. Но карандашные строки не размываются слезами, как и чувства моряка.

«Ты знаешь, куда я уйду, и ты знаешь моё желание... – не быть в стороне, проклятым в будущем, это не так нужно будет мне, как нашим детям, поэтому ты должна понять, милая, почему я расстался с вами на время. Я буду очень рад встретиться со своей семьёй после нашей разлуки и продолжать нашу хорошо начавшуюся жизнь...».

Второе письмо датировано 27 апреля 1944 года. В нём указан обратный адрес: Мурманская область, Губа Тюва. Это посёлок неподалёку от Мурманска, в устье Кольского залива.

8 августа 1944 года капитан-лейтенант А.Н.Бакшеев вышел в море в должности помощника командира флагманского тральщика Т-118, сопровождавшего «Мари-ну Раскову». Точных сведений о том, в какой момент трагедии он погиб, не имеется. Скорее всего – когда вражеская субмарина торпедировала тральщик Т-114, на котором к тому моменту находились уцелевшие члены команды флагмана.

Последний снимок А.Н.Бакшеева, присланный родственным. 1944 г.

Неясность обстоятельств гибели моряка-ишимца ещё не раз терзала сердца его жены и матери, Нины Сергеевны, к которой переехала из Находки Елена Родионовна с детьми. 18 ноября 1944 года семье погибшего было выслано официальное извещение, на основании которого вдове назначалась пенсия. Но 23 июня 1945 года из Управления кадров офицерского состава наркомата ВМФ в Ишимское отделение Госбанка пришло уведомление: «Ввиду того, что муж пенсионерки Бакшеевой Елены Родионовны оказался жив, прошу выплату пенсии ей прекратить... Гражданку Бакшееву Е.Р. прошу сообщить в 6-й отдел УКОС ВМФ адрес мужа...». Если бы она могла его сообщить! Она готова была отказаться от любых пособий, лишь бы муж нашёлся живым. Но это было не так. Тем же официальным извещением от 31 августа 1945 года предписывалось продолжить выплату. Подобная ситуация, по воспоминаниям Ларисы Андреевны, повторялась несколько раз. Словно ледяные волны Карского моря вновь и вновь бились в её сердце, напоминая об

утрате.

Елена Родионовна прожила 74 года. Поднимала на ноги детей, воспитывала в школе поколение «безотцовщины». 62 года прожил Георгий Андреевич Бакшеев. Хранителями памяти о подвиге моряка оставались его дочь Лариса Андреевна Зотина (сына она назвала Андреем) и его сестра Раиса Никитична Иванова, которая скончалась 20 ноября 2010 года на 89-м году жизни.

Лишь спустя 65 лет они узнали, где и при каких обстоятельствах погиб их отец и брат. Они – из того поколения, которое знает подлинную цену жизни. Дай Бог, чтобы их внукам и правнукам не пришлось заплатить за это знание такую цену...

Фотографии из семейного архива Л.А.Зотиной и с веб-сайтов polarpost.ru, srpo.ru.

Автор приносит сердечную благодарность С.В.Шулицину за помощь в написании статьи.

Л. У. Маринова

И не был позорным знак «SU»...

Судьба Тамары Геннадьевны Шастуновой

Земной жизни у ветерана Великой Отечественной войны кавалера ордена «Знак Почёта» Тамары Геннадьевны Шастуновой в полном измерении – без шести дней семьдесят семь лет. Из них: семнадцать – довоенных, с начала мая по 10 августа 1942 года – фронтовые дороги, затем до 30 апреля 1945 года – лагерь Равенсбрюк. Времени после Победы, времени, наполненного служением обществу, казалось, ещё так много... Оно – её Восхождение в Жизнь – и вправду сложилось вдохновенно.

Санструктор
Тамара Лимахина.
Апрель 1942 г.

Родилась Тамара 2 февраля 1924 года в г. Омск-Ленинск в семье журналиста Геннадия Николаевича Лимахина. Мама Агриппина Ивановна трудилась портнихой на дому. После окончания неполной средней школы в г. Кыштым Челябинской области Тамара поступила в Ишимское педагогическое училище, в июне 1941 года начала трудовую деятельность директором Голдобинской неполной средней школы Ишимского района, но уже в июле была избрана председателем районного комитета профсоюза работников просвещения.

Война, грубо ворвавшись в размеренную жизнь страны, проверяла на патриотизм каждого. Тамара, как и десять тысяч её сверстников 1921-1924 годов рождения из Омской и других областей Сибири, 6 апреля добровольцем вступила во второй состав 229-ой стрелковой дивизии, сформировавшийся в Ишиме.

О той весне сорок второго Тамара Геннадьевна напишет в воспоминаниях: «...Многолюдно на улицах, ведущих к райвоенкомату. Туда спешат все: степенные мужчины и женщины, юноши и девушки. Коммунисты

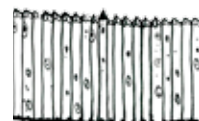
и комсомольцы. Это добровольцы, желающие выехать на фронт в составе своей сибирской дивизии. Чем ближе к военкомату, тем больше людей... Слышатся обсуждения последних событий с фронта, доносятся реплики медкомиссии... В стороне – подводы. Это приехала сельская молодёжь. Звучат баян, песни, смех молодёжи и плач матерей. Некоторые спешат к репродуктору у базара, чтобы послушать последние известия.

Город живёт, трудится, помогает фронту, пополняет ряды защитников Родины.

Мы же, курсанты школы младших командиров, строем направляемся на концерт в Дом Красной Армии. Звонко запекает Любовь Малышкина: «Среди лесов дремучих, Среди лесных полян...». Рота девушек подхватывает: «Суровый голос раздаётся: «Клянемся землякам: покуда сердце бьётся, пощады нет врагам». Мелодии песен летят ввысь, заполняют город, зовут на битву с врагом.

Плакаты на зданиях и заборах вопрошают: «Чем ты помог фронту?», «Родина-Мать зовёт!», – призывает другой. Суровый облик матери с листком боевой присяги и поднятой рукой врежется в память, щемящей болью отзывается в сердцах.

Вездесущие мальчишки и девчонки сопровождают нашу колонну до места назначения. Останавливаются матери, глядя нам вслед. А мы горды тем,

что уже находимся в рядах сибирской дивизии, что наши занятия подходят к концу, что через несколько дней нам присвоят воинское звание и отправят в полки... В Синицынском бору в санроте царит деловая обстановка, все серьёзно готовились к фронту.

Расцветающая природа напоминает о прелести мирных дней. Лес шумит молодой листвой, ветерок качает верхушки сосен и елей, поют птицы, и в нашей душе всё поёт: мы едем на фронт» («Ишимская правда», 19 февраля 1975 года).

После дивизионной школы младших командиров – санинструкторские курсы в г. Скопин Рязанской области, 783-й стрелковый полк. Тамара Лимахина на передовой – при роте автоматчиков.

«Нам, ишимским девочкам, хотелось быть вместе, – писала Тамара Геннадьевна. – Но мы понимали, что должны честно служить Родине там, куда нас направят. Сержант Любовь Малышкина направлена санинструктором в 804-й стрелковый полк, Лиза Аверина – в 783-й, сержант Надя Субботина – в медсанбат...».

Они все – почти вчерашние школьницы: Нина Морозова, Мария Родькина, Елена

Остатки блиндажей в Синицынском бору, в которых жили бойцы сформировавшихся в Ишиме дивизий.

2005 год. Фотография Г.А. Крамора.

783-й стрелковый полк.

Медсанбат обосновался на берегу реки Чир. Раненые поступали непрерывно. От них девчонки и узнавали географические названия, где из последних сил держались сибиряки: город Суровикино и районы Логовский, Евсеев, Майоровский, участок железной дороги Лихая-Сталинград, коридор Савинская-Нижне-Чирская, хутор Пятиизбянский.

Именно у последнего потеряли ставшего уже родным за пройденный от Ишима до Сталинграда путь командира дивизии – полковника Фёдора Фёдоровича Сажина. На должность эту он вступил 10 марта 1942 года. Погиб под Сталинградом и командир 783-го полка майор С. Рыбаков, ранен комиссар Сизов.

В Сталинградской мясорубке «ишимская» дивизия в полноте узнала мощь вражеской армии: против неё устремились главные силы ударной группировки 6-й немецкой армии в составе 71-го армейского и 24-го танкового корпусов. Степь утонула в пыли и дыму от канонады, пылающих трав и нескошенной пшеницы. Но не удалось фашистам с ходу, одним ударом, окружить наши войска в большой излучине Дона, и захват Сталинграда в первых числах августа 1942 года стал неосуществлённым пунктом планов немецкого командования.

В окружении на правом берегу Дона остались четыре советских дивизии, в том числе и 229-я. В оперативной сводке за 17 августа отмечалось: «Связи с 33-й, 181-й, 147-й и 229-й стрелковыми дивизиями установить не удалось. На вызовы по радио они не отвечают. Из опроса вышедших на восточный берег Дона командиров установлено, что под воздействием противника дивизии расколоты на мелкие группы».

Из десяти тысяч солдат 229-й стрелковой дивизии на левый берег Дона пробились лишь около 750 человек. В их числе Валерия Осиповна Гнаровская, призванная на фронт Бердюжским райвоенкоматом, павшая смертью храбрых при освобождении Украины и посмертно удостоенная 3 июля 1944 года звания Героя Советского Союза.

А медсанбат дивизии, в составе которого была Тамара Лимахина, другие ишим-

ские девчата, проблуждав с ранеными несколько ночей по балкам, оказался в районе Суровикино, где целиком был взят в плен.

10 августа 1942 года из района Большой Осинки вместе с ранеными бойцами и командирами Тамару отправили в станицу Нижне-Чирскую. В лагере военнопленных вновь на поверку выходили и милосердие – медсёстры ухаживали за ранеными, и стойкость – пленных пешком конвоировали в Харьков. «Несколько дней мы ничего не ели и не пили, – вспоминала Тамара Геннадьевна. – Впоследствии кормили два раза в день сырыми отрубями, разведёнными в воде – примерно пол-литра на один раз. Командный состав отделили от рядовых и отправили по железной дороге во Владимир-Волынский, здоровых бойцов куда-то угнали, тяжелораненых расстреляли, а нас погрузили в товарные вагоны и отправили в Германию. Каждый день пленные умирали от ран и от голода».

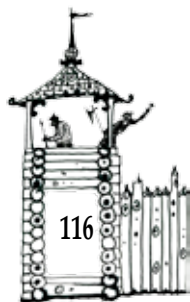
В феврале 1943 года за отказ работать на военных заводах в Германии 536 советских военнопленных – женщин-врачей, медицинских сестёр и связисток – привезли в Равенсбрюк, концентрационный лагерь для женщин, располагавшийся на северо-востоке Германии в 90 км к северу от Берлина. В их числе была и Тамара Лимахина.

Пленных независимо от времени года раздевали догола на дворе, остригали волосы. Отбирали все личные вещи и документы. Затем час или более они ждали пропуска через баню, облачались в полосатое платье и деревянные колодки-шлёпанцы. На левом рукаве был лагерный номер и винкель – знак в виде треугольника, окрашенный в зависимости от категории пленных. Для политических заключённых и участников движения Сопротивления – в красный цвет, в центре треугольника стояла буква, указывающая национальность. Русский винкель с буквой «R» советские военнопленные отказались пришивать. В результате они получили красные винкель с буквами «SU» – «Советский Союз», обозначив тем самым особую категорию – советских узниц.

Условия жизни в лагере были невероятно тяжёлыми. Русским девчонкам приходилось быть и врачами, и санитарками, и уборщицами. За малейшее нарушение конвоиры жестоко избивали узниц. Вспоминает Т.Г. Шастунова: «Равенсбрюк. Центральный женский концлагерь, в котором изнуряющей работой, избиениями, штрафами, голодом фашисты приводили к смерти тысячи женщин разных национальностей: русских, украинок, чешек, поляк, француженок, немок, югославок... Многие стали больными, умалишёнными, преждевременно постарели; тиф, туберкулез косили пленниц. Крематорий работал ежедневно. Врачи-арийцы периодически вели отбор на поезда смерти».

Вспоминаю длинные четыре ряда швейных электрических машин, узкие проходы, духоту, пыль. В дверях встречал молодой СС идиот Верман, испытывающий дьявольское наслаждение при истязании беззащитных женщин. Кровь на лицах невольниц при побоях вызывала у него истерический смех. Как шакал высматривал он жертву для избиения.

Тихо входили в мастерскую, садились за машины. Закоченевшие пальцы не могли держать ножницы. Эсэсовец, ехидно улыбаясь, ходил, снимал оконные рамы, ставил их на пол. Начинаясь сквозняк. Холодный зимний ветер пронизывал до костей. «Проветривание» продолжалось по два-три часа. Сами надзиратели уходили в тёплую комнату, откуда порой слышалось требовательное приказание: «Арбайт! Шнелле!». Иногда в мастерской появлялся СС высокого роста с длинной шеей, как у жирафа. Взглядом исподлобья всех обведёт и направляется к столу, где сложены готовые изделия – одежда для заключённых. У женщин в груди сжимается сердце, оно бьётся, как птица в клетке. У каждой мысль: сейчас изобьёт. Подзывает ответственную за работу. Маленькая щупленькая женщина с бледным болезненным личиком медленно, но твёрдо идет к столу, не подавая вида, что боится. Никто ничем не может ей помочь. Все знают, что она будет избита, может быть, до полусмерти. СС впивается налитым кровью взглядом в женское лицо. Он бьет её руками, железными подковами сапог. Защищая лицо, она старается подняться, это ещё больше взбешивает эсмана... Никто уже не шьёт, поднялись и с ненавистью смотрят на истязания. В сердце кипит бессилие – от унижений, оскорблений, боли. «А-а», – раздается крик не выдержавшей женщины. Зверь, остолбенев от крика, останавливается, выпускает табуретку, помутневшим взглядом обводит всех, последний раз толкает жертву и уходит. Эсэсовка и Верман, смеясь, говорят: «Мёртвая?». Избитую тащат в туалет, бросают на пол. Работа идёт своим чередом. Запомнились особой жестокостью Биндор и Граф».

В концлагере к понятию чести добавилось умение понимать друг друга без знания языка, дорожить интернациональной дружбой. Тамара, заключенная под № 17501, держалась вместе со старшей подружкой Евгенией Лазаревной Клем, чешкой Геленой Лефлеровой из Лидице, учила её русскому языку, читая наизусть стихи, рассказывая о сибирской природе. Особенно часто всплывала в памяти Тамары осень сорок первого. Вместе с работниками райисполкома она тогда участвовала в уборке урожая под деревней Сорочкина Ишимского района. Напоённая соками

Т.Г. Шастунова (в центре) проводит совещание с учителями городской школы № 1. Слева направо: Людмила Пригарина, Анна Сергеевна Бабушкина, Тамара Геннадьевна Шастунова, Фаина Ивановна Бабаева, Григоренко (с подписи на обороте). 1960-е гг. Фотография из архива музея народного образования г. Ишим.

земли и наполненная солнечным светом пшеница радовали глаз и душу, все дружно с песней вязали кошенину в снопы. Даже не верилось, что где-то уже гремела война. И в страшных мыслях не представлялось девушке вот такое лагерное заключение.

30 апреля 1945 года узников освободили советские войска. Но впереди ещё ждал фильтрационный лагерь в Германии, где проверяли «по линии» особого отдела НКГБ. Там с мая по август 1945 года Тамара Лимахина работала писарем при военной части 52709 «А».

Только в конце ноября 1945 года она вернулась в Ишим, чтобы воплотить в мирную жизнь мечты о любимой учительской профессии, о семейном счастье.

В школах Ишима и Ишимского района учительских вакансий не оказалось, и она заступила на должность председателя комитета по делам физической культуры и спорта при Ишимском райисполкоме, а в следующем учебном году стала студенткой. В 1950 году окончила филологический факультет Омского государственного педагогического института им. А.М. Горького. Большая часть её трудовой биографии – учителя русского языка и литературы, заместителя директора по воспитательной, учебной работе – пролетела в каждой творческой суете в ишимской городской школе № 1. Работала она и преподавателем в школе рабочей молодёжи, председателем горкома профсоюза работников неполной средней школы, инспектором горно, директором, завучем школы-интерната № 1. К боевой медали «За Победу над Германией» добавились трудовые: орден «Знак Почёта», медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», знак «Отличник народного просвещения».

Состоялось и её семейное счастье... В 1951 вышла замуж за Владимира Шастунова, тоже участника Великой Отечественной войны, бывшего танкиста, вырастили они двух сыновей.

Личное дело Т.Г. Шастуновой хранится в ишимском городском музее народного образования. В одном из документов в графе «Пребывание за границей» наряду с Германией отмечено: «Чехословакия. Встреча с подружкой по концлагерю Геленой Лефлеровой». Эта поездка – одна из ярчайших страниц жизни Тамары Геннадьевны. В 1964 году журналист Н.Новиков напечатал в журнале «Работница» материал «Цена горя и счастья» – зарисовку о 24-летней Гелене Лефлеровой. После возвращения из Равенсбрюка девушка активно включилась в восстановление родного села Лидице. Впоследствии Гелена – член ЦК комитета КПЧ, депутат Национального собрания республики, председатель Комитета женщин, зам председателя Международной демократической федерации женщин. В зарисовке в журнале «Работница» был и такой абзац: «Где ты, Тамара, простая русская женщина, учительница литературы? Ты, наверное, не подозреваешь, как много значила для Гелены твоя дружба? Сидя в мастерской за швейной машиной, ты тайком рассказывала Гелене о своей Советской Родине, и каждое слово твоё было великой поддержкой. Ты учила Гелену русскому языку, читая для неё стихи русских поэтов, которые Гелена затем декламировала в бараке чешским женщинам. Ты тоже помогала Лефлеровой устоять, выдержать до конца плена.

– Много лет прошло, но я помню всё, о чем рассказывала Тамара, – вспоминает Гелена. – Помню почти все стихи, каким она меня учила.

Лефлерова забыла фамилию Тамары, не знает, где она жила до войны, но верит: подруга дней суровых жива и вспоминает о ней».

И они свиделись. Знаменательное событие было организовано журналом «Работница» и центральной газетой «Правда», в которой в том же году Тамара Геннадьевна сделала своеобразный отчёт о поездке под заголовком «Встреча через 20 лет»: «Я была счастлива, когда узнала, что моя подруга по концлагерю Равенсбрюк – чешка Гелена Лефлерова жива и здорова, ведёт большую работу по борьбе за мир, помнит и разыскивает меня. И вот мы, спустя 20 лет, разговариваем по телефону, волнуемся, порой перебиваем друг друга. Многого свершилось в жизни: мы стали коммунистами. Гелена окончила юридический факультет университета, я – педагогический институт. Гелена считает меня своим первым учителем русского языка. В неволе я читала на память Пушкина, Лермонтова. Любовь к жизни, к поэзии, вселяющей надежду на освобождение из фашистского лагеря смерти, объединяла нас.

Хочу сказать большое спасибо своей учительнице литературы Марии Михайловне Петровой, которая научила глубоко любить русскую поэзию, жизнь, человека и передавать эту любовь другим».

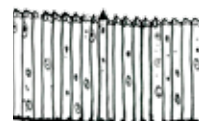
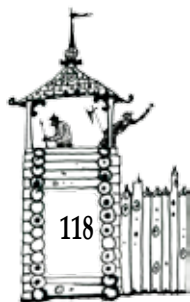
По приглашению Гелены Тамара Геннадьевна прилетела в Прагу. На аэродроме её с букетом цветов встретили представительницы комитета чехословацких женщин. Сама Гелена по долгу службы была в Словакии. Автомобиль доставил советскую гостью в Лидице. «И я очутилась, – пишет далее Т.Г. Шастунова, – в горячих объятиях мамы и тётки Гелены. В тот же день женщины показали мне своё новое село, построенное вместо зверски уничтоженного фашистами. Я была в музее, в парке дружбы и мира, где цветут розы, присланные из разных стран земного шара, положила цветы на братскую могилу. Хочется крикнуть: «Войне не бывать! Трудовому человеку она не нужна. Трагедия Лидице не должна повториться!»

Не забыть волнующие встречи с Геленой... Они помянули добром погибших... И проклятием – ээсовцев. «Матери, сёстры, подруги, боритесь за мир и счастье своих детей, наших детей», – твердили женщины главный наказ на все времена.

Тамара Геннадьевна видела достопримечательности, видела, как трудится самозабвенно чехословацкий народ. Неизгладимое впечатление произвело на неё кладбище советских воинов, павших при освобождении Праги в мае 1945 года. «Народ Чехословакии свято чтит их память. Торжественная тишина над строем строгих памятников. Цветут пунцовые розы у каждой могилы. И, кажется, что воин охраняет город, людей, строящих новую жизнь на своей земле... И есть у меня мечта: показать Гелене наш неповторимо прекрасный сибирский край, мой зелёный Ишим, западносибирский край, которому принадлежит великое будущее», – писала Т.Г. Шастунова.

В «Автобиографии», что входит составной частью в «Личное дело» Тамары Геннадьевны (оно хранится в ишимском городском музее народного образования), есть признание: «Ежегодно принимаю активное участие в общественной работе, без неё не представляю жизни». На фоне спокойного перечисления фактов биографии это, пожалуй, единственная эмоциональная фраза. Общественная работа для неё – олицетворение полной отдачи, настоящего служения миру. По отзывам коллег, Тамара Геннадьевна была отличным педагогом, наставником, методистом, руководила секцией русского языка и литературы в школе и в городе. Также она была активным депутатом Ишимского городского совета народных депутатов, членом ГК КПСС, лектором общества «Знание». Особой популярностью на предприятиях пользовалась её лекция «Быт – дело не частное». Семь лет она была председателем городского суда родительской общественности. Я же знала принципиальную Тамару Геннадьевну с поры, когда она как внештатный корреспондент сотрудничала с газетой «Ишимская правда», работала при общественной приёмной редакции.

27 января 2001 года Тамары Геннадьевны не стало, похоронена она в Ишиме. Страницы её жизни вписаны в общую летопись 229-й стрелковой «сибирско-ишимской» дивизии, поисковую работу о которой ведут учащиеся городской школы № 31.

Н. В. Кутырёва

Михаил Зуйков – сын ишимской земли

*Мне выше не было б похвал,
Когда бы за родного сына
Меня Ишим навек принял.
М.Д. Зуйков,
февраль 1982 г.*

¹ Зуйков М. Стихи. – Ишим, 2008. – С. 20; 38-39.

Пелагея Родионовна Зуйкова, мать поэта. Фотография из архива М.Д. Зуйкова.

Михаила Дмитриевича Зуйкова заслуженно можно назвать родным сыном ишимской земли. И это несмотря на то, что его родной край – деревня Колбышево на берегу реки Иртыш в Большереченском районе Омской области, относящаяся к Евгашинскому сельскому поселению. О том крае поэт с особой теплинкой откровенно и просто рассказал лирическими строками в стихотворениях: «Край родной», «Здравствуй, юность моя далёкая», «Что-то душу знобит. Где бы ей обогреться?»¹.

Та земля взрастила поэта, напитала жизненными соками, научила любить землю русскую, благословив на защиту Родины в тяжёлую годину Великой Отечественной войны, ромашковыми да васильковыми салютами встретила молодого бойца с ранней сединой на висках, потерявшего в той страшной войне немало товарищей боевых...

А ишимским сыном Михаил стал с 1950-го, когда вместе с артполком был переведён сначала в город Тюмень, а потом – в наш городок. С тех самых пор, следуя зову души, радуется Михаил Дмитриевич горожан своим литературным творчеством, с гордостью рассказывая:

«Всего создал свыше тысячи лирических произведений. Мои стихи разлетелись по шестнадцати городам четырёх государств. Писать их начал в тридцать пять лет. С тех пор как «полились» стихи, даже не знаю, какое-то вдохновение посетило... Начинать с прозы и зарисовок. Сотрудничал с газетами «Ишимская правда», «Советское Зауралье», «Путёвка», «Гудок» и областными изданиями. Писал о людях хороших. Прежде чем написать, встречался и разговаривал с ними. Через мою душу прошли тысячи и тысячи людей, когда я работал в кондукторском резерве, потом в горкоме партии, в комитете народного контроля. На каждом предприятии я побывал несколько раз. У нас там был внештатный актив по две-три тысячи человек. Всех я знал, ко всем приходил, со всеми встречался. Не умел я щадить себя, работал на износ. На заслуженный отдых ушёл в 1987 году...»

А размышлять о природе творчества вообще и Михаила Зуйкова конкретно можно бесконечно. Если, к примеру, Марина Цветаева считала, что прозу даже читать душевно легче, чем стихи, то сколько же тогда нужно душевных сил вложить в каждое поэтическое творение?! Быть может, оттого и озарены стихи Михаила Дмитриевича особым светом человечности, любви к ближнему, что частичку души и сердца поэт оставил в каждом из своих лирических творений.

“Хорошо б по Оби унести в своё детство...”

Ноябрь – совсем не поэтическое время года, когда лес уже теряет «багряный свой убор», красота природы тускнеет и меркнет, чтобы затем облагородить землю первозданной белизной.

В эту предзимнюю пору 4 ноября 1926 года в семье Зуйковых появился на свет малыш, наречённый Михаилом. Пелагея Родионовна своему мужу Дмитрию Григорьевичу подарок накануне Дмитриева дня сделала. Благо, успела до Ненильяхничи. Ведь Пелагея вручную ежегодно выращивала, мяла, чесала лён... да ткала прочное льняное полотно, из которого шила бельё, скатерти, рубашки, сарафаны для своей огромной семьи.

– Семья у нас была «сложная», – вспоминает Михаил Дмитриевич. – У моих родителей в браке было трое совместных детей: сестра Мария (двадцать четвёртого

года рождения), я и брат Владимир (с тридцать второго). Всего же нас, детей, оказалось восемь человек: трое детей от первого брака отца и двое от первого брака матери...

В памяти детства, – той, которая и не память уже, а некое неделимое ядро личности, – остались у Михаила Дмитриевича и родная деревенька, «прямая, как струна», вытянутая в одну улицу; и все тяготы работы в колхозе, начавшиеся с восьмилетнего возраста; и домашние хлопоты матери, которая ловко у русской печки управлялась: стряпала да в огромных чугунках картошку в мундирах варила...

Михаил Зуйков (справа) с товарищем в Калачинской снайперской школе. 1943 г. Фотография из архива М.Д. Зуйкова.

Как Зуйковы умудрялись прокормить немалую семью? Трудом праведным. За трудодни работали в колхозе. Всю жизнь держали приусадебное хозяйство: кур, телят, свиней. Огородные и лесные дары не в баночки (как ныне принято) закатывали, а в огромные деревянные кадучки аккуратно укладывали ароматные грибы, огурчики да капустку.

Дети Зуйковых целиком и полностью были в хозяйские дела вовлечены. Многоводный Иртыш для семьи – тоже настоящий кормилец.

– Мама умела рыбу ловить по озёрам и по Иртышу, – рассказывает Михаил Зуйков. – Невод в деревне только у нас одних был. Часто слышал от неё: «Миша! Пойдём по Иртышу щурогаек половим!» Помню, она по берегу идёт, а я впереди бегу. Мама пугает рыбу, щучки в невод и попадают.

О главе семейства воспоминаниями поделилась сестра поэта Мария Дмитриевна Карпенко:

– Родители нас в строгости держали. Все тогда были крутые нравом. Отца запомнила трудолюбивым, гордым. Его звали «король». Он двадцать лет в Китае, в Харбине, жил и работал сцепщиком на железной дороге. После переворота в 1906 году вернулся на родину. Всё сам умел делать, сапожником прекрасным был. До конца дней в колхозе работал, а умер в пятьдесят третьем...

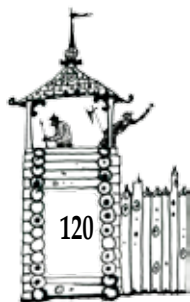
В деревне Колбышево имелись четырёхлетняя школа да клуб, а в больницу и церковь нужно было идти три километра до села Евгацино.

Как отдыхали? На вечерках женщины и девушки вязали кружева, вышивали. Был в деревне и свой престольный праздник – Троица. На него съезжались жители соседних селений. Как водится, зелень разбрасывали в домах и в храмах, разряженную берёзку обносили вокруг деревни, а потом водили вокруг неё хороводы, девушки пускали по воде венки, определяя: чей венок легко поплывёт – той и замуж вскоре выходить.

Старшая сестра поэта Мария семью создала в 1946-м, выйдя замуж за героя-фронтовика Александра Карпенко, мастера на все руки. Талантом к стихосложению своего брата Мария Дмитриевна очень гордится, бережно хранит все его стихотворные поздравления, адресованные к праздникам и памятным датам. Участница трудового фронта, она приближала Победу, работая на рыбном заводе в Берёзовском районе приёмщицей рыбы, а в зимнее время – на лесоповале. В Ишим к матери и брату Мария перебралась с семьёй только в 1957-м. За её плечами – тяжёлая ноша потерь (20 лет как нет с ней мужа, и 18 лет тому назад единственного сына Николая похоронила). Мария Дмитриевна живёт скромно, но по сей день достойно трудится на своём небольшом приусадебном участке, умудряясь выращивать там до тысячи корней томатов потрясающего вкуса. Благо, сын Михаила Дмитриевича любимую бабу Марусю не забывает.

Рассказывая о «корнях» нашего ишимского поэта, нельзя обойти вниманием его особый песенный дар, унаследованный от родителей. Михаил играл на гармонии, брат Владимир ему на балалайке подыгрывал. Остальные члены семьи голосили.

– Везде я был с гармошкой, – рассказывает Михаил Дмитриевич, цитируя при этом собственные строки, – «Светло грустит под гармонь», «Всю жизнь не даёт мне покоя тихих песен щемящая грусть». – Деревня была песенная. Пели все от мала до велика: когда ехали на работу в поле, когда возвращались домой. Почти в каждом доме пели старинные русские песни. Наш дом тоже был песенный: пели все сёстры, братья, я. «Опять у Зуйковых гуляют», – говорили люди. Пели на улице,

на лавочке, играла гармонь, звучали частушки. Частушек знали много. Сами их сочиняли, сами пели...

Да и на фронтовых фотографиях Михаил Зуйков неразлучен со своим музыкальным инструментом. Мелодичность присуща и его лирике, недаром восемь произведений положены на музыку и стали прекрасными песнями.

“До сих пор я не вышел из боя. Сердцем я до сих пор на войне...”

² См. подробнее:
Партнера А. Юлия
Друнина // Литературная газета.
– 2010. – 17-23
марта. – С.10.

«На привале» с
гармошкой.
Конец 1940-х гг.
Фотография из архива М.Д. Зуйкова.

Стихи Михаила Зуйкова на редкость биографичны. А в цикле военной лирики он сумел тонко зарифмовать и передать не только собственное состояние души – и в ту суровую годину, и в мирное время. В его стихах «Солдатские вдовы», «Она не помнила отца», «Разговор с отцом» набатом звучит вселенское горе. Именно поэтому стихи-плачи стали настоящим откровением для вдов и сирот, чьи судьбы опалила война. Никто из них никогда не смирится с потерей близких. Оттого, открывая сборники Михаила Зуйкова и читая волнующие строки о войне, испытываем боль и не стесняемся слёз...

О себе в стихах этого цикла Михаил Дмитриевич рассказал, «как был крещён войной навек», оказавшись в 1943-м (после полугодового обучения в Калачинской снайперской школе, что находилась в десяти километрах от родной деревеньки) «на полосе прифронтовой» в составе 326-й стрелковой дивизии.

«В снайперской школе мы изучали строение винтовки. Вставали рано. Были стрельбы, марш-броски по десять километров, – всё как в армии. Помню первый бой, когда мне было семнадцать. Об этом я рассказал в стихотворении «Первый бой»:

*Два часа как в аду грохотало,
Два часа бушевал артналёт,
А потом по осколкам металла
Мы пошли по команде вперёд...*

«Когда меня в армию взяли, я был ростом сто пятьдесят два сантиметра, а весил всего сорок шесть килограммов. Нас называли «рота карандашей». Все мы были примерно одного возраста. Я служил заряжающим. Когда было большое наступление, приказали, как «заиграет» «Катюша», начинать стрельбу. Ствол миномётный тогда так накалдился в бою, что земля дрожала, и ничего не было слышно.

В перерывах между боями спали на ходу. Помню, иду, за телегу держусь, а если отпущу, то упаду и усну в канаве. Не мылись по два-три месяца. Как вспомню, – ужас просто».

Поэт Юлия Друнина² точно сказала:

Я только раз видала рукопашный. / Раз – наяву и сотни раз во сне.

Кто говорит, что на войне не страшно, / Тот ничего не знает о войне.

«Она была санитаркой, выносила с поля боя раненых, дважды сама получала ранения, а ушла из жизни добровольно в девяносто первом», – с особой скорбью, задумчиво и неспешно поясняет мой уважаемый собеседник. И вновь предаётся воспоминаниям.

«Врезался в память ещё один случай на фронте. Надо было двести метров перейти с одного места на другое. Стояла весна, и пахота была уже мягкая, а нужно было перебежать это расстояние. У меня – две мины в кармане по семь килограммов каждая. С таким грузом я бежать не мог и шёл шагом. Ноги вязли, утопая в размытом поле. А пули под ногами свистели и трещали, так как разрывными стреляли. Видимо, плохо стреляли, потому что немцы тогда уже набрали слабо подготовленных. Так что не попали, и спас меня Господь Бог».

Михаил Зуйков воевал в Польше, Германии. Всё вынес, преодолел. Имеет орден Отечественной войны II степени, медали «За взятие Кёнигсберга» и «За боевые за-

слуги». О чём в стихотворении «Медали» сказал: «В них моя радость и печали. Моя военная судьба».

Михаил Зуйков.
1945 г.
Фотография из архива М.Д. Зуйкова.

В беседе ветеран немногословно поведал о годичной учёбе в артиллерийской инструментальной разведке, о фронтовых тяготах, что мужественно перенёс вместе с боевыми товарищами. С одним из них, Игорем Михайловичем Григорьевым, что жил в Курске, его связывала многолетняя переписка. С детьми друга Александром и Людмилой ветеран общается по сей день, и даже стихи им посвящает.

О победном дне сорок пятого Михаил Дмитриевич вспоминает: «Шёл я из госпиталя (лежал там с малярией). Нагнал меня командир дивизии, посадил в машину, подвёз и зачислил в комендантскую роту. Так я остался у генерала и после войны охранял его. Семь лет служил в армии и дома не был».

Всё пережитое волнует и будоражит память ветерана, у которого «сердце тоже плачет каждый день навзрыд». С острой сердечной болью он признаётся: «Столько было смертей, столько было! Столько было и ран у меня». Михаил Дмитриевич скорбит о потерях – «уезжают друзья не на час, не на сутки» – и по-доброму, словно общаясь с близким человеком, даёт наставление молодым:

*Майским утром в День Победы / Приходите к обелискам.
И отцам своим, и дедам / Поклонитесь низко-низко...*

“В своём сердце ношу я ишимские чудо-рассветы”

Вся послевоенная жизнь и трудовая биография Михаила Зуйкова связана с Ишимом. Как рассказывает сам поэт:

*Но, окружив меня по свету, / В Ишим дороги привели.
Принёс с собой я вдохновенье – / Для добрых дел, не на глупьбу –
И уцелевшую в сраженьях, / Во всём счастливую судьбу...*

В Ишиме он создал и трепетно оберегал свою семью. Его музой и спутницей жизни была супруга Прасковья Игнатьевна. Работала она учительницей начальных классов.

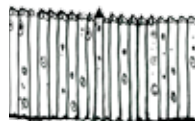
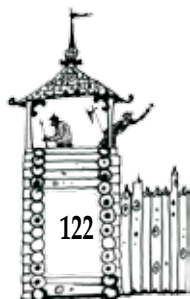
«Талантливый педагог. Скромная, немногословная, но по причёске, по её виду, поступи, настроению было видно, что она любима, – рассказывает о ней почётный гражданин города, отличник народного просвещения РСФСР и СССР Роза Ивановна Загнеева, директор городской школы № 5 в 1974-2006 гг. – А сколько у него стихов о любви! В них образ милой Прасковьи Игнатьевны. Всё связывает он с ней: и пение птиц, и движение по небу облаков... Любовь осмыслиется им как чувство, возвышающее человека, поднимающее его над бытом. Страстный дух живёт в них. Ответной ли была его любовь? Он не говорит, рассказывает только о своей – сильной, всепоглощающей».

Тридцать восемь лет все горести и радости супруги Зуйковы делили поровну. Воспитали сына Вячеслава (от первого брака Прасковьи) и совместных детей – Татьяну и Михаила. Отец живо интересовался и принимал активное участие в воспитании детей. Свидетельство тому – материал в местной газете под названием «Поросль будет доброй»³, где Михаил Дмитриевич рассказывает, как учитель русского языка и литературы Людмила Васильевна Знайко «сумела подобрать ключик, расположить к себе добротой своей и справедливостью» сына Славу (тогда ещё ученика шестого класса) и помогла ему перейти в следующий класс. «Сейчас Славка уже работает, – заключает Михаил Дмитриевич. – Но Людмила Васильевна по-прежнему для него – непререкаемый авторитет». Татьяна, окончив филологический факультет Ишимского педагогического института, работает библиотекарем в Екатеринбургe. А Михаил Зуйков, выпускника Тюменского инженерно-строительного института, звукорежиссёра ТРК «Штурман-Медиа», думаю, представлять излишне. Сын Михаила и Ирины стал в семье «Михаилом Третьим». Подрастают у Михаила Дмитриевича и правнуки.

О своей жене очень нежно сказал поэт. Любимую с колдовскими васильковыми глазами он обожествляет, сравнивая её с весной и цветущей вишней. По-блоковски преклоняясь, признаётся:

Я твоё имя, будто крест целую, / И славлю тихим словом на века.

³ Зуйков М. Поросль будет доброй // Ишимская правда. – 1964. – 29 сентября.

Прасковья Зуйкова. 1949 г. Фотография из архива М.Д. Зуйкова.

«Встретил Прасковью в Ишиме. Она очень красивая была, – вспоминает Михаил Зуйков. – Мы дружно жили. Никакой пышной свадьбы у нас не было. И стихи ей мои, конечно, нравились... Когда она умерла, много я ей стихов посвятил. Говорят, кто читает эти стихи – плачет...».

И, чуть понизив голос, собеседник выразительно и чутко читает строки, пропитанные глубинной тоской и болью, выстраданные длительным одиночеством:

*Увидел я, пораньше встав с постели,
Как надо мною гуси пролетели.
Я крикнул им, обманутый судьбой:
«Возьмите, гуси, и меня с собой.
Теперь, когда с бедой нас повенчали,
Побывать бы там, где не живут печали»...*

В семье Зуйковых всегда существовал культ книги, считавшейся лучшим подарком. Детям старались привить трудолюбие, взаимоуважение. Отдыхая на Черноморском побережье, Михаил Дмитриевич непременно давал о себе знать весточками, а однажды прислал диковинное по тем временам звуковое письмо. Всякий раз непременно высылал посылку с сочными спелыми наливными южными яблочками.

Помимо семьи «в сердце Ишим» навсегда поселился у Михаила Дмитриевича.

Семья Зуйковых. 1985 г. Фотография из архива М.Д. Зуйкова.

Восемь стихов плавно легли на музыку. Без его песен («Есть другие места», «Люблю свой край», «Песня об Ишиме», «Песня о Тюменском крае»), исполняемых хором русской народной песни (которым более двадцати пяти лет руководил Александр Иванович Нелюбов, а в настоящее время возглавляет Олег Алексеевич Куприянов) трудно представить любое торжество городского масштаба. Слушая их, всякий раз задаёшься вопросом:

*Откуда только в песне русской
Такая сила над людьми,
И столько искренности грустной,
И столько буйства и любви?*

Михаил Зуйков – непревзойдённый в Ишиме поэт-песенник. Его стихи с певучим, истинно народным ладом, имеют необыкновенную притягательность. Им, как и народной песне, присущи афористичность, простота. Солисты народного хора говорят, что не испытывают трудности в запоминании слов песен на стихи Михаила Дмитриевича, потому что они сами ложатся на сердце.

Корреспондент «Ишимской правды» Тамара Ермилова в материале «Твоей судьбою трепетно горжусь»⁴, приуроченном к 215-летию Ишима, рассказала о творческом сотрудничестве М.Д.Зуйкова и А.И.Нелюбова: «Этих людей объединяет многое. Оба давно живут в Ишиме. Оба внесли своим трудом достойный вклад в развитие города. Но, пожалуй, самое главное, что уже несколько лет их связывает тесное творческое сотрудничество: на стихи Михаила Дмитриевича, посвящённые родному городу, Александр Иванович пишет музыку. Плодом их совместного труда является песня «Ишимские рассветы», за которую на конкурсе композиторов в группе произведений народного плана А.И.Нелюбову присуждено первое место».

О побудительных творческих мотивах в том же материале поведал каждый из них. М.Д. Зуйков: «Мне было 22 года, когда я приехал в Ишим после службы в армии, – рассказал поэт. – ...К Ишиму я равнодушен. Он стал моей второй родиной, где я был счастлив. Люблю город за уют, зелёный наряд, люблю его окрестности: поля, леса, озёра. Общение с природой всегда доставляло мне радость, давало темы для газетных материалов, стихов. 35 лет я связан с «Ишимской правдой», на страницах которой публиковались мои зарисовки, корреспонденции, стихи...»

Красоту родного города я воспел в стихах... В них моя любовь, преданность малой родине за то, что учила жить, работать, переносить трудности и невзгоды, радоваться счастливым мгновениям жизни. За всё это я плачу городу своей любовью...».

⁴ Ермилова Т. Твоей судьбою трепетно горжусь // Ишимская правда. – 1997. – 16 августа. – С. 3.

М.Д. Зуйков (стоит во 2-м ряду крайний справа) в редакции газеты «Ишимская правда». 1960-е гг. Фотография из архива М.Д. Зуйкова.

А.И. Нелюбов: «...Многие годы я – художественный руководитель народного хора железнодорожного клуба. Играю на баяне. Однажды прочитал на страницах «Ишимской правды» стихи об Ишиме Михаила Дмитриевича Зуйкова. Мне они очень понравились. И я написал музыку. Автору стихов она пришлась по душе. Так родилась первая песня, затем вторая, третья...».

Уместно сказать о цикле пейзажной лирики Михаила Дмитриевича, основанной на острой наблюдательности и бережном отношении к окружающему миру. Сам он рассказывает:

«Очень люблю природу. Все время года люблю. Я грибник и ягодник. Каждую субботу и воскресенье раньше не выходил из леса, прямо там стихи сочинял. Помню, однажды собирал грибы и сразу два сочинил, в памяти их сохранил, а домой вернулся – переписал. Сейчас мои стихи мне по телефону часто читает Людмила Александровна Стафеева и Татьяна Ивановна Уточкина, а я радуюсь, спасибо, что время находят!».

**“Да, я богат, отец, людской любовью,
Её неостывающим теплом...”**

Как важно поэту найти своего читателя. Это, пожалуй, не менее важная задача, чем найти свою интонацию, свой голос. Михаил Зуйков нашёл откровенно-доверительный стиль общения с читателем. Думаю, это не доставило особых усилий

М.Д. Зуйков дарит свой сборник А.И. Нелюбову. ГДК. 3 ноября 2008 г. Фотография Г.А. Краморы.

ишимскому поэту, который в творчестве выполняет наставление поэта XIX века Константина Батюшкова: «Пиши, как живёшь!»

Бытует мнение, «если вы написали хоть несколько строчек – видно, что вы за человек». Только светлый, искренний, доброжелательный и отзывчивый человек, как Михаил Зуйков, может так воспеть человека труда прежде всего за его душевные качества, справедливость, сострадание и действенную помощь ближнему:

**Я всё лучшее брал у таких,
Для меня они были во многом
Как хорошая песня иль стих.**

Разумеется, первые поклонники Михаила Дмитриевича – это прежде всего те, с кем встречался он на профессиональном поприще.

Узнав, что я готовлю этот материал, моментально отреагировала близкая приятельница моей мамы Нелли Никифоровна Дудкина⁵. В подробном письме она поделилась своими воспоминаниями:

«Приходит время, и с неожиданной щемящей грустью начинаешь запоздало понимать, что не одарил своей благодарностью, не отметил теплотой по-настоящему добрых, красивых людей, жизненные дороги которых пересеклись с твоими...»

В 70-80-е годы я работала в идеологическом отделе Ишимского ГК КПСС. А напротив моего был кабинет инструктора организационно-партийной работы М.Д. Зуйкова... В первые дни и даже годы работы я видела поддерживающий, сочувствующий взгляд Михаила Дмитриевича или его подбадривающую улыбку, доброжелательный совет. Позднее заметила, что он ко всем людям, которые приходили к нам, относится дружелюбно, по-отечески... Мне импонировали его грамотная русская речь, образность мышления, скромность, большая работоспособность, знание людей, гуманный подход к ним...

Михаил Дмитриевич – настоящий поэт-самородок, тонко чувствующий музыку стиха, дыхание родной природы, но самое главное – он понимает человеческую душу, и через стих хочет утешить человека, поднять его...

Михаил Дмитриевич Зуйков.
1970-е гг.
Фотография
В.С. Журавлёва.

⁵ Дудкина Н.Н.
– педагог с 45-
летним стажем,
отличник народ-
ного просвещения.
В 1973-1986 гг.
работала в Ишим-
ском ГК КПСС
зав. отделом про-
паганды и агита-
ции, секретарём.
Далее – учителем
истории в школе
№ 8 г. Ишим, заме-
стителем предсе-
дателя и лектором
областной орга-
низации общества
«Знание» (г. Тю-
мень). В настоя-
щее время живёт в
Нижнетавдинском
районе Тюменской
области.

В один из вечеров, перебирая свои любимые книги, я наткнулась на пачку открыток и замерла в изумлении, смятении и радости. Михаил Дмитриевич всегда очень внимателен к друзьям и товарищам по работе, и для каждого всегда находит для поздравления красивые добрые слова.

Я благодарна Михаилу Дмитриевичу за поддержку и тёплое отношение ко мне лично, за любовь к моему родному городу Ишиму, за талант понимать человека и дарить красоту своих стихов. Спасибо, Михаил Дмитриевич!..».

Многие стихи М.Д. Зуйкова впервые пришли к читателю в «Литературной гостиной», постоянной рубрике «Ишимской правды», которую вела Ольга Васильевна Чернышова – заслуженный работник культуры России, главный редактор газеты в 1992-2009 гг., тонкий творец и знаток слова с безукоризненным эстетическим вкусом. На второй сборник стихов Михаила Дмитриевича Ольга Васильевна откликнулась не только вступительной статьёй, но, специально для альманаха, и поэтическим словом:

*Спасибо Вам за добрые стихи, –
От них исходит свет неуловимый.
Ведь не случайно так они любимы,
Хотя порой задумчиво тихи.
На творчество Вас Бог благословил
На вдохновенье и на долголетье.
Пусть звезда Поэзии Вам светит
И дарит много новых щедрых сил.*

«С Михаилом Дмитриевичем я впервые встретила в середине 1960-х годов в стенах редакции газеты «Ишимская правда», – рассказывает Ольга Васильевна. – Не верилось тогда, что за плечами этого подтянутого, с негромким голосом человека годы войны. Запомнился он молодым, с весёлым взглядом и открытой улыбкой. Умеющий подхватить шутку и посмеяться над ней, в вопросах творческих Михаил Дмитриевич был достаточно требователен, и в первую очередь – к себе.

Литературное объединение при редакции, которому в те годы исполнилось сорок лет, выпустило из своих рядов немало известных ныне поэтов, и одним из них стал Михаил Зуйков. Вместе с собратьями по перу он встречался с жителями города и района в трудовых коллективах, с учащимися школ и средних учебных заведений, в составе группы ишимских поэтов и прозаиков выезжал на Петропавловское (Северный Казахстан) и Тюменское телевидение для участия в литературных передачах. Михаила Дмитриевича всегда принимали тепло и доброжелательно, его творчество находило отклик у любой аудитории, но особенно – у людей старшего поколения.

Стихи о войне и однополчанах, лирические зарисовки о родном крае, о городе Ишиме приобретали своих почитателей, постоянно публиковались на страницах «Ишимской правды». В 1997 году вышел в свет первый сборник ишимских поэтов «Книга откровений», одним из авторов которого является и Михаил Зуйков. Уже в то время многие его стихи приобрели второе звучание – они были положены на музыку и стали песнями. А Михаил Дмитриевич оставался верен себе и своему творчеству. Вопреки тому, что работа его была далека от поэзии...

Не каждому из поэтов, особенно провинциальных, выпадает такая счастливая творческая судьба. Михаила Зуйкова хорошо знают в городе и районе, его стихи остаются востребованными на протяжении многих десятилетий, а авторские сборники пользуются читательским спросом...

Несмотря на грустные нотки, стихи его позитивны и светлы, и в этом – главная причина их востребованности и долголетия».

У каждого в сердце – свой Михаил Зуйков. «Интеллигентом с высочайшей душой и внутренним благородством» считает его Татьяна Ивановна Уточкина, которую свели с поэтом годы работы в комитете народного контроля. Ценят Михаила Дмитриевича и постоянно общаются с ним почётные граждане города: Роза Ивановна Загнеева, Людмила Александровна Стафеева, Михаил Степанович Бедных; заслуженный врач РФ Владимир Иванович Казанцев.

М.Д. Зуйков с сыном Михаилом на презентации первого поэтического сборника. ГДК. 3 ноября 2008 г. Фотография Г.А. Крамор.

⁶ Антонов В.Д. в 1968-1973 гг. работал заведующим отделом комсомольских организаций Ишимского ГК ВЛКСМ, в 1973-1977 гг. – инструктором орготдела Ишимского ГК КПСС. Трудовую биографию продолжил в г. Надым. См. подробнее: 90 лет ишимскому комсомолу. – Ишим, 2009. – С. 23.

⁷ См. подробнее: Кутырёва Н. Рассыпайся, голос мой, по свету // Тюменская область сегодня. – 2011. – 30 ноября. – С. 12.

Апофеозом любви и признательности горожан творцу слова стали два его поэтических сборника, увидевшие свет в 2008 и 2011 годах благодаря усилиям неравнодушных людей. Появлению первого сборника способствовал друг и соратник Валерий Дмитриевич Антонов⁶. Вернувшись на малую родину, ветеран Севера осуществил организаторскую работу с привлечением необходимых средств, чтобы объединить и издать стихи Михаила Дмитриевича в виде добротного сборника. Презентация книги состоялась 3 ноября 2008 года в городском Доме культуры.

Выход второго сборника «Рассыпайся, голос мой, по свету» – плод усилий ветерана педагогического труда, отличника народного образования Людмилы Васильевны Знайко. Вот её рассказ:

«В школе № 11 я провела литературную гостиную с учащимися 10 класса, посвящённую творчеству Михаила Дмитриевича. Это послужило первым шагом на пути к заветной цели. Далее, объединив усилия школьников, заинтересованных творчеством поэта, и членов городского Совета ветеранов, написали отношение главе города Ишима Сергею Геннадьевичу Путмину с просьбой выделить денежные средства на издание книги стихов поэта-фронтовика. Получили «добро» и средства от администрации города на издание 300 экземпляров книги. Главным

технолог Ишимской типографии Лариса Михайловна Тиховская и оператор электронной вёрстки Нина Михайловна Рябикова восторженно встретили нашу идею, и началась совместная творческая работа. «Пилотный» сборник вручили Михаилу Дмитриевичу 5 мая 2011 года. Его появлению он, конечно, очень обрадовался... Далее средства из личного фонда выделил Виктор Александрович Рейн. 21 июня дома у Михаила Дмитриевича мы провели малую презентацию сборника, где вручили автору 50 экземпляров книги в дар, высказали ему от чистого сердца массу добрых слов, продекламировали наизусть самые любимые лирические произведения. Затем к поиску спонсоров подключился Валерий Дмитриевич Антонов. Он обратился к директору племзавода «Юбилейный» Николаю Тихоновичу Мамонтову. Дополнительный тираж книги на выделенные им средства разошёлся по сельским школам Ишимского района...».

Настоящим праздником поэтического слова можно назвать презентацию второго сборника, состоявшуюся в ГДК в ноябре 2011 года. Людмила Васильевна была не только главным организатором вечера, но и великолепно справилась с ролью ведущего⁷. В настоящее время неутомимая труженица работает над изданием третьей книги поэта «Половодье любви»⁸.

...Недавно поймала себя на мысли: строки Михаила Дмитриевича настолько образны и живописны, что непроизвольно стала смотреть на окружающий мир его глазами. Разве можно лучше сказать о таинственном белоснежье:

Стоят, словно в сказке,

Деревья, дома:

С горы на салазках

Скатилась зима...

У этого доброго и мудрого человека должно и сто́ит учиться жить «свободно, нараспашку, без обид...».

Выражаю благодарность сыну поэта Михаилу Михайловичу Зуйкову за предоставленные фотографии из семейного архива, а Марии Дмитриевне Карпенко (сестре поэта), Розе Ивановне Зазнеевой, Нелли Никифоровне Дудкиной, Ольге Васильевне Чернышовой и Людмиле Васильевне Знайко – за добрые отзывы о Михаиле Дмитриевиче и чуткое отношение к его творчеству.

⁸ Статья написана в декабре 2011 года. Сборник вышел в свет в 2013 г. (Прим. ред.)

Родословие

Н. К. Загороженная,
Н. К. Метелёва

Род Колыбиных – Лукиянчиковых – Метелёвых в истории Ишима

Судьба каждого человека, каждой семьи связана с судьбой родных села, города, страны, с общественно-политическими событиями, с экономической обстановкой, с культурно-историческими традициями и нравами различных слоёв населения.

Наверное, ни одну семью в XX веке не обошли трагедии Первой мировой и Гражданской войн, времена продналога и продразвёрстки, периоды индустриализации и коллективизации, сопровождающиеся ликвидацией кулачества, тяготы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления народного хозяйства, не осмысленные до конца 90-е годы – годы разрушения советской империи, возвращения к дикому капитализму и строительству рыночной экономики.

Все эти события непосредственным образом вторглись и в историю нашей семьи – историю, далеко не безразличную современному поколению.

Купец Фёдор Вострых

Своё повествование начнём с истории одной фотографии и судьбы тех, кто на ней изображён.

В родительском доме, доме нашего отца, стоял сундучок внушительных размеров. В нём отец хранил бумаги: документы, письма, фотографии. Внимание привлекала одна старинная фотография, на которой запечатлены семеро мужчин. Надпись на обратной стороне гласила:

«Снимались 1908 года февраля 2 дня. На память служащим от доброго хозяина Фёдора Петровича Вострых».

Купец Ф.П.Вострых был личностью в городе известной, владел магазинами и торговыми лавками. Он, как и другие ишимские купцы, активно участвовал в управлении городом, в финансовых операциях. «Купеческие династии оставляли о себе добрую память: церкви, школы, больницы, построенные на их личные средства. Милосердие было в чести» (буклет «Ишим – город купеческий, 215 лет»).

Как отмечает Н.Матвеев в статье «Это было недавно, это было давно», «благодарительностью и милосердием прославились О.А.Еманаков, И.П.Бокарёв, П.Ф.Жёлтышев, Ф.П.Острых (Ф.П.Вострых), Н.И.Селицкий, Ф.И.Баженов и другие.

Купец Фёдор Петрович Вострых со своими служащими.

В центре – Андрей Демьянович Лукиянчиков, справа от него стоит Пётр Гаврилович Метелёв. Ишим.

2 февраля 1908 г.
Фотография
П.И.Жилина.

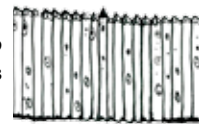
Ишим обязан им и своеобразным архитектурным обликом». «Купцы не прятали деньги в скронах, охотно жертвовали на развитие родного города. Купечество хотело видеть Ишим процветающим и экономически, и культурно» (спецвыпуск «Ишим – 220 лет»).

В статье В.Н.Меньщикова о почётной попечительнице Ишимской женской гимназии Пелагее Игнатьевне Карнауховой мы также встречаем фамилию купца Ф.П.Вострых: «В круг близких знакомых семьи Карнауховых входили исполнявшие должности товарищей дирéктора Общественного банка купцы Ф.П.Вострых и И.А.Бобков» («Коркина слобода», вып. 2. - Ишим, 2000, стр. 62).

В «Ишимской энциклопедии» (Тюмень, 2010, стр. 261) тот же В.Н.Меньщиков в статье «Купечество» говорит, что «многие из купцов занимали в управе важные административные должности. Например, в списке лиц городской и окружной управ по г. Ишиму на 1890 г. упоминаются городской голова купец О.А.Еманаков, директор Городского общественного банка купец 2-й гильдии М.И.Карнаухов, товарищи (заместители) директора купец 2-й гильдии Ф.П.Вострых и купец И.А.Бобков». Далее характеризуется профессиональная направленность видных представителей ишимского купечества: «На продаже мануфактурных изделий специализировались купцы 1 и 2-й гильдии И.П.Бокарёв, Ф.П.Вострых, В.П.Гонохин, Салим Гирей Кулеев, И.Ф.Тюхов». Упоминается и постоянное милосердие ко всем нуждающимся. Например, Ф.П.Вострых за усердие в труде поощрял своих работников, оплачивал им покупки перед праздничными днями, делал подарки. По воспоминаниям одного из старожилов Ишима Ф.П.Грицука, работавшего в магазине Вострых «мальчиком», это происходило так: «Посмотрит, что в старой рубашке ходишь, вызовет к себе и говорит: «Иди, подбери себе костюм»» и т.д. (там же, стр. 262).

Но вернёмся к фотографии. В центре – доверенное лицо купца Андрей Демьянович Лукиянчиков. Он сидит за столиком, в руке карандаш. Рядом слева – сам купец Фёдор Петрович Вострых, уважаемый мужчина лет пятидесяти, с окладистой бородой, сидит, положив ногу на ногу, на указательном пальце правой руки – кольцо, левая рука покоится на книге. Его поза, выражение лица, уверенный взгляд, интеллигентность выдают в нём хозяина. Перепутать его ни с кем невозможно.

Справа от Лукиянчикова стоит высокий импозантный молодой человек. Это наш дед Пётр Гаврилович Метелёв, приказчик. Снимок сделан в день его 20-летия в фотографии П.И.Жилина.

Пелагея Колыбина. Фоторепродукция.

Остальные изображённые на снимке мужчины – приказчики Иван Романович Хохорин, Василий Яковлевич Кручинин, Иван Степанович Сивердин, Егор Романович Хохорин.

Две пары родственников: два родных брата Хохорина и два свояка (свояк – муж сестры жены) – А.Д.Лукиянчиков и П.Г.Метелёв. Они женаты на двух родных сёстрах - Ирине Петровне и Татьяне Петровне Колыбиных (разница в возрасте между сёстрами – 20 лет).

О трёх семьях, трёх фамилиях (Колыбины, Лукиянчиковы и Метелёвы) пойдёт далее повествование.

КОЛЫБИНЫ

Во 2-й половине XIX века в Ишиме проживала семья Петра и Пелагеи Колыбиных. Пётр Колыбин (это наш прадед по линии бабушки – матери нашего отца) был крепким хозяином. Он занимался торговлей скобяными изделиями, развозил по деревням. Видимо, дело было доходным, так как оставил семье хорошо организованное хозяйство: два добротных дома (один из них двухэтажный) с дворовыми постройками, с запасами продуктов и живностью. Были лошади, коровы, козы, куры и прочее. Работали наёмные

люди, ведущие всё хозяйство в отсутствие хозяина. У них с прабабушкой Пелагеей (по другим воспоминаниям, её имя Прасковья; годы жизни 1846-1909) было 6 детей: Ирина, Павел, Иван, Феодосия, Пётр и Татьяна. Прадед умер в 1892 году в возрасте 42 лет. В этом же году родилась младшая дочь Татьяна, наша бабушка. Даже облик отца ей остался неизвестен: он считал, что фотографироваться – грех.

Незадолго до своей кончины П.Колыбин привёз из села Травное (близ Ишима) статного, курчавого, голубоглазого блондина Андрея Демьяновича Лукиянчикова, который был определён работником. Вскоре он проявил себя деловым, организованным, всё умеющим и был назначен управляющим всем хозяйством. Через год после смерти своего благодетеля он женился на старшей дочери хозяйки Ирине, которой исполнилось 20 лет, и стал полновластным хозяином.

Трое сыновей Колыбиных были достаточно взрослыми и скоро уехали из родного города.

Старший сын Павел Петрович с семьёй жил вдали от Ишима, кажется, в Кизеле (нынешней Пермской области). Вскоре после отъезда умер, оставив сына Леонида и дочь (с Леонидом, двоюродным братом, наш отец поддерживал добрые отношения; он приезжал к нам, сохранились фотографии).

Средний сын Иван Петрович имел военное образование, служил офицером царской армии, входил в окружение министра Временного правительства А.Ф.Керенского. Погиб в Гражданскую войну в 1918 году в госпитале от тифа. Детей у него не было.

Младший сын Пётр Петрович, по словам его племянницы З.П.Метелёвой, окончил Томский университет, вернулся в Ишим и стал заметной фигурой, поскольку служил председателем Ишимской уездной земской управы (и до, и после революции). О нём мы встречаем упоминание в статье В.А.Шудякова («Коркина слобода», вып. 4), в статье И.В.Курышева и в приводимых им документах – текстах телеграмм адмирала А.В. Колчака председателю земской управы П.П.Колыбину и ответной («Коркина слобода», вып. 2), выписках из протоколов совещаний, проходивших в городской управе в 1918-1919 гг., со ссылками на газету «Ишимская жизнь» того периода.

Приведём некоторые выдержки из этих источников, порой с небольшими комментариями.

Полярный исследователь, адмирал флота Александр Васильевич Колчак был наделён титулом Верховный правитель России в ноябре 1918 года. «Он не боролся

Дети Петра Гавриловича Метелёва. Слева направо: Пётр, Павел, Иван. Ишим. 1909 г. Фотография П.И.Жилина.

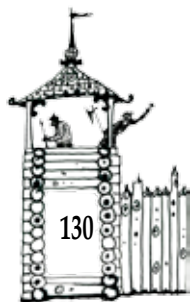

*Иван Петрович
Колыбин. Ишим.
1900-е гг. Фотогра-
фия П.И.Жилина.*

*Пётр Петрович
Колыбин – сту-
дент Омской
учительской се-
минарии. Омск.
8 сентября 1905 г.
Фотография
А.Т.Степановой.*

за власть. Политические распри в правительстве привели к решению отдать всю полноту власти военному человеку. И лучшей кандидатуры, чем Колчак, было не сыскать» (статья А.И.Бучинского в альманахе «Коркина слобода», вып. 1, стр. 51).

Главной целью А.В.Колчак ставил создание боеспособной армии, победу над большевизмом, установление законности и правопорядка. И в это время создаётся 16-й Ишимский Сибирский стрелковый полк. Он входил в состав 4-й Сибирской стрелковой дивизии. Для его размещения требовалось 7 эшелонов по 42 вагона (294 вагона). Это один из наиболее активных полков под руководством Н.Н.Казагранди.

На имя председателя земского собрания П.П.Колыбина получена телеграмма:

«Благодарю Ишимское земское собрание за приветствие и за готовность всемерно способствовать мне и правительству в нашей тяжёлой государственной работе по воссозданию единой, свободной и по воле самого народа устроенной России. Адмирал Колчак» («Ишимская жизнь», 1919, 12 февраля; см.: «Коркина слобода», вып. 2, стр. 101).

На совещании о формировании добровольческих отрядов, которое прошло 27 июля 1919 г. в городской управе, председатель уездной земской управы П.П.Колыбин предложил резолюцию: «Объединённое собрание представителей общественных организаций г. Ишима горячо приветствует организацию городского добровольческого отряда, просит... все организации о присоединении к инициативной группе».

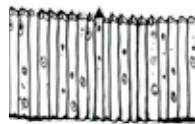
Советская власть, установившаяся в Ишиме в конце февраля 1918 года, продержалась чуть более трёх месяцев. За неделю до её падения чекистами был раскрыт контрреволюционный заговор. В.А.Шуддяков пишет: «Ишимская подпольная организация Колыбина (около 30 человек), узнав о событиях в Петропавловске и предполагая наступление отсюда повстанцев, решила взорвать мост через р. Карасуль, чтобы отрезать коммунистам путь отхода из города по железной дороге» («Коркина слобода», вып. 4, стр. 35).

(Удивительно, что при таких обстоятельствах П.П.Колыбин смог выжить при повторном установлении советской власти (4 ноября 1919 года). 30 марта 1920 года он был арестован как один из главных фигурантов по делу о подпольной организации в целях свержения советской власти. В следственном деле № 3315 из архива УФСБ по Тюменской области сохранились анкетные сведения из обвинительного заключения от 3 апреля 1921 года: «Колыбин Пётр Петрович, 33 года, образование – учительская семинария, меньшевик с 1904 г., холост. Обвиняется: в начале мая 1918 г. как член Совета подрывал его деятельность, за что осуждён Ишимским ревтрибуналом от 27 мая, участвовал в подпольной организации по свержению советской власти в июне 1918 года, приветствовал Сибирское временное правительство,

после – уполномоченный уездом, затем управляющий уездом, член военно-оперативного штаба, давал распоряжения об аресте большевиков чехословаками, участвовал в формировании Сивковского и Григорьевского карательных отрядов. Виновным себя не признаёт» (л. 6). Был ли дан ход делу, по которому привлекалось 95 человек, архивные документы не сообщают. – Прим. ред.).

Пётр Петрович жил в Ишиме с перерывами до начала тридцатых годов в доме на ул. Большая Садовая, 31 (ныне это участок по адресу: ул. Малая Садовая, 53. – Прим. ред.). В его доме с апреля 1927 г. по январь 1928 г. снимал комнату художник-иконописец граф Владимир Алексеевич Комаровский, сосланный в 1925 году в Ишим по обвинению в антисоветской деятельности и принадлежности к монархической группировке «бывшей аристократии» сроком на 3 года.

Про дом Колыбиных В.А.Комаровский писал жене 19 апреля 1927 г.: «Новая комната... гораздо уютнее и веселее. Она на втором этаже, три окна на улицу, на юг, и два – на восток, во двор. Ставни нет, чему я очень рад, с раннего утра у меня солнце, из окон на улицу широкий вид на город, слева совсем близко видна Троицкая церковь, правее – каланча, посередине – весь базар, а вдали прямо крыши и на высоте старый собор...». Далее – описание мебели, план комнаты и дома. Квартира ещё неоднократно упоминается в письмах («Коркина слобода», вып. 3, стр. 81-83, 91).

Татьяна Петровна Колюбина – воспитанница монастыря. 1898-1905 гг. Фоторепродукция с группового снимка.

Пётр Петрович был женат на немке Марии Карловне, разведён. Достаточно большой отрезок жизни жил в Новониколаевске (с 1925 г. – Новосибирск), часто приезжал в Ишим со множеством подарков родным. Своих детей у него не было, но он очень любил племянников. Последнее свидание родных с ним было на вокзале летом 1941 года перед самой войной. Помним куклу-негритяночку, которую он подарил нашей старшей сестре; она ею очень дорожила. В письмах бабушки, отца и его сестёр 1941-1943 гг. частой была фраза: «От дяди Пети ничего нет, никакой весточки. Где он, что с ним?»

Дочь Петра и Пелагеи Феодосия Петровна проживала в г. Пенза, в монастыре. В один из приездов в Ишим она забрала и увезла в монастырь семилетнюю младшую сестру Татьяну (нашу бабушку), которая прожила там 7 лет. У бабушки сохранились самые добрые воспоминания о той жизни. Всеми, что она умела в жизни, она научилась в монастыре. Там же у неё обнаружили большие способности к рисованию. Когда ей исполнилось 14 лет, по зову матери она возвратилась в Ишим. Вскоре мать умерла, и Татьяна всецело попала под надзор старшей сестры Ирины (Колюбиной-Лукиянчиковой), быстро превратившись в няню её младших детей. В это время муж Ирины, Андрей Лукиянчиков, служил доверенным лицом у купца Ф.П.Вострых. Он и просватал 17-летнюю Татьяну за Петра Метелёва.

ЛУКИЯНЧИКОВЫ

Свадьба Андрея Демьяновича и Ирины (Орины) Петровны состоялась вскоре после смерти прадеда Петра Колюбина (старшего). Вопрос о наследстве никогда не стоял, так как сыновья вскоре стали жить самостоятельной жизнью и уехали из Ишима. Вернулся после окончания университета только Пётр. Феодосия и Татьяна были ещё маленькими.

Леонид Павлович Колюбин, сын Павла Петровича Колюбина. 1930-е гг. Фотография.

Андрей был хорошим хозяином, работающим, предприимчивым, организованным. Он не только продолжил дело Колюбина, но и стал доверенным лицом у Фёдора Петровича Вострых – купец передоверил ему все дела по организации торговли. Но в семейной жизни Лукиянчиковых никогда не было согласия. У Андрея обнаружился характер властный, ему полюбили жизнь на широкую ногу. Он был богат, молод, красив, любил хорошо одеваться и из простого деревенского парня превратился, как вспоминает наша тётушка, чуть ли не в первого щёголя в городе.

Обязанности жены сводились к тому, чтобы ухаживать за мужем, угадывать все его требования и желания. Она не имела права спросить, где и с кем был, чем занимался. И ещё в обязанности входило через полтора-два года рожать детей, забота о которых полностью ложилась на Ирину. Она очень устала от семейной жизни и непонимания.

У Лукиянчиковых было 8 детей: Григорий, Георгий, Екатерина, Николай, Полина, Вениамин, Валентина и Антон. Судьба почти всех была трагичной. Первыми практически одновременно скончались ещё молодыми Георгий и Екатерина. Они работали учителями в сельских школах, умерли: один – от голода, другая – от туберкулёза. Хоронили их из родного дома. Следующей потерей была смерть дочери Полины при родах. Ей было 19 лет. Рожала дома с акушеркой. Родился один ребёнок, акушерка успокоилась и даже начала вязать чулок, а муки бедной роженицы продолжались, так как была двойня, о чём акушерка не имела понятия. При вторых родах Полина скончалась от большой потери крови. Младенцы вскоре последовали за матерью, не дожив до года.

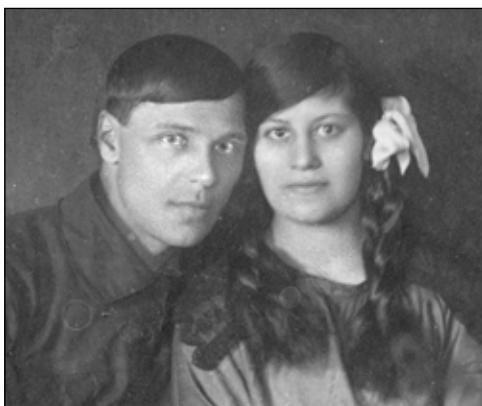
Затем смерть Николая. Закончив Омскую сельхозакадемию, он вместе с женой и трёхлетней дочерью Лялечкой переехал на постоянное место жительства в Тобольск. Были счастливы, жили дружно, работали. Каким-то образом связаны с Шароновым, Углановым, от политики далеки, хотя Николай во время процессов 30-х годов был представлен махровым контрреволюционером (см. статью Н.Л.Проскураковой о Д.В.Шаронове в альманахе «Коркина слобода», вып. 6). «В июне 1936 года Шаронов встретился с Николаем Лукиянчиковым, который приехал к брату в Ишим из Тобольска. Во время неторопливой беседы с удочкой в руках на берегу реки под деревней Симановой Даниил Васильевич узнал, что Угланов переведён из Москвы в Тобольск, где вскоре станет секретарём крайкома партии» (стр. 33). «Активный и «наинадёжнейший», как называл его Ленин, участник Февраль-

Дети Андрея Демьяновича Лукиянчикова. Слева направо: Екатерина, Георгий (Егор), Григорий. Ишим. 1 января 1916 г. Фотография И.Г.Фёдорова.

мученный непрерывными допросами и очными ставками, он признал себя полностью виновным в том, что «потерял политическую бдительность путём допуска к себе махрового контрреволюционера Лукиянчикова, от которого получил информацию о жизни Угланова в Тобольске» (стр. 34). Николая вызвали в «органы». Внезапно скорострительно умерла Лялочка. Оба родителя в безутешном горе, не отлучаются от могилы незабвенной дочери. Смысл жизни потерян. Не сумев пережить семейную трагедию и бесконечный прессинг власти, Николай начал пить. Здоровье распатано. Он умер, а возможно, был расстрелян. Жена осталась одна, безвыездно жила в Тобольске около дорогих могил и за несколько лет превратилась в старуху.

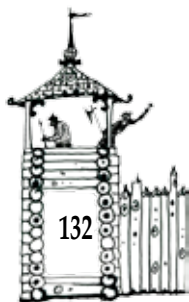
Полина Андреевна Лукиянчикова, в замужестве Трушников, с супругом. 1930-е гг. Фотография.

В 1937 году старший сын Григорий арестован как враг народа, приговорён к расстрелу. Он окончил сельхозакадемию в Омске, был увлечён животноводством, работал и от политики был так же, как и брат, далёк. Ему приписали участие в заговоре по взрыву железнодорожного моста через реку Ишим. Приговор был приведён в исполнение. Перед смертью Григория его матери Ирине Петровне, жене Любви Николаевне с двумя малолетними дочками разрешили проститься – свидание произошло в тюрьме. Все знали, что видятся в последний раз.

(В следственном деле № 3315 из архива УФСБ по Тюменской области сохранились анкетные сведения из обвинительного заключения от 3 апреля 1921 года: «Лукиянчиков Григорий Матвеевич (так в тексте. – Ред.), 26 лет, окончил Омское с/х училище, из крестьян? (так в тексте. – Ред.), быв. прапорщик, домовладелец. [нет, жена и сестра здесь] (пометка синим карандашом сделана в 1930-х гг. – Ред.). Участвовал в подпольной организации по свержению советской власти в июне 1918 года и выполнял задание по взрыву ж.д. моста. Местонахождение не известно» (л. 16 об). – Прим. ред.).

Сам Андрей Демьянович Лукиянчиков скончался в начале 1930-х годов. Он не смог приспособиться к новой жизни, хозяйство было реквизировано советской властью. Последние годы жизни пил запоем. По смерти его Ирина перекрестилась широким крестом, провозгласив: «Слава Тебе, Господи, освободил!». С годами она распродала всё, что ей осталось от отца и мужа. Вместе с дочерью-калекой Валентиной проживала на улице Береговая в полуподвале в комнате с одним окном, из которого был виден противоположный берег реки Ишим.

В августе 1944 года Валентину похоронили в общей могиле на ишимском кладбище (у них не было средств на похороны), а через три недели, в сентябре, от истощения и туберкулеза умерла Ирина – мать большого семейства. Два младших сына, Вениамин и Антон, в это время были на фронте. Вернулись живыми. Вениамин вместе с женой Стефанией жили после войны в деревне Симанова недалеко от Ишима. У них двое сыновей: Лев и Георгий. По воспоминаниям Г.П.Кузурманова, Лев Вениаминович был моряком-рыболовом в Атлантике, Белом и Баренцевом морях. В конце сороковых женился. В 1951 году у Лёвушки родилась дочь Татьяна – она умерла недавно, в сентябре 2010 года, от сердечного приступа. Её дочь Ольга, внучка Лёвушки, живет и работает на Севере, в Ямало-Ненецком округе. У неё двое детей

**Вениамин Андреевич
Лукианчиков.** 2-я пол.
1940-х – нач. 1950-х гг.
Фотография.

**Жена В.А. Лукианчикова Стефания (Сте-
панида) и их сын Георгий.** 23 августа 1948 г.
Фотография.

**Антон Андреевич Лукианчиков с женой
Аллоей.** Ленинград. 1950-1960-е гг. Фото-
графия.

**Лев Вениамино-
вич Лукианчиков.**
Фотография.

(сын и дочь). Дочь Юля учится в ИГПИ им. П.П.Ершова на педагогическом факульте-
те. Лев умер, кажется, в конце пятидесятых, а Георгий – лет пять тому назад. Он
работал в Ленинграде таксистом, сам жил в пригороде – Лахте, куда переехали его
родители – Вениамин со Стефанией. Вениамин умер от последствий фронтовых
ранений. Стефания ушла вслед за ним.

Младший сын Лукианчиковых, Антон, внешне – копия отца. Любимый сын ма-
тери. Перед самой войной, после окончания школы, он работал в бюро техниче-
ской инвентаризации чертёжником. Однажды в большой тревоге и под секретом
он сообщил двоюродному брату Косте (нашему отцу), что его вызывали в «орга-
ны» и интересовались, какие у него были отношения со старшим братом Григори-
ем, расстрелянным в 1937 году, и что ему брат говорил в беседах. Костя ему сказал:
«Немедленно уезжай из Ишима куда угодно, подальше». Так Антон оказался уже
после советско-финляндской войны в г. Териоки на Карельском перешейке (вновь
завоёванное место). Теперь это город Зеленогорск. В последние годы перед пенси-
ей работал в горисполкоме, а жена его Алла была главврачом зеленогорского ку-
рортного комплекса. До конца жизни Вениамин, Антон и Георгий поддерживали
с нашим отцом самые лучшие, сердечные отношения. Мы тоже их знали и очень
симпатизировали им.

Теперь из огромной семьи Лукианчикова остались только правнучка Вениамина
и её двое детей.

Метелёвы

Прадед по отцовской линии Гаврила Иванович Метелёв (1848-1927) и его жена
Татьяна Павловна (1843-1932) были крестьянами Ишимского уезда Жиликовской во-
лости: прадед родом из дер. Мезенка, а прабабушка, урожденная Белоногова, – из
с. Безруково (ныне Ершово).

У Гаврилы Ивановича имелись две старших сестры, обе замужем за купцами.
Муж старшей был богат, имел несколько магазинов по деревням. Младшая сестра
Анна жила в Ишиме. Муж её имел магазин и несколько домов (в одном из домов –
на ул. Широкая, ныне им. Ражева, кажется, помещался позже Дом крестьянина; он
снесён при строительстве городской школы № 8).

Старшая сестра прадеда выделила капитал на покупку земли в Ишиме и по-
строила два дома для своего младшего брата (на территории современного воен-
ного городка), так как считала, что родителям надо жить при сыне. Таким образом
семья Метелёвых превратилась в горожан, против чего возражала Татьяна Павлов-
на, но её никто не слушал. Она потом всю жизнь тосковала о деревенской жизни.
Старшая сестра женила Гаврилу, когда ему было 18 лет. Он катался на коньках, за-
мёрз и отогревался на печке. Вдруг приезжает сестра с высватанной невестой и её
родными. Быстро его принарядили и представили невесту. Он спросил: «А лет-то
ей сколько?» Ответили: «Двадцать три». - «Так ведь старуха!». - «Сам ты старик»...
Их женили. По имени они друг друга никогда не называли. Всю жизнь эту историю
прадед любил рассказывать, самодовольно смеясь.

Гаврила Иванович, по семейным преданиям, исполнял должность казначея в Ни-
кольской церкви. (В делах Ишимского госархива хранится документ, датированный

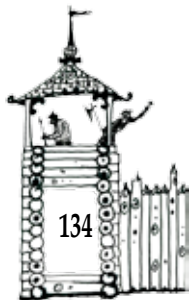

Гавриил Иванович и Татьяна Павловна Метелёвы и их внуки (слева направо): Зоя, Нина, Костя, Анатолий. Ишим, 1916-1917 гг. Фотография И.Г.Фёдорова.

Дом, в котором жили пять поколений семьи Метелёвых, начиная с Гавриила Ивановича. Ишим, ул. Малая Садовая, 117. Снесён в 2010 г. Сентябрь 2004 г. Фотография Г.А.Крамора.

августом 1924 года – извещение приходского совета Троицкой церкви Ишима, под которым среди прочих членов совета значится и Гавриил Метелёв, за которого по его неграмотности поставил подпись другой человек. Именно в Троицком приходе находился дом Метелёвых в 1920-х годах (современный адрес: ул. Малая Садовая, 117). Судя же по купчей 1910 года, в то время Г.И.Метелёв жил в квартале № 43 – это участок, ограниченный современными улицами Малая Садовая – им. Пономарёва – Большая Садовая – им. Чайковского; живя там, он действительно был прихожанином Никольской церкви. – Прим. ред.)

Старшая сестра Гаврилы Ивановича умерла внезапно: приехала к брату погостить (имела специальный выезд – кошева, застланная коврами, кучер, сама в дорожной шубе, в мехах), сразу пожаловалась на головную боль, а к вечеру умерла.

Младшая из сестёр, Анна, пережила Гаврилу – была на его похоронах в 1927 году. Прадед не был лентяем, но никогда к наживе не стремился. Он любил внезапно исчезать из дома. Уходил к родным в гости, не сказав об этом даже жене. После нескольких дней его отсутствия Татьяна Павловна восклицала: «А старик-то опять в походе!». Никогда о нём не волновалась, знала, что придёт.

Его появление для всех родных, прежде всего его внуков, было незабываемым праздником. Тётушке нашей из Риги он вспоминается черноволосям, голубоглазым, с белозубой улыбкой, подвижным, жизнерадостным, ничем не озабоченным, так как всё для жизни ему было предоставлено. Таким он остался в памяти внуков. Но в семейной жизни были и беды, и трагедии.

Детей у прадеда было 13. Все рождались летом. А это означало неизбежные выезды в поле, на сенокос, жизнь в палатке. Чуть ребёнка охватит ветерок – простуда, и он умирает. Так похоронили 12 детей. И лишь тринадцатый, Петя (наш дед), выжил. Родился он, если судить по надписи на фотографии с купцом Ф.П.Вострых, 2 февраля 1888 года.

(В «Статистическом описании Ишимского округа Тобольской губернии» Н.М.Черняковский и В.И.Штейнгейль пишут об очень высокой смертности в младенческом возрасте, особенно в летний период: «Число умирающих младенцев по первому и второму году составляет, наверно, половину числа всех умерших, как это замечается и в других местах». – «Коркина слобода», вып. 3, стр. 135-136).

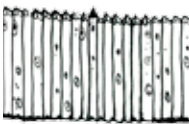
По настоянию старшей сестры Гаврилы Ивановича сын Пётр в 16 лет был определён в ученики к купцу Ф.П.Вострых, где сначала был учеником приказчика, а потом приказчиком в мануфактурном отделе магазина.

У купца Вострых в те годы служил доверенным лицом Андрей Демьянович Лукьянчиков, который сыграл большую роль в судьбе Петра – женил его на своей свояченице Татьяне Колыбиной (1891-1997). Поженились Пётр Гаврилович и Татьяна Петровна в 1909 году в Ишиме. Деду было около 22 лет, бабушке – 17 с половиной.

В 1910 году у них родился сын Константин (наш отец) – огромная радость для всех и особенно для Гаврилы Ивановича. Косте было 17 лет, когда умер его дед, с которым он был очень дружен, а в 1932 году похоронили Татьяну Павловну. Папа очень интересовался, кем были родители деда и бабушки. Ответ был один: «Люди...». Почему-то Гаврила Иванович никогда не говорил о родителях. Может быть, это были переселенцы из Европы, жаждущие лучшей жизни, может быть, ссыльные, но мы вряд об этом не узнаем.

В семье Петра Гавриловича и Татьяны Петровны было, как и у Лукьянчиковых, восемь детей: Константин, Нина, Анатолий (умер в младенчестве), Зоя, ещё Анатолий (умер в 4 года, не болея), Пётр, Галина, Тамара.

Пётр Гаврилович до войны 1914 года работал в магазине у купца Вострых, потом в течение почти восьми лет находился на военной службе сначала в царской, затем в Красной армии, а с 1922 года работал в кооперативных организациях Ишима. В

Татьяна Петровна Колюбина, в замужестве Метелёва. 1910-е гг. Фоторепродукция.

1945 году он умер. Знавшие деда характеризовали его как человека безукоризненной честности и порядочности. Он был интеллигентом в душе и по поведению.

Бабушка Таня была домохозяйкой. При восьми детях работы хватало. Она была вечной труженицей. Частые роды, кормление, уборка всего дома, кухонные заботы, работа на огороде (более 25 соток). Самым изнурительным занятием была стирка белья вручную по средам и четвергам еженедельно. Бельё простирается, парится в русской печке в больших чугунах, снова простирается, полощется – летом в реке, зимой – в ледяной проруби, отжимается там же руками. Гаврила Иванович возил невестку на речку на лошади. Приезжала она всегда с красными руками. В конце жизни они у неё очень болели. Бабушка говорила, что физический труд не мешает долголетию. Умерла она в 85 лет в Ишиме. В последние годы любила путешествовать. Побывала в Петербурге у друзей детства и юности Тутуловых, в Киеве во всех церквях и в Киево-Печерской лавре. В

Ригу ездила почти ежегодно. Бывала в Москве. Участвовала в церковных службах в качестве чтеца.

Немного о судьбе детей Петра Гавриловича и Татьяны Петровны.

Два Толика умерли в раннем возрасте. Четверо детей (два сына и две дочери) были на фронте, двое погибли.

Петя был призван в армию в 1938 году Омским горвоенкоматом, служил в истребительном батальоне 154 полка НКВД, во время войны в г. Энсо КФССР был ранен, находился в госпитале на излечении. С начала 1942 года связь прервалась. Конечно, погиб. Был награждён орденом Красной звезды (Указ Президиума ВС СССР опубликован в газете «Известия» за 27 августа 1941 г.).

Вот строки одного из последних его писем: «Меня часто тревожит мысль, что дома особенно мама беспокоится за мою жизнь... Ещё раз хочется вам сказать, что если потребуется или придётся умереть в бою, умру за большое дело, как нужно, смею уверить – мужественно. Если вам придется получить такое известие, то встретьте его так же... Будьте здоровы, добры, уверены в нашей победе. Целую всех вас. Шлю фронтовой привет».

Погиб он в 22 года.

Сестра Галина Петровна была санинструктором. Готовила в Синицынском бору санитаров для 229-й стрелковой дивизии, ушла с ними на фронт, разделила печальную судьбу дивизии, попав в плен, бежала оттуда с подругой, снова встала в строй и погибла в боях под Сталинградом в 21 год. Её имя занесено в книгу «Память» и высечено на стеле на Соборной площади.

Другой сестре, военврачу Нине Петровне, и нашему отцу Константину Петровичу повезло. Они вернулись живыми. Во время войны отец служил в экспедиции подводных работ особого назначения Балтийского флота в Московском подводно-техническом отряде Днепровской флотилии в составе аварийно-спасательных отрядов. Был на фронтах в нашей стране и за границей, в Восточной Пруссии: Кёнигсберге, Тильзите, Пиллау. Демобилизовался в июле 1946 года.

Его трудовая биография весьма разнообразна. Начиная работать в частной пекарне Баташева, затем в дорожно-обследовательской партии на тракте Ишим-Тобольск, рабочим в шахтах треста «Уралуголь», на строительстве военного городка в Ишиме (табельщиком, десятником, нормировщиком) и т.д.

Мечтал посвятить свою жизнь морю, служил на Балтийском и Тихоокеанском флотах. Поступить в мореходное училище не удалось, так как украли документы, когда он приехал в Архангельск. Нереализованные мечты отца осуществил сын, тоже Костя. Он окончил Севастопольское высшее военно-морское инженерное училище. Капитан I ранга, инженер, ходил на современных атомных субмаринах, отвечал за живучесть подводных лодок, затем после 20 лет службы на Севере вернулся в Севастополь и работал в том вузе, в котором учился.

А папа окончил филологический факультет Омского государственного педагогического института в 1941 году, работал два месяца в школе и несколько месяцев директором эвакуированного из Ленинграда детского дома в селе Старорямово Бердюжского района, потом – действующая армия. После войны работал начальником бюро технического учета, в числе «тридцатитысячников» по партийной ли-

Пётр Гаврилович Метелёв. Ишим. 2 февраля 1908 г. Фрагмент группового снимка. Фотография П.И.Жилина.

Дети Петра Гавриловича и Татьяны Петровны Метелёвых.
Верхний ряд (слева направо): Тамара, Пётр, Галина; нижний ряд: Нина, Константин со старшей дочерью Надей, Зоя. Ишим. 1939-1940 гг. Фотография.

сказчиком. Занимался краеведческой работой. О нём и о его воспоминаниях очень тепло на страницах местной газеты говорили председатели советов ветеранов при райкоме и горкоме ВЛКСМ Мария Васильевна Ханжина и Мария Александровна Бровка («Ишимская правда», № 89 (9090) от 1 июля 1968 г.).

Отцу принадлежат первые статьи о Герое Советского Союза генерале ВВС Иване Ивановиче Копеце, с которым он был хорошо знаком и интересовался его судьбой («Рыцарь пятого океана» // «Ишимская правда», № 75 (9076) от 9 мая 1968 г.), о Захаре Никитиче Андрейчуке – организаторе спорта в Ишиме в 20-х годах XX века («Отец ишимского спорта» // «Ишимская правда», № 104 (9105) от 28 июня 1968 г.), об одном из участников «челюскинской эпопеи» Константине Фёдоровиче Кожине («Человек из «Ледовой Одиссеи» // «Ишимская правда», 1968 г.).

нии в 1950-е годы был направлен на укрепление колхоза им. А.Матросова Ишимского района в качестве председателя. В последние годы перед пенсией осваивал нефтяную Сибирь в Стрежевом Томской области. Был дважды женат. Первая жена – Зинаида Фёдоровна Кожина, из семьи «челюскинцев», вторая – Александра Ильинична Канахина (Метелёва), наша мама, учитель русского языка и литературы (о её матери Марии Гавриловне Канахиной см. публикацию в альманахе «Коркина слобода», вып. 8, с. 108-113. – Прим. ред.). Прожили вместе сорок лет, были счастливы.

У отца была прекрасная библиотека, он очень много читал и был замечательным рас-

Фотографии из семейного архива Метелёвых.

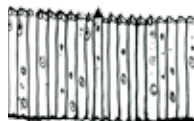
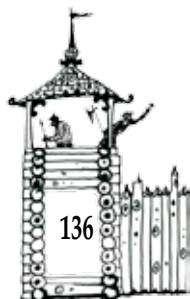
Семья К.П. и А.И. Метелёвых.
Нижний ряд (слева направо): Александра Ильинична Метелёва (ур. Канахина), Константин Петрович, Гоша Алькаев (внук, сын Натальи К.), Татьяна Петровна Метелёва (ур. Колыбина), Зоя Петровна Метелёва (сестра К.П.); верхний ряд: Николай Алькаев с женой Натальей (дочь К.П.), Константин (сын К.П.), Нонна (дочь К.П.) с мужем Анатолием Задорожным, Нина Константиновна Метелёва (дочь К.П.). Снимок сделан во дворе дома № 119 на ул. Малая Садовая. 1973 г. Фотография.

В нашей родительской семье пятеро детей (инженер-экономист, врач, два педагога и военный инженер-капитан I ранга).

Сёстры отца трудились в послевоенное время в различных организациях. Нина Петровна после фронта работала врачом-лаборантом в Ишимском депо. Зоя Петровна – инженер планового отдела в одном из учреждений Риги. Тамара Петровна работала на радиоламповом заводе в Уфе.

Из этого поколения последней осталась тётюшка Зоя. Она жила в Риге и скончалась в 2012 году в возрасте 97 лет. Всего же из перечисленных родов Колыбиных, Лукиянчиковых и Метелёвых в настоящее время живы – работают, учатся, делают первые шаги – более пятидесяти человек. Здесь представители самых разных профессий и специальностей – педагоги, врачи, преподаватели вузов, менеджеры, инженеры, банковские работники-финансисты, капитан речных судов, есть профессиональный художник Галина Метелёва-Дудченко, которая участвовала более чем в двадцати выставках в Риге и Москве, две из которых были персональными, и т.д.

Словом, нашим прародителям не было бы стыдно за потомков, живущих в XXI веке.

Во имя жизни Родины дышать...

Семья Залевских

В летописи родословной семьи Залевских ещё много белых пятен, большие, чем изученных фактов. Но на родовом древе в несколько колен уже светится каждый – его опыт принят как воспитательный пример для других. Знакомство с несколькими представителями рода показывает наличие у Залевских внутреннего стержня, который не просто передаётся, а крепнет из поколения в поколение.

Присягал на верность полю

Предполагается, что Залевские в числе других свободных крестьян Гулятьевской волости Невельского уезда Витебской губернии в середине XIX столетия пришли в приишимское село Локти. Локтинские мужики самоходов не приняли. Тогда пришедшие отправили в Питер ходоков испросить разрешения поселиться в другом месте, и в 1866 году заложили в нескольких километрах от неприветливого села деревню Новолокти. Согласно переписи 1903 года, в ней проживали 13 фамилий, в том числе Залевские.

– И сейчас дальние родственники живут в этом селе, – замечает Вячеслав Валерьевич Залевский. – Наша же линия связана с Ишимом. Братья Василий и Степан Залевские жили на улице Карякина (Большой Кузнечной) во флигеле двухэтажного дома.

Туда же Степан Афанасьевич привёл и молодую жену Ефросинью Ильиничну, в девичестве – Марикову, родом из с. Пеганово Бердюжского района. Прадед и прабабушка (по отношению к Вячеславу) имели пятерых детей: Сергея, Константина, Устинью, Михаила и Александра. Радостей семья видела мало, жили бедно. Растила Ефросинья Ильинична детей в основном одна. Степан Афанасьевич нрава был свободолюбивого, имел связи с цыганами, кочевал с ними, за какие-то махинации даже в тюрьме саживал. Последний раз домой заглянул в 1930 году и сгинул навсегда в поисках только ему ведомого счастья. К сожалению, некоторые зигзаги судьбы отца повторили два сына: Константин (последнее письмо от него родные получили с Колымы) и Александр (был сослан на Север за тунеядство, умер в с. Берёзово). Семерых детей Александра – Любовь, Владимира, Веру, Михаила, Надежду, Сергея, Василия – его жена Татьяна тоже поднимала одна. Она работала в детском доме и спасла своих детей от голода тем, что на кухне ей отдавали остатки еды. Четверых детей вырастил Сергей, его благонадёжность сегодняшние Залевские характеризуют словами – трудолюбивый был, не верхогляд.

А вот судьба Михаила Степановича как раз и послужила первоисточником интереса к биографиям предков, к истории в целом. Внутри у каждого из нас часто звучат вопросы: «А кто я? Откуда мои корни?». У Залевских на этот вопрос ищут ответы все, но тон задаёт Вячеслав Валерьевич.

Дата рождения М. С. Залевского – 19 октября 1917 года. Его, ровесника революции, век двадцатый испытывал в горниле войны и на трудовой вахте хлебобоба. Михаил всё выдержал с честью, и сегодня пять сыновей и многочисленные внуки и правнуки признаются: «Мы гордимся им!».

Желая облегчить долю матери, в 15 лет Михаил пошёл работать в мастерскую жестянщиков артели «Кузнецы», затем в колхоз им. Ильича (с. Жилияковка) – прицепщиком, через год – трактористом. В 1938 году Михаила призвали в армию. Жена Анна Алексеевна (в девичестве Ломовцева) 6 января 1939 года родила ему первого сына – Валерия. Долгой и трудной окажется дорога домой – к жене, к первенцу, к полю родному!

Фронтовой путь в Великой Отечественной Михаил Залевский начал в звании сержанта и в должности командира отделения в августе 1941 года (хотя в архивных документах указан первый день войны). В 1942 году в боях при защите Ленинграда,

*Михаил Степанович Залевский.
1938-1939 гг.
Фоторепродукция. Архив
В.М.Залевского.*

у города Лодейном поле на реке Свирь, будучи уже старшим сержантом, он получил первую медаль «За отвагу» и билет члена ВКП(б). При прорыве блокады – орден Красной Звезды, при освобождении Риги – орден Отечественной войны II степени. Войну закончил в звании лейтенанта, имея и такой личный счет – 29 фашистов из снайперской винтовки. Вот это, пожалуй, и всё, что доподлинно знали родные о боевых заслугах Михаила Степановича из его уст.

– Дед всегда коротко отмахивался от просьбы рассказать подробнее о войне, – говорит Вячеслав Залевский. – Говорил: да, тяжело, да стрелял, потому, что могли меня застрелить, да, в щеке осталось три осколка...

Гораздо больше информации дали документы, полученные из разных архивов, особенно – из Центрального архива Министерства обороны РФ (г. Подольск).

В наградном листе на первый орден так описаны личные заслуги:

«Тов. Залевский в боях за Свирь-3 17 апреля 1942 г. по специальному заданию командования 1076 СП со своим расчётом, не отрываясь от пехоты, поддерживал своим огнём, уничтожая огневые точки врага, которые мешали продвигаться нашей пехоте. За овладение шоссеиной дорогой северо-восточнее Свирь-3 тов. Залевский подкатил свое оружие к вражескому ДЗОТУ и прямой наводкой разбил его и уничтожил около ДЗОТа до 25 белофинов.

В этой операции тов. Залевский был ранен в ногу, но, несмотря на ранение, продолжал командовать орудием. Тов. Залевский, сам снискивая цели врага, находясь в обороне в апреле-месяце, уничтожил 2 станковых пулемёта, один ручной пулемёт, уничтожил до 15 белофинов и из винтовки убил 2 белофинов.

Тов. Залевский требовательный, дисциплинированный командир. Предан делу партии Ленина-Сталина. Пользуется большим авторитетом среди бойцов и командиров. В настоящее время тов. Залевский командует взводом. Ходатайствую о награждении тов. Залевского орденом Красной звезды.

Командир дивизиона майор Капустин, военный комиссар, политрук Алексеев. 20 апреля 1942 г.».

Заключением вышестоящих начальников ходатайство поддержано, однако Военный Совет Армии вынес вердикт: «Достоин награждения медалью «За отвагу». И в донесении от 30 июля 1942 г. Председателю Верховного Совета СССР М.И. Калинину в списках на награждение медалью «За отвагу» значится и Залевский Михаил Степанович, старший сержант, командир орудий 45-миллиметровой пушки 374 отдельного дивизиона Противотанковой обороны 314 стрелковой дивизии.

Ещё одно описание подвига Михаила Степановича из другого наградного листа:

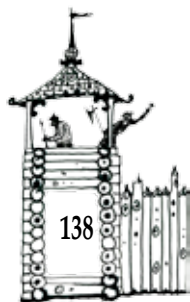
«Тов. Залевский в бою под г. Выру Эстонской ССР 13.04.1944 г. личным почином выбросил взвод орудий на открытую позицию и расстрелял в упор одно 75-мм орудие, одно 20-мм зенитное орудие, один крупнокалиберный пулемет, три ручных пулемета. Командуя орудиями прямой наводки, тов. Залевский из личного орудия меткой стрельбой уничтожил десять солдат противника, благодаря чему наша пехота продвинулась вперёд и заняла станцию».

В архиве сохранился не только этот наградной лист, но и документы – согласования начальства.

«За проявленное мужество тов. Залевский достоин представления к правительственной награде орденом Отечественной войны второй степени», – уверен командир майор (фамилия не разборчива) 13 августа 1944 г. – «Достоин...» – вторит командующий артиллерией 43 СКД подполковник Удовенко 17 августа 1944 г. – «Достоин правительственной награды, – следующую строку командир 43 СКД генерал Борисов вписывает красным карандашом, – Красной Звезды». Своё согласие подписью выражает начальник штаба 43 СКД подполковник Соколов. «Награждаю», – рапортует командующий артиллерией 122 СК полковник Носков.

В итоге 2 сентября 1944 года М.С. Залевский был-таки награждён орденом Красной Звезды в числе других 12 командиров и стрелков дивизиона.

В семейном архиве Залевских есть извещение за № 9 на имя Анны Алексеевны Залевской от 14 ноября 1944 года: «Ваш муж младший лейтенант Залевский Михаил Степанович (можно ощутить, как в этот момент сжалось сердце женщины, пока она не прочитала далее!) за образцовое выполнение боевых заданий командования

на фронте борьбы с немецкими захватчиками награждён: орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу», медалью «За оборону Ленинграда».

Медаль «За оборону Ленинграда» с датой награждения перечисляется в числе других наград и в наградном листе от 13 марта 1945 года на младшего лейтенанта, командира огневого взвода 73 отдельного истребительного противотанкового дивизиона 43 стрелковой Тартуской Краснознаменной дивизии Залевского Михаила Степановича. Однако медаль по неизвестной причине ему так и не была вручена.

В марте 1945 года он «представляется к ордену Отечественной войны II ст. Год рождения: 1917, г. Ишимск (так в тексте. – Л.И.). Национальность: русский. Член ВКП(б) с 1942 г., партийный билет № 4446343. Участвовал в боевых действиях по защите СССР в Отечественной войне с 22.06.1941 г. – Ленинградский фронт, с 01.08.1944 г. – Прибалтийский фронт. Имеет два лёгких ранения на Ленинградском фронте. В Красной Армии с 1938 года. Призван Ишимским РВК Омской обл. Ранее награждён медалью «За оборону Ленинграда» – 13.07.43 г., орденом Красной Звезды – 02.09.44 г. – 2-й Прибалтийский фронт.

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг: Тов. Залевский в бою 9.03.1945 г. за хутор Тертини Латвийской ССР со своим взводом вместе с пехотой 65 СП ворвался в хутор, и когда противник пошёл в контратаку, тов. Залевский отдал команду открыть огонь, когда противник подошёл на расстояние от его орудия на 50-60 метров и лично сам у орудия работал за наводчика, расстреливая наседающего противника, в результате чего контратака была отбита, при этом было уничтожено 20 немцев. Остатки были вынуждены в беспорядке отступить. Этим самым тов. Залевский дал возможность нашей пехоте преследовать противника без потерь. В бою 10.03.1945 г. за хутор Буки противник отчаянно сопротивлялся, вёл сильный ружейно-пулемётный огонь, не давая возможностей нашей пехоте 65 СП подняться в атаку. Тов. Залевский со своим взводом выкатил на руках орудие на прямую наводку и открыл ураганный огонь по огневым точкам противника. В результате чего было уничтожено 2 станковых пулемёта, 8 немцев. Тем самым тов. Залевский со своим взводом дал возможность овладеть хутором Буки. За проявленную отвагу и мужество тов. Залевский достоин правительственной награды ордена Отечественной войны 2 степени».

Ещё несколько инстанций по согласованию к представлению к награде и вот – «отметка о награждении: Приказом № 025 по 14 гвардейскому стрелковому корпусу № 025 от 31 марта 1945 г. награждён орденом Отечественной войны 2 степени. Начальник ОК 14 ОВГСК гвардии подполковник Кузнецов. 1 апреля 1945 г.».

Панораму участия Михаила Степановича в Великой Отечественной войне расширяет и материал с веб-сайта ru.wikipedia.org о 43-й стрелковой Тартуской дважды Краснознамённой дивизии, в которой он воевал. Год 1941-й: в октябре дивизия направлена на южные подступы к Ленинграду в район Колпино, с ноября держит оборону города, 10-15 ноября вместе с 85-й стрелковой дивизией и 124-й танковой бригадой наступает в районе Усть-Тосно, однако даже в тяжёлых боях прорвать немецкую оборону не удалось. 17 декабря дивизия наступает на Красный Бор, затем ведёт частные бои на занимаемых рубежах. В феврале 1943 года дивизия вновь наступает на Красный Бор и освобождает посёлок. В июле-августе участвует в кровопролитных боях за Синявино. О тяжёлых боях на Синявских болотах М.С. Залевский не однажды упоминал вскользь в своих немногословных рассказах. С 14 января 1944 года дивизия участвует в Красносельско-Ропшинской операции, наступая из района Пулковских высот совместно со 152-й танковой бригадой. 19-20 января она участвовала в освобождении Ропши, 20 января замкнула кольцо окружения вокруг посёлка, встретившись со 189-й стрелковой дивизией. Там же командирами этих соединений и был подписан акт об окончательном снятии блокады Ленинграда. 11 февраля дивизия форсирует Нарву. На этой реке шли кровопролитные бои до августа 1944 года. Затем дивизия переброшена к Изборску, откуда начала наступление в ходе Тартуской операции; с 14 сентября, участвуя в Рижской операции, наступает на Ригу с северо-востока, соседом слева имея 50-ю стрелковую дивизию. 13 октября 1944 вошла в Ригу. С октября по апрель 1945 г. вела бои с курляндской группировкой противника.

Михаил Степанович Залевский вернулся домой летом 1946 года из г. Куйбышев (ныне Самара). Туда он, демобилизовавшись, вызвал жену и сына, в этом городе жил несколько месяцев, пытаясь начать новую мирную жизнь. Но тяга к земле, к полю оказалась сильнее. Ведь уже был в его военной жизни один поистине чудесный случай. Тёплым весенним днем в затишье между боями пошёл Михаил Степанович на поле «землю понюхать» с командиром. И наступил на мину. Остался жив, только веч-

Михаил Степанович Залевский (стоит посредине) с сыновьями, слева направо: сидят Валерий, Геннадий, Виталий, стоят Борис и Алексей.

*24 августа 1991 г.
Архив
В.М.Залевского.*

ную отметину от военной земли получил – три осколка в правую щеку. А командир погиб. Земля словно говорила: «Не спеши, Михаил. Всему своё время. А пока – освободи меня от нечисти...». Уже в мирное время к боевым наградам добавились семь юбилейных медалей и орден Отечественной войны I степени (1985 год).

В родном колхозе им. Ильича сел М.С. Залевский на трактор, по которому так тосковали руки, уставшие от военного орудия.

«Каковы главные уроки отца, деда?» – на этот мой вопрос сыновья и внуки Михаила Степановича ответят коротко: «Труженик он большой...».

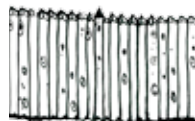
За добросовестное отношение к делу он получал высокие оценки: в 1957 году – первую трудовую медаль «За освоение целинных земель», в этом почине он участвовал в оренбургских степях, куда его отправили как коммуниста; в 1965 году награжден орденом «Знак Почёта».

Листаю газету «Ишимская правда» за 1970-е годы (благо, что этот процесс в электронной библиотеке на ул. им. К. Маркса, 60а быстр и удобен). Именно в это время о Михаиле Степановиче не однажды писали местные корреспонденты. В зарисовке И. Гилёва «Кавалер боевых и трудовых орденов» в «Ишимской правде» за 16 января 1971 года рассказано о такой необычной награде для передовика – передаче именного трактора. 9 мая 1970 года у конторы совхоза «Ишимский», в состав которого вошёл колхоз им. Ильича, в присутствии рабочих, жителей с. Жилияковка в торжественной обстановке вручен новый трактор «МТЗ-50» с надписью: «Залевскому Михаилу Степановичу за долголетнюю и безупречную работу». «Не знаю, как лучше сказать, – сказал в ответном слове взволнованный герой, – но ничего так не люблю я, как трактор. Трудно мне будет, если придётся расстаться». (Читаю эти строки и с улыбкой вспоминаю признание его сына Валерия Михайловича, звучавшее почти так же: «Ничего так не люблю я, как...». Но о чём он говорил – расскажу позднее.) В номере от 2 января 1973 года опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями СССР передовиков сельского хозяйства. Орденом Ленина отмечен М.С. Залевский, тракторист Ишимского ОПХ НИИ сельского хозяйства Северного Зауралья. В апреле этого же года «за достигнутые высокие показатели во Всесоюзном социалистическом соревновании и выполнение планов третьего, решающего, года пятилетки бюро РК КПСС, исполком райсовета депутатов трудящихся постановляют занести на районную Доску Почета» в числе передовиков «Залевского М.С., механизатора Ишимского ОПХ». В информации из ОПХ неизменно называется имя Залевского, например, возглавляемое им звено по выращиванию пропашных культур показывало образцы трудовых успехов: до 200 центнеров зеленой кукурузной массы и свыше 110 центнеров картофеля с гектара; «механизаторы Мезенского отделения скосили 118 га трав, заготовили 100 и запрессовали 65 центнеров сена. На косовищу лугов вывел свой трактор и М.С. Залевский».

Укрепляет силы братство

Михаил Степанович и Анна Алексеевна вырастили пятерых сыновей. Вначале семья жила с родителями, потом купили свой дом в Жилияковке.

«Любили нас родители, – от имени всех братьев говорит второй по счёту сын Борис, – ровненько относились. Большая семья, но мама старалась, чтобы чистенькие были. Говорила: «Вы смотрите, не подводите. Отец работает, чтобы ему за вас не стыдно было». Полотенцем-то драла – будь здоров! Бывает и не за дело, морковку и не мы выдергали, а на нас пожаловались, – Борис Михайлович смеётся. – А отец лучше бы отодрал, но как скажет... Он был депутат местного совета, авторитетный в селе, ходил успокаивать другие семьи, поэтому своя семья во всём должна быть примерной. Его награды говорят обо всём. Нынче вот нам всё тяжело, все жалуются. Я не слышал от него, чтобы он плакался, говорил про усталость. Жили, как все тогда. Рано отец вставал, мы его мало и видели. Особенно в страду. Но если была

*Борис Михайлович Залевский.
Фотография
С.С. Сафронова.*

возможность, брал нас в поле, и это было тихое счастье, когда даже молчать с отцом было хорошо. Вся его трудовая биография – на одном месте, только из-за реорганизаций менялись названия: было на территории три колхоза, потом образовалась МТС «Ишимская» с центром в с. Мизоново, совхоз «Ишимский», ОПХ. Любил папа и повеселиться, играл на балалайке, гармошке, я у него учился степу. Балалаечка в его руках пела под частушечки. И сейчас все в нашей большой родне любят песню за семейным дружным столом. Личным примером отец показывал, что надо людей уважать, быть ответственным на любом участке и за семью. У всех у нас состоятельность хорошая, все при месте».

Они, сыновья, тоже живут по этим же жизненным принципам, хотя как это не просто в изменившихся экономических, социальных условиях. Четыре сына – Валерий, Алексей, Геннадий, Виталий – выбрали своей трудовой стезей работу на Ишимском машиностроительном заводе. У всех одна профессия – заточники, все – мастера 5 разряда, каких сейчас в Ишиме – единицы, тоже на Доске Почёта не единожды красовались. «Самые ценные были работники на заводе», – замечает Валерий Михайлович. Но не суждено было сложиться на машиностроительном династии Залевских из нескольких поколений. Валерий Михайлович успел уйти с завода на заслуженный отдых с почестями. Остальные братья вынуждены были искать другое место применения своего мастерства. Алексей, 1949 года рождения, дорабатывал в локомотивном депо, сейчас на заслуженном отдыхе, Геннадий, 1955 года рождения – крановщик башенного крана в фирме «Русский дом». Виталий, 1960 года рождения – частный предприниматель.

Гордость за такой богатый род, нежность, с которой тихим голосом говорит о родных Борис Михайлович, а остальные добавляют по одному-два – но важных – слова, словно перетекает и в меня. А находимся мы в доме на ул. Приозёрная (теперь Жилияковка – район города) у старшего из братьев Залевских – Валерия.

С Валерием Михайловичем я, оказывается, знакома несколько лет, «сроднила» нас любовь к голубям. Он – один из членов совета Ишимского районного общества голубеводов, организатор и участник зональных выставок голубей, которые я всегда стараюсь посетить, чтобы полюбоваться этими чудесными птицами – символами мира, духа, чтобы побеседовать с увлеченными голубеводами.

– К голубям крепче всего моя любовь, – вот то признание Валерия Михайловича, которое я вспомнила с улыбкой, когда читала строки о любви к тракторам его отца. – Я самый старший из голубеводов. 75 лет мне в январе следующего года. С измальства с голубями, и канареек, щеглов держал. Такое дело не бросить никогда. Отец в молодости тоже держал, а после войны не вспоминал даже. Соседи держали голубей, и я к ним бегал.

– У брата много проблем было и с учёбой, и с обязанностями по дому, она, эта любовь к голубям, нелегко ему досталась, – добавляет Борис Михайлович.

– Всё забывал, что и валенком получал, – смеётся Валерий Михайлович. – Из бригады отца уезжал учётик, отдал пару голубей, отец принес: «На, и не бегай!». В 1954 году это было, я в пятом классе учился. За свою жизнь у меня два раза голубей воровали, один раз сам продал всех. А голубь прилетел обратно, я побежал и попросил отдать голубку. Из трёх моих сыновей только старший Юрий некоторое время держал голубей. Я 16 пород разводил, но любимая – восточная чайка, красивая и древняя порода. На выставках уже эту породу называют: «Так это ж Залевского». Получила своё название за сходство рисунка оперения с обыкновенной дикой чайкой (цветные крылья, остальное оперение всё белое), поэтому зовём их ещё «бокастые». Позже были выведены одноцветные птицы, но название сохранилось. Маленькие, грациозные, с очень коротким клювом, кожной горловой складкой и курчавой перьевой манишкой. «Бокастые» имеют невысокую жизнеспособность, требовательны к условиям содержания, хорошо откладывают яйца и высиживают, но сами из-за маленького носика выкармливать птенцов не могут. Поэтому подкладываю яйца «чаек» «монахам» – бойной носатой породе, которые очень аккуратно высиживают птенцов и выкармливают их. С этой целью «монахов» купил оптом 15 штук. Вот пара мастных ишимских, орловский белый, мои «чайки»: родчий мой, без чужой крови – розобокий, а малинобокий с хохолком получился, с бантиком, а чернобокий гладкий, не хохлатый. Вот ещё моя порода – желтохвостый

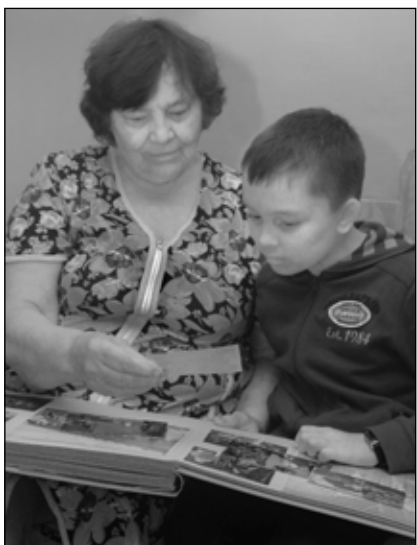

*Агрипина Залевская (Боровкова)
в девичестве.*

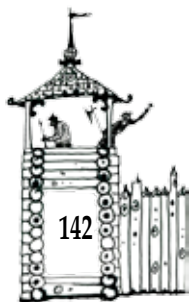

Валерий Михайлович Залевский со своими любимцами. Фотография С.С. Сафронова.

Агриппина Тимофеевна Залевская с внуком Сергеем рассматривают семейный альбом. Фотография С.С. Сафронова.

и желтоголовый.

– Пару голубей купить – это для брата истинное счастье, – вновь добавляет Борис Михайлович, – аж дрожит, и денег не жалко. Особое у него братство с ними – на равных «воркуют», особое братство и у всех голубеводов.

– Да, я помню, как папа все ваучеры на голубей сменил, – вставляет с легким смехом сын Валерия Михаил.

– Я могу и час стоять, на них смотреть. Уж и забыл, что за водичкой в колодец надо бежать, – соглашается с родными Валерий Михайлович. – Сейчас трёх штук сам выкармливаю изо рта, – с большим благоговением делится секретами старейший в Ишиме голубевод. – Вожусь, пока всех пискунят накормлю. На день уеду к сыну, на большее меня не хватит. Кролов Граня накормит, а голуби – моё.

– И я кормлю, – несколько возмущенно протестует его супруга Агриппина Тимофеевна.

Чувствуется в хозяйке дома, матери трех сыновей, особая стать, сила веры в лучшее. Именно это привлекло в ней Валерия почти 50 лет назад. В 2014 году отметили супруги в окружении своей большой родни золотую свадьбу, а тогда, в 1964-м, проработав десять лет в сборочном цехе машзавода, поехал Валерий на комсомольскую стройку Тюменского камвольно-суконного комбината. И оказалось – за судьбой, за половинкой своей. Агриппина Тимофеевна, в девичестве Боровкова, окончила Тюменское строительное училище № 1, работала каменщиком на стройке. Валера привёз комсомольцев – аж 50 человек. Он – секретарь комсомольской организации СМУ-15, Агриппина – СМУ-13.

– Пришли они с другом на танцы, – Агриппина Тимофеевна с радостью ворошит юношеские воспоминания. – Один не снимает кепку, другой не хочет танцевать. Ну, я и выпроводила их с танцплощадки. Ушли, не стали спорить. А тут кросс комсомольцы проводили на улице Республики. Естественно, мы организовывали, он – своих, я – своих. Вышли на площадку, а он на меня глаз положил, давай выспрашивать: куда бегут наши комсомольцы, вы мне покажите. Вот так вместе и бежим. Потом в кино сходили – на «Первый троллейбус» в «Темпе». И задержались друг возле друга. Вначале поехали в Заводоуковск, к моей маме, потом в Ишим. Я удивлялась: «Куда к тебе? Семья большая?». А он: «Мама не выгонит, место найдём». Боря уже в техникуме учился, Лёша и Виталя – в школе. Ещё и наш старший Юра. Все – на руки на маминь: накормить, выписать по делам. Мама, – только так называет сноха свекровь, – правда, скромная, была; тоже, как и папа, из многодетной семьи Ломовцевых. Известно, что приехали Ломовцевы в Ишим из Кировской области. Её мама, прабабушка моих сыновей, Маруся, Мария Ивановна, Осипова в девичестве, была председателем Жиликовского сельского совета, неграмотная, а управляла умело. Сама печки клала, дрова колола. Мужики-то на фронте... Ну, а мы с Валерием купили в Дымковке половину домика и стали обживать. Я тоже устроилась на машзавод в строительство, потом кладовщиком, – где место было. В 1978 году окончила курсы и до 1992 года работала крановщиком-машинистом мостового крана. Вот этот свой дом строили сами, сыновьям – тоже дома поставили. Я печки кладу, вышиваю, шью, вяжу, домá строю... Поём с Валерием в городском хоре ветеранов. «А тебя, мой сероглазый, не встречала я ни разу», – начинает запевать Агриппина Тимофеевна, лукаво посматривая на мужа.

И я понимаю, как точно выбрали дети подпись под фотографией отца и матери в альбоме: «Уже сединок белоснежность другую открывает даль. Есть нестареющая нежность, как нержавеющей сталь».

Отличная от братьев биография у Бориса Михайловича Залевского. Его имя хорошо известно в педагогической спортивной среде. Он – тренер высшей категории, отличник народного просвещения, отличник физкультуры и спорта. Со школьных лет занимался спортом, отдавая предпочтение конькобежному. Учась в техникуме, пришёл в баскетбольную секцию, играл за студенческую команду в Петропавлов-

Михаил Валерьевич Залевский рядом с портретом родителей. Фотография С.С. Сафронова.

Вячеслав Валерьевич Залевский.

ском педагогическом институте. Почти сорок лет педагогического стажа, успешный преподаватель, тренер по баскетболу в Ишимской ДЮСШ. Вырастил мастеров спорта, профессию тренера выбрали многие его подопечные. Команды и девочек и мальчиков – победители спартакиад, суперфиналов УрФО, зональных соревнований. В спортшколе завучем трудилась и его супруга Любовь Петровна, в девичестве Шевелёва, ныне тоже ветеран педагогического труда, её «колёк» – легкая атлетика.

У Бориса Михайловича – особая миссия в роду. К спорту он приобщил всех племянников, внуков и правнуков – и родных, и двоюродных... Все играли или играют в его командах, охотно под его оком тренируются.

– Все у дяди Бори – и мальчишки, и девчонки, – подтверждает Михаил Валерьевич. – Сейчас уже правнуки – Коля, Владик, Максим... Настоящая династия баскетболистов Залевских.

Знаки духовного родства

У старших Залевских в предпочтении – многодетные семьи. У Валерия Михайловича и Агриппины Тимофеевны – три сына: Юрий (он трудится на железной дороге в дистанции пути, у него – четверо детей; Андрей и Эдуард уже женаты, у Ксении 2 августа состоялась свадьба, Валерия – в 3 классе школы № 2), Вячеслав (о нем подробнее чуть ниже) и Михаил, который тоже начал трудовую биографию на машзаводе, затем перешёл в ЗАО «Газстрой», где работает уже двадцать лет. Старший сын Михаила Станислав Залевский поступил в этом году в Тюменский высший инженерно-командный институт. Имел высокий балл по ЕГЭ, выдержал все специальные испытания по физической подготовке во взвод ВДВ, что вполне закономерно, ведь он тоже начинал закалку спортом у Б.М. Залевского, затем выбрал бокс, теперь кандидат в мастера спорта. Второй сын Сергей – в 5 классе школы № 2.

Дети Бориса Михайловича: Ольга, преподаватель физкультуры в школе № 8, Игорь работает слесарем на железной дороге, Анна – фельдшер в областной больнице № 4. «У всех – семьи, – добавляет Борис Михайлович, – внуков у нас с Любой – пять. Николай служит в Новороссийске на боевом корабле, Влад учится в 11 классе школы № 7, Максим – в 6 классе школы № 31, Иван – в 5 классе школы № 8, Любушке – 3 года. Старшие занимаются спортом. А ещё я похвастаюсь, что моя жена в вязании мастерица и училась этому у Грани.

У Геннадия Михайловича двое детей – Дмитрий, живёт в Тюмени, водитель в автошколе, и дочь Светлана.

У Алексея Михайловича и его жены Катерины – дочери: Наталья, теперь Созонова, окончила ТюмГУ, живёт с семьей в Когалыме, в семье растёт дочь Даша; Юлия – в Ишиме.

С Вячеславом Валерьевичем Залевским я встретилась в Тюмени. В ходе разговора убеждаюсь и в его состоятельности: окончил отделение физвоспитания Тюменского педагогического училища, в 1992 году – факультет физвоспитания ТюмГУ, занимается делом, которое приносит удовлетворение, – он директор «Центра полевых испытаний объектов спорта», эксперт центра Системы добровольной сертификации спортивных сооружений, изделий и услуг «Апси Сертификация». Его сын Константин окончил машиностроительный техникум, уже работает; дочь Анастасия – семиклассница тюменской школы № 66. Вячеслав говорит также: «Я – крёстный отец племянника Станислава, несу за него ответственность».

Одним из первых когда-то Вячеслав пришёл в секцию к дяде Борису, но его вскоре поставили тренером команды девочек. Братья перешли на лыжи. Вячеслав остался верен баскетболу, занимался у Николая Казакова. Играли в баскетбольной команде тогда Дмитрий Стариков, Андрей Золотухин, Дмитрий Константинов, Сергей Дунаев, Александр Усольцев – первенство области держали, на первенстве России выступали.

Учился Вячеслав в УПК, имеет квалификацию токаря 4 разряда:

«У нас же династия машиностроителей. Портрет отца первый на Доске почё-

Ишимские представители рода Залевских (слева направо): Игорь Борисович, Борис Михайлович, Агриппина Тимофеевна, Валерий Михайлович, Михаил Валерьевич с сыном Сергеем. 12 августа 2013 г. Фотография С.С. Сафронова.

тели вдохновляли. Мы любим собираться в родительском доме. Старший брат и я играем на гитаре, все поём. Все отслужили в армии.

С 7 класса я увлёкся коллекционированием монет, а это – история. У Марии Ивановны Ломовцевой, прабабушки, была большая библиотека, и я читал антикварные книги, например, Байрона, Дюма... Книга развивает мозги, как любит говорить моя мама. Года четыре назад задумался о родословной. Вот дед по маме Тимофей Ксенофонтович Боровков в 1961 году умер, мы его и не знали. И что же? Я в маму в этом плане весь. Она-то своего отца пыталась: как революция, как гражданская? А у меня первый вопрос: «А откуда наша фамилия?». Революция произошла, и словно от родового всех отсекали. Начал по архивам, по сайтам искать. Нашёл герб, из которого следует, что Залевские – поляки, имели дворянское происхождение. Почему такой герб? Во всех социальных сетях откликнулись однофамильцы. Но какой ветви мы? Копаюсь... Имя Рудольфа Залевского нашёл в числе расстрелянных в годы репрессий. Наш ли? Отправил всем родным вопросы. Мама написала первой, что помнила. Общую схему с фамилиями и именами составили.

Собрал Вячеслав Валерьевич немало интересных сведений, из Польши привёз горсть земли, – родной, как он считает. Только в Варшаве 20 тысяч людей с фамилией Zalewski. Известные носители: Казимеж Залевский (1849-1915), польский драматург и публицист; Владимир Николаевич Залевский (1918-1943), Герой Советского Союза.

Вот что он почерпнул из источников (Тупиков Н.М. «Словарь древнерусских личных собственных имён»; Унбегаун Б.О. «Русские фамилии» и др.): родовое имя «Залевский» относится к группе фамилий, произошедших от «мирских» имен, в частности, от личного именованья предка «Залева» с помощью фамильного суффикса «ский», характерного для русской, украинской, белорусской и польской ономастики. Прозвание восходит к диалектному слову «залева», которое в лексике белорусских говоров употреблялось в значении «сильный дождь, ливень». Человек, наречённый Залевой, судя по всему, родился во время небывалого ливня.

Такие прозвания зачастую играли роль имени-оберега. Именуя наследника Залевой, родичи, вероятно, считали, что это имя «заберет на себя» все невзгоды и неприятности, а своему носителю подарит безмятежную, счастливую жизнь.

Некоторые исследователи полагают, что фамильное именованье «Залевские» могло возникнуть из прозвания предка – Залеский. В старину в связи с отсутствием у многих поселений официальных географических названий ориентирами для указания их местоположения служили различные природные объекты – овраги, леса, реки. Поэтому прозвище Залеский, вероятно, закрепилось за жителем селения, расположенного «за лесом», либо за выходцем из деревни с распространённым названием Залесье. Изменение звучания смысловой основы в «Залевский», в таком случае, явилось следствием переосмысления именованья «Залеский» носителями другого языкового диалекта или ошибки чиновника, регистрировавшего фамилию.

Как известно, в 1785 году Екатерина II своей жалованной грамотой поставила непременным требованием от дворян: вписывание в «Родословную книгу» той губернии, где имеют они населённое имение. В Алфавитные списки вносились все дворяне, проживавшие на территории уездов. Именно эти Алфавитные списки явились впоследствии основой для составления родословных книг и сегодня служат источниками составления родословных семей. Залевские есть в Списке дворянских родов Киевской губернии (<http://resultat61.ucoz.ru/news>), в Родословной книге Подольской

Герб Ястршембец, который был присвоен также роду Залевских (Zalewscy), владевших имением Залесе «в прежнем Плоцком воєводстве».

Валерия Залевская. Фотография С.С. Сафронова.

губернии (<http://rodovoyegnezdo.narod.ru/Podolia/Zalevskie.html>), а польские дворяне Залевские внесены в Гербовник дворянских родов Царства Польского как одни из владельцев польского герба Ястршембец. В Списке лиц, участвовавшим в польском мятеже в Киевской губернии 1863 года, значится Станислав Иванов Залевский, дворянин, житель м. Коростышева. «Иосиф Казимирович Залевский, похоже, был сослан в Сибирь. Я его тоже по Спискам где-то встречал...» – добавляет Валерий Залевский.

Есть и другие, но пока общие данные, которые нуждаются в доказательствах по отношению к ишимским Залевским. И есть уверенность, что доказательства будут. Даже уже ясно, кому передаст вахту поисков Вячеслав – юному племяннику Сергею, сыну Михаила! Он под руководством своей мамы О.В. Залевской, учителя иностранного языка школы № 2, написал исследовательскую работу о прадеде Михаиле Степановиче. В беседе со мной Сергей сказал, что гордится своей родословной, очень любит свою семью и многочисленных родных. Он учится в музыкальной школе, нынче поступает в баскетбольную секцию. Так что династия баскетболистов продолжается. Кстати, пытливый ум Сергея при нашей беседе открыл ещё одну династию Залевских.

– Валерий, бабушка, первым начал учиться в школе № 2, а Валерия, сродная сестренка, заканчивает эту линию, – заметил он.

– Ты прав, сын, – с улыбкой одобрил наблюдение Михаил Валерьевич. – Правда, не факт, что Валерия будет последней Залевской в этой школе. А так нас уже человек 25 – именно из этой школы.

Можно сказать уверенно – Залевские, уже родившиеся на ишимской земле, с честью и гордостью носят свою фамилию.

PS. 7 сентября Станислав Залевский принял присягу! Я получила письмо от Вячеслава Залевского: «Крестник дал клятву на верность Родине, как мой дед и его прадед Михаил Степанович в 1941-м. Торжественность события разделили мой папа, дед Станислава - Валерий Михайлович, и мой брат, отец нашего курсанта Михаил Валерьевич. А поиски родословной, конечно, продолжим. Прошу всех неравнодушных, знавших кого-либо из моих родных, откликнуться и написать воспоминания на адрес редакции альманаха или на мой электронный адрес: yava27@yandex.ru, Залевскому Вячеславу Валерьевичу».

Несколько линий родословной Вячеслава Залевского:

Залевский Степан Афанасьевич (прадед). Дети: Сергей (Владимир, Александр, Тамара и от второго брака – Анатолий), Константин, Устинья (дочь и сын жили в Краснодаре), Михаил (дед, см. ниже), Александр, жена Татьяна (Любовь, Владимир, Вера, Михаил, Надежда, Сергей, Василий).

Залевский Василий Афанасьевич (брат прадеда). Дети: Андрей, Галина (сын Юрий), Лина (сын Рудольф умер молодым, жили в г. Свердловск).

Залевский Михаил Степанович (дед). Дети: Валерий, 1939 г.р. (его дети: Юрий, 18.02.1966 г.р., Вячеслав, 20.04.1967 г.р., Михаил, 30.08.1972 г.р.), Борис, 1947 г.р. (Ольга, Игорь, Анна), Алексей, 1949 г.р. (Наталья, Юлия), Галина (погибла в возрасте 1 год 3 месяца), Геннадий, 1958 г.р. (Дмитрий, Светлана), Виталий, 1960 г.р. (от первого брака – Виталий, от второго – Роман, Евгений, Алексей).

Залевская (Ломовцева) Анна Алексеевна (жена Михаила Степановича, бабушка, 1919 г.р.).

Ломовцев Алексей Владимирович (прапрадед), Ломовцева (Осипова) Мария Ивановна (прабабушка). Дети: Анна (бабушка), Павел (жена Валентина была эвакуирована из блокадного Ленинграда, дети: Валерий, Владимир, Виталий), Вера (муж Павел Селедков, сын Виктор), Георгий (погиб на ВОВ), Аркадий (жена Нина, дочь Аня живет в г. Мурманск), Юрий (погиб в 1966 г. на железной дороге).

Тарсина (Ломовцева) Анна Владимировна. Дети: Фёдор (сын Виталий), Галина, муж Виктор Портнов (дети Людмила, Андрей).

Ломовцев Игнатий Владимирович: жена Низковских Таисья, дети: Елена Барсук, Виктор, Иван, Владимир (имел сына и дочь).

Осипов Иван Кузьмич (прапрадед). Дети: Маруся, Аркадий (жил в на углу ул. Центральная и пер. Будённовский, имел двухэтажный дом, шорничал).

Осипов Аркадий Иванович. Дети: Елена, Василий, Николай, Валентина, Анна.

По линии мамы: Коротков Ивойло Иванович, Коротков Макар Ивойлович.

Деева Манефа Феоктистовна.

Боровков Тимофей Ксенофонтович (дед, 06.03.1887 г.р.). Дети: Полиерт, 1916 (1918?) г.р., погиб на ВОВ; Анастасин, 1922 (1924?) г.р., пропал без вести, Харлампий, Трифон, Галактион, Лукерья (крестная, дети: Люда, Леша, Вася, Коля), Мария и Назар (умерли в детстве), Агритина (мама), Зотий.

Людмила Марикова.

Фото Сергея Сафронова и из семейного архива Залевских.

Культура края

Т. В. Максимова

¹ О явлении иконы «Богоматерь Казанская» в Тобольске и об «Абалацкой» были написаны «Сказания».

² Церковь была построена на погосте, а в кон. XVIII в. в селе Абалак устроили мужской монастырь.

«Абалацкая» («Абалакская») икона во имя Божией Матери и её копии

Илл. 2. Абалакская икона в окладе. Литография из книги А.И.Сулоцкого «Описание наиболее чтимых икон, находящихся в Тобольской епархии». (СПб, 1864).

В Урало-Сибирском регионе широко почитались образы Богоматери, именуемые «Тобольская», «Казанская», «Абалацкая». Икона по типу «Одигитрия», получившая название «Богоматерь Тобольская», привезена митрополитом Иоанном Тобольским из Чернигова в начале XVIII века. «Казанская» (носящая «Одигитрия») проявила себя чудесами в 1661 году¹.

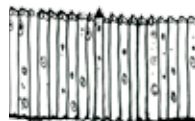
«Абалацкая» («Абалакская») икона во имя Божией Матери создана в Сибири. Она написана в 1637 году протодьяконом Матвеем Мартыновым после видения вдове Марии иконы «Знамение» и начала строительства в селе Абалак Тобольской губернии Знаменской церкви с приделами Николы Чудотворца и Марии Египетской². Богоматерь изображена по типу Знамение с этими же предстоящими святыми (что связано с историей видений).

Оригинальная икона, именуемая «Богоматерь Абалацкая (Абалакская)», ставшая сибирской святыней, хранилась в Абалакском монастыре. В первые годы по написании чудотворного образа его носили в города Тюмень, Верхотурье, Туринск, а затем ежегодно приносили на две недели из Абалака в Тобольск³.

В 1675 году по заказу местного воеводы с чудотворной иконы написал копию лучший в то время в Тобольске живописец из Знаменского монастыря Мирон Кириллов. Находилась она в Тобольском Софийском кафедральном соборе. 10 июля 1891 года перед ней молился наследник престола Николай Александрович, приезжавший в Тобольск. В 1906 году перед этим образом давали обет сёстры вновь созданного Тобольского сестричного союза и надевали на грудь небольшой образок Богоматери, именуемый «Абалацкий-Знаменский»⁴.

Современные исследователи порой не могут сказать, какой же была икона-оригинал М.Мартынова (по стилю и т.д.), ставшая чудотворной. Ведь ещё в середине XIX века законоучитель Сибирского кадетского корпуса протоиерей Александр Сулоцкий, описывая наиболее чтимые иконы, находящиеся в Тобольской епархии, в разных изданиях давал разные определения и фотографии, считая предыдущие ошибочными. Почему?

Потому что к тому времени и оригинал 1637 года, и копия 1675 года были поновлены (обновлена живопись) разными иконописцами. Оклады на обеих иконах выполнены в разных мастерских и тоже обновлялись. Кроме этого, с них писали копии. И не только монастырские иконописцы. Так, по материалам Государственного архива Курганской области видно, что владельцам мастерских и отдельным

³ Приносили 8 июля, а в 1912 г. эту икону специально привозили в кафедральный собор из Абалака 12 октября в связи со всенародным молением о выздоровлении заболевшего наследника Алексея.

⁴ ГАКО, ф. 235, оп. 1, д. 194, «Тобольские епархиальные ведомости», 1906.

⁵ ГАКО, ф. 13, оп. 1, д. 81, лл. 340, 357.

иконописцам заказывали копии Абалацкой иконы при изготовлении иконостасов в городские и сельские храмы. Например, подрядчики иконостаса С.И.Крутов (переехавший из Ишима в Курган) и В.А.Емельянов по желанию прихожан церкви с. Белозёрское Курганского уезда в 1870 году должны были выполнить копию Абалацкой иконы, что нашло отражение в договоре⁵. В таких случаях мастера вынуждены были ехать в места нахождения чудотворной (иногда прихожане в договоре с мастером это особо подчёркивали) или писать с других копий. Могли использовать в качестве образца хромофотографии. Интересен такой случай в связи с празднованием 300-летнего юбилея Дома Романовых в 1913 году: Тобольской епархией были собраны пожертвования и заказана копия с иконы «Богоматерь Абалацкая» в серебряной ризе в московскую мастерскую «П.И.Оловянишникова сыновья», которую потом тобольская делегация преподнесла Николаю II в Санкт-Петербурге. А в качестве образца для этой фирмы протоиерей Смирнов попросил сделать фотоснимки со старой иконы в ризнице Тобольского собора.

Видимо, ещё более значительными стали стилистические различия двух ранних икон (в Абалаке и Тобольске), когда в 1820-е годы икона из Абалацкого монастыря была помещена под новый оклад с убрусом (платом), вышитым жемчугом и драгоценными камнями. В 1856 году его заменили на новый (тоже с жемчужным убрусом и драгоценными), а прежний поместили на «наместницу» – икону, которую носили вместо чудотворной с крестным ходом.

В фондах Курганского областного художественного музея хранится образ второй половины XIX века с надписью: «Копия съ чудотворной иконы пресвятой Б(огороди)цы Абалацкия» (илл.1, опубликована в кн. «Сибирская икона». Омск, 1999. Кат. 28). Она имеет высоту почти 6 четвертей (103 см). Иконографический тип - «Знамение». На тёмно-оливковых полях, фоне и нимбах живописными средствами имитированы оклад и жемчужный убрус с драгоценными. В деталях оклада и нимба изображены маленькие херувимы. Младенец расположен на фоне ореола в виде лучей, похожих на нимб на окладе чтимой иконы «Богоматерь Всех скорбящих радость» из Воскресенской церкви г. Тобольск⁶. Благословляющая рука Христа и свиток изображены близко друг к другу, свиток он держит почти вертикально. На полях предстоящие святые Никола и Мария Египетская в плаще, закинута на её левое плечо. Схожая, как находящаяся в Абалаке, опубликована А.Сулоцким в 1864 году (илл. 2). В печатном издании плохо видна живопись ликов, но она грубоватая, как и на

Илл. 4. Абалацкая икона. Спосок из церкви пос. Куртамышь.

иконе КОХМ. А воспроизведённый оклад почти полностью повторен на музейном образе. Аналогично иллюстрации 2 изображение на хромофотографии, изданной в 1890-е годы в Одессе и официально распространяемой (илл. 3). Можно предположить, что икона из Курганского музея написана в Абалаке.

Противоположный пример – икона XIX века из Куртамышского Петропавловского собора в серебряном окладе, имеющая надпись: «Сия чтимая икона Божия Матери Знамения - Абалацкия, копия с Тобольской, празднование совершается 8 июля, по случаю избавления поселка Куртамышь от пожаров с выносом иконы, в 1864, 1868 и 1869 годах, по обету верующих съ 1871 года...». Как будто специально подчеркивается – с Тобольской (!).

Иконографический тип тот же, живопись более профессиональна (судя по лицам), оклад 2-й половины XIX в. по рисунку не совпадает с живописной имитацией на музейной иконе. На голове Богоматери – мафорий, младенец – на фоне круглого ореола, руки младенца расположены традиционно для типа «Знамение», Мария Египетская в плаще, закинута на ее правое плечо (илл. 4).

Как пишет Александр Сулоцкий, именно в Тобольске в 1860-е годы писали, например, так называемую «курганскую копию» (1 аршин с четвертью – примерно 89 см; в дореволюционных изданиях указывается следующий размер чудотворной: примерно 89х79 см) для Троицкого собора по заказу курганского купца, а освятили в Абалацком монастыре. То есть практика написания копий не в Абалаке, а в Тобольске была.

См. также иллюстрации на цветной вклейке.

⁶ Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудо-творных её икон... СПб, 1898. (перевод. Ярославль, 2008).

⁷ ГАКО, ф. 235, оп. 1, д. 194, л. 23. В Чимеевский храм икона могла попасть при закрытии других церквей в округе.

Можно предположить, что в Тобольске же создана икона (высотой 74 см) из храма села Чимеево Белозёрского района Курганской епархии. Она, пожалуй, самая ранняя на территории области (XVIII – 1-я половина XIX в.). Живопись характерна для этого времени. Латунный посеребрённый оклад с высоким рельефом, на одеждах - орнамент, по углам - барочные медальоны с завитками. Детали оклада, а также, судя по традиционно расположенным рукам младенца Христа, и живопись ориентированы на икону М.Кириллова (илл. 5).

Но предстоящие изображены не внизу, а посередине полей, на венце – корона (!). Обращаясь к вышеприведённому примеру о юбилее Романовых, в отчётном письме кафедрального протоиерея Смирнова можно найти слова о том, что фотографии для заказа подарка царю были сделаны «с одной из древних Абалацких икон Божией Матери, имеющих в ризнице Тобольского кафедрального собора и находящейся в складне» (складывающемся окладе), а Богоматерь на ней изображена в короне. По его описанию, корона мелкой ажурной работы, с пятью вставками из сибирских камней в её остриях⁷. Изображения корон отличаются, но мода на «коронование» в определённый период была достаточно широко распространена.

Свидетельство Смирнова даёт также основание говорить, что иконы из Тобольского кафедрального собора разных временных периодов копировались.

В 1866 году в «Сборнике изображений явленных и чудотворных икон пресвятой Богородицы в Православных церквях прославляемых» московского издателя Манухина, со 179 литографиями, опубликован иконографический извод «Абалацкой» с предстоящими Николой и Марией по сторонам от Богоматери - не на полях, а на фоне. Подобным же образом описывает чудотворную А.Сулоцкий: «Изображение Богоматери как на Новгородской Знаменской..., но по сторонам Приснодивы изображение предстоящих: на правой стороне Николы Чудотворца, на левой – преподобной Марии Египетской, которых на новгородской нет». Такой извод имеет икона из Тюменского музея изобразительных искусств конца XIX века (илл. 6, опубликована в кн. «Сибирская икона». Омск, 1999. Кат. 42) и маленький образок из Ханты-Мансийского музея Природы и Человека (илл. 7). На живописных поздних иконах с предстоящими на фоне Мария Египетская изображена не только в плаще, но и в тунике.

Существовали также иконы, имеющие индивидуальные особенности. Например, в церковной описи 1898 года Скатинского храма значится двусторонняя икона «Абалацкая», на обороте которой изображено «Огненное восхождение Ильи-пророка».

Таким образом, наблюдается определённая вариативность копий с чудотворного «Абалацкого» («Абалацкого») образа и традиция писать с созданных в разное время копий. Имелась также вариативность в названиях (встречается даже надпись на основе устной речи: «Абалатская»). На более ранних образах написано слово «Копия». Копии старались писать в Абалацком монастыре и в Тобольске как можно более близко к оригиналу, так как жители многих городов, особенно вдоль Иртыша и его притоков, хотели иметь списки чудотворной. Известно о копиях в Семипалатинске, Иркутске, Омске, Томске, Челябинске, Кургане. В 1860-е написаны копии для Омского сибирского военного корпуса, для храмов сёл Ларихинское и Истошинское Ишимского уезда. Была копия в с. Боровинское близ Ишима, которую приносили в город с крестным ходом.

Были и другие иконографические варианты «Абалацкой». Но эти изображения не являются копиями с чудотворной. В 1838 году в качестве Абалацкой опубликована икона «Знамение» с парящими херувимом и серафимом на лубочной картине «Описание явлений чудотворных икон пресвятой Богородицы» (М., 1838).

Следующий тип изображений – образ Богоматери по типу «Знамение» без предстоящих, с надписью «Богоматерь Абалацкая». В настоящее время эти надписи воспринимаются ошибочными. Между тем, по данным протоиерея А.Сулоцкого (1864 г.), в Иркутском кафедральном соборе хранился образ по типу «Знамение» без предстоящих святых, присланный митрополитом Тобольским и Сибирским

Илл. 5. Абалацкая икона. Список из церкви с. Чимеево Курганской области. Возможно, поступила туда из близлежащих церквей при их закрытии в 1920-е годы. Вверху и слева - накинута полотенце, из-за чего плохо видна фигура Николы.

Иоанном Максимовичем в начале XVIII века. Внизу - стихи: «Грядет от Абалака пречистая Дева. В чудотворной иконе ко всем милостива. Приносит в град Иркутский Благословение...».

Порой можно встретить «Абалацкую» без предстоящих у уральских старообрядцев (например, кат. 378 в книге «Уральская икона». – Екатеринбург, 1998). В фондах КОХМ хранится подобная икона, выполненная народным (крестьянским) мастером с надписью на обороте: «Абалацку».

По сведениям Т.А.Крючковой из Иркутска, выявлены две поздние иконы Абалацкой по типу Одигитрии (поясное изображение Богоматери с младенцем в рост на ее левой руке): в Иркутском областном художественном музее и в частной коллекции г. Тобольск. Похожая икона начала XX века имеется в храме поселка Мишкино Курганской области (с предстоящими Николой и Марией Египетской на фоне). А в пос. Смолино выявлена икона начала XX века с надписью «Абалацкая» по типу «Богоматери Казанской» (с удлинёнными фигурами Богоматери и младенца, без предстоящих). В последних двух случаях можно предположить влияние на поздние иконы двух чудотворных, находящихся в Тобольске: «Казанской Богоматери» и «Одигитрии Тобольской-Черниговской».

Маленькие по размеру иконы (чаще всего написанные иконописцами-крестьянами) также бытовали на территории современной Курганской и других областей (некоторые из них поступили в фонды Ханты-Мансийского музея – илл. 7-8, одна значится в описи 1981 г. села Боровлянского Притобольного района). Они не являлись копиями, а просто были написаны по иконографии «Богоматерь Абалацкая».

Итак, сохранившиеся иконы-копии почти не передают стиль живописи XVII века, написаны с разных образцов, порой отражают уровень мастерства местных иконописцев и живописцев. Не удивительно поэтому, что хранящиеся в фондах Курганского художественного, Свердловского и Омского краеведческих музеев, Тюменского музея изобразительных искусств и других, в храмах епархий Урало-Сибирского региона иконы «Богоматерь Абалацкая» имеют не только схожие, но и отличительные черты, разную иконографию. Неверно было бы каждую из них приписывать кисти М.Мартынова или М.Кириллова или монахам из Абалака, либо считать списком с иконы XVII века, что иногда встречается в современных изданиях. Сохранившиеся иконы – в основном списки с более поздних, чем XVII век, копий. Некоторые из них созданы местными иконописцами при изготовлении иконостасов.

По поводу чудотворной иконы из Абалака высказывается мнение о том, что во время Гражданской войны она была вывезена семьей генерала Дитерихса за границу, и теперь прослеживается её «австралийский след».

В Интернете чудотворный образ иногда описывается следующим образом: малый размер, вокруг рама с изображением церковных праздников. Но А.Сулоцкий сообщал, что написанную тем же Матвеем Мартыновым, но уменьшенную копию сначала использовали как «наместницу», затем отправили в Семипалатинск. А в Семипалатинске написали такую же. Она небольшая, её вставили в большую икону из местного ряда, получился средник с изображением в клеймах двенадцатых праздников, вверху – Коронование Богоматери. И отправили её в Абалак (!). С начала XVIII века она находилась в местном ряду иконостаса и носилась с крестным ходом.

Хочется верить, что бывшая «наместница» сохранилась и что, возможно, найдется близкая копия «Абалацкой» (М.Мартынова) в Семипалатинске. После закрытия храма в Семипалатинске через горисполком (райисполком) иконы могли передать в оставшиеся храмы или музеи (как было, например, в Белозёрском районе Курганской области), а могли забрать (спасти) местные прихожане, что тоже бывало. Сообщается также информация о копии конца XVII – начала XVIII века в Государственной Третьяковской галерее.

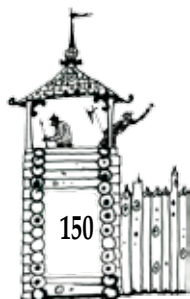
В любом случае сохранившиеся и уже выявленные единичные копии, особенно раннего периода, а также архивные материалы дают представление о почитаемых когда-то святынях, помогают раскрыть их историю.

¹ «Божия Матерь на Абацкой иконе изображается точно так же, как и на Новгородской Знаменской, а именно: с растрептанными и воздетыми к небесам дланями и с Предвечным, но ещё не родившимся, а только воплотившимся и находившимся во утробе Богоматерней младенцем; с тем, впрочем, отличием, что на Абацкой иконе по сторонам Приснодевы изображаются ещё предстоящими, на правой – святой и чудотворец Мирликийский Николай, а на левой – преподобная Мария Египетская, которых на Новгородской Знаменской нет» (Сулоцкий А.И. Описание наиболее чтимых икон, находящихся в Тобольской епархии // Соч. в 3-х тт. Т. 1. О церковных древностях Сибири / Под ред. В.А. Чупина. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрички, 2000. – С. 111-112).

² Цветков В. Последняя воля. Икона Абацкой Божией Матери может вернуться в страну // Родина. 2006. № 3. С. 52.

³ Там же. С. 53.

«Ишимский след» Абалакской иконы

Часть I. Австралийская версия

Икона, изображающая Пресвятую Деву Марию с поднятыми в молитве руками (тип «Оранта») и с Богомладенцем на коленях, известна на Руси очень давно. «Знамением» она стала именоваться после чуда, произошедшего в 1170 году, – Великий Новгород осаждало войско суздальского князя, и в поставленную на городской стене икону попала стрела неприятеля-единоверца. Тогда образ развернулся в сторону города, а из глаз Богородицы потекли слёзы. Новгородцы восприняли это как знамение (знак) милости Божией и одержали победу над суздальцами.

После назначения первым архиепископом Тобольским новгородским архимандрита Киприана в начале XVII века этот образ стали почитать и в Сибири. А в 1637 году была написана икона Знамения для Абалакской церкви под Тобольском, которая тоже прославилась чудотворениями. Особенность Абалакской иконы – в изображении по сторонам от Божией Матери молящихся ей святых Николая Чудотворца и Марии Египетской¹. С этой иконы было сделано неисчислимое количество списков (копий), а сам оригинал хранился в Абалакском Знаменском монастыре, учреждённом ради чудотворной иконы. Хранился вплоть до революционных лет, дальнейшая его судьба неизвестна.

На прошедшем в мае 2011 года межрегиональном фестивале «Православие и СМИ» журналисты приняли обращение к коллегам с просьбой помочь в поиске первообраза Божией Матери «Абалакской», написанного 375 лет назад в Тобольске. За год было выдвинуто несколько версий дальнейшей судьбы православной святыни, из которых многим кажется привлекательной версия, самая отдалённая географически – «австралийская». Давайте рассмотрим её подробнее, – и стоит ли двигаться по этому пути?

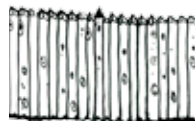
Неужели первообраз?

Наиболее громко «австралийская версия» прозвучала в 2006 году. Тогда в мартовском выпуске журнала «Родина» появилась статья кандидата исторических наук Василия Цветкова «Последняя воля. Икона Абалакской Божией Матери может вернуться в страну».

В публикации твёрдо (хотя и без ссылок на исторические источники) утверждается: осенью 1919 года «возглавлявший Временное Церковное управление в составе Российского правительства адмирала А.В. Колчака архиепископ Сильвестр решил спасти от наступавших красных Чудотворный образ. В сентябре в Омске он благословил иконой приют «Очаг», созданный для детей-сирот и беженцев Софией Эмильевой Дитерихс. Её супруг генерал-лейтенант Михаил Константинович Дитерихс был в это время Главнокомандующим Восточным фронтом белых армий. (...) Через два месяца, в ноябре, красные войска вошли в Омск. Архиепископ Сильвестр принял мученическую кончину. А икона вместе с отступающей белой армией продолжила путь через всю Сибирь на Дальний Восток. Она стала Небесной Заступницей сирот, являя высочайшее благо милосердия к детям»².

В дальнейшем икона вместе с приютом оказалась в Шанхае, где с образом происходили чудесные знамения: просветление и мироточение. После установления в 1949 году в Китае коммунистического режима настоятельница приюта Агния Михайловна Дитерихс перевезла «Очаг» в Австралию. Она скончалась в 1975 году. А образ хранится в православном храме в Кабраматте, пригороде Сиднея.

В 2004 году крёстный сын и воспитанник М.К. Дитерихса Андрей Анатольевич Васильев опубликовал в издательстве «Посев» книгу «Генерал Дитерихс», в которой оглашена посмертная воля Агнии Михайловны: Абалакская икона «должна вер-

⁴ Антонова М.
Княгиня Ольга
мечтает вернуть
Абалаку чудотвор-
ную икону. 2006.
7 декабря. <http://www.newsprom.ru/news/116549600887033.shtml?sdate=1222905600>.

⁵ Павлов Н.Б.
Абалакская икона
Божьей Матери
в истории России
и Курганской об-
ласти. 2010. 12
апреля. <http://www.kurgangen.org/religion/Soyatiny/Abalaksкая%20icon/>.

⁶ <http://www.pokrovchurch.org.au>.

Генерал М.К. Дитерихс с супругой Софией Эмильевной и дочерью Агнieszкой. 1922 г. Фотография с веб-сайта belrussia.ru.

нуться в Россию после её освобождения от коммунистов и быть помещена в Храме памяти последнего Царя Николая II и Его Семьи (предпочтительно в Тобольске)³. Исполнить завещание призывает и автор публикации в журнале «Родина».

Поддержала это предложение Ольга Куликовская-Романова, невестка Великой княгини Ольги Романовой, сестры Николая II, неоднократно бывавшая на Урале и на Тюменской земле: «Это одна из задач моей жизни. Оригинал иконы сейчас находится в Австралии. Православные её не отдают. Они привыкли к ней, намолили её. Я предложила им сделать список с иконы, но пока они думают»⁴.

Свою лепту в поддержание этой версии внёс курганский генеалог, ведущий инженер-конструктор Зауральского кузнечно-литейного завода Николай Павлов: «По сведениям, полученным от Михаила Осипенко, происходящего из семьи знаменитых иконописцев, сегодняшнее нахождение иконы – Австралия, пригород г. Сиднея Кабраматт, храм Покрова Божией Матери РПЦ МП. Совершая в 2006 году поездку с Порт-Артурской иконой по православным приходам Австралии, он лично видел Абалакский оригинал. Говорят, что сюда она была привезена потомками белогвардейского генерала Михаила Константиновича Дитерихса (1874-1937)»⁵.

О надёжности источников

Отдавая должное большому труду по сбору иконографии изводов (вариантов) Абалакской иконы, сохранившимся в Курганской области, необходимо всё же подвергнуть критике ряд утверждений зауральского исследователя. Так, он даёт ссылку на сиднейский Покровский храм юрисдикции Московского Патриархата⁶, и эта ссылка направляет нас совсем в другой приход, в районе Блэктаун, а не Кабраматта. Историческая тонкость ситуации заключается в том, что большая часть православных приходов в Австралии находится в юрисдикции Русской Православной

Церкви Заграницей, акт о каноническом общении с которой Московской Патриархии был подписан только 17 мая 2007 года. Только в «белоэмигрантскую» РПЦЗ могли доверить на хранение икону на следствии белого генерала.

Насколько же верно свидетельство Михаила Осипенко? Предоставим слово ему самому: «3 января [2006 г.] мы отправились дальше, в Свято-Покровский храм в Кабраматте... Священник Борис Игнатьевский, настоятель (...), показал нам древний список Абалакской иконы Божией Матери, находящийся в Покровском храме, и рассказал о чуде, явленном от этого образа. У архимандрита Алексия (Розентула) родственница умирала от рака. Он оставил на несколько дней икону рядом с больной, чтобы она могла молиться Божией Матери об исцелении. Женщина быстро пошла на поправку и прожила после этого более двадцати лет»⁷.

Важный нюанс: «древний список», а не «первообраз».

Само изображение кабраматтовской иконы Николай Павлов позаимствовал из портретной галереи Дитерихса, опубликованной Андреем Веригиным на сайте общественно-исторического клуба «Белая Россия». Судьба иконы в годину Гражданской войны там звучит эпически: «Будучи в заточении в Тобольске, семья царственного страстотерпца Императора Николая II молилась у этой иконы. (...) Известно, что у Абалакской иконы молились, каждый в своё время, адмирал Колчак, белые генералы Корнилов, Каппель, Дитерихс, Пепеляев и другие. В 1919 году, опасаясь за чудотворную икону Абалакской Божией Матери, епископ Мефодий с адмиралом А.В. Колчаком увозят на теплоходе икону из Абалакского монастыря Тобольска в Омск, а далее через Дальний Восток в Шанхай»⁸.

Подтверждение этого тезиса мы вроде бы находим в житии священномученика Сильвестра, архиепископа Омского, со ссылкой на книгу Г.К. Гинса «Сибирь, союзники и Колчак» (Пекин, 1937): «В октябре 1919 г. архиепископ Омский и Павлодарский Сильвестр дал своё архипастырское благословение, чтобы отступление войск проходило под Покровом Пресвятой Богородицы. Для этого генералу Дитерихсу из Успенского кафедрального собора был передан древний образ "Знамения Божией Матери"»⁹.

⁷ Осипенко М. Путешествие по Австралии с православной иконой. 2006. 4 августа. <http://www.eparhia-saratov.ru/cgi-bin/print.cgi/txts/journal/articles/01church/158.html>.

⁸ Веригин А. Дитерихс Михаил Константинович. Часть вторая. 2010. 21 августа. <http://www.belrussia.ru/page-id-1870.html>.

⁹ Феодосий (Протоцук), митрополит. «В верели вы?» Житие и труды свмч. Сильвестра, архиепископа Омского. – М.: Воскресенье, 2006. – С. 96.

¹⁰ Сибирская святыня. <http://www.hram-znamenskoe.ru/biblio/article>.

Странные разночтения: икона передана в октябре, а не в сентябре, и генералу, а не приюту «Очаг»... Может, речь идёт о двух разных иконах?

Австралийский «двойник»?

То, что с почитаемых икон писались многочисленные копии, или списки, в церковной терминологии, – факт общеизвестный. С Абалакского первообраза, созданного в 1637 году, также сделано неисчислимое количество списков, которые особо почитались в приходских храмах (при их закрытии в эпоху гонений верующие в первую очередь спасали именно эти иконы, – такие случаи описаны во второй части нашего исследования). С одной стороны, это обстоятельство усложняет поиск первообраза. С другой – в процессе поиска открываются малоизвестные страницы православной культуры.

Расширенная версия происхождения кабраматтовского списка Абалакской иконы изложена в безымянном сочинении «Сибирская святыня», которое можно найти на сайте храма Знаменской иконы Божией Матери в с. Знаменское Одинцовского района Московской области. Его настоятель протоиерей Алексей, по видимости, и есть автор труда. Основываясь на неуказанных источниках, он сообщает:

«Летом 1919 года в сторевшей церкви одного из сибирских сёл был найден чудом сохранившийся в пожарище список Абалакской иконы. Обретён он был двумя женщинами, которые ходили по сёлам, подбирая сирот. Осенью того же года, когда под натиском красных белые войска были вынуждены отступать всё дальше на восток, архиепископ Сильвестр благословил этим найденным списком детский приют «Очаг», созданный для 45 девочек-сирот этими женщинами. Одной из жён-подвижниц была София Эмильевна Дитерихс...

Страшным было то беженство зимой 1920 года. Злой умысел недавних союзников буквально парализовал Транссибирскую железную дорогу. Стояли и замерзали десятки эшелонов, а в них замерзали и умирали раненые и больные солдаты, женщины и дети... Милостью Божией, помощью Пресвятой Богородицы эшелон с детьми и чудотворным образом всё же продвигался на восток. В тех условиях это продвижение иначе как чудом назвать было нельзя... В январе 1920 года на одном из перегонных поездов подвергся обстрелу. Не пострадал только вагон, в котором находился список чудотворного образа и где ехали дети.

Вскоре семья Дитерихсов и приют «Очаг», а вместе с ними список Абалакской иконы оказались в Харбине... Жили в нищете, но Дитерихсы делали всё от них зависящее, чтобы облегчить горе сирот, дать им подобающее воспитание. Девочки были окружены настоящей заботой, жили в обстановке нелицемерной любви...

В 1923 году Абалакская икона вместе с семьёй генерала Дитерихса и «Очагом» оказалась в Шанхае, где к тому времени образовалась многотысячная

русская община. Святыню поместили в церкви во имя святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии...

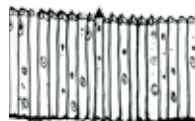
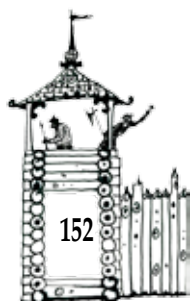
В 1949 году (...) большинство «белых русских» вынуждено было уехать из страны. «Очаг» переехал в Австралию...

В начале 50-х годов, как рассказала бывший казначей Покровского храма в Кабраматте Александра Спехова, в их церковь пришёл «военный человек» и передал список Абалакской иконы настоятелю протоиерею Ростиславу Гану «для хранения»...

К сожалению, в Покровском храме не ведётся запись чудес, совершаемых по молитвам перед Абалакской иконой. Память людская сохранила описание только нескольких... Лет двадцать назад тяжело заболела Анна Ивановна Фомина, одна из воспитанниц «Очага». Онкология. Врачи признали свою беспомощность. Тогда больная обратилась за помощью к Пресвятой Богородице, попросила тогдашнего настоятеля храма архимандрита Алексея (Розентула) принести в госпиталь чудотворный образ и отслужить перед ним водосвятный молебен. И чудо совершилось. Анна поправилась и после этого прожила ещё более двадцати лет.

Покровский храм в Кабраматте. Декабрь 2011 г. Фотография с веб-сайта rosor.org.au.

Крестный ход в Светлый Вторник (Пасхальной седмицы) с иконой Знамени Абалакской во главе с первоиерархом РПЦЗ митрополитом Иларионом. 18 апреля 2010 г. Фотография с вебсайта rocor.org.au.

¹¹ «Доска подлинной Абалацкой иконы имеет длины пять четвертей, а ширины – аршин и $1\frac{3}{4}$ вершка». (Сулоцкий А.И. Описание наиболее чтимых икон... – С.112.)

¹² Запись в Синодике Богоявленского собора, г. Ишим.

¹³ Лебедева Н.И. Храмы и молитвенные дома Омского Прииртышья. – Омск: Изд-во ОмГПУ; ООО «Издатель-Полиграфист», 2003. – С. 27.

...Чудо исцеления произошло и с одной нашей прихожанкой, медиком по профессии. В начале марта 2008 года она с мужем оказалась в Сиднее. Сразу после прилёта недуг буквально свалил её. С трудом добралась она до Покровского храма, подошла к иконе, зажгла свечи, стала молиться. Из храма вышла без тени болезни. Позднее она вспоминала о дивном благоухании, исходившем от иконы»¹⁰.

Да простит меня читатель за столь пространную, но объясняющую многое цитату. В статье указан и размер иконы: 87 на 67 см. Размер же первообраза, по сведениям церковного историка протоиерея Александра Сулоцкого, составляет, в переводе на метрическую систему, примерно 89 на 79 см¹¹. То есть «кабраматовский» список имеет даже иные пропорции: он более вытянут в высоту.

Не выезжая из Ишима...

Как ни странно, самые достоверные сведения относительно австралийской иконы нам удалось получить даже не выезжая из Ишима и не занимаясь поиском во Всемирной паутине. То, что для многих стало открытием лишь в 2006 году, было известно священнослужителям ишимского Богоявленского собора ещё в середине девяностых. Ведь приход, образовавшийся в 1992 году, пребывал под омофором той самой Русской Зарубежной Церкви, которая является хранительницей иконы Дитерихсов. И настоятеля прихода епископа Евтихия давно волновало известие о том, что на далёком южном континенте хранится Абалакская икона. Возможно, «та самая». А, может, – из села Боровое, что под Ишимом, ведь там тоже в годы Гражданской войны пропал чудотворный и древний список (о нём рассказано во второй части статьи).

«Не очень люблю дальние поездки. Но в Австралию стремился съездить именно для того, чтобы увидеть эту икону», – признаётся владыка Евтихий. В начале 1999 года ему довелось побывать в Покровском храме в Кабраматте. И этот самый образ он лично держал в руках. Реставраторский опыт, полученный в иконописной мастерской монахини Иулиании (Соколовой) в годы обучения в Московской духовной семинарии, помог ему засвидетельствовать: это икона не XVIII, и уж тем более не XVII века. Скорее всего, конец века XIX-го. Написана масляными красками, совсем не в духе древности, когда писали темперой на яичном желтке. Поверхность красочного слоя покрыта густой сетью кракелюр (трещин), которые могут навести на мысль о том, что образ подвергался нагреву (тут вспоминается легенда о его чудесном спасении на пепелище).

Однако, самое главное, на обороте оказалась надпись! О ней не говорится ни в одном описании. Владыка Евтихий тщательно переписал её. Большими буквами масляной краской начертано: «1898 г. Жив[описец] Кубрин в Омске». И другим почерком, мельче, чернилами: «Сия икона [по]жертвована в новый собор от Екатерины Уваровой и Чухниной Оксиньи Варламовны»¹² (написание имён малоразборчивое, поэтому возможно ошибочное прочтение).

На память о посещении храма владыке была подарена освящённая фоторепродукция главной святыни австралийских православных, за подписью священника Серафима Гана и протодиакона В. Хадарина. Она хранится в Богоявленском соборе града Ишима.

А что же за «новый собор» упомянут в надписи? В контексте вышеизложенных событий ясно, что это и есть Успенский кафедральный собор, заложенный в июле 1891 года будущим императором Николаем II и торжественно освящённый 9 сентября 1898 года¹³. Этот год указан и на иконе. Значит, она с 1898 по 1919 год хранилась в главном храме Омской епархии. И, выходит, именно о ней – а не о первообразе! – говорится в цитате: «...Генералу Дитерихсу из Успенского кафедрального собора был передан древний образ «Знамени Божией Матери».

Выходит, речь тут шла не о разных иконах, а об одном и том же списке. Эта икона освящала и путь детского приюта «Очаг» под руководством жены Дитерихса, который, следовательно, вывозил из России не первообраз Абалакской иконы. Поиски его в этом направлении приведут в тупик.

Список Абаклакской иконы в киоте в северном крыле Покровского храма. Октябрь 2010 г. Фотография с веб-сайта facebook.com/cavrapokrov.

робности судьбы этого списка Абаклакской иконы, но твёрдо знают: она связана незримо с землёй Русской, частицей истории которой является сама. Перед ней часто служатся молебны, каждую среду читается акафист, а воскресными вечерами – «Похвала Пресвятой Богородице»¹⁴.

...Когда материал уже готовился к публикации, из Австралии пришла новость: на праздник Преображения Господня 19 августа 2013 года икона начала мироточить: на поверхности образа появились струйки маслянистой жидкости, но без благовония. Более того, «одна монахиня из местного монастыря приложила бумажную копию к ней, и когда они вернулись в монастырь, то бумажная копия тоже замироточила». Настоятель храма отец Борис объявил об этом явлении в воскресенье 25 августа, после чего в храм стали приезжать многочисленные паломники¹⁵.

Выход из Покровского храма на крестный ход в Светлый Вторник (Пасхальной седмицы) с иконой Знамения Абаклакской. 18 апреля 2010 г. Фотография с веб-сайта gosor.org.au.

построенный в 1824-1837 годах¹⁶, сохранился, хотя был закрыт постановлением Омского облисполкома от 10 января 1939 года¹⁷ и к концу XX века являл своими руинами «мерзость запустения»; с конца 1990-х годов он был в немалой степени восстановлен трудами настоятеля градо-Ишимского Богоявленского собора епископа Евтихия и его сподвижников. Самим своим появлением этот храм обязан именно Абаклакской иконе, хотя и освящён в честь другого образа Божией Матери. История эта наиболее подробно изложена протоиереем Александром Сулоцким (1812-1884) в книге «Описание наиболее чтимых икон, находящихся в Тобольской епархии»:

«Копия (...) имеет длины один аршин и 4 1/2 вершка, а ширины – один аршин и два вершка¹⁸. Риза на ней серебряная с двумя – на Божией Матери и Предвечном Младенце – хорошо золочёными венцами. Из Борового в город Ишим святая икона приносится в крестном ходе 21 мая и сначала в нём, а потом в округе его носится для молебствия до 8 июля. Предания, собранные на месте от лиц, наиболее заслуживающих доверия по сану, летам и жизни¹⁹, и тщательно проверенные, вот что говорят об обстоятельствах написания и прославления боровской копии (...).

Крестьянин села Борового по имени Симон, человек богобоязненный, лет за 130 или за 140 пред сим²⁰, сверх ожидания и вопреки всякой справедливости взят был в военную службу. Жена его, оставшись с семьёю малолетними детьми, тосковала по нему и от тоски и бессонницы лишилась ума. В этом состоянии её возили в Абаклак, и там пред иконою Божией Матери она возвратилась к рассудку. Уже и это одно располагало печальную женщину к написанию Абаклакской иконы Божией Матери, но вот спустя некоторое время по возвращении её из Абаклака является ей в сно-

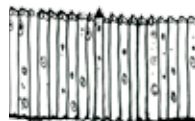
...Печально расставаться с красивой легендой. Так же печально было расставаться и владыке Евтихию с надеждой обрести святыню Приишимья – икону Божией Матери Абаклакско-Боровскую.

Быть может, «кабраматтовский» образ и вернётся на историческую родину. Но думается, что он куда нужнее тем, «зарубежным», русским. Вспоминаются слова побывавшего в Ишиме чтеца Покровского храма Николая Георгиевича Ротенко: «Только Православная Церковь помогает сохранить русским людям в иноязычном окружении свою культурную самобытность» (или «идентичность», если употребить модный ныне термин). Сиднейские прихожане не помнят под-

Часть II. Абаклакско-Боровская икона

Первая святыня Приишимья

Пожалуй, первым списком Абаклакской иконы в Приишимье стала икона первой трети XVIII века в Богородице-Казанской церкви села Боровое Ишимского округа/уезда, в 16 верстах от Ишима. Храм этот,

¹⁴ Список Аба-
лацкой иконы
Божией Матери в
Австралию привез-
ли из Новосибирска
// ИА «Тюменская
линия», 1.02.2013,
<http://www.t-l.ru/151145.html>.
В этой заметке,
написанной по рас-
сказу настоятеля
Покровского хра-
ма прот. Бориса
Игнатьевского,
почему-то сказано:
«на обороте есть
надпись, что эта
икона из Новоси-
бирска».

¹⁵ Из переписки
с А.С. Ротенко,
30.08.2013 г.
Архив автора.

¹⁶ Архив ИИМК
РАН. Ф. III - Церков-
ные метрики (1887).
Д. 6845. Л. 1об.

¹⁷ Госархив в
г. Ишиме, ф. 179,
оп. 1, д. 1, л. 84.

¹⁸ Примерно 91х80
см – чуть больше,
чем первообраз.

¹⁹ В Ишиме быв-
шим тамошним,
ныне туринским,
законоучителем
народного училища
священником Ио-
анном Тиховым,
а в Боровом пре-
жде местным, а
ныне ишимским,
священником
и благочинным
Михаилом Икон-
никовым. (Прим.
А.Сулоцкого).

видении какой-то, как после оказалось, угодник Божий и повелевает ей – терпеть и ещё работать, и затем на трудовые деньги заказать снять список с чудотворной Абалацкой иконы, поставить на шесть недель в церковь и освятить; в случае исполнения сего веления являвшийся предвещал скорое возвращение её мужа. Видение повторилось, было и в третий раз; наконец исполнено и небесное веление: написан по заказу женщины образ Абалацкой Богоматери с известными отличиями от Новгородского образа Знамения Божией Матери, а засим исполнилось и обещанное в сновидении: муж женщины и отец семи малюток всего чрез три года службы возвратился на родину с чистой отставкой.

Икона по освящении принесена в Боровое и поставлена в находившейся там часовне. Между тем крестьяне села Борового и окружающих его деревень решились образовать из себя особый от градо-Ишимского, или в то время ещё слободо-Коркинского²¹, приход, испросили у епархиального начальства позволение выстроить в Боровом вместо часовни церковь в честь Казанской Божией Матери, и когда построили²², то святую икону перенесли в неё²³; а Симон, как чудо совершилось над ним и его семейством и как был он человек грамотный и богобоязненный, по избранию боровских прихожан и по новой их просьбе рукоположен к ним во священника.

Вот начало известности списка с Абалацкой иконы Божией Матери, находящегося в селе Боровом, что близ Ишима. Затем в непродолжительное время по молебствиях пред ним: 1) выздоровел долго лежавший в расслаблении зажиточный ишимский крестьянин Егавцев, потомство которого и до сих пор существует в Ишиме; 2) получил избавление от ломоты в ногах один офицер; 3) освободился от боли в глазах и расслабления во всем теле некоторый купец; 4) исцелена от продолжительной болезни жена ишимского мукомола; 5) избавился от неисцельной болезни крестьянин Жилияковской волости Савелий Жилияков; 6) прекратился в окрестностях Ишима упадок на скот и 7) пресеклось продолжительное бездождие.

Такие и подобные благодатные явления, совершавшиеся над молившимися пред Боровскою Абалацкою иконою Божией Матери, сильнее и сильнее укрепляли веру в народе, более и более возбуждали усердие к ней. (...) Вследствие этих-то благочестивых желаний, этого народного усердия и вошло в обычай уносить každодогдно в крестном ходе икону Абалацкой Божией Матери из села Борового и носить её в Ишиме и его округе (...)»²⁴.

«Опальная» икона

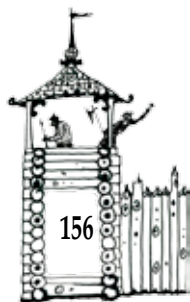
Вышеупомянутый очерк протоиерея Александра Сулоцкого вышел в свет отдельной книжкой в Санкт-Петербурге в 1864 году²⁵ и сразу вызвал недовольство тобольского архиерея. Архиепископ Варлаам (В.И.Успенский; 1801-1876) был назначен в Тобольск в 1862 году и управлял обширной епархией десять лет. Человек с твёрдым характером, он оставил о себе память как деятельный и внимательный администратор, значительно ускоривший делопроизводство в консистории, регулярно посещавший все приходы епархии, вникавший во все подробности их жизни, требовавший от священников быть достойными примерами благочестия и нравственности²⁶. Поборник духовного просвещения, он открывал на всех местах служения духовные училища²⁷, сам писал богословские сочинения, с юности увлекался астрономией²⁸, при этом, экзаменуя по своему обыкновению почти каждого встречавшегося ему лица из духовенства (и не только), он показывал себя «как самый стойкий противник Коперниковой системы»²⁹. Неудивительно, что к некоторым проявлениям «народного благочестия», а именно к поиску чудесных явлений, он относился настороженно. И хотя Сулоцкий признавался в «Авторской исповеди», что «нигде в своей книге не называл те события от Абалацкой иконы Божией Матери чудесами, а обыкновенно именовал их благодатными явлениями, и самые иконы именовал не чудотворными, а только «многочтимыми»», ему не удалось миновать грозы. Владыка Варлаам сделал протоиерею взыскание: почему он не представил рукопись предварительно на его рассмотрение (отправлена в печать она была ещё при архиепископе Феогносте в 1862 году) и как он смел «описать и огласить печатно такие события при многочтимых иконах, которые не были обследованы духовным начальством с участием притом полицейских чинов»; даже грозил «страшными карами, какими грозит Духовный Регламент выдумщикам и огласителям из корыстных целей ложных, небывалых чудес»³⁰.

²⁰ Следовательно, около 1720 или 1730 года. Эта догадка основывается на следующих соображениях: 1) потомок Симона причетник Пудовиков уже правнук ему, ещё в 1852 году имел слишком за 30 лет; 2) крестьянин села Борового Баранов, умерший назад тому около 22 лет и умерший девяностолетним старцем, хотя помнил священника Симона, но помнил его уже стариком, тогда как сам он был ещё мальчиком. (Прим. А. Сулоцкого).

²¹ Коркина слобода переименована в г. Ишим в 1782 г.

²² Это было около 1726 или 1736 г., потому что в 1776 году первая Боровская деревянная церковь была уже ветхая и заменена новой. Не могла же она обветшать ранее 50 или 40 лет по постройке. (Прим. А. Сулоцкого). - Сулоцкий ссылается здесь на безымянную публикацию «Село Боровое», опубликованную во II отделе, части неофициальной «Тобольских губернских ведомостей» № 37 от 13.09.1858 г., с. 391-394 (републ.: Коркина слобода. Вып. 5. Ишим, 2003. С. 91-93).

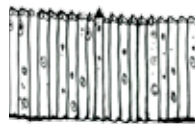
История получила продолжение после визита архиепископа в приходы Ишимского округа летом 1869 года. Своей резолюцией от 29 июля того же года он поручил Ишимскому духовному правлению «употребить все способы к отысканию каких-либо древних записей о Черемшанской иконе, равно как и о Боровской»³¹. (А.И.Сулоцкий делает примечание к главе о Боровской иконе: «В Ишимском округе есть и другая многочтимая икона, а именно икона Предтечи и Крестителя Господня Иоанна; она находится в церкви села Черемшанского, в 14 верстах от города Ишима, но пишущий никаким образом не мог получить о ней обстоятельных сведений»³².) Ответом стал рапорт причта Боровского храма от 15 мая 1870 года с приложением «показаний» 19 пожилых прихожан, собранных к 8 марта того же года. Составители рапорта священники Василий Путилов и Пётр Торопов с диаконом Александром Поповым и двумя дьячками и пономарём были знакомы с печатным очерком А.И.Сулоцкого, и они констатировали, что никто из опрошенных ими людей не поведал таких подробностей, какие есть в очерке. Объяснение нашлось простое: сведения, собранные священниками Иоанном Тиховым и Михаилом Иконниковым, на которые опирается Сулоцкий, собирались «чуть не полувек» ранее. Однако в материалах дела есть важные для нас подробности.

Безуспешно пытаясь найти в церковном архиве сведения о дате «заведения» иконы и начала её почитания, авторы рапорта отмечают: в описи церковного имущества за 1818 год указано, что позолоченная серебряная риза (оклад) иконы имеет вес 10 фунтов (чуть более 4 кг), и в 1813 году были «поправлены венцы Богородицы и Спасителя позолотою запарным золотом, а у Марии Египетской венец поломан», причём к моменту составления рапорта (1870 год) позолота на венцах ещё видна, а на самом окладе «слиняла до того, что нельзя и приметить, что была позолочена». Вообще же серебряный оклад имеет лишь только эта икона из прочих находящихся в церкви. Из этих наблюдений причт сделал вывод, что икона древняя и почитаемая. Кроме того, в церкви хранились два киота (шкафчика со стеклом) для выноса иконы на крестные ходы, и на одном из них «ещё недавно существовала надпись, свидетельствующая о времени заведения его: в лето от Рождества Христова 1777, от Боголюбивых сынов церкви»; по всей видимости, киот этот был устроен после переноса икон из первого деревянного храма в новый, также деревянный, в 1775 году³³.

Материалы опроса наиболее благочестивых («каждогодно» бывавших «у исповеди и святого причастия») прихожан-старожилов также открывают интересные подробности. Крестьянин д. Карагай Антон Иванович Волков со слов матери помнит не только фамилию солдата – Куртуков, но и то, что его жена «ручными жерновами заработала несколько денег» (крестьянин д. Макарова Антон Александрович Котельников добавил: «два рубля ассигнациями»), на которые она и заказала икону. По воспоминаниям же крестьянина д. Карагай Даниила Никифоровича Безсонова, со слов умершего «назад тому 20 лет» его деда Ивана Стефановича Безсонова, «святую икону в первый раз поднял в город Ишим по просьбе болевшего там народа священник Иоанн Стефанов Щетинин, без дозволения протопопы, за что последний сделал ему первоначально выговор, а после разрешил носить святую икону по городу, и вот с тех пор и носят икону в город. Побуждением к поднятию святой иконы было и то, что пришло за ней много народа – человек 50, а может быть, и более. Святую икону встретили в городе со звоном». Священнослужители не поленились заглянуть в церковные записи и выяснили, что отец Иоанн Щетинин служил в Боровом с 1804 по 1815 год, «следовательно, к этим годам нужно отнести и начало обычая носить Св. икону в город Ишим». К этому же периоду составители рапорта отнесли и чудотворения, описанные Сулоцким. Поначалу икону «поднимал» и носил именно боровской причт, но впоследствии это было поручено делать ишимскому причту, а в каком году и отчего – «сведений в церковном архиве не оказалось»³⁴.

Наиболее же распространённое мнение о причине почитания образа, судя по количеству присоединившихся к ответу десятерым прихожанами (из 19 опрошенных!), выразил крестьянин с. Боровое Максим Иванович Баранов: «О времени явления и прославления Святой иконы Знамения Божией Матери, находящейся в нашем храме, я ничего сказать не могу, потому что ни от кого ничего не слышал. Известно мне, что эта икона почитается издавна, и тот только может сомневаться в чудных ея действиях, кто никогда с верою к ней не прибегал»³⁵.

Владыка Варлаам, ознакомившись с рапортом, в резолюции от 5 июня 1870 года положительно отметил усердие причта Боровской церкви, но продолжил в жёстком тоне: «...Новое расследование об иконе ничего не открыло положительного к

²³ В той же статье «Село Боровое», основанной на записях священника М. Иконникова, указано, что во второй деревянной церкви, строившейся в 1776-1783 гг., «иконостас весь поставлен новый, а местные три образа из прежней старой церкви внесены в иконостас (...): икона Спасителя нерукотворенного образа, иконы Пресвятыя Богородицы Казанския и Знамения Пресвятыя Богородицы» – «список с Абалатской иконы. Она писана, как видно, той же рукою, которою писаны иконы в первую деревянную церковь» (с. 92-93).

²⁴ Сулоцкий А.И. Описание... С. 146-149.

²⁵ Впоследствии неоднократно переиздавался; так, в 1877 г. в Омске вышло 5-е издание.

²⁶ Тобольская епархия. Ч. 2. Отд. 1. Архипастыри Тобольской епархии. – Омск: Тип. А.К.Демидова, 1892. – С. 141-148.

²⁷ При нём, кстати, в 1870 году было принято решение и о переводе духовного училища из Омска в Ишим.

чувствованию ея якобы чудотворной, и они повторили то, что сказано об ней у Прот. Сулоцкого. Возможно ли было Протоиерею воспроизводить икону якобы чудотворную от такого шаткого начала. После требуемых от Протоиерея объяснений на его сочинение об иконах, следовало ему давно уже донести и на последнее моё требование о двух иконах св. Пятницы близ города Омска (...). Глубоко и глубоко писателям нужно рассудить о сем предмете. И, к сожалению, они легко смотрели и смотрят на дело!». Дело же об иконе было приказано, «почислив конченным, сдать в архив»³⁶.

Однако к делу подшит ещё один рапорт – ишимского благочинного протоиерея Алексея Федюшина, настоятеля городского Богоявленского собора, от 18 сентября 1870 года. Желая исполнить то же поручение, на которое ссылался и боровской причт – об истоках почитания икон в Боровом и Черемшанском – он «нарочито выезжал в округ, расспрашивал стариков и смотрел некоторых Церквей архивы», но тщетно – «нигде и ничего узнать положительно я не мог». И тут же добавил: «Впрочем, слышал я везде один и тот же голос, что почитание означенных икон идёт из стари, и усердие к ним всегда оправдывалось и оправдывается на опыте, видимым образом. Доколе Боровская икона Божией Матери носилась по всему округу, до тех пор везде был урожай хлеба и было не заметно особенных болезней на людях и не было падежа скота. С переменою же срока приноса иконы в город и с запрещением носить оную по округу всё переменялось: сделался неурожай хлеба повсеместный, болезнь на людей и валёж скота в продолжение 5 лет почти не прекращаются. Это видимое наказание Божие за перемену обычая и за прямое упущение в деле религиозного усердия! Черемшанская же икона Иоанна Предтечи постоянно носилась по округу с двумя иконами Боровской Божией Матери. Таков был древний святой обычай. Для утешения страждущих и умилоствления Правосудия Божия необходимо этот обычай допустить и в настоящее время»³⁷. Таков был «глас народа», который протоиерей пытался донести до архипастыря «для зависящего распоряжения». На рапорте лежит резолюция владыки Варлаама от 22 сентября, но почерк его настолько трудночитаем, что можно разобрать лишь слова: «...было Прот[оиерею] писать (?) в рапорте такие небывлицы в лицах?..» Впрочем, этого достаточно, чтобы понять, что «vox populi» остался без ответа.

Вывод для духовенства: записывайте истории почитаемых икон и случаи чудотворений от самого их начала!

Крестный ход с Боровской иконой

Как видно из рапорта о. Алексея Федюшина, примерно с 1865 года изменился указанный в сочинении о. Александра Сулоцкого порядок совершения крестного хода – выход из Борового 21 мая в Ишим, а затем хождение с нею по городу и округу до 8 июля (то есть икону возвращали в Боровое к престольному празднику Казанской иконы Божией Матери, к тому же дню, в который Абалакский первообраз вносили в Тобольск, – на это обратил внимание и Сулоцкий³⁸). Теперь икону «поднимали» в Боровом 20 июня, а возвращалась она назад, как и прежде, 8 июля, о чём свидетельствуют клировые ведомости Богоявленского собора за 1884 год³⁹. К началу XX века даты вновь изменились. Теперь икону «износили» из Борового в Ишим 20 мая, а возвращалась она 7 июня⁴⁰. 21 мая икону встречали в Богоявленском соборе, затем с иконой служились «молебны в домах горожан и крестьян по деревням, при участии причта Боровской церкви, получающего за то половину доходов», после же возвращения иконы в Боровое с нею устраивали «крестные ходы по полям всех селений прихода», а затем служили молебны в домах⁴¹.

Однако до вноса в город и после выноса из него икона делала остановки. Клировые ведомости Богоявленского собора за 1908 год сообщают: приходом ежегодно совершалось четыре крестных хода, из них самый значительный – «21 мая при перенесении многотимой Боровской Иконы Божией Матери из Игнатьевской приписной церкви в Ишимский Собор и возвращении таковой 7 июня из г. Ишима в село Боровое через Игнатьевское же село»⁴². Согласно клировым ведомостям за 1883 год церковь Знамения Пресвятой Богородицы в деревне Игнатьева⁴³ в 7 ¼ версты от города, «деревянная, на каменном фундаменте, без особой колокольни и ограды, (...) холодная, без печей», была построена в 1865 году «на добровольные пожертвования от разных лиц, по плану и фасаду, выданному 1864 года». Она была приписана к собору и своего штата священно- и церковнослужителей (причта) не имела.

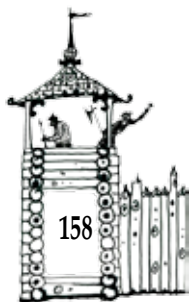

Протоиерей Александр Сулоцкий. Фото-репродукция из трёхтомного собрания сочинений (Тюмень, 2000).

Архиепископ Варлаам (В.И. Успенский). Портрет. Репродукция с веб-сайта pravenc.ru/text/154211.

Богослужения совершались клириками собора только два раза в год – 20 мая и 8 июля, «во время переноса Чудотворной Иконы Знамения Божией Матери из села Борового в г. Ишим»⁴⁴. Как видно, храм был построен (возможно, по обету) специально для встречи Абалакско-Боровской иконы, для того, чтобы она могла переночевать в нём, подобно первообразу, который переносится из Абалакского монастыря в пригородный Иоанно-Введенский, и лишь на утро следующего дня вносится в город Тобольск.

Красочное описание крестного хода с Абалакско-Боровской иконой мы находим у американского журналиста Джорджа Кеннана, который в 1885 году с художником Джорджем Фростом предпринял путешествие по России с целью изучения политических тюрем и мест ссылки⁴⁵:

«...Мы ехали [из Тюмени] без отдыха и, разумеется, без сна по отвратительной степной дороге и в четверг, в шесть часов утра, под проливным дождём въехали в окружной город Ишим. (...).

Мы намеревались ненадолго остановиться в Ишиме, но вследствие скверной погоды отказались от этой мысли и, напившись чаю в доме какого-то крестьянина на берегу реки Ишим, продолжили путешествие. На выезде из города потянулся редкий берёзовый лес, и нам всё чаще стали попадаться большие толпы мужчин, женщин и детей, бредущих в грязи в том же направлении, что и мы. Большой частью это были обыкновенные мужики, в штанах, заправленных в сапоги, и в рубахах навыпуск, загорелые крестьянки в красных и синих платьях и в платках, но попадались и путники в обычной одежде, какую носят в цивилизованном мире, явно принадлежавшие к высшему классу, и даже с зонтиками в руках.

Милях в четырёх от города мы увидели большую группу мужчин и женщин, идущих нам навстречу тесной, шумной толпой; они несли большие «трёхрукие»⁴⁶ кресты, белые и цветные хоругви и огромные стеклянные фонари на длинных черных шестах.

– Что это означает? – спросил я у ямщика.

– Матерь Божья возвращается домой, – отвечал он с почтительной серьёзностью.

Когда толпа приблизилась к нам, я увидел, что люди теснились больше к середине грязной дороги, стараясь пробраться поближе к огромной картине в золочёном обрамлении, которая была укреплена на длинном и толстом деревянном шесте. Нижний конец шеста был установлен в середине квадратной рамы, которую несли шестеро крестьян с обнажёнными головами, держась за ручки, приделанные ко всем четырём её углам. Массивный оклад был из золота или из позолоченного серебра и явно очень тяжёлым, и, хотя человек шесть мужиков пытались с помощью веревок держать штандарт, на котором он был укреплён, носильщики обливались потом и шатались под тяжестью ноши. Перед образом шествовал длинноволосый священник с обнажённой головой, держа в руках книгу, а по обе стороны от него шли четверо или пятеро дьяконов и прислужников, неся расшитые шёлковые хоругви, большие золочёные кресты и оригинальные церковные фонари, похожие на переносные уличные, с горевшими внутри свечами. Священник, дьяконы и все мужики с обнажёнными головами, теснившиеся вокруг иконы, тяжело ступая в грязи, низкими, хриплыми голосами тянули в унисон однообразную мелодию, а сотни мужчин и женщин, шедших толпой вокруг, непрерывно крестились и время от времени присоединялись к пению то ли псалма, то ли молитвы. Многие крестьянки сняли башмаки и чулки и перекинули их через плечо и шли босиком, увязая в чёрной, полужидкой грязи, и казалось, ни мужчины, ни женщины не обращают ни малейшего внимания на дождь, который хлестал по их непокрытым головам и стекал ручейками по суровым загорелым лицам. Толпа насчитывала, я думаю, человек четыреста или пятьсот, из которых более половины составляли женщины, и по мере приближения к городу она то и дело пополнялась за счёт группы пешеходов, которых мы встретили ранее и оставили позади.

С тех пор как мы вступили в Сибирь, я ещё не видел такой страшной средневековой картины, как эта, на которой были представлены священник и прислужники в чёрных ризах, расшитые хоругви, зажжённые фонари, золочёные кресты

Крестный ход с Абалакско-Боровской иконой ходит в город Ишим. Снимок сделан с каланчи городской управы. Конец 1900-х гг. Фототипия (открытое письмо издания магазина Я.В.Башмачникова в Ишиме). Фрагмент. Частное собрание.

²⁸ Богданова Т.А. Варлаам (Успенский Василий Иванович). <http://www.pravenc.ru/text/154211.html>.

²⁹ Сулоцкий А.И. Тобольские и томские архипастыри // Соч. в 3-х тт. Т. 2. О сибирском духовенстве. – С. 512.

³⁰ Сулоцкий А.И. Авторская исповедь // Соч. в 3-х тт. Т. 1. – С. 12-13.

³¹ Госархив в г. Тобольске, ф. И-156, оп. 11, д. 1055, л. 9.

и огромная толпа босоногих крестьян, идущих с непокрытыми головами по грязной лесной дороге, не обращая внимания на проливной дождь и распевая при этом торжественные церковные гимны. Воображению представлялось, будто мы перенеслись в одиннадцатый век и наблюдаем за тем, как христианская община, возбуждённая и воодушевлённая красноречием Петра Отшельника⁴⁷, с крестами и хоругвями, распевая гимны, отправляется в поход, чтобы присоединиться к великой рати крестоносцев.

Когда из виду скрылись последние отставшие от процессии богомольцы и стихло вдали глухое, однообразное церковное пение, я обернулся к Фросту и спросил:

– Что это, по-твоему, всё означает?

– Понятия не имею, – отвечал он. – По-видимому, это церковная процессия, но что они делают тут, в лесу, не представляю.

С большим трудом, после настойчивых расспросов, мне наконец удалось добиться от нашего ямщика вразумительного разъяснения этого явления. Оказывается, в одной из церквей Ишима хранилась очень старая икона Божьей Матери, обладавшая, по слухам, чудотворной силой и отвечавшая на молитвы истинно верующих. Чтобы дать возможность крестьянам, которые сами не могут приехать в Ишим, помолиться перед этим чудотворным образом и насладиться благом её присутствия, раз в год или в два её носили по главным деревням Ишимского округа. В деревенских церквях совершались в её честь особые богослужения, и сотни крестьян сопровождали ее во время торжественной церемонии перенесения из одного места в другое. Как раз в такой момент, когда она возвращалась в ту церковь в Ишиме, которой она принадлежала, мы и увидели её, и наш ямщик отразил этот факт предельно коротко и ясно, когда сказал: «Матерь Божья возвращается домой»⁴⁸.

У читателя может возникнуть недоумение: как это Боровская икона может «возвращаться домой» в городской собор? Это, конечно, ошибка. Описываемое событие произошло в четверг 2 июля 1885 года по новому стилю, по старому же – 20 июня, день, в который икону выносили из Борового (в тот период).

Снимок такого крестного хода можно увидеть на открытом письме, изданном по заказу магазина Я.В.Башмачникова на основе фотоснимка конца 1900-х годов. К сожалению, фотографии самой иконы, которая, как мы уже убедились, пользовалась «известностью далеко за пределами Ишимского уезда и привлекает к себе множество богомольцев»⁴⁹, не сохранилось. Дальнейшая её судьба туманна. По рассказам старожилов, она была увезена отступавшей армией Колчака осенью 1919 года; в 90-х годах прошлого века в ишимском краеведении даже укрепилось мнение, что именно эта икона – Абалакско-Боровская – и является «главной православной святыней Русской Австралии»⁵⁰.

Как видим из первой части нашего повествования, это оказалось не так. А в Боровском храме теперь можно увидеть копию Абалакской иконы, написанную в 1990-х годах инокиней Ефросиньей с фотографии иконы Знамения из Кабраматте.

Часть III.

Спасённые Абалакские иконы Приишимья

О том, насколько почитаема была Абалакская икона в Западной Сибири и, в частности, Приишимье, можно судить по количеству икон, «переживших» эпоху гонений на Церковь и сохранённых благочестивыми людьми. Так, только в градо-Ишимской Никольской церкви в настоящее время можно увидеть четыре списка Абалакской иконы, – и это при том, что немало икон было передано из этого храма, вновь открытого в 1944 году⁵¹, новым приходом Ишимского благочиния с конца XX

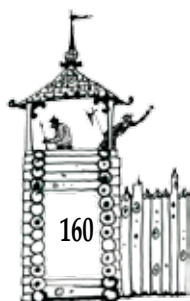

Крестный ход с новым списком Абалакской иконы на источник у реки Карасуль в престольный праздник Казанской иконы Божией Матери. Боровое. 21 июля 2005 г. Фотография Г.А.Крамора.

Епископ Евтихий служит водосвятный молебен на источнике у реки Карасуль на Ильин день. Боровое. 2 августа 2004 г. Фотография Г.А.Крамора.

века. В этих приходах также можно увидеть Абалакские иконы, принесённые местными жителями. Эти образы разнообразны по манере исполнения; некоторые имеют драматическую историю. Расскажем о некоторых из них, сознавая, что список этот далеко не полон.

Поскольку на территории Приишимья в советский период не оставалось ни одного не закрытого хотя бы на несколько лет храма, то можно уверенно сказать, что под категорию «спасённые иконы» попадают все образы, которые можно увидеть в местных православных церквях. К сожалению, происхождение икон не всегда удаётся установить, — многие находились в исчезнувших теперь

храмах. Ведь из церквей, действовавших на территории Ишимского уезда до революции, числом чуть более сотни⁵³, к 1988 году функционировали всего две — в городе Ишим (Никольская и Покровская). Большинство икон было утрачено, но самые почитаемые образы прихожане старались тайком укрывать в своих домах. Среди этих сокровенных икон оказалось немало Абалакских — ведь они почитались особо, почти как первообраз.

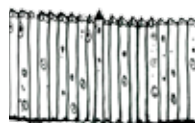
В Богоявленском соборе града Ишим, вновь открытом в 1992 году, Абалакская икона находится на заметном месте — на откосе окна у южного клироса. Эту икону в числе прочих, вынесенных из Михаило-Архангельской церкви⁵⁴ села Ново-Травное (ныне Ишимского района) при её закрытии в 1938 году⁵⁵, предназначили для изготовления школьных парт. Однако столяр Евфимий Никанорович Чунихин пожалел «Знамение» и спрятал её, а ночью вынес. 2 июня 1993 года его дочь Елена Евфимьевна Воробьёва отдала икону в собор⁵⁶.

Тогда у неё были довольно значительные утраты красочного слоя, особенно на лике Богомладенца, практически стёрта позолота, поэтому икону вскоре поновил омский художник. К сожалению, это было именно поновление, а не реставрация, т.к. работа произведена масляными красками (не темперой), сверху живопись покрыли лаком. Однако и сейчас хорошо видно по проступающему «чеканному» узору, что икона происходит из тобольских мастерских. На голове и на поручах Девы Марии — имитация жемчужного убруса, совсем как на иконе в Кабраммате. Однако младенец Иисус не имеет округлого сияния-медальона — знака пребывания во чреве, он просто сидит в багровом мафории Матери. Кроме того, эта икона почти квадратная по пропорциям и точно повторяет размер первообраза — 89х79 см. В верхних углах иконы в круглых медальонах можно увидеть «чеканные» изображения херувимов.

Сходная по стилю письма икона находится в Петропавловской церкви районного центра села Абатское. Золочение на «чеканном» фоне здесь также почти утрачено, но личное письмо и одежды сохранились очень хорошо. Письмо более тонкое и мастерское, более того, мафорий окантован надписью золотыми буквами, воспроизводящими кондак Богородицы: «Достоинно есть яко воистину блажити Тя Богородицу...». Младенец окружён сиянием, лучи которого складываются как бы в два ряда ступеней.

Сходная по стилю письма икона находится в Петропавловской церкви районного центра села Абатское. Золочение на «чеканном» фоне здесь также почти утрачено, но личное письмо и одежды сохранились очень хорошо. Письмо более тонкое и мастерское, более того, мафорий окантован надписью золотыми буквами, воспроизводящими кондак Богородицы: «Достоинно есть яко воистину блажити Тя Богородицу...». Младенец окружён сиянием, лучи которого складываются как бы в два ряда ступеней.

Икона эта пребывала прежде в церкви деревни Речкунова, которая была перевезена туда из Абатского в начале XX века. Когда храм в Речкуновой стали реконструировать из зернохранилища в клуб, туда пришла Домна Михайловна Лузина (1896-1968) с сыном Матвеем и оторвала икону от сцены, куда она была прибита ликом внутрь. Следы от гвоздей хорошо видны на образе и сейчас. Икона занимала много места в тесной комнатке Домны Михайловны, и она благословила её своей сестре Елене Михайловне Помниной, которая увезла её в деревню Шевырина. По родственной цепочке образ оказался у Капитона Захаровича Антонова. Когда в Абатском стал возрождаться приход, Матвей Николаевич Лузин с женой Евдокией

Крестный ход на Рождество Иоанна Предтечи из Богоявленского собора на реку Ишим с Абалакской иконой из с. Ново-Травное. 7 июля 1993 г. Фотография П.Д.Земляных.

Абалакская икона в Екатерининской церкви с. Шаблыкино Ишимского района. 2010 г. Фотография Г.А.Крамора.

Петровной взяли у него икону и передали в абатскую церковь тогдашнему настоятелю о. Александру Лемешко. Размер её 89х70 см (по информации иерея Димитрия Ядыкина)⁵⁷.

Замечательный образ, возможно, также тобольского письма, находится в иконостасе градо-Ишимской Никольской церкви за юго-восточной колонной слева от Александро-Невского придела. Стиль письма здесь ближе к «греческому», традиционному для православной иконописи; сияние вокруг Богомладенца написано правильнее: лучи расходятся радиально. Узор золочёной цировки («чеканки») самобытен и не имитирует узор оклада первообраза, также нет имитации убруса. Мафорий Богоматери тёмно-вишнёвого цвета, складки его обозначены благородным сиянием творёного золота. Размер иконы 87х67 см.

Ещё больше следуют традиционной технике иконописи создатели другой иконы – она меньшего формата (53х44 см) и помещена в киот с откидной стеклянной дверцей. Позолота покрывает не только орнаментированный изящной «чеканкой» фон (по полям и краям нимба орнамент ещё и расцвечен), но и – широкими штрихами ассиста – одеяния. Младенец Иисус помещён в просторное овальное облако голубого сияния с восьмиконечными звёздами; свиток в Его левой руке опущен вниз, в отличие от первообраза. Предстоящие святитель Николай и преподобная Мария Египетская находятся в верхней части поля, у воздетых ладоней Девы Марии, причём плащ (туника) преподобной закинут на левое плечо, а не на правое, как обычно изображается.

Удивительна история Абалакской иконы из Троицкой церкви села Карасуль Ишимского района. Этот деревянный храм, построенный в 1906 году⁵⁸ (взамен первого храма 1883 года постройки⁵⁹), через тридцать три года перестроили в клуб⁶⁰. Примерно в 1956-1957 годах в клубе действовал кружок типа «Ворошиловский стрелок». В качестве мишеней выстроили в ряд иконы, сохранившиеся в клубной кладовой. Одной 16-летней девушке довелось встать напротив Абалакской иконы. Бесстрашной рукой она сделала выстрелы. Одна пуля попала Богородице в губу, а другая – Младенцу Христу между глаз. Через некоторое время все иконы карасульцы разобрали по домам, и история вроде забылась. Девушка вышла замуж, у неё родилось трое детей. Первенец был вполне развитым ребёнком, но «косноязычным». Второй сын родился с более страшными изъянами – «заячьей губой» и «волчьей пастью». А третьего, как говорят, матери даже не показали, – его врождённые заболевания оказались несовместимы с жизнью. Когда в селе открылся приход (в 1995 году клуб был закрыт, его помещение начали разворовывать, и карасульцы на сходе в 1998 году постановили вернуть здание церкви), эта женщина часто приходила в храм и подолгу каялась со слезами у иконы Знамения, которая также – первая из всех икон – была возвращена в церковь, её принёс человек по имени Александр⁶¹.

История эта уже стала обретать черты легенды, в которой действие перенесено в начало двадцатых годов, икона была единственной мишенью, и детей у женщины в этой легенде только двое – девочка имела «заячью губу», а мальчик был слабоумным. Именно в таком несколько мифологизированном виде она впервые опубликована в конце 1990-х годов в «Сибирской православной газете» и попала на страницы 12-го выпуска детского журнала «Конёк-Горбунок»⁶².

Помимо своей истории, образ этот очень интересен в живописном отношении. Клейма с предстоящими Николаем и Марией помещены непосредственно в пространство иконы, лишённой полей. Красками воссозданы не только жемчужный убрус и поручи Богородицы, но и золочёная цага оклада вокруг Её головы с изображением херувимов. Вокруг Богомладенца, облачённого в розовый (!) хитон – уже знакомое нам «сияние» в виде двух сходов лестницы тёмно-оранжевого цвета, которое лишь отдалённо напоминает чеканное обрамление-медальон оригинала. Размер иконы 85х70 см.

Все вышеописанные иконы не имеют металлических окладов, их заменяют либо элементы золочения, либо имитирующая оклад живопись. Однако в Свято-Екатерининском храме села Шаблыкино Ишимского района можно увидеть икону Знамения Абалакскую в чеканном латунном окладе хорошей работы. На одеянии Богородицы видны следы от утраченных вставок полудрагоценных камней; частично они сохранились лишь в нимбах Богоматери и Иисуса. Живопись сохранилась плохо; лики написаны заново художником Игорем Шевченко, расписавшим также и большую часть храма. Эта икона изначально находилась в киоте по северную сторону от иконостаса; впоследствии попала в Ишим к настоятелю Покровской церкви о. Константину Некрасову; когда храм стал возрождаться, шаблыкинские «бабушки» забрали у него образ и привезли в его родной храм⁶³.

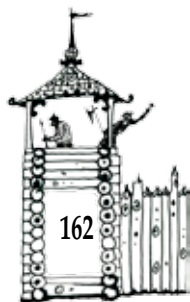
Список Абалакской иконы (утрачен) в киоте у южного клироса Покровской церкви на ст. Ишим. Фрагмент группового снимка духовенства и прихожан; слева – настоятель прот. Константин Протопопов. 1935 г. Фотография из архива Н.К.Ивановой.

Своеобразны Абалакские иконы, написанные уже в начале XX века, с явным отпечатком стиля модерн. Одна такая икона долгое время находилась в алтаре градо-Ишимской Никольской церкви; в мае 2012 года она помещена в киот у юго-восточного столпа⁶⁴. Икона размером 85х66 см, очень хорошего «академического» письма, создана, возможно, в Ишиме. Лик Богородицы написан в «васнецовско-нестеровском» духе с большими миндалевидными, чуть томными глазами. Вокруг головы Христа нимб изображён в виде неяркого свечения, округлого сияния-медальона также нет. Нимб Богородицы и поле иконы сплетены из тонкого орнамента по сусальному золоту, по углам иконы – орнаментальные золотые круглые медальоны с восьмиконечными звёздами. Надписание

имени Девы Марии выполнено в буро-зелёном поле крупными охристыми буквами, сплетающимися в орнаментальные виньетки. Предстоящие святые на голубом фоне помещены в медальоны по средней линии с некоторым выступом в поле иконы. Мария Египетская облечена в хитон (вместо накинутой на плечо туники).

Стилистически сходна с этим образом келейная икона почти квадратных пропорций (31х27 см) из Богоявленского собора. Она создана иконописцем Михаилом Степановичем Чукардиным⁶⁵, передана в храм его внучкой Риммой Евгеньевной в 1990-х годах. Цветовая гамма иконы выдержана в холодных тонах, что характерно для модерна. Нимбы Марии и Христа решены в виде сияния; глаза Богородицы так же «по-васнецовски» крупные и печальные, взгляд Богомладенца, напротив, по-детски весел; он «сидит» непосредственно в мафории, без медальона. Руки Божией Матери словно поддерживают фиолетово-голубой свод, в котором в верхних углах доски помещены орнаментированные символы Её имени. Предстоящие изображены в медальонах по бокам, ближе к нижнему краю иконы, венчают медальоны «пламенеющие» очелья в русском стиле. Плащ преподобной Марии закинут на левое плечо.

Конечно, молиться Богу можно в любом месте и при любых обстоятельствах, даже не имея перед собой иконы, – Господь примет молитву. Однако икона помогает молящемуся сосредоточиться, придаёт молитвенной «беседе» конкретику. А списки с чудотворных икон получили такое распространение потому, что заказчики копий верили: коль скоро Бог даёт особую благодать через особо почитаемые образы, перед которыми люди молятся усерднее, то и списки их тоже несут на себе отпечаток особой помощи Божией, и молитва перед ними будет «скорее услышана». Для верующего человека икона – это «окно» в Горний мир, и не столь значимы для него древность доски как таковая (древность почитается как знак «намоленности» иконы предыдущими поколениями) или мастерство иконописца. Первообраз Абалакской иконы исчез, но он живёт во множестве списков, обретающих свою историю, живёт в сердцах людей, просящих Деву Марию и Её Младенца, святителя Николая и преподобную Марию Египетскую – за своих близких, за родной сибирский край, за всю Россию...

Примечания (окончание):

³² Сулоцкий А.И. Описание наиболее чтимых икон... С. 149. Подробнее об этой иконе см.: Крамор Г.А. «Если заблудитесь – церковь ищите!...». Явленная икона и святой источник в Черемшанке // Коркина слобода. Вып. 10. Ишим, 2008. С. 41-47.

³³ Госархив в г. Тобольске, ф. И-156, оп. 11, д. 1055, л. 1 с об.

³⁴ Там же, л. 3, 4.

³⁵ Там же, л. 5.

³⁶ Там же, л. 8 с об.

³⁷ Там же, л. 9 с об. Почему «двумя иконами» - загадка.

³⁸ Сулоцкий А.И. Описание наиболее чтимых икон... С. 149.

³⁹ ГАТюмО, ф. И-12, оп. 1, д. 20, л. 35об.

⁴⁰ Омская епархия / Сост. свящ. Климент Скальский. – Омск: Типография А.К.Демидова, 1900. – С. 283;

⁴¹ Справочная книга Омской епархии / Сост. свящ. Иоанн Голошубин. – Омск: Типография «Иртыш», 1914. – С. 710, 711, 718.

⁴² ГАТюмО, ф. И-12, оп. 1, д. 20, л. 63 об.

⁴³ Находилась рядом с д. Стрехнина и ныне полностью слилась с этим пригородным поселением, получившим статус села.

⁴⁴ ГАТюмО, ф. И-12, оп. 1, д. 20, л. 36.

⁴⁵ Савченкова Т.П. Ишим и литература. Век XIX-й. – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П.Ершова, 2004. – С. 263.

⁴⁶ В переводе З.Н.Журавской, опубликованном в книге Т.П. Савченковой: «трёхконечные».

⁴⁷ Пётр Отишельник (ок. 1050 – 1115) – проповедник в первых крестовых походах.

⁴⁸ Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885-1886 гг.). Т. 1. / Пер. с англ. И.А.Богданова. – СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. – С. 160-161.

⁴⁹ Справочная книга Омской епархии. – С. 715.

⁵⁰ Град Китеж. 1995. № 1 (16). С. 5. См. также: Фролов Л.В. Храмы земли ишимской // Ишим далёкий – близкий: Научно-популярные очерки / Под ред. Т.П. Савченковой и др. – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П.Ершова, 1997. – С. 146.

⁵¹ Крамор Г.А. Православные храмы Ишима // Ишим и Приишимье: страницы истории: колл. монография. – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П.Ершова, 2013. – С. 236.

⁵² Единственный храм на территории Тюменской области, который не был закрыт ни на один день – церковь Семи отроков Эфесских на Завальном кладбище в Тобольске.

⁵³ Подсчёт произведён по «Справочной книге Тобольской епархии» (Тобольск, 1913) и «Справочной книге Омской епархии» (Омск, 1915); в нём не учтены приходы, появившиеся в период с 1913 по 1919 гг., но число их незначительно.

⁵⁴ Приход открыт в 1858 году, первый храм построен в 1865 году, выстроен вновь в 1899-1900 гг., деревянный на кирпичном фундаменте (Справочная книга Тобольской епархии. – Тобольск: Типография Епархиального братства, 1913. – Часть 2. – С. 53-54).

⁵⁵ Закрыта постановлением президиума Омского облисполкома № 305 от 4.03.1938 г. (Госархив в г. Ишиме, ф. 179, оп. 1, д. 1, л. 33). Чуть ранее в числе членов церковного совета упомянута Ефросинья Чунихина (там же, л. 22).

⁵⁶ Запись в Синодике Богоявленского собора.

⁵⁷ Запись Е.Г. Рюминой, Абатский краеведческий музей.

⁵⁸ Справочная книга Тобольской епархии. Часть 2. – С. 69.

⁵⁹ Справочная книга Омской епархии. – С. 33.

⁶⁰ Официально храм закрыт постановлением Омского облисполкома № 123 от 9 марта 1939 г. (Госархив в г. Ишиме, ф. 179, оп. 1, д. 1, л. 106), хотя уже к 20 ноября 1938 года она использовалась «как элеватор» (там же, л. 119).

⁶¹ Рассказ старосты Карасульского прихода Любови Георгиевны Кабаченко, запись 30.08.2013 г. Архив автора.

⁶² Рассказ протоиерея Михаила Денисова, запись 3.03.2013. Архив автора.

⁶³ Рассказ епископа Евтихия (И.Т.Курочкина), запись 1.09.2013. Архив автора.

⁶⁴ Бекасов К. Ишимскую копию Абалакской иконы Божьей Матери поместят в киот // ИА «Тюменская линия», 10.05.2012. <http://t-l.ru/138941.html>.

⁶⁵ См. о нём подробнее: Чукардин Е.М. История жизни моего отца (по его рассказам) // Коркина слобода. Вып. 10. Ишим, 2008. – С. 86-90.

Ишимский педагогический техникум (училище) в 1929-1941 гг.

После установления на всей территории страны советской власти система народного образования подверглась радикальным изменениям. Государство нуждалось в грамотных людях, способных осознать и усвоить новые общественно-политические идеи. От этого зависел успех социалистического строительства, подготовки квалифицированных кадров и их политического воспитания.

На протяжении 1920-х гг. одной из проблем школ СССР оставалась нехватка педагогических кадров. Лишь незначительный процент педагогического состава школ Ишима составляли работники со специальным педагогическим образованием. Так, например, из 68 учителей школ I ступени лишь 3 % имели педагогическое образование, 40 % – среднее общее образование, в школах II ступени работали 30 % педагогов с низшим образованием¹.

В связи с этим советская власть начала работу по поднятию квалификации учительства. Исходя из ленинского постулата о значении для революции учительских кадров, органы народного образования открывали курсы по подготовке социальной армии учителей. Цель ставилась двоякая: не только педагогическая подготовка учителей, но и их политическое воспитание и перевоспитание².

Начиная с 1923 г. в Ишиме – центре Ишимского округа – ежегодно организовывались курсы по переподготовке учителей. Кроме того, при районных центрах и отдельных крупных сёлах работали методические бюро и разного рода кружки. Это давало возможность значительно повысить квалификацию учителей, тем самым поднять качество школьной работы³. В 1924/1925 уч. году в городе создали кружки (взамен прежних – политического и педагогического) с целью переподготовки работников просвещения. Первый кружок – школьных работников школ I ступени с включением в него работников детдомов школьного возраста; второй – кружок работников школ II ступени. Работа в них велась по двум направлениям: воспитания политического (марксистского) мировоззрения и повышения педагогической квалификации (разработка методических вопросов). Кружки собирались с периодичностью не реже четырёх раз в месяц⁴.

Потребность в учителях резко возросла после принятия в 1930 году декрета «О введении всеобщего обязательного начального обучения». Основная роль в подготовке квалифицированных учителей нового поколения отводилась педагогическим техникумам.

23 февраля 1929 г. на основании постановления Ишимского окрисполкома на базе школы II ступени был организован Ишимский педагогический техникум. Техникум находился в ведении Наркомпроса РСФСР и непосредственно подчинялся отделу народного образования Уральской области (УралОНО)⁵.

В день официального открытия Ишимского педтехникума, которое проводилось совместно с представителями партии и профессиональных организаций, руководство нового учебного заведения торжественно заверило УралОНО, что «молодой техникум целиком и полностью выполнит все задачи, возлагаемые ленинской партией и советской властью по подготовке кадров красных специалистов педагогов-общественников».

Ишимский педагогический техникум приступил к организации I курса с 3 сентября 1929 г. Вступительные испытания производились приёмной комиссией с 3 по 7 октября в соответствии с установленной для приёма в техникумы программой. Вследствие недоукомплектования приём заявлений был продлён до 15 октября, испытания же продлились до 1 ноября. Учебные занятия начались с 7 октября 1929 г. Учебниками и учебными пособиями техникум был совершенно не обеспечен. Оборудование и приспособление здания предполагалось закончить к 8 декабря.

¹ ГАСО. Ф.Р-233. Оп.1. Д.1468. Л.26-29.

² Шамахов Ф. Ф., Трофимов П. А. Из истории Сибирской школы (1917-1931). Новосибирск, 1976. С. 46.

³ Десять лет советской власти в Ишимском округе (1917-1927) / Под ред. Т. Д. Корушина. Ишим, 1927. С. 39-40.

⁴ ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 100. Л. 209 об.

⁵ Фонды музея ИГПИ им. П.П. Ершова.

⁶ ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 2. Д. 74. Лл. 88 с об., 154.

⁷ Госархив в г. Ишиме. Ф.161. Оп.1. Д.5. Л.1.

⁸ Госархив в г. Ишиме. Ф.161. Оп.1. Д.9. Лл.11; 18.

⁹ Госархив в г. Ишиме. Ф.161. Оп.1. Д.8. Л.4.

¹⁰ ГУОО «ИсА». Ф.1272. Оп.1. Д.103. Л.2.

¹¹ Госархив в г. Ишиме. Ф.161. Оп.2. Д.1129. Лл.2; 3; 8.

¹² ГУОО «ИсА». Ф.1272. Оп.1. Д.26. Лл. 135-138, 139.

¹³ ГУОО «ИсА». Ф. 1272. Оп. 1. Д. 103. Л. 2.

¹⁴ Госархив
в г. Ишиме. Ф.180.
Оп.1. Д.10. Л.277.

¹⁵ ГУОО «ИсА».
Ф.1272. Оп.1.
Д.103. Л.1; 46;
55; 62.

¹⁶ Госархив в г.
Ишиме. Ф.752.
Оп.1. Д.4. Л.97; 205.

Материальное содержание техникума включалось в окружной бюджет. В соответствии со сметой расходов на 1929/1930 уч. год, утверждённой окружной бюджетной комиссией, на его финансирование было выделено 26000 руб. Стипендиальный фонд распределялся особой комиссией, в состав которой входили председатели ОНО и местных комитетов ВКП(б) и ВЛКСМ.

В 1930/1931 уч. году, кроме уже существующего школьного отделения, Ишимский педагогический техникум укомплектовал I курс дошкольного отделения⁶. Таким образом, техникум занимался подготовкой учителей начальных школ, дошкольных работников, работников детских площадок на трёх факультетах: школьном, дошкольном и подготовительном, с продолжительностью курса обучения в 3 года.

На 1 января 1931 г. на школьном факультете числились 79 учащихся, на дошкольном – 26, подготовительном – 49, всего 105 студентов⁷. Каждый год Ишимский техникум выпускал более 20 молодых специалистов.

**Корпус педу-
чи-лица.** 1935 г.
Фотография из ар-
хива П.А.Гашковой.
ИИХМ.

Первым директором педтехникума стал Сергей Илларионович Дрёмин – человек высокой культуры, не боявшийся принимать на работу ссыльных ученых, несмотря на неоднократное предупреждение со стороны городских властей. Так, в техникуме работали ссыльные доцент Василий Михайлович Шипов и его супруга Ольга Сергеевна, профессор Белорусского университета Аркадий Антонович Смолич⁹.

**На уроке у
П.А.Гашковой.**
1936 г. Фотогра-
фия. ИИХМ.

В первой половине 1930-х гг. в учебном заведении шёл процесс формирования педагогического коллектива. В 1932/1933 уч. году из 16 преподавателей всего трое имели законченное высшее педагогическое образование, в 1933/1934 г. – уже пятеро педагогов, со средним специально-педагогическим работали 6 учителей¹⁰. Имена первых педагогов: Василий Иосифович Смирнов – преподаватель географии, выпускник Тюменского педагогического института; Пелагея Андреевна Гашкова, окончила Пермский пединститут, по семейным обстоятельствам оказалась в Ишиме, была

принята преподавателем естествознания и биологии; Иосиф Кузьмич Скорко, после окончания Комвуза в г. Свердловск преподавал историю¹¹.

Преподаватели техникума, стремясь повысить свой образовательный и профессиональный уровень, продолжали обучение в педагогических вузах страны. Так, в 1936 г. Вера Тихоновна Андриевская окончила Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И.Герцена и получила специальность преподавателя педагогики и психологии. В 1940 г. она, работая преподавателем педагогики и будучи заведующей учебной частью, была направлена на учёбу в аспирантуру Ленинградского государственного института им. Н.К.Крупской¹².

Кроме того, некоторые из выпускников оставались в родном учебном заведении в должности преподавателей. Так, в 1939 году преподавателями игры на скрипке приняты выпускники А.Ф.Мякинин, И.М.Степанов¹³.

Ишимский педагогический техникум имел важное значение для поднятия культурного и образовательного уровня населения края. Его первоочередной задачей

¹⁷ ГУОО «ИсА». Ф.1272. Оп.1. Д.26. Лл.135-138, 139.

¹⁸ ГУОО «ИсА». Ф.1272. Оп.1. Д.103. Лл.1; 46; 55; 62.

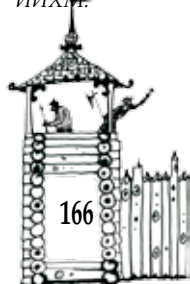
¹⁹ Госархив в г. Ишиме. Ф.752. Оп.1. Д.4. Л.97; 205.

На занятии музыкой. 1937 г. Фотография из архива П.А.Гашковой. ИИХМ.

В библиотеке педучилища. 2-я пол. 1930-х гг. Фотография из архива П.А.Гашковой. ИИХМ.

являлась подготовка учителей начальных школ для города и округа. В 1930-е гг. педтехникум проходил стадию своего становления: шёл процесс формирования профессионального педагогического коллектива, совершенствования образовательного процесса, в конце этого периода было открыто заочное отделение, контингент учащихся с каждым годом увеличивался.

В 1937 г. Ишимский педагогический техникум был преобразован в педагогическое училище. Оно состояло из одного школьного отделения и 19 классов. В I группе входило 9 классов – 268 человек, во II группе обучались 108 человек, III группа включала 6 классов – 176 человек. Всего на 1 сентября 1938 г. в училище числились 552 студента. Отсев учащихся за 1939 г. составил 58 человек. Относительный процент успеваемости по педучилищу составлял 98,3 %¹⁴. Поступающие в 1 класс училища держали испытания по русскому языку, математике, географии и Конституции СССР¹⁵.

В училище работали 26 педагогов, из них высшее образование имели 14, незаконченное высшее – 6, педагогов со средним образованием было 3, с незаконченным средним – 2 человека, с низшим – 1.

К концу 1930-х гг. при педучилище действовала довольно обширная библиотека. Общее число книг в ней составляло 17480 экземпляров: большая часть (63 %) – учебники, 5300 книг (30 %) – художественная литература, 700 книг (4 %) – педагогические и методические издания, 500 экземпляров (3 %) – детская литература.

Педагогическая практика организовывалась на базе трёх школ¹⁶.

При педучилище действовали кружки: хоровой, драматический, фотодела; духовой и струнный оркестры. Работали секции по политучёбе, по изучению истории педагогики и по истории ВКП(б). Кружковыми занятиями были «охвачены» все студенты¹⁷. В начале 1940 года педагоги училища и учащиеся организовали небольшой симфонический оркестр, руководителем и дирижёром которого стал преподаватель музыки В.О.Еманакон. В духовом оркестре играли 12 музыкантов: Владимир Шабров, Илья Квашнин, Дмитрий Смирнов, Иван Селянинов, Андрей Бортнев, Михаил Романов, Иван Тюльпин, Яков Ерофеев, Виктор Куликов, Николай Дружинин.

Под звуки духового оркестра выходили на митинги, субботники, танцевали на вечерах вальсы и фокстроты.

В здании педучилища имелось всего 10 учебных кабинетов, из которых в силу крайней необходимости 4 кабинета пришлось перегородить, получилось 24¹⁸. Общежитие размещалось в девяти домах, в которых проживали 255 студентов, и почти столько же

– 220 – нуждались в общежитии. Учебное заведение испытывало острую нехватку в помещениях – как учебных, так и жилых. Но несмотря на имеющиеся планы по строительству новых зданий для педучилища, которое предполагалось закончить в 1939 году, проблемы оставались нерешёнными.

Исполнительный комитет Ишимского горсовета вместо оказания помощи педучилищу вынес решение об изъятии домов из его ведения. Здания на ул. им. Сталина, № 1 (учебный корпус), два флигеля, занимаемые на три четверти преподавателями и учащимися, а также дом на ул. им. Луначарского, 2, в котором проживали сотрудники училища и студенты, передавались на баланс городского жилищного управления¹⁹. 15 марта 1940 г. было вынесено постановление об вселении в здание педучилища Ишимской политпросветшколы и об изъятии от педучилища двух домов, используемых в течение десяти лет под общежития: ул. Пономарёвская, 29 и ул. им. Сталина, 16. Но благодаря обращениям руководства педучилища в облоно решения исполкома были пересмотрены, здания остались закреплёнными за педучилищем, но только на период 1940-1941 гг.²⁰ 25 июля 1941 г. на заседании Ишимского

Духовой оркестр Ишимского педучилища п/у В.О.Еманакова.

Слева направо, нижний ряд: В.Шабров, И.Квашнин, Д.Смирнов, И.Селянинов; средний ряд: А.Селянинов, А.Бортнев, В.Шишарин, М.Романов, И.Тюльпин; верхний ряд: Я.Ерофеев, В.Куликов, Н.Дружинин. 8 июня 1941 г. Из архива В.О.Еманакова. ИИХМ.

горсовета вновь рассматривался вопрос о педучилище. Было принято решение о предоставлении ему дома № 42 на ул. им. Луначарского, находящегося под бронью для семей эвакуированных²¹. Некоторое время училище располагалось по этому адресу. В дальнейшем ему было возвращено здание на ул. им. Сталина, 1 (ныне ул. им. Ленина, 1).

Итак, с 1937 года начался новый этап в истории развития Ишимского педагогического училища. Учебному заведению был присвоен новый статус

– статус училища. Педагогический коллектив постоянно повышал свой профессиональный уровень. Об этом свидетельствует тот факт, что число преподавателей, имеющих высшее педагогическое образование, заметно возросло. Кроме того, наблюдалось увеличение контингента студентов, что являлось положительным моментом. Параллельно основной учебной деятельности в педучилище активно разворачивалась культурно-просветительская работа через различные кружки и секции.

В общем же за годы «сталинских пятилеток» педучилища страны подготовили сотни тысяч молодых учителей для начальных школ.

²⁰ ГУОО «ИсА». Ф.1272. Оп.1. Д.103. Л.1; 46; 55; 62.

²¹ Госархив в г. Ишиме. Ф.752. Оп.1. Д.4. Л.97; 205.

Ученики и преподаватели Ишимского педтехникума. 2 выпуск.

3-й ряд, слева направо преподаватели: 1 - Е.М.Чукардин, 2 - А.А.Смолич. 1933 г. Музей ИГПИ им. П.П.Ершова. Фоторепродукция автора.

*Ученики и преподаватели Ишимского педтехникума. 3 выпуск.
1934 г. Музей ИГПИ им. П.П.Ершова. Фоторепродукция автора.*

*Ученики и преподаватели Ишимского педтехникума.
2-й ряд снизу, слева направо: 2 - В.О.Еманаков, 5 - П.А.Гашкова, 6 - директор С.И.Дрёмин (арестован в январе 1937 г. как «троцкист»). 1935-1936 гг. Из архива П.А.Гашковой. ИИХМ.*

Преподавательский состав Ишимского педагогического училища (1939 г.)

Ф.И.О.	Учебный предмет	Образование	Стаж работы
Скорко Иосиф Кузьмич	история	Свердловский Комвуз	с 1929 г.
Смирнов Василий Иосифович	география	Тюменский педагогический институт	с 1930 г.
Гашикова Пелагея Андреевна	естествознание	Пермский педагогический институт	с 1927 г.
Сурин Нестор Владимирович	химия	Сибирский сельскохозяйственный институт	с 1931 г.
Чукардин Евгений Михайлович	изо	Омский художественный техникум	с 1930 г.
Орельский Леонид Владимирович	скрипка	Ниже-Новгородское реальное училище (5 кл.)	с 1932 г.
Темникова Мария Михайловна	физика	Омский педагогический институт	с 1932 г.
Духанина Наталья Николаевна	русский язык	_____	с 1928 г.
Лайсе Ян Янович	скрипка	Омские музыкальные курсы 1904 г.	с 1935 г.
Давыдов Александр Ефремович	скрипка	Ленинградский ветеринарный институт	с 1938 г.
Владимировцева Екатерина Семеновна	русский язык, литература	Тюменская женская гимназия	с 1917 г.
Воробьев Петр Давыдович	русский язык, литература	Омский институт им. Герцена	с 1934 г.
Ромейко Анатолий Иосифович	математика	Саратовский инженерный институт	с 1936 г.
Нуклина Анна Федоровна	география	Пермский педагогический институт	с 1931 г.
Гирия Иван Павлович	военное дело	5 кл. начальной школы	с 1938 г.
Литовченко Иван Захарович	литература, русский язык	_____	с 1934 г.
Петухов Павел Константинович	история	Педагогический ин-т им. К. Либкнехта (заочно)	с 1930 г.
Горбатов Александр Владимирович	естествознание	Омский педагогический ин-т (III курс, заочно)	с 1936 г.
Соснина Анна Федоровна	педагогика	Пермский педагогический институт	с 1915 г.
Андреевская Вера Тихоновна	педагогика	Ленинградский пед. ин-т им. Герцена	с 1936 г.
Петрова Мария Михайловна	русский язык, литература	Омский педагогический институт	с 1923 г.
Фофанов Николай Семенович	физика	Техникум	с 1934 г.
Иванов Николай Семенович	русский язык, литература	_____	с 1936 г.
Тимошина Нина Степановна	математика	Саратовский инженерный институт	с 1939 г.
Завьялов Ермолай Куприянович	история	Омский Комвуз	с 1933 г.
Еманаков Виктор Олимпиевич	музыка	Механический техникум	с 1936 г.
Ерохина Евгения Сергеевна	химия	Тюменский педагогический институт	стажа нет
Вассерман Борис Исаакович	математика	Тюменский педагогический институт	с 1937 г.
Беляков Василий Григорьевич	пение	Московские музыкальные курсы	стажа нет
Мякинин Александр Федорович	скрипка	Ишимское педучилище	стажа нет
Налугин Павел Петрович	скрипка	Ишимское педучилище	стажа нет
Степанов Иван Максимович	скрипка	Ишимское педучилище	стажа нет
Карпов Михаил Михайлович	математика	Ивановский пединститут	4,5 года
Лукин Александр Сергеевич	физика	Ленинградский институт механизации	с 1937 г.

Источник: ГУОО «ИсА». Ф.1272. Оп.1. Д.103. Л.2.

ПАМЯТНЫЕ записи

А. Е. Шестаков

Спасибо, альма-матер!

Годы учёбы в Ишимском педучилище

«Саша Шестаков, студент Ишимского педагогического училища». 1950 г. Фотография. Архив автора.

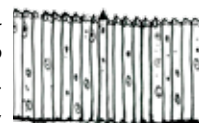
Совсем недавно, в 2012 году, исполнилось шестьдесят лет двадцатому выпуску Ишимского педагогического училища, из которого вышло немало молодых специалистов, вернувшихся после учебы в родные места уже в качестве наставников. В моих бердюжских, например, краях появились «свеженькие» педагоги, сразу обратившие на себя внимание. Это Геннадий Шестаков и Эмилия Нооль, Яков Колмагоров и Владимир Курков, Иван Чалков и Светлана Миллер, Пётр Савельев и Владимир Ходырев, Валентин Скитин и Александр Бессмертных.

Автору этих строк тоже определено было поработать в Угрюмовской начальной, пока не сагитировали в журналистику. Немного служил в просвещении и мой земляк-односельчанин по Мишино Геннадий Шестаков, которому доверили руководство отделом культуры Бердюжского района. А Сашу Бессмертных из Савино избрали секретарём Бердюжского районного комитета комсомола.

Выпускники Ишимского педагогического уверенно влились в трудовые коллективы, потому что в жизнь они ушли с приличным профессиональным багажом, с жадой творческого поиска, с определёнными моральными и интеллектуальными устоями. Прилежность, активность, равнодушие – главное, чем привлекательны были свежие силы, новая группа пополнения. Не случайно, наверное, Владимир Курков и Пётр Савельев скоро выдвинулись в директора солидных школ – Старорямовской и Пегановской.

После школы-«семилетки»

После «семилетки» мы, юные мальчишки и девчонки, с трепетом входили в представительный белый «двухэтажник» бывшей «бурсы», в недавний военный госпиталь, немея перед гигантским портретом вождя-генералиссимуса. Но робость наша деревенская в большом городском учебном заведении скоренько улетучивалась, рассеивалась. Мы быстро знакомились с первокурсниками-«салагами», заводили надёжных друзей, приятелей, попадали под шефство «старичков», под отеческий глаз педагогов. Сегодня любой прошедший ученичество в Ишимском педагогическом с благодарностью назовёт своих тогдашних наставников Марию Петровну Яцык, Евдокию Матвеевну Бессонову, Пелагею Андреевну Гашкову, Татьяну Семёновну Вотинцеву, Евгения Михайловича Чукардина, Андрея Николаевича Лимахина, Ивана Николаевича Селянинова, Владимира Фёдоровича Кислова. Последнего Бердюжье, например, знает очень хорошо. После педучилища он работал здесь. Эта творческая личность до дней последних своих не переставала что-то изобретать,

В этом здании на ул. Сталина, 1, изрядно потрёпанном после выезда занимавших его во время войны артспециколы и эвакуогоститалья, после войны возобновились занятия Ишимского педагогического училища. 1949 г. Фотография из альбома завуча педучилища Пелагеи Андреевны Гашковой. ИИХМ.

¹ Ныне ул. Большая Садовая. (Прим. ред.)

позубоскалить надо мной вдоволь. Был такой любитель обидных «шуток» в нашем, в общем-то дружном, братстве. Его ехидные словечки-колючки, его беспощадные групповые налёты с криками «салазки будем гнуть» до боли обижали сокурсников, а особенно младших. Фамилию его, нынешнего пенсионера, из корректности не назову. Любой из наших «бурсаков» поймёт, о ком речь. Меня, правда, он не трогал: я был не общежитский. И ещё, наверное, по одной простой причине: меня ненавязчиво опекали старшие, с которыми я начинал играть в духовом оркестре. Это Михаил Поляков, Николай Данилин, Владимир Колмаков, Максим Ванюков. Эти уже умели постоять за себя и за других тоже. У них учился многому. Даже тому, как с пользой тратить свободное время. Тяга к ничегонеделанию частенько обволакивала нас, не защищённых возрастом и опытом. А «старички» в большинстве своём уже прилежно осваивали предметы, усердно занимались любимыми увлечениями.

«В городском саду играет...»

Идёшь, бывало, училищным коридором и слышишь из свободной аудитории тихие баянные переборы. Можешь даже не заглядывать в дверь – в дальнем углу классной комнаты, конечно же, гоняет гаммы светлолицый, не богатырского сложения, негромкоголосый, но удивительно работоспособный и углублённый детдомовец Кимка. Так однокашники величали Николая Акимовича Данилина, ставшего потом и музыкантом-концертантом, и журналистом-писателем, и активистом-общественником.

Это он сотворил документальную повесть о нашем легендарном разведчике Николае Ивановиче Кузнецове и реализовал свой проект бюстов Герою в Тюмени и в Талице Свердловской области. Это он приоткрыл начальные страницы истории тюменского комсомола, поведав о славных делах дедов и отцов наших. Это он после архивных поисков, используя воспоминания современников, выдал сборник очерков о подвигах наших земляков, Героях Великой Отечественной. Это он вот уже более полувека опекает своих бывших воспитанников-детдомовцев и почти три десятка лет возглавляет союз детдомовцев. Нет цены работе этого объединения!

А как долго и настойчиво этот человек бился в областных и столичных офисах, чтобы выхлопотать (скажу точнее – вырвать) духовой оркестр для обездоленных. И в широких просторах Пришимья, в Покровском детдоме Сладковского района, впервые заиграл новенький громогласный оркестр.

Это он, Николай Данилин, причастен к созданию в нашем крае более тридцати мемориалов. А монументы жертвам крестьянского восстания 1921 года в сёлах Дубыньском, Большой Ченчери, Новопокровке стали памятниками федерального значения.

В коротеньких строчках моих трудно рассказать о давнем и нынешнем друге, об этом результативном, моторном поисковике-краеведе. Вот такие Кимки, неофициальные лидеры ученического коллектива, с готовностью приняли меня в свою «могучую кучку», сплотившуюся вокруг маэстро, бывшего «сына полка» Ивана Николаевича Селянинова. Теперь и я прятался в какой-нибудь самый глухой уголок зда-

Занятие духового оркестра училища под руководством И.Н.Селянинова. Подпись на обороте: «Лабушата: Колмаков В.И., Ванюков М.Ф., Данилин Н.А., Поляков М.Я., Самойлов Ник., Бренёв Иван. 1 курс». Фотография. Музей ИГПИ им. П.П.Ершова.

Струнный оркестр. Руководитель - В.Ф. Кислов. 1948-1949 уч. г. Фотография. Музей ИГПИ им. П.П.Ершова.

ния и дул до изнеможения в свою трубу, осваивая партию второго кларнета. Потешно. У моего маленького серебристого инструмента был, естественно, маленький воронкообразный мундштучок. В него с великим трудом втискивал я губы. Маялся с ними, толстыми и опухшими, на полном серьёзе завидуя Вовкам – Глазунову и Кристелю, Карлуше Герману и Ванечке Тельцову, у которых и губы были потоньше, и на ихних альтушках, баритонах да басах мундштучки в диаметрах были чуточку пошире. Без неловкости сознаюсь, до слёз дело доходило с этой неожиданной проблемой. А изящный, не суетливо подвижный Иван Николаевич профессорски твердил: «Репетируй. Получится. Обязательно получится». И с доверительной лукавинкой: «А у меня-то целовалки, глянь, не тоньше твоих. Так что вперёд, музыкант!».

Воодушевлённый поддержкой, я готов был ни на час не расставаться с трубой. Притащил её даже в мизерную избушку, что стояла на улице им. Ворошилова¹. Дядя Сергей с тётей Натальей, с сынишками Толей и Лёней сникли. Пронзительно-громкая дудка моя лишила их покоя. «Нельзя ли, Саня, потише, – взмолились. – Уши ведь всем нам кончишь». Уходил в дощатую сараюшку и продолжал дуть свои «доремифасоли» и пока не очень стройные музыкальные пассажи... Зато на какую высокую высоту взлетело моё гордое сердце, когда впервые на танцах на каком-то училищном празднике наш оркестр заиграл «Прощайте, скалистые горы», «В городском саду...».

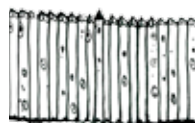
Если уж пошла речь о музыке, скажу ещё одну деталь. Класс баяна-аккордеона вёл у нас Иван Николаевич Селянинов, класс скрипки – Василий Иванович Беляков, класс мандолины – Владимир Фёдорович Кислов. Нашей группе определили мандолину. Мы глубоко огорчились, завидуя счастливым клавишникам. Учитель наш был с хоршим музыкальным именем, а вот ярких мандолинистов из нас так и не получилось. Только Саша Долгих, по-моему, заметно увлёкся этой медиаторной многострункой. И весьма значительными были успехи в овладении мандолиной у самого младшего из нас – Володи Кристеля. Даже опытные музыканты дивились, слушая второкурсника, с блеском исполняющего на скромненьком инструменте бравурный вальс «Дунайские волны» и задушевный марш «Прощание славянки».

Позже, будучи педагогом Маслянской железнодорожной школы, он многое сделал для пропаганды музыкальной культуры и практической музыки. За свои труды просветительские Владимир Кристель удостоен звания заслуженного учителя Российской Федерации.

А большинство из нас, не ставших завзятыми мандолинистами, не очень огорчились и расстраивались. Нас радовало, что грамоту нотную мы освоили. И на первых уроках педпрактики, на уроках пения, могли суммировать познанное на занятиях по музыке и по вокалу, который преподавала Наталья Николаевна Духанина, человек большой культуры и такта. Словом, русские народные «Во поле берёза стояла», «Во саду ли в огороде», «Как у наших у ворот» и другие из программы начальной школы мы могли профессионально спеть и проаккомпанировать себе, пользуясь изруганной нами мандолиной...

Но юность не унывала

Скудным, очень скудным было наше материальное обеспечение в то послевоенное время. Разутые-раздетые, полуголодные. На нашу стипендию даже булку ба-

Аккордеонисты Ишимского педучилища. В центре сидит И.Н.Селянинов, справа от него – Виктор Филатьев. Конец 1940-х гг. Фотография. Музей ИГПИ им. П.П.Ершова.

дряблых мышц и колченогой деревенской речи. Новые наши наставники не охали около нас, бедненьких, а требовали от нас усиленной работы за партой, поощряли нашу занятость в различных кружках и секциях, активно участвовали с нами в общегородских культурных, спортивных, благоустроительных акциях. Я убеждён, что немаленький отрезок улицы Карла Маркса, центральной улицы Ишима, именно мы засадили белопенными яблоньками. А как старательно ухаживали мы за нашим лирическим уголком – сиреневым сквером, который был особенно мил в пору весеннюю. Какой праздник красок! Какой упоительный аромат! Какой призыв к любви и добру! Может быть, об этом уголке так проникновенно написал мой друг-ишмеец, ныне живущий в бердюжском Уктузе, поэт Валентин Законов:

Татьяна Семёновна Вотинцева. Фрагмент групповой фотографии. Конец 1940-х гг. Музей ИГПИ им. П.П.Ершова.

*Я вхожу в сиреневое царство,
Рву букеты, небо наклоня,
Чтоб девчонке в платьице цветастом
Было легче понимать меня...*

А девчонок в эту «студенческую» пору уже трогали наши распахнутые сердца. И педагоги умели уважительно относиться к чистородниковым чувствам. Они, наверное, видели: кто влюбляется, тот начинает хорошистее учиться, обзаводится первыми штришками степенности, искренней уважительности к окружающим. Вот теперь уже нас коробила ветхость одежд. Я, по макушку влюбленный в Нину Коростелёву, бежал на свидание к ней весь песенно-солнечный ещё и потому, что впервые в жизни щеголял в новёхоньком костюме. Всё та же тетя Уля продала чудом сохранившуюся швейную машинку «Зингер», когда-то принадлежавшую моей родной маме Таисье Терентьевне, купила грубый тёмно-синий материал и сама из него сшила далеко не фасонистую вещь. Пиджак модистики-самоучки никак не хотел держаться на моих суховатых плечиках, всё съезжал куда-то. И лацканы пузырились, как ни разглаживай их. И рукава толстым швом врезались в подмышки. И надо же такому случиться, что на меня на счастливого налетел огромный злющий волкодав и располосовал мои новые клёши от ремня до запяток. Вернуться бы кавалеру изодранному восвояси. Ан нет. Притопал к девушке, рассмешив её до слёз. Хохот у неё получался залиvistый, заразительный. А если уж развеселятся они со своей задушевной подружкой Верой Глушковой, то успокоить их было делом нелёгким. В конце концов заштопали изодранное. Печальный пострадавший глянул на свои штаны и совсем не залюбил эту обнову...

Утром вызвали меня к Петру Анпилогову, к директору. Сидит он за широким столом взерошенный, раздражённый, готовый к атаке.

– Ты почему в Государственный заём стипендию не подписывал? – спрашивает грозно.

– А жить тогда на что буду? – отвечаю почти шепотом.

– Прибедняешься, однако! – повысил тон хозяин кабинета. – На тебе вон костюмчик с иголки. На рынке, молвят, прирабатываешь?!

Директор педучилища П.Г. Аннилов. Фрагмент групповой фотографии. 1951 г. Музей ИГПИ им. П.П.Ершова.

С какими-то резкими, путанными, не моими выкриками, прервав директора, выскочил я в коридор, беспардонно грохнув дверь, чуть не сшиб с ног нашу новую классную руководительницу Татьяну Семёновну Вогинцеву, которая доподлинно знала уровень моей обеспеченности и не особенно давила по поводу этой подписки. Да и директор, наверное, разглядел на убегающем заштопанную уродливую одежду или тут же уточнил подробности моего житья-бытья, – но меня больше не терзали с подобной подпиской.

Художественный конфуз

А что касается рынка, то тут смешное перепуталось с горьким. Я как-то на рынке понаблюдал за бойкой торговлей бумажными ковриками. На не очень качественном полуватмане ярко намалёваны пышные букеты, фиолетовые голубочки с конвертиками в клювиках, белые лебёдушки с полуметровыми шеями. Поглядел я, поглядел на это прибыльное «искусство» и решил попробовать свои силы. Накупил бумаги, гуаши, накопировал любимых Левитана и Шишкина, Куинджи и Васнецова, притащился со своей продукцией к прилавкам. А покупатели – ноль внимания на меня. Не волнует покупателя мой товар. Зато петушиная радужность

Урок физкультуры на тему «Метание гранаты». Первый в шеренге студенток – Гена-«дурачок». Май 1956 г. Фотография Г.П. Кузурманова.

² Подробнее см.: Крамор Г.А. Быль о блаженном Геннадии // Коркина слобода. Вып. 7. – Ишим, 2005. – С. 57-77. (Прим. ред.)

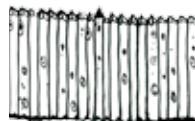

голубочков-кошечек нарасхват и сегодня. Сконфуженный, торопливо собрал свои листы – и долой с рынка, пока не попал на глаза знакомым, которые бы непременно похихикали над моим предпринимательским опытом. Да что там «похихикали». Узнай о моём позорном бизнесе комсомолия – выперли бы из своих незапятнанных рядов.

Не проговорился бы только Гена, видевший мой торгашеский конфуз. Этот человек был безрадостной достопримечательностью Ишима. На пути к художественному образованию, говорят, у него «поехала крыша». Другие уверяли,

что с ним эта беда случилась в младенчестве, когда он стал свидетелем гибели родных во время пожара². И вот теперь бродит блаженный по присутственным местам, праздно шатается по городу, чаще всего неприбранным, бурно реагируя на прохожих не мужского пола. Идёт навстречу красавица – Гена ласково обнимет её и нежно поцелует. Идёт навстречу дама не наделённая красотой – отвернётся Гена, брезгливо-хулиганисто плюнет. В училище нашем он был всегда. Любил на уроках физкультуры сидеть. На краешке длинной-предлинной коротконогой лавочки. Сидит смирнёнхонько, смотрит не дыша на юные создания. Предпочитал «граций», на уроки мальчишек не ходил. Он мог из бросового материала типа порожних консервных банок делать красивые вещи. Ордена, например, старинные. Он мог одевать и гримировать себя под великих. Хаживал в образе Николая Васильевича Гоголя. В кинотеатре городском его место не продавалось, он всегда мог прийти и бесплатно посмотреть фильм. Представляете, в фойе театра перед огромным зеркалом прихорашивается какой-то из царей Александров! Весь в золотистых эполетах, с «иконостасом» лучистых орденов. Но босиком, с давно немьгтыми ногами. Вот такая картина. Так он ходил всё лето, в любой офис – босиком. Нет, Гена не должен донести администрации училища или проговориться ребятне о моём позорном рыночном рейде.

Разбогатение, словом, у меня не получилось, зато состоялся солидный разговор с моим любимым педагогом Евгением Михайловичем Чукардиным. Этот замечательный наставник, прилежный, внимательный и жизнелюбивый, вёл у нас рисование с чистописанием. Он-то и отреагировал особенно резко на моё усердие в копировании. Безоговорочно запретил это занятие, взял меня под пристальную опеку. Приказал – иначе не скажешь – рисовать только с натуры. Теперь он не ограничивал

Первокурсники педучилища на занятии в кружке рисования.

Руководитель Е.М. Чукардин сидит в центре. 1947 г. Фотография. Музей ИГПИ им. П.П.Ершова.

«Мой великий наставник – художник Евгений Михайлович Чукардин. После моей армейской службы». 1954 г. Фоторепродукция. Архив автора.

наши встречи только рамками расписания, приглашал ученика домой, на улицу Красноармейскую. Ставил стакан густого чая, опускал в этот стакан серебряную ложку и объявлял сеанс живописи. Натюрморты время от времени менял, но атмосфера веры в воспитанника, уважения к нему, атмосфера добра и отцовской заботы (он знал, что у меня нет родителей) оставалась на все годы моего ученичества в домашней академии маэстро Чукардина.

Видели мы, как предельно загружали Евгения Михайловича оформительской работой перед праздниками красного календаря. В такие дни брал он себе в помощники своих воспитанников. Кто-то из нас с ленцой брался за порученное, отлынивал от писания лозунгов. Таким учитель спокойно внушал: «Постигайте, друзья, и этот скучный, но нужный во все времена жанр, этот «шершавый язык плаката»».

И постигали. Без специального художественного образования, наверное, почти каждый из нас мог преподавать

рисование в начальной школе. Я, например, это делал уверенно. И Семён Соколов из Окунёво бойко вёл этот предмет.

Художники-любители

Да, это наше ремесло вершилось на уровне самодеятельном. Но я любимое занятие не бросал всю жизнь. В армии рисовал портреты солдат и политические карикатуры для военных газет «Суворовский натиск» и «Тревога».

Позднее свои изотруды публиковал в бердюжской, омутинской, тюменской районных газетах, в областных «Тюменская правда», «Тюменский комсомолец». В первой восьмью лет иллюстрировал подборку «ОСА» («Областное сатирическое агентство»), которая выходила каждую субботу недели. Горжусь, что стал лауреатом областной журналистской премии в номинации «Сатирический рисунок в газете». Рад, что мне удалось не только написать четыре книжечки стихов для детей, но и проиллюстрировать их. Удивлялся своей смелости и очень волновался, ожидая профессиональных оценок. Отзывы рецензентов не самые плохие. Вот некоторые из них: «Можно назвать десятки мастеров слова, которые слыли неплохими рисовальщиками и нередко иллюстрировали собственные сочинения. И тем не менее мы знаем их исключительно как писателей. Александр Шестаков – случай несколько иной: его рисунки к собственным стихам – совершенно неотъемлемая часть целого; связка эта очень органичная, одно составляющее дополняет другое, текст – рисунок и наоборот». «Несомненно, немаловажный авторский плюс – это то, что ему посчастливилось обладать даром художника. Рисунки, коими он иллюстрирует свои стихи, выполнены на вполне профессиональном уровне...». «Удивительно симпатичную книжку «Веснушки» подарил детям добрый наш знакомый Александр Шестаков. Сам написал и сам нарисовал: рисунки дяди Саши такие же солнечные, как и его стихи... Сегодня мы приглашаем юных друзей в гости к дяде Саше – к весёлым героям его разноцветной страны детства». «Кстати, проиллюстрировал свои стихи Александр Евгеньевич сам. Очень даже, на мой взгляд, профессионально...». «Его графические рисунки можно читать. Они всегда содержательны». Это строчки из газет «Тюменские известия», «Тюменская правда», «Тюмень литературная», «Красное знамя». Немножко длинноваты, конечно, цитаты, но для меня они – праздник.

Не зря, видать, корпел над нашим братом мудрый Чукардин. А ведь мы с ним в творческой паре уже в 1965-м участвовали в областной выставке художников. Он демонстрировал живописные холсты «Игрушки моей внучки», «Автопортрет», а я – графические изощтки «Секунда до старта», «А мы не спешим». В этой же выставке, между прочим, заявил о себе прикладник Аркадий Петрович Косинцев, мой земляк, слесарь из Пеганово. Привлекали внимание посетителей его работы – «В космос» (оргстекло), «Кремль» (выжигание, дерево).

Не зря, видать, корпел над нашим братом мудрый Чукардин. А ведь мы с ним в творческой паре уже в 1965-м участвовали в областной выставке художников. Он демонстрировал живописные холсты «Игрушки моей внучки», «Автопортрет», а я – графические изощтки «Секунда до старта», «А мы не спешим». В этой же выставке, между прочим, заявил о себе прикладник Аркадий Петрович Косинцев, мой земляк, слесарь из Пеганово. Привлекали внимание посетителей его работы – «В космос» (оргстекло), «Кремль» (выжигание, дерево).

«Вот он, фотодизайн-примитив моей юношеской поры. Зафиксированы мои одноклассники Виталий Степанов, Владимир Кристель, Иван Тельцов. Да простят меня девочки – не разлензорил их никак». Двор педучилища. 1950 г. Фотография. Архив автора.

Кончая разговор на тему рисунка, скажу об одном очень убедительном уроке «начинающему Репину». На подпрактике в третьем классе – урок с чтением по тексту «Машина-душ». Я этот умывальный агрегат до того времени «живём» не видел. Такая техника в то время только столичные улицы мыла. Внимательнейшим образом изучил чёрно-белую малюсенькую картинку в учебнике и принялся за изготовление наглядного пособия – большущего плаката с изображением этой машины. Около асфальтомойки красочно выписал десяток нарядных легковушек, не пожалел ярких красок на клумбовые розы, на птичек павлиньего оперения и на солнышко золотистое в голубом-голубом небе. Прозвенел звонок с переменки, и я, весь испуганно-съёжившийся, предстал перед ребятиней и истуканно талдычу одно: «Назовите главный предмет на картине». Готовых ответить на мой вопрос много. Лес рук. Но тычут указкой только в яркие пятна, будто не замечая крупный, но не расфранченный автомобиль. Убедительный, согласитесь, «мастер-класс». Мотай на ус, рисовальщик. Не перегружай сюжет густотой мелких деталей, не распыляй внимание зрителей. Сосредоточься на главном объекте, на главной мысли. Доходчивей, понятней будешь в своих творениях!

О мечтах юности

Называю себя рисовальщиком не уничижительно, а с грустной правдой о несостоявшейся мечте. Совсем уж собрался после педагогического училища поступать в художественное. Но на одном из уроков логики зашла речь о законах восприятия вообще и о зрительном восприятии предмета в частности.

– Закройте, – говорит преподаватель, – левый глаз и запомните, как видите предмет правым глазом.

Вижу хорошо.

– Закройте, – говорит преподаватель, – правый глаз и запомните, как видите предмет левым...

Ничего не вижу. Размытые силуэты и только. Всполошился. Сразу после занятий кинулся к знаменитому ишимскому окулисту.

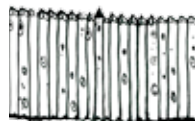
Тот авторитетно мне растолковал, что в результате какой-то давней детской травмы левый глаз умер и его теперь никакой хирургией-терапией не вернёшь, что правый глаз постепенно взял на себя все нагрузки-функции левого. Так вот почему одним оком я видел объём предмета так, как его видели мои одноклассники двумя глазами.

– В художественное училище можно мне? – робко спрашиваю врача.

– Ни в коем случае. Щадите зрение, – вынес вердикт окулист...

А я ведь только вчера в общежитии мальчишеском встретил парня из «худучилища», смотрел на него, как на божество, и всё недоумевал, почему он собрался переходить к нам. После моего трагического визита к доктору плетусь в общагу, чтобы сказать о своей беде новому приятелю. А его и след простыл... Передумал он. Снялся, отбыл.

Общежитские наперебой рассказывают историю с гостем, имя-фамилию которого толком никто не успел запомнить. В первый же день хохотуны напичкали гостя страшной информацией о ворюгах и разбойниках в городе, которые проникают иногда даже в жилища бедных студентов, избивая и грабя незащищенную публику. Парень улётся спать едва ли не в ботинках, свой тощий вещмешок под голову сунул. Долго ворочался, беспокойно вздыхал. А когда вся комната крепко уснула, ночную тишину взорвал его дикий вопль: «Грабят!!!». Врубили свет. Оружий тыкал пальцем в клетчатое одеяло, под которым свернулся калачиком притихший Вовка Ходырев. «Он давил мне горло! Он!» – не унимался перепуганный парень. «Грабителя» растормошили. Тот, полусонный, со слипшимися глазами рассеянно бормотал о своих сырых валенках. О том, что они сохли на тёплой батарее как раз над койкой гостя. О том, что он хотел скоренько достать пимы с верхотуры, чтоб сбежать «до

«Кто-то моей камерой «Комсомолец», делавшей снимки бхб см, «чикнул» (слева направо) Карлушу Германа, Вову Глазунова, меня и Сеню Соколова». Фотография. Архив автора.

Мария Петровна Яцык. Фрагмент групповой фотографии. 1951 г. Музей ИГПИ им. П.П.Ершова.

ветра». Тянулся, тянулся за обувью и грохнулся вниз. Падая, скользнул ладонью по шее вздремнувшего новенького.

Безобидный переполох закончился быстрым разбором. Бойкие на язычок успели посмеяться над «налётчиком», над «пострадавшим», и все опять мирно утомонились. Но гость ранним утром тихонько встал и, не прощаясь, исчез. Не поверил, похоже, в полудночные сказки о валенках. Вот такая, брат, минорная арифметика.

Кстати, про арифметику

У меня с ней с первых лет школы туговато было. Не шла, как говорят, она мне. Смирился с судьбой-участью, не надрывался очень. А белых пятен с годами всё добавлялось. Вот такой я ущербно-хиленький арифметик пришёл в училище и предстал пред очи Большого Математика Марии Петровны Яцык. Ох, как незалюбил я её. На уроки те шёл, как на эшафот. А эта волевая, требовательная, пунктуальная женщина не давала мне никакого спуска. Под таким профессионально-снайперским прицелом ёжился я почти каждый день. И энергия наставника победила, нерадивый ученик встал в ряд нормальных, начал уважать точную дисциплину. И где-то к третьему курсу вышел из троечников-двоечников, сказав себе твёрдо: ты не глуп в категориях чисел, но не регулярен, не дотошный. Раскошегарила, словом, во мне маленького Лобачевского дорогая моя Мария Петровна.

На госэкзаменах (а сдавали мы шесть дисциплин) мои знания по арифметике и методике преподавания арифметики оценены четвёркой и пятёркой. И только на выпускном вечере, осмелев, я пригласил уважаемую «злюку-сухаря» на вальс и с искренним волнением наговорил ей кучу благодарностей. Она молодо улыбалась, пламеня красивым лицом. Она с грустинкой говорила о нас, её питомцах, которые завтра шагнут в интересную жизнь, за которых она спокойна, потому что это уже сформировавшиеся личности. Спасибо, умная, умеющая, и многосильная наставница. Спасибо!

Вот похвастал маленькой победой на территории одной труднодоступной для меня науки и рад. Но почему же в приложении к моему диплому, в итоговом таблице учёта успеваемости две унижительные тройки? По минералогии и по чистописанию. Первую преподавал у нас корифей и старожил уважаемый Михаил Михайлович Орестов. Этот спокойный, любящий шутку, обстоятельный наставник пришёл в педагогику из геологии. Большой знаток дела. В свои восемьдесят читал предмет как «Отче наш». Был добрым и строгим. Принципиальным и требовательным. С нашим братом не панибратствовал, но любим был за юмор, сыпал которым среди самых научно-серьёзных тем. «Физзарядка для вас, пузыри и камчадалы!». Так почему-то он нас называл, немного прикаравливая: «пузыхи» и «камчадалы». У такого на уроке не посачкуешь. Вычислит. Устроился, значит, я однажды очень уютненько на одном из его уроков на самой дальней от учительского стола парте. Надёжно спрятавшись за спину впередисидящего и запойно почитываю гайдаровскую сказку про военную тайну.

– Эй, пузырь! – долетает до меня громкий голос учителя. Не реагирую: кого-то другого, однако, вызывает. У кого комплекция побогаче моей. Продолжаю читать.

– Эй, камчадал! – учитель добавил металла в голос. – Отвечай, голубчик, на вопрос.

– Я, Михаил Михайлович, вопроса не слышал.

– Садись! Кол! – пресердито выкрикнул педагог.

Сед, пришибленный единичей, и от расстройства вновь сунул нос под парту, к страничке понравившейся книжки.

– Эй, пузырь! Повтори, о чём я вам сейчас рассказывал.

Встал, молчу, как партизан на допросе. Прячу книгу за спину.

– Садись! Кол!

Даже издалека вижу, с каким тщанием водружена в журнале по соседству с первой вторая жирная-прежирная «штaketница».

«Вот такие мы с бывшим детдомовцем Сашей Долгих, классно освоившим банжо-мандолину». Фотография. Архив автора.

Всё, дочитался! Конец семестра. В итоге даже хилая троечка не получится. Не видать стипендии. На что жить и учиться? Прощай, училище?

Спас меня, заядлого читателя-неудачника, от трагедии классный руководитель Владимир Александрович Третьяков, уговоривший Михайлыча спросить бедолагу вне очереди. Ох, как штудировал я теперь минералогию. Денно и ночью. А рассерженный педагог словно забыл про мои проблемы. Помурьжил он меня изрядно. Вызывал всё же. А я уж тут постарался знаниями блеснуть. Хитренько улыбающийся Михаил Михайлович уверенно переправил один мой кол на четверку. Второй мой «неуд» незбылемо оставил. Знай, мол, наших, камчадал. Вот почему в дипломном итоговом табеле учёта успеваемости по минералогии у меня чернеет препозорная тройка.

Дерзости юных педагогов

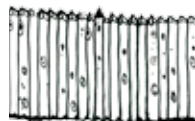
Теперь пару слов о моём чистописании. Не смог, как ни старался, Евгений Михайлович Чукардин каллиграфию мою из разболтанной превратить в красивую, близкую к изящной. Наслышан, что по почерку нынешние мудрецы определяют характер человека. Если это так, то в характере моём днём с огнём не сыщешь ни граммулечки светлого и организованного.

А я всё грешу на военную пору, когда складывались мой характер и почерк, когда писали не в нарядных разлинованных тетрадах, а на старых книгах и газетах. Между строк, чернилами из сажи или свёклы. Но ведь не один же я делал первые шаги к чистописанию в таких условиях. У некоторых моих сверстников почерк такой каллиграфической высоты, что хоть на банкнотах расписывайся. Я злился на себя из-за моих корявых букв. Каков же буду я – учитель начальных классов, если ни на доске, ни в тетрадах ребятишек не сумею показать образец! На первых практических уроках мне приходилось эти непослушные буквы буквально вырисовывать.

От этой маеты уберегло меня распределение. В августе 1952-го свежее испечённого выпускника отправили учителем физвоспитания и географии в Сажинскую семилетнюю школу Ишимского района. Потом начинающего педагога догрузили рисованием и несколькими часами русского языка. Уф! Гора с плеч. Прощай, чистописание со своей каллиграфией.

Насторожило нового физрука другое: семилетка по каким-то причинам не работала несколько лет, дети не учились. Выстроил на школьной поляночке шеренгу воспитанников, а они чуть не все здоровенные такие, а правофланговые выше меня на голову! Особенно первый. Он тихой сапой, подпольно, сразу объявил себя главным и всячески мешал мне вести урок. Мирные разговоры с ним не давали результата. Парень явно наглед, не подчиняясь моим командам. Ресурс мой на дипломатические уговоры кончился. И, чтобы его сторонников не оказалось больше, пришлось решиться на непедагогический приём. Шёл на это с большими колебаниями. Не одобровать бы, узнай родители и командиры школы, что горе-Макаренко в моём лице уже успел забыть классические методы воспитания... Будто случайно остались мы с П. один на один, без свидетелей. «Гляди, – говорю, – своими наглыми глазами в мои глаза, не отвертывайся и не ухмыляйся». До хруста сжал кисти его рук. Не отпускал, пока тот, испуганный, не проронил жалобное: «Не буду...». Никто, к счастью, о моём непедагогическом приёме воздействия на воспитуемого не узнал. Не стал и П. моим большим другом, но на строительстве спортивного городка старался изо всех сил и на уроках вёл себя пристойно.

Этот конфликт будоражил меня, заставляя задуматься и о нашем студенческом поведении в стенах училища. Мы-то сами иногда какими дерзкими были! Поздноватое решение, конечно, а хотел бы сегодня извиниться перед двумя моими педагогами. В педучилище все три курса истории – СССР, новую и ВКП(б) – вёл добрейший человек, не лишённый духовности, немножко рассеянный – Борис Израилевич Лондон. Мы уж очень шаловливы были на его уроках. Какие только фокусы не вытворяли, чтобы сократить время на ответы по домашним заданиям, чтобы отвлечь историка на любой разговор не по теме.

Борис Израилевич Лондон.

Фрагмент групповой фотографии из альбома П.А. Гашковой. Конец 1940-х гг. ИИХМ.

– Борис Израилевич, мы вашу жену Зою видели в магазине. Симпатичная она у Вас и покупки дорогие делала, красивые вещи приобретала!..

Всё! Этот доверчивый, любящий семью большой ребёнок готов был четверть урока вместо «Потёмкинско-Екатерининских» высот истории толковать о самых приземлённо-житейских мелочах, а также о достоинствах своей супруги и о скудности семейного состояния.

Мы сидели тише рыб, готовые в любую минуту подсунуть новый бытовой вопросик.

А ещё в пухлом ободранном портфеле историка в невероятном беспорядке хранилось множество пожелтевших от времени обтрёпанных по краям рукописных конспектов. И вот тот же хитроватенько улыбающийся первопартник Коля Маслов незаметно дотягивался до учительского стола, подталкивал громоздкий портфель к его краешку до тех пор, пока тот всей тушей не рухнет на пол и не рассеет крылатые бумаги по классу. Собирали их, как правило, очень долго. Зачем было нам торопиться?

Однажды, участвуя в выдумке озорников, носом ботинка придерживая дверь в класс, я делал вид, что изо всех сил пытаюсь открыть её. Но бесполезно. Изнутри-де крепко держат. Минуты урока летят, а мы с Борисом Израилевичем «не можем» попасть из коридора в аудиторию. Мы бы, наверное, с полчаса канителились у двери, не пройди мимо Виктор Дмитриевич Глинских, нрав которого я познал ещё с приёмных экзаменов по Конституции СССР. Этот твердокаменный недавний офицер-фронтовик тут же бы расшифровал мой секрет. Поэтому я скоренько отдернул ногу от двери и широко распахнул её.

– Худиганьё! Кто держал?! – Глинских люто, орлом влетел в третий «В», опередив Лондона и меня.

Класс от неожиданности онемел. Да и, не онемевший, разве выдал бы он соучастника? Виктор Дмитриевич, похоже, торопился. Не стал учинять длинных допросов. Оглядел нас пренебрежительным оком и резко удалился. Публика наша, как растревоженный улей, привычно загудела. В такие минуты, когда весь класс бубнит, заглушая речь педагога, Борис Израилевич вскрикивал:

– Сажин, Шестаков, вийть отсюда!

– Но мы-то, Борис Израилевич, при чём? Мы молча слушали вас!

– Вийть вон!

И мы выходили, обиженные несправедливостью. А хоровой говор продолжался в том же духе, и преподаватель опять вскрикивал: «Сажин, Шестаков, вийть отсюда!» – «Но вы же их уже выставили. Они в коридоре отдыхают», – хихикали ребята, а Борис Израилевич удивлялся и, казалось, не мог вспомнить ещё третьей фамилии, чтобы выкрикнуть очередное: «Вон!».

Почему мы были такими? Мы, которые готовились завтра стать коллегами Лондона? Никакими антиевреизмами, уверяю, мы не страдали. Не уважать этого человека нам было не за что. Извините нас, тех балбесов, дорогой Борис Израилевич...

И ещё извинение...

Второе запоздалое извинение не успел сказать я Терезе Соломоновне Экгард, преподавателю немецкого языка Пегановской семилетки. Она очень старалась, чтобы мы познали иностранный. Сколько нервов сожгла с нами, неслухами. А мы дико дурели на её уроках, даже догонялки устраивали между партами. Какая уж тут прилежность и усваиваемость предмета. Мы, потерявшие отцов на войне, жестоко мстили немке Терезе. И почему-то директор Пётр Николаевич Берлин, вернувшийся раненым с фронта, не переубедил наши надломленные детские души. Семилетку мы закончили с познаниями немецкого в пределах «Анна унд Марта баден». В педучилище почему-то иностранного не было. Удивительно, такое мощное по тем временам образовательное учреждение не культивировало иностранный язык. Наверное, рассуждали так: не пригодится он учителю начальной школы. Зачем перегрузы? В четырёхлетней учебной программе предметов действительно было много. Изучали русскую и детскую литературу, алгебру, геометрию, физику, химию

Виктор Дмитриевич Глинских.

Фрагмент групповой фотографии. 1949-1950 уч.г. Музей ИГПИ им. П.П.Ершова.

и минералогию, анатомию и физиологию человека, биологию, зоологию, основы дарвинизма, общее земледевие, географию СССР и зарубежную географию, уже названные три курса истории, Конституцию СССР и чистописание, русский язык и психологию, логику и школьную гигиену, рисование, пение, музыку и физвоспитание, практические работы в мастерских и по сельскому хозяйству. По всем основным дисциплинам читалась ещё и методика их преподавания. На «Дойтч», «Инглиш» и «Франсе» часовой сетки, видимо, не хватало. А как потом из-за одноязычности наш брат страдал! Мне, например, в Уральском университете с нуля пришлось долбить немецкий рядом с теми, кто лишь углублял ранее полученные знания.

А перечислил почти все предметы педучилищной программы, чтобы ещё раз удивиться, как нам хватало времени на всяческие внепрограммные увлечения. Радиолобительство? Пожалуйста. Конструировали транзисторные приёмники самых незатейливых моделей. Фотография? Пожалуйста. Семирублёвый аппарат «Комсомолец», а позднее, чуть подороже его, «Любитель» – зеркалки с кадром шесть на шесть сантиметров – у многих были. Разорительное занятие при нашей мизерной стипендии, когда каждый из нас, как Толя Пашин, готов был клянуться у своей же полунищей братвы: «Дай рупчик!». А к фотоаппарату надо было ещё иметь фотобумагу, проявитель-закрепитель, плёнку, ящик для контактной печати с красным стеклом и другое, и другое. Можно только удивляться, как материально извернулся наш Сенька Соколов, одним из первых ставший обладателем всего этого фотографического хозяйства. Об этом парне из бердюжского района Окунёво надо сказать подробнее.

«Кадр моего «Комсомольца» бхб см. А в кадре мои однокашники (слева направо) Петя Неборский, Петя Соболев и Сенья Соколов». Фотография. Архив автора.

Настоящий человек

Человек ограниченных физических возможностей. Инвалид детства. Задумал в училище поступить, а средств у родителей – ни капли. Сапожничеством в Пеганово зарабатывал какие-то гроши, но злой человек выкрал их у него. Семья не сдалась. Его, по сути безногого, отец на корове повёз из Окунёво в Ишим. Доехал и поступил. Вспоминаю многоговорящую деталь. Юношу Соколова освободили от занятий физкультуры: его физические возможности были сильно ограничены. Но парень с вялыми ногами, обеими руками опирающийся на прочную палку, к урокам Николая Давыдовича Манжелеева приходил регулярно. Руки и торс его были накачаны геркулесово. И он наловчился своё персональное «солнце» на высокой перекладине крутить, стойку на руках выдавал на этом спортивном снаряде. «Крест» держал на кольцах. Даже в показательных выступлениях с этими номерами участвовал.

Не смирился Семён Иосифович с печальной участью инвалида и на своей житейской стезе. После Ишима полноценно учительствовал в школах села Окунёво, в соседних – Савино, Одышке. В разные годы в семилетках-восьмилетках вёл математику, литературу, историю, рисование, труд. Учительствовал и в начальных классах. Даже на совхозной заправке вынужден был потрудиться.

Заочно окончил филологический факультет Ишимского пединститута. Обзавёлся семьёй, тремя детками. Дочка Тамара пошла в профессию мамы, стала медицинским работником. А вот две внучки, студентки ТюмГУ, Лена и Юля продолжают дело деда, готовятся в педагоги.

В 1987-м Соколов перенёс тяжелейшую операцию. На лекарственной подпитке трудно ему сегодня живётся. Однажды мой бердюжский собеседник, хорошо знающий каждодневное бремя Семёна за жизнь, посетовал, что человек этот не отмечен даже самой маленькой поощрительной грамоткой-благодарностью. Не потому ли, что компромисничать не умел, правду-матку руководящей элите в глаза резал. Не прогибался, не фарисействовал, не спекулировал инвалидством. Не прививали нам эту бациллу в педучилище. Мы выпитывали другое. Знать и уметь больше. Всё приобретённое в юности востребуется жизнью. Любое освоенное ремесло – богатство на долгие времена.

«А за этот стратегический объект – мост через речку Карасуль у станции Ишим – начинающему фотографу здорово влетело. Но снимок этот я всё же послал в родное Мишино брату и его друзьям». Фотография. Архив автора.

«Вот они, не видевшие паровоза до самой армии, для которых я с большим риском снимал локомотив на карасульском мосту. Слева брат мой Толя». Фотография. Архив автора.

Приз за образ Пушкина

Кроме фото, рисования, коллекционирования репродукций картин я, например, увлекался ещё и папье-маше. Простенькие фигурки выпрессовывал из бумажной массы на клею. Шкатулочки незатейливые мастерил. Коронной, пожалуй, поделкой моей в этом жанре стал скульптурный портрет Пушкина. Сначала я вылепил голову Александра Сергеевича из глины. Потом слой за слоем наложил на глину бумажную массу. Высушил всё это, раскрасил лицо, волосы. Опять высушил и разрезал наклеенное на две половинки. В них, в пустотелые, можно было всовывать свою

голову. Разрезанные половинки сверху сжимались высоким чёрным цилиндром, а снизу, на шее – бантом. Чтоб видеть и дышать в такой глухой упаковке, между губ портрета прорезал шелку и отверстие в зрачках. Костюм поэта скопировал с картины Николая Ге «Пушкин в Михайловском». Швейные дела провернули девочки. Всё это было сделано к балу-маскараду на встрече нового 1952 года. Вышел в публику и обрадовался, увидев костюмированных героев сказок Александра Сергеевича. Так группой (автор и его сказочные героини) мы веселились вокруг ёлки, кружили в вальсах, декламировали: «Буря мглою небо кроет», «Здравствуй, племя младое, незнакомое», «Храни меня, мой талисман», «Мчатся тучи, вьются тучи», «Вот моя деревня».

Мой карнавальный костюм отметили особо, вручили мне тогда приз – альбом для открыток, на обложке которого золотом оттиснут силуэт «Медного всадника» Фальконе. Скромненький альбомчик, но храню его как память ишимского ученичества.

Храню и памятные «цветные» снимки той интересной поры. Смех смехом, а мы ведь чёрно-белые снимки, ещё мокрые, после фиксажа красили химическими карандашами и получали... «цветное изображение». И лезли куда попало в поисках интересного кадра.

Я дерзнул даже проникнуть к стратегическому объекту, чтобы заснять железнодорожный мост через речушку Карасульку с движущимся паровозом. Затеял послать этот снимок младшему брату Тольке, который в нашем родном Мишино не видывал локомотива. Неприятности после этой съемки я схлопотал, но грозный путевой обходчик почему-то не исполнил своей угрозы засветить плёнку и реквизировать фотоаппарат. До сих пор хранится тот снимок в моём архиве. В углу этого кадра, в густой траве притаился мой маленький стажёр-ассистент Вовка Чукреев, у родителей которого я жил на квартире. Его папа Яша и мама Мария были нашими не очень далёкими родственниками по моей родной покойной маме. Я им помогал строить избёнку на улице 8 Марта. Военная деревня рано ведь заставила взять в неокрепшие руки отцовские топоры и молотки, пилы и косы-литовки. Я этим людям, иногда в ущерб учёбе, сруб рубил, а они с меня не брали квартплату.

Ещё один скандальный случай с фотоаппаратом. Хозяева мои решили крестить свою маленькую дочку Танюшу и позвали меня в церковь крёстным. Там я впервые увидел настоящего попа. Очень понравилась мне его колоритная фигура, выразительное лицо с карломарксовской бородой. Разве утерпит тут фотолобитель! Пробираюсь между молящихся поближе к батюшке, чтоб кадрик крупнее получился. И – наступил на руку отбивающей поклоны старушке. Та взвизгнула. Меня выставили из храма. Выводящий нарушителя черногривый детина спросил:

– Как посмел ты службе мешать? Почему?

– Бабушка моя деревенская просила портрет священника. Со старых икон вся краска слезла, доски голые на божнице, – говорю полуправду, но сам себе верю. И собеседник мне поверил:

– В первом же перерыве попрошу батюшку тебе попозировать. Я староста церкви. Жди.

«Снимок той ишимской церквушки, из которой выставили увлѣкшегося фотографа-любителя». Фотография. Архив автора.

³ В городе действовало тогда два православных храма, Богоявленский собор был закрыт, поэтому статус собора имела Никольская церковь. (Прим. ред.)

Дождался. Сфотографировал. И храм снаружи заснял. Снимок собора³ отпечатал, а батюшку тиражировать опасался. Из-за этих крестин да поповской карточки можно было загреметь из комсомола, если не из училища.

А надо мной такая угроза частенько нависала. Суровая бедняцкая жизнь, жуткое безденежье надламывали силы. А те крошечные добавочки к моим расходам, те редкие рублики от тѣти Ули её муж, дядя Коля, как правило до Ишима из Пеганово не довозил. Заехать-то ко мне он заедет на своем бензовозе, но огорчит пьяненьким враньём: «Рублёвку твою потерял». Забыть бы про такое, но он и отца моего, по рассказам односельчан, в бледном теле держал, когда они вдвоём остались без родителей. Не совсем бедные, говорят, их предки были. Хозяйственные да работающие. Крестовый дом их на солнечной стороне широкой улицы в Мишино стоял. Добротный двор, кузница, ветряная мельница имелись. А новый молодой наследник Николай в короткий срок промотал-пропил не им нажитое. Даже с сараев железную кровлю содрал и продал. После всего этого похвалялся нетрезвый, что он теперь беднее самого бедного деревенского пролетария, что его теперь уж точно не раскулачат краснопузые голодранцы. От тяжѣлого крестьянского труда уехал на «лѣгкие» работы в промышленный Хромпик, на Урал. Там на легковых машинах возил начальников. В армии тоже как-то уберѣлся от фашистской пули, жив-здоров остался, не царапнутый ни одним ранением. Благодарить бы дяде судьбу и, вернувшись с войны, собственными силами вить семейное гнездо. Но, добрый по характеру, весельчак и балагур, с помощью своего близкого окружения начал настраивать меня против дорогой мне мачехи. Уговорил оставить её. А как только я согласился, тут же учинил раздел маломальского имущества бедной женщины. Нельзя было без слез смотреть на маму, у которой уводили нетель, забирали последние тряпки. Но самая болезненная рана – распиленное пополам родительское гнездо. Кухня и сени без крыши остались жалкими униженными уродами. Горницу и горенку увезли в Пеганово...

С комком в горле смотрел я на изуродованное жильѣ, которое, как мне казалось, стало стартовым в позорном разграблении «неперспективной», некогда вполне благополучной, приличной деревеньки.

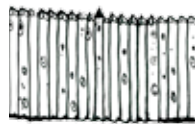
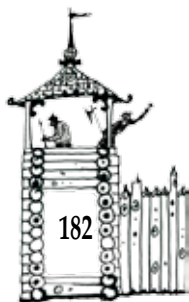
И ещё. Когда меня агитировали перебраться к дяде, вымолил позволение постоянно видѣться с мамой, бабушкой и братиком. Пообещали. Но позднее всякими правдами и неправдами отговаривали идти в Мишино на встречу с родными людьми. Неотпущенный, выходил на берег пегановского озера и часами тоскливо глядел на далѣкий противоположный берег его, на котором виднелась моя милая деревенька, в которой замерзают живущие в перепиленном доме...

Мальчишеское сердце негодовало от несправедливости, видя, как вполне здоровый мужчина поправляет своё благополучие за счёт изработанной, потерявшей мужа и здоровье одинокой женщины. Но мама, спасибо ей, не роптала. И я всё же вернулся к ней. Ненадолго, к сожалению. Вот уже несколько лет эта стойкая и нежная, умная и неконфликтная, прилежная труженица покоится на Чуркинском погосте села Омутинское. А я сегодня всё чаще упрекаю себя, что редко приезжаю сюда поклониться праху человека, так много сделавшего для меня.

Как дядька водил «Захара»

И дядю, уверен, она не осуждала. Только удивлялась, как может «не просыхающий» многие годы за казѣнным рулѣм просидеть. Ведь это же потенциальные беды на дорогах. И опасения эти были не напрасны.

Едем с ним знойным летом на «ЗИС-5». Водители этот грузовик ласково называли «Захаром». Я – справа от дяди в кабине. Полный кузов «леваков». Автобусов тогда не было. За рубль даже на цистерны бензовозов лепились пассажиры. Скорость, правда, высокую по тогдашним дорогам не разовѣешь. Колдобина на колдобине да колдобинной погоняет. Удержись попробуй на узеньком выступе у овалыно бака...

«Парадно «гарцует» мой дядя Коля, который не очень трезво водил «Захара»». Фотография. Архив автора.

Н.И. Селянинов и Н.Д. Манжелев со студентами педучилища. 1948 г. Фотография Г.П. Кузурманова. Музей ИГПИ им. П.П.Ершова.

Газуем неторопко Бердюжским трактом, а точнее, худенькой дорожкой из города в село, а солнышко и спиртное так разморили дядю, что сыпом спит за рулём. Дремлет, как курица на седае. И баранку – то вправо, то влево тянет. Торопливо хватаюсь за «штурвал», увожу «Захара» от края рейдеровой полосы, а нетрезвый «капитан» снова смыкает глаза и норовит в обочину врезаться.

Пассажиры в кузове уже поняли причину наших зигзагов и барабнят кулаками об кабину. Остановились. Женщины круто выдернули водилу из прогретой «рубки», еле тёпленного швырнули в переполненный кювет, пополоскали бедолагу в прохладной мутной водице и опять сунули освежённого в кабину к рулению. Очень опасный рейс...

Про дальние пешие переходы

Поэтому, наверное, мне больше нравились трудные, но пешие переходы, коллективные «марш-броски» с одноклассниками до отеческих деревень. К слову, в подобные небезопасные зимние переходы нас почти всегда тщательно экипировал-собирал уже упомянутый преподаватель физкультуры, светлой памяти Николай Давыдович Манжелев.

Даже казённые байковые штаны давал, чтобы мы не перемерзли. Знал, что его подопечные не смогут купить билеты и поедут «зайцами» на товарняках в свои железнодорожные районы.

«Укутывал нас, чем мог. И инструктировал, как безопаснее прыгать с идущего состава», – вспоминает моя жена Анастасия Фёдоровна, в девичестве Шустова, тоже выпускница нашего училища. Она заметно отличалась в гимнастике. Таких особенно берёт наш спортивный шеф. Заботился о них по-отечески.

Надо сказать, что приходили мы к Николаю Давыдовичу былиночками беспомощными. Не довелось нашим детству и юношеству видеть настоящие тренажёры и спортснаряды. У меня, скажем, вместо «базарных» коньков были обыкновенные чурочки, в заострённое днище которых самодельно вколотил ободки лезвия старой косы-литовки. А лыжи тоже собственноручно строгал из осины, выскивая подходящую в окрестных лесочках. Что из нас таких можно вытренировать? Но умелый, требовательный, иногда суровый, иногда просто беспощадный Давыдович делал чудеса, за четыре года творил городских чемпионов. И не только городских.

Трудно, бесспорно, трудно было ему тягаться-соревноваться с тем же Василием Алексеевичем Порфирьевым, прославленным тренером железнодорожной средней школы № 113 станции Ишим. Этот великий мастер дал миру грандиозного гимнаста Бориса Шаплина и отличного лыжника Николая Аникина. Заслуженный наставник «сто тринадцатой», приступая к работе с очередной потенциальной спортивной звездой, кроме опыта своего, имел и другое преимущество: временной отрезок в десять лет. Но Николай Давыдович и его воспитанница, а потом и помощница Софья Овчаренко за четыре года – срок обучения в училище – всё же выпускали если уж не мастеров, то разрядников по основным видам спорта.

На старших курсах мы уже активно участвовали во внутриучилищных и городских соревнованиях. Из наших ребят выделялись спортивными результатами Миша Стафеев, Володя Никонов, Саша Сажин, Роберт Кутырёв, Борис Ромашко. Не ради похвалы скажу, что мне, человеку средних спортивных возможностей, удалось получить разряд по лыжам. В баскетбольной команде – не очень классно, но играл. Прыгал в длину и на спринтерские дистанции бегал.

Но вернёмся к пешим переходам. В один из ноябрьских праздников, например, отпросились мы в училище от «торжественных» мероприятий и с укузцами Анатолием Трофимовым, Виталием Степановым и Геннадием Гурьлёвым отправились

*Николай Давы-
дович Манжелеев.
1946 г. Фотогра-
фия. Музей ИГПИ
им. П.П.Ершова.*

по домам. Мне надо было протопать шестьдесят вёрст, а попутчикам моим и того больше. Дотянули до населённого пункта под названием Новые Локти, из сил выбились. Смеркается. Слякотно и холодно. Продрогли. Ходим от двора к двору, просим пустить на ночлег. Никто не пускает. Вид наш изнурённый и бродяжнический не внушал, вероятно, доверия. Наконец какая-то сердобольная говорунья посоветовала в избёнку местной учительницы постучать. Постучали. Та в своей каморочке нас четверых приютить не могла, но дала нам несколько картофелин и открыла школу.

Утром – опять в путь. К вечеру дошагали до Пеганово. Заходим голодной гурьбой к тёте Уле моей, а её дома нет. В русскую печку нетерпеливо глянул. В ней – здоровенный пузатый чугунок с каким-то варевом. Выдернули чугунок из загнеты – и на стол. В минуты он опустел. Тут вижу на пороге оцепеневшую тётю. «Роденькие! – запричитала она. – Беденькие! Это ж поросёнок еда была...». Мы сконфузились, а она потом всё сокрушалась, что бездумно лягнула такую правду.

Не каждый ростом богатырь

Хватит, наверное, о грустном. Расскажу сюжетик, который трудно воспринимать без улыбки. Бердюжане знают моего сокурсника по училищу Прокопия Федотовича Мастерских, он работал секретарём райкома партии, а начинал в Красноорлово учителем, потом в Орлово работал директором школы. Приехал он по распределению из училища в Армизонский район, зашёл к секретарю комсомольской организации – встать на учёт. Командовал молодёжной «первичкой» главный специалист хозяйства Лев Кузнецов. Личность эта позднее будет очень известной. Лев Николаевич стал секретарём Тюменского обкома партии, председателем облисполкома, министром сельского хозяйства страны. Это он, критикуя вялых, безынициативных крикунов и пустозвонов, выговаривал убийственное: «Мы с вами всю жизнь в борьбе: до обеда боремся с голодом, после обеда – со сном!».

*«Слева мой
постоянный
впередиидуций
земляк-мишинец
Гена Шестаков.
Почти всегда по
жизни шёл за ним
след в след».
Фотография.
Архив автора.*

Так вот, входит Прокопий Федотович в кабинет к Льву Николаевичу. Тот глянул на вошедшего и ну хохотать. Без передыху хохочет, остановиться не может. Новичок от неожиданности шокирован. Вспыхнул, сконфуженно оглядел кабинетик – никого больше нет. Они вдвоём. Окинул быстрым взглядом наряд свой парадный – с одёжкой порядок вроде. Обмахнул ладонью лицо – не испачкался ли где ненароком? Попятился к двери, чтоб где-нибудь в зеркало побыстрее посмотреться...

– Ну и как тебе объяснили потом своё поведение комсомольский вожак? – спрашиваю весело Федотыча.

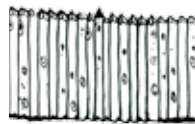
Друт смеётся:

– У него в волейбольной команде важный номер слабоватенький был. И вдруг он узнаёт, что в школу едет выпускник Ишимского педагогического училища. Едет юноша! Прокопий! Да ещё Федотович! К тому же Мас-тер-ских! Ну, и представил себе великана вровень с собой. Его-то ростик знаешь какой, под два метра. А тут пред очи заядлого спортсмена предстал гномик этакий, метр с двумя кепками. Вот и разгоготался он над собой, над своими надуманными гиперболами. Извинялся потом за некорректность. Хохотали вместе.

О чём пел Сашин кларнет?

А теперь перейду к короткому рассказу ещё об одном моём училищном однокашнике. Приличного, кстати, роста. Саша Бессмертных – выпускник «образца 1953-го». Как он сдал жизненный зачёт, трудясь на важных постах? Спросите об этом знавших его. «Испытание жизнью Саша выдержал на высокий балл!» – с гордостью ответят соратники и земляки Александра Алексеевича.

Этот стройный, высокий кучерявый парень от природы был красив. Приумножил он свои обаяния лиричностью душевной. Односельчане помнят его сверкающую бликами сольную кларнет-трубу, с которой он любил выходить на мостки

«Закадычные друзья, уверенные гимнасты «манжелеевского гнезда». Слева 2-й – Роберт Кутырёв, 4-й – Михаил Стафеев, 7-й – Александр Сажин». Фотография. Архив автора.

шей в Большом Сорокино, после долгого перерыва. Тут он трудился секретарём райисполкома.

Трудная уборочная страда. Осенние хлопоты. Замотанный «предрика». Но горел блеск в глазах, когда он говорил о добре людском, о светлых страничках жизни деревни. Не скрывал и тревоги. Коробили его частые перекосы да промахи колхозно-совхозной действительности.

Вспоминаю его рассказ об одном из студёных январей. В октябрьское ненастье, когда скошенная пшеница в валках прорастает и хлопот у районного командира – по самую макушку, он опять и опять заводил речь о «замерзаловке» прошедшей зимы.

«А это мы с Ниной Коростелёвой – гости в городской усадьбе родителей нашего студенческого друга Роберта Кутырёва». Фотография. Архив автора.

Ишим, в конторы, где есть уголь. Не по руководящим кабинетам пошёл, а к маленьким клеркам-писарчукам взятку понёс. От стыда весь полыхал. То в жар, то в холод кидало. Но уголёк получил. Не на всю, конечно, потребность, но получил ведь...

После этой препозорной байки мрачно помолчал Александр и почти шёпотом напористо выдохнул:

– Разве такое допустимо? Разве это порядок?

Сторел Саша Бессмертных на подобных «кострах». Многие о нём забылось, но мелодии его кларнетные над предзакатным озером Савино помнит.

Спасибо тебе, деревня, за это...

предзакатного домашнего озера. Вся ребята савинская сбегалась к берегу в этот необычный «музыкальный момент». И природа замирала в ожидании волнующих мажор-минорных напевов.

Горит розовая полоска утонувшего за горизонтом солнышка, белая берёза распустила косы, смотрится в водное зеркало. Где-то далеко-далеко басит выпь, а Сашины мелодии всё льются и льются, лаская ухо, тревожа сердце.

Не успел этот человек развернуть свои педагогические таланты, его позвали секретарём в районный комсомол, потом в «Ишимскую зону» на повышение перевели. Мне довелось встретиться с Са-

В тот год Александр вернулся из краткосрочного отпуска. Сердце уже не мирилось с перегрузками. А тут ещё выяснилось, что на складах хозяйства топлива – мизер. В школах и клубах, больницах и детсадах стали лопаться замёрзшие батареи. Вопрос: а почему ты, начальник района, не бил заранее в набатные колокола? Бил, оказывается, но получал от «верхов» бюрократические отказы: «Нет вам лимитов». В какие только инстанции не обращался! Пустые хлопоты. Замкнутый круг.

«Что делать?» – задаёт себе вопрос загнанный в угол председатель исполкома.

И делает неожиданный ход. Накупает самых нарядных, самых сладких презентов и едет с ними в

Тюмень, осень 2010 г.

Наш несравненный духовой оркестр¹

До сих пор, бывает, услышу звуки духового оркестра – аура далёких лет юности неожиданной встпшкой врывается в сердце...

Иван Николаевич Селянинов.
Фотография.
Музей ИГПИ
им. П.П.Ершова.

¹ Первая публикация: Тюменская правда. 2004. 16 сентября. С. 4.

² См., напр.: Брюханова Л.И., Кузнецов В.И. Разведчик Николай Кузнецов. Документальная повесть / Лит. запись Н.А. Данилина. Изд. 4-е. – Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1976.

По зову сына полка

Прошёл год с первого дня Победы, когда мы, дети войны, съехались в заштатный городок. Нас, закончивших школы-семилетки в районах Приишимья, был большой отряд.

Я оказался в числе сдавших экзамены на «хорошо» и стал «бурсаком» – так местные называли «свежеиспечённых» студентов, поступивших в Ишимское педагогическое училище. Ведь в этом старинном двухэтажном здании до революции размещалось духовное училище. В войну здесь был госпиталь, но его только что ликвидировали.

Удивительное то время всецело захватило нас. Во-первых, очевидно, потому, что мы были молоды, а во-вторых, в стране, победившей нашествие фашистской чумы, все люди жили и работали, что называется, на подъёме. Мы ощущали разруху, царящую во всех уголках Родины, однако радость переполняла нас оттого, что превозмогли, смяли фашистские орды, которым безропотно сдавались государства

Европы! Значит, победим и разруху! Мы осязали, что путь нашей державы к свету, к достойной жизни – верный. И это придавало силы, укрепляло мечту.

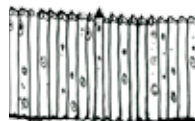
Помню, в наш класс пришел преподаватель истории, недавний армейский капитан. Знакомился, вызывая по списку. «О, вашу группу по праву можно назвать «гвардейской!» – вынес он своё шутливое резюме. И правда, у нас были и «зелёные» 14-летние, и 20-23-летние парни, вернувшиеся по ранению с фронта раньше своих сверстников.

А молодой учитель музыки, «демобилованный» сын полка Иван Селянинов объявил нам без лишних слов: «Буду вести занятия в духовом оркестре, приглашаю любящих музыку».

Незабываемый момент, когда мы увидели в его руках сигнальную трубу. Многие представили подростка Ваню Селянинова, играющего в предрассветный час побудку для всего полка! А потом он взял трубу «баритон». И полилась мелодия вальса о могучем Амуре... Учитель-музыкант пленил наши мальчишечьи сердца. Тем более что вскоре мы увидели его в роли капельмейстера, аккомпаниатора хора, блестящего аккордеониста-виртуоза...

Впервые наш оркестр заявил о себе горожанам на общем митинге в честь Октябрьской революции. Был холодный осенний день. Мы шагали по стылой земле городской площади и пока нестройно (но всё же внушительно!) славили «Маршем демократической молодежи мира» исторические свершения советского народа.

Старожилы Ишима помнят вечера художественной самодеятельности на сцене городского Дома культуры. Тон задавали мы – будущие учителя сельских школ. И в хоре, и в духовом оркестре, и в ансамбле аккордеонистов большинство составляли «духовики», овладевшие значительным запасом музыкальной грамоты. А в летние каникулы они уже вполне профессионально стали вести танцевальную программу в городском саду. И вот мы, начинавшие свою жизнь в училище с крапивного супа в столовой (причём булка непечённого хлеба на базаре стоила от 200 до 300 рублей, а мы на первом курсе получали стипендию лишь 130 рублей), что называется, «оттаяли». Благодаря заботе капельмейстера оркестранты начали получать законную заработную плату, всеобщую поддержку и почувствовали «вкус жизни».

«Лабухи: Иван Николаевич Селянинов, Владимир Ильич Колмаков, Михаил Яковлевич Поляков, Геннадий Николаевич Шестаков, Николай Акимович Данилин, Максим Филитович Ванюков, Владимир Фёдорович Кислов, Виктор и Валентин Филатьевы и Михаил Фёдорович (лаборант). Педагогическая 2 «В» кл. 1948 г.» (Подпись М.Я.Полякова на обороте). Фотография. Музей ИГПИ им. П.П.Ершова.

³ См., напр.: Крамор Г.А. «Опыта космических полётов не имел...» Судьба Валентина Филатьева // Коркина слобода. Вып. 6. – Ишим, 2006. – С. 43-51.

Друзья-побратимы

Звёздными стали многие мои друзья-побратимы.

Михаил Поляков. Его мама вошла в историю народного просвещения нашей области. Она противостояла главарям «белобандитского мятежа» в Приисетье. От гибели юную учительницу-комсомолку спасли стремительно наступавшие красноармейцы.

Грамотным у Михаила был и отец, вернувшийся с фронта. Мы полагали, что и Миша будет учителем. Но он на выпускном вечере высказал заветное: «Стану дипломированным работником юстиции».

И ведь стал! После учёбы в юрИнституте офицер МВД Поляков разыскал меня (я учился в столице), и больше мы не теряли друг друга из виду. Позже Михаил был прокурором укрупнённого района, судьёй, адвокатом... Но в какой бы ипостаси он ни находился, на вечерах встречи он поднимался на сцену родного Дома культуры и занимал своё место в ансамбле баянистов. Музыка осталась его неизменным увлечением.

Сколь много значат эти юбилейные сборы, какую морально-нравственную подпитку они нам дают! Чаще всего их инициатором является Михаил Яковлевич. Он своего рода аккумулятор группы нашего выпуска. И теперь, несмотря на годы, он активно участвует в юридической практике, остаётся верным идеалам юности.

Думаю, мои однокашники вправе сказать: своих учителей они не посрамили. Двоим из бывших оркестрантов присвоены высокие почётные звания, установленные для «просвещенцев» России – Карлу Герману (о нём – умном, замечательном наставнике юных – давала материал «Тюменская правда») и любимцу нашего коллектива Володе Кристелю, сыну сельской учительницы, долгие десятилетия трудившемуся в Маслянской железнодорожной школе преподавателем музыки.

С честью свой трудовой путь прошли и другие наши одноклассники. Один (Карл Герман) долгие годы директорствовал в средней школе, другой возглавлял лицей в Тюмени, третий (Роберт Кутырёв) работал заместителем главы города Ишима. Двое оставили добрый след в жизни, будучи партфункционерами обкома КПСС... Четверо, обучавшиеся у Ивана Николаевича Селянинова, стали капельмейстерами духовых оркестров (Владимир Глазунов, Геннадий Шестаков, Максим Ванюков и автор этих строк).

Прошу извинить за нескромность: чуть подробнее расскажу о себе. Учитель, воспитатель, я создал духовой оркестр в Покровском детском доме Сладковского района (за инструментами ездил по личной инициативе в Москву); руководил самодеятельностью в сельском клубе. Ох, и досталось мне в результате этой «круговерти»...

Не знаю, сколь долго суждено жить моим книгам очеркового характера: о лучших комсомольцах; о Героях Советского Союза – тюменцах; о патриотах Родины. Больших трудов стоили и архивный поиск, и встречи с победителями. Но это дало мне моральный заряд на всю оставшуюся жизнь.

Высокую оценку в нашей стране получила документальная повесть о разведчике Николае Кузнецове, литературным автором которой я являюсь. Она нашла добрый отзыв и у первых космонавтов – Гагарина, Титова, Беляева. Книга «Разведчик Николай Кузнецов» выдержала ряд переизданий, переведена на другие языки, вызвала большой интерес во многих странах мира.

Патриот Отчизны Николай Кузнецов оставил в сердцах потомков вечную благодарность. Восхищённый подвигом земляка, я потратил годы и внёс свой вклад, утверждая память о нём. В итоге моих хлопот в городе Талица, деревне Зырянка, в Тюмени у здания сельхозакадемии Кузнецов в бронзе встал на вечную вахту героя. Известно, что украинские националисты, пособники гитлеровских оккупантов, вымещая свою ненависть к патриоту советской Отчизны, не столь давно рушили памятники Н.И.Кузнецову и его могилу. Бендеровцы пытаются взять реванш. Боренье сил света и тьмы продолжается...

«На снимке, слева направо: первый ряд – обнявший свой неразлучный альт Володя Кристель; второй ряд – в белой рубашке Александр Шестаков; третий ряд – Максим Ванюков, Михаил Поляков, Иван Сеянинов, Владимир Колмаков, Николай Данилин; четвёртый ряд, 4-й – Карл Герман. Фото 1949 г. Очень сожалею, на этом снимке не запечатлён Валентин Филатьев (ходил за продуктами в Малиновку) – наш великолетный блондин, спортивный Аполлон, дублёр из первой группы космонавтов». Снимок производится по публикации в «Тюменской правде». К сожалению, оригинал, принадлежавший А.Е.Шестакову, утрачен.

Свой парень – в отряде Гагарина

Но вернусь к моим однокашникам. На снимке – паренёк в белой рубашке. Это Александр Шестаков, ныне известный на Тюменщине журналист. Полтора десятилетия он возглавлял в «Тюменской правде» отдел писем, своеобразный штаб, вокруг которого сплотились помощники областной газеты – рабоче-крестьянские корреспонденты.

Александр Евгеньевич – член Союза писателей России. Он не только автор замечательных стихов для детей. Талант его многогранен. Шестаков сам оформляет книги цветными иллюстрациями. Совсем недавно журналистское братство присвоило ему почётное звание – литератор «Золотое перо»!

Рядом с учителем И.Н.Сеяниновым на фото запечатлен ишимец Владимир Колмаков. В оркестре он был постарше иных из нас. У него мы учились доброте, интеллигентности. К нему с особым вниманием относились и девушки, на три четверти составляющие многосотенный коллектив учащихся нашей кузницы педагогических кадров.

Именно Володя первым ушёл в авиацию. За ним в авиационное училище поступил Валентин Филатьев, признанный среди нас спортсмен-шестовик. И старшие, и младшие с уважением относились к нему. В духовом оркестре Валентин вел партию «большого баса», а его родственник Виктор «отвечал» за «бас-эс». В тесной комнате общежития наши койки стояли рядом. Мне и «братьям Филатьевым» выпало спать «валетом»! (мест-то не хватало).

...Вскоре после того, как Юрий Гагарин и Герман Титов побывали в космосе, я, будучи проездом в городке своей юности, встретил соученицу Нину Петрову. Рассказывая о других (кто, где...), она сообщила, что Владимир Колмаков вышел в запас в звании майора авиации. И доверительно сообщила: «А ты знаешь, Валя Филатьев, приезжая в отпуск, в узком кругу признался, что он – в первом отряде космонавтов! Но просил не распространяться об этом».

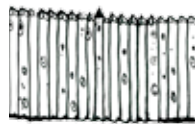
И большие расстояния, и условия сверхсекретности, касавшиеся первых рыцарей Космоса, не позволили мне в то время свидеться с Валею. А мои ожидания, что вот-вот настанет день, когда я услышу сообщение ТАСС, будто на космической орбите – командир корабля Валентин Филатьев, оказались тщетными.

Позже я узнал о драме космонавта-дублёра из отряда Юрия Гагарина³. На одной из встреч по случаю Дня Победы (двадцать лет спустя после начала космической эпопеи) я разговорился с генералом Андреем Витруком, который в шестидесятых годах был в командном составе, обеспечивавшем космические исследования. «А вы, случайно, не знали в первом отряде космонавтов дублёра Валентина Филатьева?» – поинтересовался я. «Хорошо его помню, – ответил генерал. – Немногословный парень. Предельно корректный, дисциплинированный, дружелюбный. Его заслуги в подготовке полетов трудно переоценить. Он внёс свой вклад в общее дело. Он был в отряде первых! – и этим всё сказано».

Я так и не вижу «тяжкой вины» В.И.Филатьева, закончившего свои небесные и земные трассы подполковником авиации. Есть отдельные детали – но это особый разговор. А главное – он честно прошёл свой нелегкий жизненный путь. Интересно, знал ли Гагарин, что Филатьев тоже любил музыку, играл в духовом оркестре?..

...Гляжу на лица друзей юности. Многие уже оставили земной мир. Нет сегодня и «братьев Филатьевых». Кстати, на несколько лет пережил своего дублёра генерал авиации Герман Титов...

Время. Быстрокрылое время! В его дымке вижу своих друзей, слышу их голоса. Нет-нет да и музыка духового оркестра напомнит былое. Сегодняшний свой рассказ адресую не столько детям (своим и друзей юности), сколько внукам: такими мы были. Всё доброе, хорошее в делах своих мы посвятили стране, родному народу. Будьте лучше нас!

¹ «Ленинские искры» – первая советская газета для детей и подростков. Основана в 1924 г. С 1992 г. издаётся под названием «Пять углов». (Прим. ред.)

Д. М. Климова

События и встречи

Немного о себе и не только

*Семья Климовых.
Дачный посёлок
при ст. Сиверская.
1938 г. Архив автора.*

*Дине Климовой 7
лет. Весна 1941 г.
Фоторепро-
дукция. Архив
Т.П.Савченковой.*

Меня зовут Дина Михайловна Климова, я родилась 19 сентября 1933 года, как говорились, «в голодные годы», в лучшем на свете городе, который тогда назывался Ленинградом, и первую половину жизни прожила на Моховой улице, история которой необычайно богата и многообразна. Каждый её дом либо несёт на своих стенах одну или несколько мемориальных досок с именами исторических личностей, либо заслуживает таковых.

В одном из таких домов, в бывшей отдельной, превращённой в коммунальную, квартире поселились в начале тридцатых годов не знаменитые и не слишком образованные, но хорошие люди – мои родители: Михаил Иванович Климов, уроженец деревни Горбуша Вологодской губернии, демобилизованный после службы матросом на прославленном крейсере «Аврора», и Антонина Дмитриевна Иванова, родом из городка Бологое (помните песенку «Бологое, Бологое, это где-

то между Ленинградом и Москвой»), дочь известного на Октябрьской железной дороге классного машиниста и полуграмотной швеи. Однако дом бабушки Анны Николаевны и дедушки Дмитрия Ивановича был полон разнообразных книг и разговоров о них. С ранних лет помню перелистывание старинных журналов «Нива», «Тропинка», «Задушевное слово», рассматривание темноликих икон, семейное чтение вслух за столом под большим абажуром керосиновой лампы.

К пяти годам я перестала довольствоваться слушанием и начала самостоятельно учиться чтению по заголовкам и уличным вывескам. На пятый день рождения из всех подарков выделила скромный серенький букварь (ярких тогда не водилось) и вскоре начала читать всё, что написано. В 1941 году, когда в сентябре мне предстояло пойти в первый класс (тогда в школу принимали с 8 лет), я бегло читала, а писать пыталась только печатными буквами, срисованными с книжных страниц.

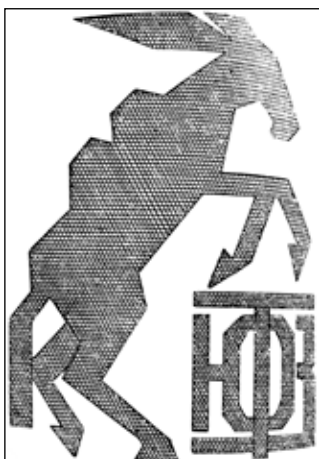
Но грянула страшная война. Папа ушёл на фронт, провоевал в морской пехоте в Севастополе несколько месяцев, а потом до конца жизни не мог оправиться от тяжёлого ранения. Женщины, включая меня, были эвакуированы в глубь страны, где долго скитались, голодали и холодали, болели и сталкивались с ужасами смерти. История тяжких страданий в тылу ещё ждёт своего правдивого описания.

Вспоминается зима в неотапливаемом помещении, где меня держали в пальто, шапке и обуви под ватным одеялом, лишь время от времени выпуская на улицу немного размяться. Отвлекало от голода и холода опять-таки чтение. Несколько книг прихватили при отъезде, кое-что прикупили в дороге. Я, восьмилетняя, прочла тогда, кроме детских книжек, «Отцы и дети» Тургенева, выучила наизусть несколько стихотворений, в том числе лермонтовскую «Ветку Палестины», загадочную, как шарада, а «Выхожу один я на дорогу...» стало моим любимым на всю жизнь именно с тех пор. Вскоре и сама начала писать детские неумелые стихи – о войне, о любимом незабываемом городе. Это было уже в далёкой Киргизии, на берегу дивного озера Иссык-Куль, куда семья потянулась вслед за отцом, отправленным на лечение от ран. Подробности жизни в Киргизии мне довелось описать Чингизу Айтматову при нашей встрече в 1988 году.

После снятия блокады я вернулась домой с циклом собственных стихов, которые были решительно отвергнуты редакцией газеты «Ленинские искры»¹. Попробовала писать прозу, но её забрала уже сама. Столь же бесперспективной оказалась

Здание бывшего Тенишевского училища на ул. Моховая, впоследствии - Театр юного зрителя и школа № 192. Июль 2007 г. Фотография Д.Пичугиной с веб-сайта wikipedia.org.

Первая эмблема Театра юных зрителей.

попытка художественного творчества на первом курсе университета. С тех пор сочиняю только юмористические стихи «на случай» (успешно) и отчёты о работе (не всегда).

В 1945 году я поступила в 4-й класс, а в 1952-м окончила с серебряной медалью 192-ю ленинградскую среднюю женскую школу, ещё сохранявшую часть облика и традиций прославленного Тенишевского училища. Неоднократно описанное в мемуарах о начале XX века, оно известно зданием, отвечавшим самым высоким строительным достижениям, блестящим составом преподавателей, знаменитыми именами выпускников и незабываемыми литературными

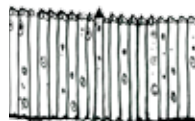
вечерами, собиравшими в стенах актового зала сливки петербургского культурного общества.

С 1922 по 1962 год Тенишевский актовый зал был занят первым в стране и мире Театром юных зрителей под руководством А.А. Брянцева. Незабываемый ТЮЗ стал для советских школьников тем же, чем для тенишевцев был концертный зал с его разнообразными культурными впечатлениями. Много сказано и многое ещё предстоит рассказать о памятных спектаклях этого театра. Но лишь один из них входит в его репертуар почти девяносто лет, с первого дня и поныне. Открытие театра 23 февраля 1922 года ознаменовалось постановкой сказки П.П. Ершова «Конёк-Горбунок», а изображённый на афише Конёк стал эмблемой ТЮЗа. Могла ли я, школьница сороковых годов, предположить, что ершовская сказка станет когда-то предметом моих многолетних исследований!

До последних школьных дней я колебалась в выборе двух совершенно противоположных университетских факультетов – геологического, куда влекли наивные романтические представления о походах с рюкзаками и песнями у костра, и филологического, который настойчиво рекомендовали преподаватели российской словесности. Наконец, трезво оценив свои склонности и возможности, подала документы на филфак и впоследствии ни разу не пожалела об этом.

Сначала училась на отделении славяноведения, затем окончила с отличием в 1957 году отделение русского языка и литературы. Там же я встретила свою судьбу и единственную любовь и по окончании университета вышла замуж за своего однокурсника. Александр Иванович Корнев до конца своей жизни работал на родном факультете в качестве доцента кафедры русского языка и заведующего Межкафедральным словарным кабинетом им. Б.А. Ларина, успешно и увлечённо занимался историей языка, диалектологией и лексикографией.

Мы учились не в лучшие для филологии годы. Только что прокатились волны борьбы с так называемым «космополитизмом», и факультет лишился многих профессоров, составлявших его славу. Среди пострадавших «космополитов» были такие известные учёные, как профессора Г.А. Гуковский, М.К. Азадовский, Б.М. Эйхенбаум, у которых нам учиться не довелось. Позднее, к нашему изумлению и негодованию, обнаружилось, что некоторые блестящие лекторы были их обвинителями и доносчиками. И всё-таки у нас были замечательные учителя. Нельзя не вспомнить хотя бы некоторых из них: Г.П. Макогоненко, В.А. Мануйлов, Г.А. Бялый (история русской литературы), В.Я. Пропп (фольклористика), П.Н. Берков (литература народов СССР), Б.В. Томашевский (текстология, пушкиноведение), Ю.С. Маслов (общее языкознание), М.А. Соколова (история языка), В.Ф. Шишмарёв, З.И. Плавский, Г.В. Степанов (романская филология), И.М. Тронский, А.И. Доватур (классическая филология), В.М. Жирмунский, Б.Г. Реизов (история зарубежных литератур), М.И. Стеблин-Каменский (германская филология), Э.А. Якубинская (славянская филология) – крупные учёные и яркие личности с непростыми судьбами. А имя академика Жирмунского, также как и пушкиниста профессора Н.В. Измайлова, напоминает мне и о любимом Тенишевском училище, которое они оба закончили.

² См.: Климова Д.М. О роли П.П. Ершова в публикации двух стихотворений А.С. Пушкина // Ершовский сборник. Вып. 3 / Отв. ред. Т.П. Савченкова. – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2006. – С. 3-11; Климова Д.М. Книга П.П. Ершова в библиотеке А.С. Пушкина // Ершовский сборник. Вып. 4 / Отв. ред. Т.П. Савченкова. – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2007. – С. 3-11; Климова Д.М. Пушкинские ли строки в «Коньке-Горбунке»? // Ершовский сборник. Вып. 5 / Отв. ред. Т.П. Савченкова. – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2008. – С. 3-12; Климова Д.М. Малоизвестные материалы о подготовке четвёртого издания сказки П.П. Ершова «Конёк-Горбунек» // Ершовский сборник. Вып. 6 / Отв. ред. Т.П. Савченкова. – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2010. – С. 3-13. (Прим. ред.).

Мы учились с увлечением, хотя и тяготились непрофильными идеологическими дисциплинами, не удовлетворялись строгой формализованностью комсомольской работы (а где ещё можно было найти выход общественному темпераменту?). Но забываемо яркие воспоминания оставили летние комсомольские стройки с их лёгким трудом, незамысловатым бытом, студенческими песнями, где зарождалась крепкая дружба и, как верилось, любовь навсегда. Большую роль в моём студенчестве сыграли диалектологические экспедиции, где я постигала глубины родного языка и настоящую, неприкрашенную жизнь русской деревни.

На пятом курсе, совершая свой обычный путь из дома на Моховой до Университетской набережной по красивейшим местам города мимо Летнего сада и Михайловского замка, через Марсово поле, по Дворцовой набережной с её неповторимой (ныне погибающей) панорамой, я мысленно прощалась с ними, скорее всего – навсегда. Ведь, уехав по обязательному распределению на три года, выпускник терял прописку, и лишь немногим удавалось возвратиться в родные пенаты.

Ходила же я в этот прощальный год не только на свой факультет, но и в Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (ныне РАН), где изучала рукописи Писарева для дипломной работы, посвящённой стилистическому анализу его памфлета «Пчёлы». Стилистикой я пыталась примирить свои противоречивые стремления к языкознанию и литературоведению одновременно. Прилежная дипломантка была замечена и приглашена на временную работу в группу по изданию полного собрания сочинений М.Е. Салтыкова-Щедрина, а после выпуска зачислена в штат Рукописного отдела, святая святых этого уникального научного учреждения. В том году трагически погиб Б.В. Томашевский, и место заведующего Рукописным отделом занял Н.Б. Измайлов. Чудесный человек и большой учёный, он бережно и тактично вводил неопытную сотрудницу в сложное архивное хозяйство и приобщил к начинавшейся тогда работе над академическим изданием И.С. Тургенева.

Первое же десятилетие работы в Пушкинском Доме ознаменовалось для меня встречами и с другими выдающимися деятелями науки. Величественно восседал на совещаниях щедринской группы маститый революционный деятель, соратник Ленина и Горького В.А. Десницкий. Под стать ему – Н.К. Пиксанов, исследовавший необъятный круг вопросов литературы, журналистики, общественной мысли, историографии и т.д. Деловито пробегал в дирекцию вечный опекун и защитник всех страждущих и гонимых основатель Древлехранилища археограф В.И. Малышев. Проходил в свой кабинет, успев рыцарственно подать пальто оторопевшей молоденькой сотруднице, академик М.П. Алексеев. Раскланиваясь со сдержанной благожелательностью, поднимался в Сектор древнерусской литературы его заведующий Д.С. Лихачёв. С утра пораньше появлялся в читальном зале профессор Библиотечного института (теперь Институт культуры) Б.Я. Бухштаб, вежливо, но настойчиво требуя немедленно разыскать необходимую ему рукопись. Время от времени в вестибюль врвался всеобщий любимец с неизменным возгласом: «Андроников моя фамилия!». Приезжала передавать часть архива Булгакова его вдова Елена Сергеевна, красивая, элегантная светская дама. «Оттепель» шестидесятых годов, приоткрывшая «железный занавес», впустила в наше закрытое общество зарубежных гостей. Ко мне в читальный зал приводили и представляли новых читателей – Сержа Лифаря, Наталью Кодрянскую (писательницу, бывшую секретарём Алексея Ремизова), семью потомков Пушкина Воронцовых-Вельяминовых. Через несколько лет Воронцовы в свою очередь принимали в Париже моего мужа, после чего у нас завязалась оживлённая переписка, сохранившаяся, к сожалению, лишь частично.

Однако вскоре серьёзное заболевание надолго прервало мою трудовую деятельность, а после излечения я вернулась к ней уже в качестве старшего редактора известной серии «Библиотека поэта», где проработала 25 лет, не прерывая тесной связи с Пушкинским Домом. Быстро освоить издательское дело помогла пушкинодомская практика академических изданий. За время издательской работы я отредактировала несколько десятков книг разнообразной тематики за период от XVIII до XX века. Научная редакция – дело чрезвычайно увлекательно, хотя и не лёгкое. Чтобы статья не сухим контролёром, а настоящим помощником составителя-текстолога и автора научного аппарата, редактору приходится глубоко вникать в содержание работы, подчас повторять путь исследования и становиться, по существу, соавтором. При этом самые разнообразные темы осваиваются в кратчайшие сроки в соответствии с жёстким производственным графиком. Где уж тут сосредоточиться на

*Пушкинский Дом.
Октябрь 2010 г.
Фотография
Г.А.Крамора.*

*Студенты-диалектологи Дина Климова и Александр Корнев в архангельской экспедиции. 1955 г.
Фотография. Архив автора.*

собственных интересах. Всё же я самостоятельно подготовила два научных издания: Ершова (1976 г.) и Грибоедова (1987 г.).

В обеих книгах во главу угла поставлено решение сложных текстологических проблем и в первую очередь – обоснование окончательных авторских редакций. Признаться, берясь за работу над произведениями Ершова (а это было первое научно подготовленное издание), я не предвидела и десятой доли неожиданностей, подводных камней и крутых поворотов, перед которыми поставила меня текстологическая и эдиционная история прославленной сказки. Судя по отзывам авторитетных специалистов, я не безуспешно прошла тернистый, но увлекательный путь проникновения в тайны творчества, а через много лет вновь вернулась к нему под напором неиссякаемого энтузиазма Т.П. Савченковой².

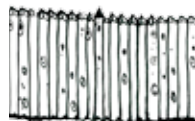
И снова – встречи с интересными людьми. Литературоведы С.С. Аверинцев, Л.М. и Ю.М. Лотманы, Б.Я. Бухштаб, Е.Г. Эткинд, писатели Ф.А. Абрамов, Н.Н. Берберова, Д.А. Гранин, семья Б.Л. Пастернака, М.С. Волошина, Л.Н. Гумилёв – этот список можно пополнять до бесконечности. С одними мимолётные встречи в кулуарах издательства «Советский писатель» и в Союзе писателей (размещавшимся тогда в одном из старинных дворцов, где сохранились роскошные интерьеры), с другими совместная работа, тесное сотрудничество, иногда переходящее в «дружбу домами». В «Библиотеке поэта» мне посчастливилось несколько лет работать под руководством В.Н. Орлова, блестящего специалиста в разных областях литературной науки и прекрасного знатока издательского дела.

На следующем жизненном витке, после упразднения издательства «Советский писатель» и входившей в него редакции «Библиотеки поэта» в начале бурных девяностых, я снова вернулась в Пушкинский Дом, отсюда вышла на пенсию, но и до сих пор активно участвую в научной и общественной жизни родного Дома.

По натуре я волонтер. Сколько помню себя, постоянно нахожу занятия не обязательные, но интересные для меня и полезные для других. Пионеркой и комсомолкой опекала детские дома. Один из них, кстати, после войны размещался в здании бывшего Училища правоведения, где учились П.И. Чайковский, А.Н. Апухтин и другие знаменитые люди, прославившие себя вовсе не юриспруденцией. Так что водила я хороводы с малышами в зале историческом, сама того, конечно, не зная. Потом с друзьями-однокурсниками работала на колхозной стройке землекопом и «тачечницей». В конце шестидесятых годов увлеклась изучением древнерусских городов, но очень скоро просто путешествия перестали удовлетворять, и мы с мужем посвятили несколько отпусков реставрационным работам в Ки-

жах и Ленинградской области. С тех пор кижский Преображенский собор или Никольская церковь села Согиницы в Подпорожье для меня не только жемчужины деревянного зодчества, а почти живые родные существа, которым я по силе возможности помогла продлить жизнь. Вместе с Д.С. Лихачёвым я работала в Обществе охраны памятников истории и культуры, а теперь участвую в акциях за сохранение уникального исторического облика Петербурга.

Равноправными и любимыми членами нашей семьи были собаки. Здесь я тоже не ограничилась просто совместным существованием (хотя оно само по себе приносит много радости), а пошла осваивать собачьи науки и в конце концов превратила их из хобби во вторую профессию – имею диплом инструктора-дрессировщика. Училась кинологии у знаменитой дрессировщицы и писательницы Л.И. Остреповой. Наш ньюфаундленд Галл был обучен пяти службам, специализировался по спасению утопающих. Английские кокеры Йота Кораля Злата золотистого окраса и чёрноподпалая Симона Кораля оф Флай Стар (в быту Маняша) участвовали в концертах и показательных выступлениях. Все мои собаки много снимались в кино. Через них я познакомилась с заэкранной стороной кинематографа и приобрела новые знакомства в мире искусства.

*Д.М. Климова
в редакции «Библиотеки поэта»
издательства
«Советский
писатель» в Ле-
нинграде. 1990 г.
Фотография. Ар-
хив автора.*

Встречалась в работе с режиссёрами Н.Кошеверовой, О.Ерышевым, И.Владимировым, актёрами В.Сухоруковым, О.Далем, И.Дмитриевым, даже чуть не познакомилась с самой Элизабет Тейлор и режиссёром «Синей птицы» Дж. Кьюкором. Встреча была условлена, но не состоялась, как говорится, по не зависящим от сторон обстоятельствам. Не только на съёмочной площадке, но и на дрессировочной доводилось встречаться то с режиссёром А.Германом, то с писателем В.Голявкиным, с певцом Э.Хилем. В 1992 году, когда Лидии Ивановны не стало, в продолжение её дела я возглавила показательный коллектив дрессировщиков-любителей, названный «Каштанкой» в честь чудесной собаки, изображённой писателем, тонко чувствующим душу и человека, и животного. С тех пор энтузиасты «Каштанки» из подростков превратились в мам и пап, но продолжают по первому зову мчаться на выступления в детские дома, школы, летние лагеря, прихватив с собой детей, собак, реквизит и меня (в качестве консультанта и комментатора). И всё это в наш меркантильный век совершенно бесплатно.

Есть в моей жизни ещё хорошее кино, музей, классическая музыка, «роскошь человеческого общения» и, наконец, вечное занятие стариков – воспоминания.

*Встреча в Пушкинском Доме.
Слева направо:
Т.П. Савченкова,
академик
Б.Ф. Егоров,
Д.М. Климова,
академик
С.О. Шмидт.
3 декабря 2007 г.
Фотография
Г.А. Крамора.*

Академик А.М. Панченко – ныне, увы, уже покойный – многим известен не только своими филологическими трудами, но и циклами просветительских теле- и радиопрограмм, в которых он страстно и увлекательно пропагандировал величайшие ценности нашей культуры. Для меня же он со студенческих лет был и остаётся просто Сашей.

Первые мы встретились много лет тому назад в коридорах филфака ЛГУ, тогда ещё мрачноватых и неухоженных, со следами военных бедствий. Шестнадцатилетний юноша, почти подросток, с первых же дней ярко выделился на фоне более старших однокурсников, среди которых было немало и бывших фронтовиков. Внешностью его Бог не обидел – истинный русский богатырь, к тому же не по летам смелый и раскованный. Он много знал, и уже первокурсником не стеснялся открыто высказывать собственное мнение по любым вопросам.

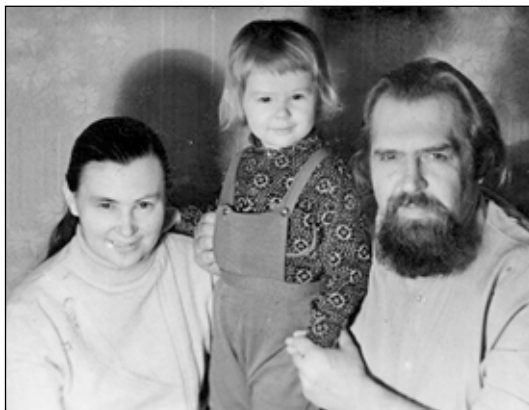
Помнится такой эпизод. Стоит в коридоре наш знаменитый ректор Александр Данилович Александров после одного из студенческих диспутов, в которых он любил участвовать. Перед ним кучка студентов в почтительном молчании, а в центре Саша Панченко горячо и убедительно опровергает выступление уважаемого ректора, который явно не находит подходящих контраргументов. А юноша наступая всё азартнее, то и дело восклицая: «Ведь это же факты!».

Храбрым был он не только в полемике. Однажды пришёл на занятия после долгого отсутствия с лицом, заклеенным пластырем (шрам сохранился у него до конца жизни). Говорили, что вступил в неравный бой с василеостровской шпаной за честь девушки. Сам он об этом рассказывать не любил.

Ко времени поступления в аспирантуру Пушкинского Дома у Панченко было уже два диплома: филологического факультета Карлова университета в Праге по

Академик Саша Панченко

Панченко Александр Михайлович (1937-2002) - академик РАН, почётный доктор университетов Болгарии и Венгрии, член Союза писателей, автор более 300 трудов по истории русской литературы и культуры XI-XVII вв., а также многих литературоведческих и историософских работ по XVIII - XIX вв., создатель нескольких десятков научно-популярных фильмов и телепередач, отмеченных Государственной премией РФ.

А.М. Панченко с женой И.А. Муравёвой и сыном Александром. 1974 год. Фотография с веб-сайта pushkinskiydom.ru.

специальности «богемистика» и филологического факультета Ленинградского университета по двум кафедрам: русской литературы и славянской филологии.

В 1962 году только что закончивший аспирантуру молодой сотрудник Сектора древнерусской литературы Александр Панченко занял также пост секретаря комсомольской организации Пушкинского Дома – неизменная повинность каждого новичка. Саша сразу же сориентировал бюро на вопросы научной деятельности молодых сотрудников. Впрочем, общественной работе он предпочитал собственные исследовательские интересы, уже тогда весьма обширные.

Так как наши научные темы не пересекались, встречались мы поначалу мимоходом, на бегу. Да и впоследствии, даря друг другу свои работы с тёплыми

надписями, редко их обсуждали. И то сказать, перечить Саше было небезопасно.

Зато однажды мы построили общий дом.

3 августа 1965 года Нине Тимофеевне Панченко были торжественно вручены ключи от новой кооперативной квартиры общей площадью всего-навсего 40 кв. м., состоящей из крошечной кухни и двух узких смежных комнаток, куда переехала она сама с двумя взрослыми сыновьями, Сашей и Мишей, и их бабушкой Верой Ивановной. Это не ахти какое жизненное пространство было для нас, выходцев из коммуналок, великим благом.

Саша Панченко частенько поднимался этажом выше, чтобы стрельнуть сигарету у моего мужа, тоже Саши (у доцента А.И. Корнева учились на филологическом факультете ЛГУ многие нынешние известные учёные, в том числе сотрудники Пушкинского Дома). Дым стоял коромыслом в комнате, где всю мебель составляли диван да громоздкий ламповый радиоприёмник, по которому сквозь шипенье глушилок доносились «вражеские голоса» – передачи Би-би-си и радио «Свобода». Из отрывочных фраз сообщая составляли общий смысл, добавляли собственные соображения и курили, разговаривали далеко за полночь. Как же горько сожалею я теперь, что никогда не вела дневников и не записывала мысли этих двух замечательно талантливых людей!

В нашем же доме в 1971 году родился и Александр второй, А.А. Панченко. Познакомиться с ним поближе, впрочем, тогда не удалось – в колясочном возрасте будущий доктор филологических наук был суров и неприступен с посторонними.

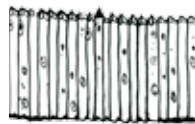
Прошли ещё годы, мой муж умер, а Панченко переселился в соседний дом. С тех пор мы встречались чаще всего в нашем общем садике, где я гуляла с собаками, а он иногда возвращался из рюмочной, носившей в начале девяностых годов выразительное название «Веселие Руси». В то время бурных перемен, когда «новые песни придумала жизнь», его равно волновали и судьбы страны и мира, и система переименования улиц, и новое (оно же и прежнее) название нашего города, и реформы Петра I, и подлинность «Слова о полку Игореве». Темы истории, культуры и политики он обсуждал не только в своих популярных просветительских телепередачах, но с неизменной страстностью вступал в пламенные дискуссии на лавочке с соседями-пенсионерами. От эйфории и надежд 1991 года постепенно переходил к политическому скепсису, как многие из нас.

Тем временем неумолимо надвигались болезни, встречи и телефонные звонки становились всё реже и настало время, когда свет в его окне стали зажигать совсем другие люди.

Николай Васильевич Измайлов в моей жизни

Измайлов Николай Васильевич (1893-1981) – доктор филологических наук, текстолог, пушкиновед, учёный хранитель и заведующий Рукописным отделом Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, один из организаторов и председатель текстологической комиссии, учёный с трудной судьбой, неоднократно подвергавшийся необоснованным репрессиям.

С течением времени всё старое превращается в старинное, случайные записки – в незаменимые свидетельства, полузабытые эпизоды – в незабываемые события.

³ *Серж Лифарь*
(фр. *Serge Lifar*;
наст. имя *Сергей*
Михайлович Лифарь;
1905-1986)
– балетный тан-
цовщик, хореограф
и балетмейстер,
большую часть
жизни работавший
во Франции. Осно-
ватель Парижского
университета
хореографии и Уни-
верситета танца.
Родился в Киеве.
(Прим. ред.)

⁴ *Алексей Ми-
хайлович Ремизов*
(1877-1957) – рус-
ский писатель,
один из наиболее
ярких стилистов в
русской литерату-
ре. (Прим. ред.)

**Николай Василь-
евич Измайлов.**
Фоторепродукция
из книги «Пушки-
нист Н.В. Измай-
лов в Петербурге и
Оренбурге» (Калу-
га, 2008).

Как-то я обнаружила в домашнем архиве небольшую открытку полувековой уже давности, связанную с 70-летием Н.В. Измайлова. Письмецо это, очень дорогое для меня, не содержит каких-либо важных фактов, но приоткрывает светлый душевный мир этого человека, на вид немного чопорного, что называется, застёгнутого на все пуговицы.

Впервые я встретила с Николаем Васильевичем Измайловым в 1958 году, когда окончив филфак ЛГУ, определилась на работу в Пушкинский Дом, в его святая святых – Рукописный отдел. Измайлов только что стал заведующим отдела после трагической гибели Б.В. Томашевского. Было ему тогда 65 лет, для мужчины ещё не старость, хотя молодёжи он, как водится, казался человеком преклонного возраста. Но каким привлекательным был весь его облик! Высокий и статный, с прекрасными, немного старомодными манерами и изящным парижским грассированием – во всём угадывалась порода. Судя по фотографиям, он принадлежал к тому типу людей, которые с годами становятся красивее. А его безукоризненная вежливость даже слегка обескураживала: ещё бы, ведь сам заведующий неизменно вставал, когда начинающая сотрудница входила в кабинет.

Исторический кабинет заведующего Рукописным отделом, уничтоженный в начале нынешнего века, заслуживает совершенно отдельного описания. Его, как и знаменитую комнату-сейф в хранилище, следовало бы музеефицировать. Обставленный старинной мебелью красного дерева, с подлинной пушкинской библиотечкой, занимавшей стену позади большого письменного стола, кабинет по стилю был, если можно так выразиться, очень к лицу Николаю Васильевичу. Архивисты приглашались туда для бесед один на один по частным вопросам и все вместе – на совещания. Там же проводилась демонстрация рукописей посетителям. Заведующий изредка принимал в этом участие, но чаще уходил по своим делам, возможно, из деликатности, чтобы не смущать экскурсовода. Во всяком случае, мой собственный дебют в этом качестве прошёл благополучно и даже успешно в отсутствие Николая Васильевича, при нём же я, конечно, и слова бы не выговорила.

Надо сказать, Николаю Васильевичу как администратору досталась задача не из лёгких. Например, в то время было принято ссы-
лать в РО сотрудников творческих секторов (не обязательно в виде наказания, а по разным, только дирекции ведомым, причинам). В основном это были люди со сложившимися творческими интересами, а подчас, будем откровенны, и без каких-либо интересов. Молодым перспективным кадром оказалась в то время я одна, и вскоре заведующий мягко и ненавязчиво, твёрдой рукой в бархатной перчатке стал направлять меня на путь истинный. Для начала мне было разрешено и даже рекомендовано посещать институтские научные заседания независимо от их тематики. Затем поручено сделать два сообщения по материалам Рукописного отдела. На тексте доклада «Рукописи И.А. Гончарова в Пушкинском Доме» (1962 г.) сохранились небольшие поправки почерком Николая Васильевича. Получила я и несколько заданий по подготовке академического собрания сочинений И.С. Тургенева и тогда снова испытала на себе внимательность и чуткость руководителя издания. Однажды он пригласил меня в кабинет, с некоторой торжественностью вписал в именной указатель: «Д.И. Климова – советский литературовед», – и поздравил с первым упоминанием имени.

Совместно со мной Н.В. Измайлов подготовил письма к Полине Виардо и оказал совершенно незаменимую и безотказную помощь, когда в спешном порядке готовились незадолго до того открытые «Мемориал» и дневник Тургенева.

Доводилось слышать, что Николай Васильевич бывает излишне осторожным в суждениях и поступках. Думаю, причиной тому была отчасти его врождённая интеллигентная сдержанность, а отчасти перенесённые в недавнем прошлом тяжкие испытания, о чём было известно тогда немногим. Гораздо позднее я узнала о репрессиях по «академическому делу» и о том, что на протяжении без малого десятка лет нашей совместной работы он, оказывается, ещё не был реабилитирован и даже некоторое время приезжал в институт с рокового 101-го километра – расстояния изгоев.

В самом начале 60-х годов, во время первой политической оттепели, начали появляться в институте легендарные личности. В рабочей комнате материализовался не кто иной, как сам Серж Лифарь³. Н.В. Кодрянская привезла архивные матери-

лы Алексея Ремизова⁴ (я тут же получила распоряжение разбирать архив, а Наталья Владимировна подарила парижскую диковинку – деревянные бусы).

Более всего вспоминается важное для пушкинистов событие – приезд в 1960 и 1961 годах семьи потомков Пушкина Воронцовых-Вельяминовых: Георгия Михайловича, его жены Тамары Васильевны и дочери Ани. Принимали это замечательное семейство со всем возможным радушием и пиететом. Конечно, показали автографы их знаменитого предка, провели по пушкинским местам, тщательно выбрали в подарок палехскую шкатулку. Но никто, совсем никто не решился пригласить их к себе домой. Причины были примерно одинаковые. Совершенно невозможные жилищные условия у большинства, включая и Николая Васильевича (квартиру он получил только в 1963 году). У одной из сотрудниц отдельная квартира, но муж работает в закрытом учреждении «с допуском», и допуск этот может рухнуть из-за визита иностранцев. Другая – пережила репрессии и тоже опасается неприятностей. Так и уехали потомки Пушкина, не испытав полного гостеприимства на исторической родине.

Совсем иначе принимали они через два года моего мужа, который нанёс им визит в Париже с рекомендательным письмом Н.В. Измайлова. После этого наша семья некоторое время переписывалась с Воронцовыми, но, к сожалению, не сохранились те письма, в которых упоминается Николай Васильевич с неизменным уважением.

Жизнь развела меня с одним из первых и любимых учителей и наставников. Даже проводить его в последний путь не пришлось – была в отъезде. Уже гораздо позднее с приятным удивлением обнаружила, что в молодости прошла кое-где по его стопам с разницей в сорок лет: окончание почти одной и той же школы (он – Тенишевского училища, я – средней школы в том же здании), поступление на славянское отделение Университета и завершение курса по русистике, начало трудового пути в Рукописном отделе Пушкинского Дома. И так же, как он, могу сказать: тогда «совершилось одно из важнейших событий в моей жизни».

Семья Лотманов, как я её знала

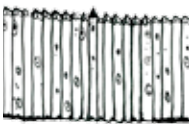
Лотман Лидия Михайловна (1917-2011) – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Автор многочисленных работ по истории русской литературы XIX в., участник академических изданий Лермонтова, Гоголя, Беллинского, Тургенева.

Лотман Юрий Михайлович (1922-1993) – доктор филологических наук, профессор Тартуского университета, член-корреспондент Британской академии, академик Норвежской, Шведской, Эстонской академий. Специалист по истории русской литературы XIX века, автор работ по структурному анализу художественного текста.

В семье Лотманов все три сестры и брат были талантливы. Старшую, Инну, я никогда не видела, но знала о ней как о замечательной музыкантше. Викторию, известного в Ленинграде кардиолога, узнала, будучи пациенткой больницы Академии наук, где она долгое время возглавляла кардиологическое отделение. По словам её сестры Лидии Михайловны, Виктория Михайловна как человек бесстрашный и не боящийся ответственности, «лечила сразу», без колебаний, цenia время в борьбе с болезнью. Я пользовалась её советами и тогда, когда она была уже на пенсии, но охотно давала консультации знакомым, мало знакомым и вовсе не знакомым.

А с Лидией Михайловной я познакомилась в 1957 году, когда поступила в Пушкинский Дом, где она много лет была одним из ведущих сотрудников. Лидия Михайловна прожила более девяноста лет и рассказала о своей долгой жизни в книге воспоминаний, вышедшей незадолго до её кончины. Я помню её как человека яркого, живого, интересующегося всем многообразием жизни, с тонким юмором и нестандартным подходом к темам своих исследований. А о героях своих работ умела говорить, как о близких знакомых. Я ощутила эти её качества как в первой совместной работе над академическим собранием сочинений Тургенева, так и в последнем издании двух пьес Островского «Снегурочка» и «Иван-Царевич» в Малой серии «Библиотеки поэта». С тёплым чувством перечитываю надпись на экземпляре этой книги:

«Дорогой Диночке Климовой на память о нашей дружной, братской работе над милой Снегурочкой и над «примкнувшим к ней» Иваном-Царевичем с благодарностью Л.Лотман».

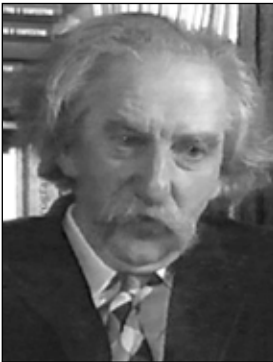
Работали мы дома у Лидии Михайловны, где она жила вместе с младшей сестрой Викторией и сыном Антоном, тогда студентом-медиком. Из трёх небольших комнат в самой большой, служившей гостиной, почётное центральное место занимал велосипед Антона, а на книжных полках – портрет её знаменитого брата, удивительно похожий на Эйнштейна. По рассказам, таким же непритязательным,

Юрий Лотман с сестрой Лидией. 1940-е гг. Фотография с веб-сайта miracleworker.diary.ru.

«безбытным» долгое время был и дом Юрия Михайловича в Тарту, где, кроме него самого и жены, были три сына и собака, но не было обеденного стола и удобной кровати. Его жена Зара Григорьевна Минц в семью была принята как ещё одна сестра, и единственное, что не совсем одобрялось, это ведение ею хозяйства. Быту она предпочитала бытие. Я узнала Зару Григорьевну уже не той «комсомолкой, спортсменкой, красавицей», на которой женился Юрий Михайлович, а маститым специалистом по литературе XX века, авторитетным знатоком творчества Блока. От своей молодости она сохранила до самого конца огромные сияющие глаза, толстую косу и пламенный темперамент.

В перерывах наших занятий Лидия Михайловна рассказывала кое-что о молодости Юрия Михайловича. Брат и сестра учились на филологическом факультете Ленинградского университета почти одновременно: в 1939 г. Лидия окончила университет, а Юрий поступил на первый курс. Лидия Михайловна смеясь вспоминала, что сначала он стал известен как «брат Лиды Лотман», а потом уже её называли «сестрой Юрия Лотмана». Всю жизнь она оставалась в тени своего знаменитого брата, но ничуть не тяготилась этим. Гордилась его талантом, твёрдостью, смелостью суждений, уверенностью в себе, проявившейся в самые ранние годы. Однажды студент Лотман категорически отказался сократить статью, пригрозив совсем забрать её из сборника – а ведь это была его первая публикация! Статью оставили в неприкосновенности, а Б.В. Томашевский сказал: «Этот молодой человек что-то о себе знает!» Бескомпромиссность Юрия Лотмана нередко бывала причиной размолвок с людьми, которых он ценил и уважал, а его сестра с большим тактом умела найти путь к примирению, за что получила от того же Томашевского название «жены-мироносицы».

Ю.М. Лотман. 1970-е гг. Кадр из телепередачи.

Его способность вспылить, а потом откровенно раскаться испытала на себе и я. Наше первое знакомство с Юрием Михайловичем началось неудачно. Рукопись сборника «Поэты 1790-1810-х годов» маститый Лотман и начинающий Марк Альтшуллер представили в редакцию «Библиотеки поэта» в абсолютно хаотическом состоянии, сквозь которое просто невозможно было вникнуть в прекрасную разработку одного из самых сложных и интересных периодов истории русской поэзии. Я раз за разом согласно правилам возвращала рукопись на доработку, невзирая на авторитет главного автора. Сдача книги задерживалась, моя бесконечная вьедливость раздражала Юрия Михайловича, и в двух своих письмах к Б.Ф. Егорову он отозвался обо мне очень резко и глубоко несправедливо, но в третьем письме раскаялся:

«На Дину Климову я нарычал (заочно) лишку, и мне сейчас стыдно (заочно же прошу у неё прощения). Причина – усталость и полоса перманентного безденежья».

Вскоре я познакомилась с ним лично и получила в подарок книгу «Структура художественного текста», подписанную не без лукавого подтекста:

«Дорогой Дине Михайловне от монстра-автора с приветом. Ю. Лотман. 16.XI.70».

Экземпляр нашего сборника, преподнесённый мне через год из рук в руки, украшен надписью:

«Дорогой Дине Михайловне Климовой, многострадальному редактору, от беспокойных составителей с пожеланиями здоровья и полного благополучия. Ю.Лотман, М.Альтшуллер. 28.X.71».

В 1972 году мне подарена «с самыми тёплыми чувствами» очередная книга Лотмана о структуре стиха «Анализ поэтического текста». Признаться, его увлечение структурализмом, начавшееся ещё в 1964 году публикацией «Лекций по структуральной поэтике», мне совсем не близко. Да и Лидия Михайловна тонко намекнула на то же самое в своих воспоминаниях:

«Юрий Михайлович Лотман в пылу увлечения исследованиями в русле семиотики на первом этапе этих занятий провозгласил, что литературоведение должно быть точной наукой».

При личных встречах обнаружился точки соприкосновения с Юрием Михайловичем и помимо литературно-издательских интересов, а именно, общее пристрастие – собаки. Я дипломированный инструктор-дрессировщик, он – владелец пса замечательной интеллигентности (а других в этой семье и не водилось), нечистопородной чёрной овчарки Джерри. Одна из блестящих лекций культурологического цикла Лотмана на телевидении особенно запомнилась мне по небольшому забавному эпизоду, когда за кадром неожиданно раздаётся громкий собачий лай (трансляция шла из квартиры в Тарту). ЮрМих (так его называли близкие) не дрогнул ни одним мускулом и невозмутимо продолжал рассказ. Я попыталась по телефону поблагодарить его за лекции вообще и за эту деталь в частности. Не дозвонившись, обратилась к Лидии Михайловне. Надо сказать, она не слишком-то разделяла наши собаководческие пристрастия. Не успела я выразить свои восторги, как она возмущённо воскликнула: «Помилуйте, Диночка, что за странный человек! Звонит и, вместо того, чтобы обсудить передачу, спрашивает: "А ты, слышала, Лида, какой голос у Джерри?"». Я же ничуть не удивилась и остаюсь в убеждении, что это было вовсе не странно и возмутительно, а, напротив, замечательно.

Б.Я. Бухштаб в аудитории Ленинградского института культуры им. Н.К. Крупской. 1970-е гг. Фотография. Архив автора.

Б.Я.Бухштаб – «настоящий учёный, педагог, литератор»

Бухштаб Борис Яковлевич (1904-1985) – доктор филологических наук, профессор Института культуры (Ленинград), специалист по русской литературе XIX в., исследователь поэзии Некрасова, Фета, Тютчева, Добролюбова, Козьмы Пруткова, Еришова, прозы Салтыкова-Щедрина и Лескова, а также писателей XX в. (Пастернак и др.).

Борис Яковлевич Бухштаб ушёл из жизни в сентябре 1985 года на восемьдесят первом году жизни.

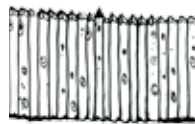
В некрологе «Литературной газеты» от 9 октября 1985 года справедливо отмечены его высокие научные заслуги:

«Его талантливой руке истинного просветителя принадлежат не только капитальные труды о творчестве, жизни и деятельности великих русских писателей – Пушкина, Лермонтова, Баратынского, Тютчева, Салтыкова-Щедрина, Лескова, но и фундаментальные учебники по библиографии, по которым училось и продолжает учиться не одно поколение... Его кропотливый труд нашёл воплощение в прекрасном подготовленных, великолепно оснащённых собраниях сочинений русских классиков в серии «Библиотека поэта». (...). Где бы он ни работал, за что бы ни брался, – каждое дело доводил до конца, одухотворяя его, вкладывая в него весь жар своей души и сердца настоящего учёного, педагога, литератора».

Под этой характеристикой могла бы подписаться и я, так как мне посчастливилось знать Бориса Яковлевича и лично, и по его трудам, и по нашей совместной работе.

Впервые мы встретились в конце пятидесятых годов, когда Бухштаб продолжил свои изыскания о творчестве авторов Козьмы Пруткова (в том числе П.П. Еришова), начатые ещё в 1945 году. Было ему немного за пятьдесят, возраст творческого расцвета, но мне, только что покинувшей студенческую скамью, показался он человеком весьма пожилым, да к тому же немного нудным. Регулярно ранним утром он появлялся в дверях Рукописного отдела Пушкинского Дома и корректно, но настойчиво напоминал о необходимости немедленно разыскать затерявшуюся папку с нужными ему материалами. Злополучная папка в конце концов обнаружилась (в Рукописном отделе ничего не пропадает), а спустя некоторое время мы с Борисом Яковлевичем познакомились ближе через его жену Галину Григорьевну Шаповалову, многолетнюю заслуженную сотрудницу фольклорного сектора.

Время от времени встречались на концертах в филармонии, потом стали общаться домами. Тогда же я стала заинтересованной и взволнованной свидетельни-

цей битвы на филфаке ЛГУ, где Бухштаб отважно и успешно отражал атаки сплочённой группы неофициальных оппонентов, пытавшихся дискредитировать положение его докторской диссертации.

На первой из подаренных мне книг – о сказках Салтыкова-Щедрина – Бухштаб так отметил моё участие в научном издании этого писателя: «Милому кадру щедриноведческой смены Дине Михайловне Климовой с большой симпатией. Автор. Янв. 1966 г.».

Особенно сблизились мы семьями, когда Бухштабы поселились неподалёку от нас в «академической слободе» на Выборгской стороне близ Поклонной горы, оставив старую родительскую квартиру (отец и мать его были врачами) на Петроградской стороне в пятиэтажном доме на углу

Б.Я. Бухштаб.
1950-е гг. Фоторепродукция. Архив автора.

Большого проспекта и Гатчинской улицы. Надписи на подаренных книгах продолжались: «Русские поэты» (1970) - «Дорогой Диночке с лучшими пожеланиями к Новому году. Б.Бухштаб. 22.XII.70»; «А.А.Фет. Очерк жизни и творчества» (1974) - «Дорогой Диночке с сердечным приветом. Автор. 4.XII.74»; «Литературоведческие расследования» (1982), раскрывающие перед читателем пути увлекательного научного поиска, адресованы уже не только мне, но и моему мужу, доценту филологического факультета ЛГУ А.И.Корневу, прекрасно вписавшемуся в умные и весёлые шаповаловско-бухштабовские званные вечера: «Дорогим Дине и Саше дружески. Автор. 25.IX.82».

Приёмы в их хорошо обустроенной и уютной, типичной петербургско-ленинградской квартире были поистине незабываемы. Первыми гостей встречали породистый высокомерный кот и две дружелюбные невзрачные дворняжки, подобранные на улице, но носившие пышные имена Джульетта и Леди. Как принято у собак, они платили своим спасителям беззаветной преданностью и, в свою очередь, помогали Борису Яковлевичу справляться с сердечным недугом: врачи прописали ему регулярные прогулки с собаками на свежем воздухе. А за круглым столом под большим абажуром рассаживались друзья, однокашники, коллеги хозяев. Моложавый эlegantный В.Н. Орлов, знаток творчества Блока и автор многих работ по истории русской литературы XIX века; фольклорист К.В. Чистов; специалист по творчеству поэтов-шестидесятников XIX века И.Г. Ямпольский, едкий критик малейших оплошностей в печатной продукции равно своих друзей и недругов. Иногда на высокий пятый этаж дома «сталинской» постройки с трудом доставляли грузную фигуру Л.Я. Гинзбург, известной не только блестящими научными трудами, но и кладезем памяти, т.к. всю жизнь она бесстрашно вела дневники, теперь частично опубликованные. Это были люди, которые когда-то вели увлекательные беседы с Маяковским, Кавериним, Тыняновым, Ахматовой, Мандельштамом, и равновеликие этим и другим выдающимся именам. Рядом с ветеранами сживали и наши сверстники, и более молодые люди. Здесь бывали начинающий тогда поэт и переводчик М.Д. Ясонов; уже прочно занявший высокое место в поэтической иерархии А.С. Кушнер; К.М. Азадовский, недавно освободившийся из мест весьма отдалённых и уже ошеломивший литературную среду блестящей работой о взаимоотношениях Цветаевой, Рильке и Пастернака. И целая череда учеников, секретарей и помощников.

За столом с накрахмаленной скатертью царило непринуждённое общение без различия возрастов и рангов. Усилиями Галины Григорьевны в те не слишком изобильные времена стол был уставлен яствами и винами, среди которых особенно конкурировали между собой две фирменные настойки с названиями «Бяловка» и «Шаповаловка», по фамилиям их изготовителей. Под «Бяловку» и «Шаповаловку» произносились изысканные тосты, звучали воспоминания, анекдоты, юмористические стихи «на случай», которыми, как водится, баловались все присутствующие от мала до велика. Старики, вспоминая минувшие дни, наперебой подсказывали друг другу гимн формалистов ОПОЯЗа, в котором каждый куплет содержал имя их сверстника в сочетании с реминисценцией из классической литературы. Мы тут же записали один куплет (к сожалению, только один!), в котором упомянут любимый учитель моего мужа Б.А. Ларин, выдающийся лингвист-лексиколог, декан филологического факультета в годы нашего студенчества:

⁵ Александр Васильевич Гаук (1893-1963) – советский дирижёр и композитор, Народный артист РСФСР (1954). В 1917 году стал дирижёром Петроградского театра музыкальной драмы, с 1923 по 1931 работал в Ленинградском театре оперы и балета, в 1930-1934 гг. возглавлял симфонический оркестр Ленинградской филармонии, в 1936 г. стал первым главным дирижёром Государственного академического симфонического оркестра СССР и руководил им до 1941 г., в 1953-1963 гг. руководил Большим симфоническим оркестром Гостелерадио СССР. (Прим. ред.).

⁶ Штидри (Stiedry) Фриц (1883-1968) – австрийский дирижёр. До 1923 г. дирижировал спектаклями Берлинской оперы, возглавлял Венскую народную оперу (1924-1925) и Берлинскую городскую оперу (1929-1933), гастролировал в ряде стран Европы. После прихода к власти фашистов эмигрировал из Германии; в 1933-1937 гг. был главным дирижёром Ленинградской филармонии, с 1938 г. работал в США и

*Среди студентов популярен,
Дев лингвистических кумир,
Смиранный грешиник Боря Ларин
Под словарём вкушает мир.*

Так наконец-то я кое-как разобралась в смене поколений. Оказалось, что Гынянов, Эйхенбаум, Жирмунский, Шкловский, Томашевский были учителями Бухштаба, а вовсе не его сверстниками, как я тогда думала. Борис Яковлевич учился одновременно в университете и в знаменитом в двадцатых годах ГИИИ (Государственном институте истории искусств), где они читали лекции, и в своё время подвергся гонениям вместе со всеми учениками и последователями формальной школы ОПОЯза (Общества изучения поэтического языка). Погрузившись затем в историю литературы, текстологию и библиографию, он говаривал, что никогда не разделял вполне взгляды своих наставников, но размышлений о форме русского стиха не оставил и в конце жизни написал несколько работ на эту тему.

По окончании учёбы Бухштаб некоторое время преподавал в ГИИИ, затем работал в детском отделе ОПОЯза, размещавшегося в Доме книги («Зингеровском доме» на Невском проспекте) и в то время написал несколько повестей для детей, занимался литературной критикой. Двадцать лет проработал библиографом в Публичной библиотеке (теперь Российская национальная библиотека) и сорок лет отдал преподаванию в Библиотечном институте (ныне Институт культуры и искусств). Многолетние занятия источниковедением, библиографией, текстологией послужили надёжным фундаментом его теоретическим исследованиям, в которых предпочтение отдано эпохе 40-80-х годов XIX века.

К преподаванию он снова обратился в Омском пединституте во время войны, а после прочёл внештатно в Ленинградском университете несколько спецкурсов. Карьерному росту, по его словам, всегда мешала давняя причастность к кругу формалистов и пресловутый «пятый пункт».

Среди работ Бухштаба выделяется его особый интерес к творчеству Фета. Помимо нескольких монографических трудов, это – фундаментально подготовленные для «Библиотеки поэта» три издания в Малой серии (1936, 1953 и 1963) и три в Большой (1937 – первое научно подготовленное издание этого писателя, 1953 и 1986).

Последнее издание не вполне удовлетворило чаяния Бориса Яковлевича подвести итог его научным публикациям из-за жёстких (чтобы не сказать жестоких) формальных ограничений объёма: на примечания издательство отводило не более 20 % публикуемого текста, на вступительную статью – до 2,5 авторских листов, а общий объём зависел от ширины корешка, раз и навсегда установленной типографией.

Борис Яковлевич попросил меня редактировать книгу. Это было большой честью для меня, так как к совместной работе он относился очень разборчиво и в оценках был справедлив, но строг. Своего любимого ученика Мишу Эльзона высоко оценивал как библиографа, но часто подтрунивал над его фантастическими теориями. Я подключилась к работе ещё до представления рукописи в редакцию. Сроки, как водится, поджимали, и мы работали в шесть рук, вместе с Эльзоном. Рукопись была представлена частями в течение июня-июля 1985 года. В сентябре я уехала в командировку в Москву. Борис Яковлевич хворал, но собирався прийти на мой день рождения 19 сентября и тщательно выбирал подарок. Я вернулась накануне, 18-го, и узнала, что 17 сентября Бориса Яковлевича не стало. Довести книгу до выхода в свет пришлось нам с Эльзоном.

Среди неосуществлённых замыслов Бухштаба осталось полное научное издание Козьмы Пруткина с использованием неопубликованных архивных материалов, мы предполагали подготовить его в соавторстве. Я предвкушала совместную работу с радостью и некоторым трепетом, так как не во всём согласна с позициями Бухштаба, в частности, по поводу участия Ершова в пьесе «Черепослов, сиречь Френолог». К сожалению, мои попытки осуществить это издание после его ухода не увенчались успехом у издателей.

Б.Я.Бухштаб был человеком незаурядным, но очень скромным. Свои заслуги в литературоведении оценивал несправедливо низко и сожалел, что не написал своей главной книги. Нам же остаётся сожалеть, что о нём самом знают и помнят так мало.

Швейцарии. Под его управлением состоялось первое исполнение 1-го концерта для фортепьяно с оркестром Д.Д. Шостаковича. (Прим. ред.).

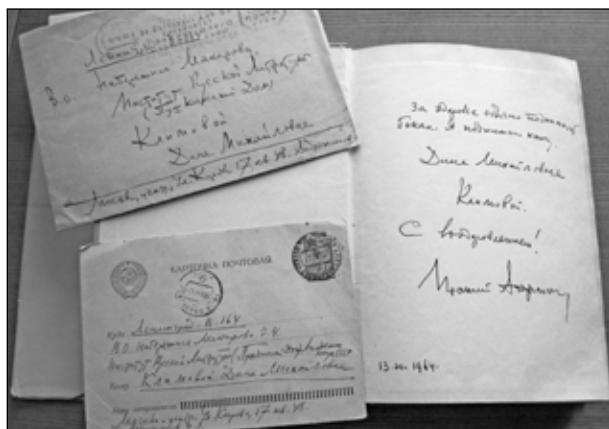
⁷ Опубликована в книге: Андроников И.Л. Лермонтов. Исследования и находки. – М.: Художественная литература, 1964. В 1967 году книге присуждена Государственная премия СССР.

Андроников его фамилия!

Андроников (настоящая фамилия Андроникашвили) Ираклий Луарсабович (1908-1990) – литературовед, писатель, заслуженный деятель искусств, лауреат Государственной и Ленинской премий, исследователь творчества Лермонтова, автор и исполнитель устных рассказов.

Он не входил, а буквально влетал вихрем в вестибюль Пушкинского Дома (где за глаза его все звали просто Ираклием), радостно здоровался со знакомыми и незнакомыми, всех равно озарял своим неистощимым оптимизмом и сочно хохотал, приговаривая: «Андроников моя фамилия!». В одном из его устных рассказов (которые потом превращались в письменные) объясняется, что эту, так сказать, знаковую формулу он заимствовал у Горького: тот при первой встрече с молодым Андрониковым, от растерянности забывшим представиться, протянул ему руку и пробасил: «Горький моя фамилия!».

Моё знакомство с Ираклием Луарсабовичем началось с небольшого инцидента. Я, тогда начинающая сотрудница Рукописного отдела, дежурила в читальном зале,

Письма И.Л. Андроникова к Д.М. Климовой и книга с автографом. Архив автора. Фотография Т.П.Савченковой.

где, как водится, неукоснительно соблюдается абсолютная тишина. В конце небольшого уютного зала, обставленного старинной мебелью (теперь это помещение занято хранилищем библиотеки), располагался рабочий стол Владимира Ивановича Малышева, известного собирателя древнерусских рукописей и основателя знаменитого пушкинодомского древле-хранилища. Тогда, в начале шестидесятых годов, Владимир Иванович ещё не имел собственного пристанища – ни для себя самого, ни для своей уникальной коллекции. И вот однажды в широко распахнувшуюся дверь читального зала уверенно и даже, как мне показалось, бесперомно ворвался какой-то совершенно не знакомый невысокий плотный человек, громко поздоровался сразу со всеми – и со мной, слегка ошеломлённой, и с читателями, благоговейно склонившимися над листами рукописей, – прямо направился в Малышеву и начал с ним оживлённую беседу, совершенно не пытаясь сдерживать раскаты своего звучного, великолепно модулированного голоса. Читатели поднимали головы от расшифровки трудночитаемых черновиков и с интересом прислушивались, а я просто разрывалась между долгом – поддерживать порядок – и чувством – насладиться увлекательным сюжетом.

Заметив моё замешательство, посетитель, что называется «поддал жару», немного усилил градус напряжения, а затем, вдоволь насладившись ситуацией, совершил весьма изящный разворот, щелкнул каблуками по всем правилам дворянского этикета и представился: «Андроников моя фамилия!» – после чего победно покинул поле боя, оставив противника (то есть меня) поверженным и навеки пленённым.

Победитель, однако, был великодушен. На следующий день он широким жестом и в изысканных выражениях предложил подбросить меня домой на такси, благо моя родная Моховая расположена в двух шагах от гостиницы «Европейская», где Андроников постоянно останавливался. Я, правда, отказалась было, простоудушно объяснив, что должна ещё побывать на Васильевском у сапожника (о, эти прежние частные сапожники, перенявшие секреты мастерства от своих отцов, заслуживают совершенно отдельного сюжета). Но надо было знать Ираклия – семь вёрст молодцу не околица – и мы покатили к цирку через Васильевский остров. А по дороге мы с водителем насладились самыми захватывающими историями, в которых действительность и вымысел переплетались так искусно, что и разделять их совершенно не хотелось. В довершение всего я получила приглашение на концерт устных рассказов Андроникова в Большом зале филармонии. На служебном входе должна была быть оставлена контрамарка на моё имя. «На ваше имя», – многозначительно повторил Ираклий Луарсабович, но я, прощаясь, как-то не придавала значения его выделительно-вопросительному взгляду. А на другой день один всеведущий и веч-

но любопытствующий коллега остановил меня вопросом: «Что это Ираклий у всех расспрашивал, как зовут одну молодую, симпатичную? По описанию похожа на тебя». Батюшки, да ведь я так и не представилась, а он почему-то не спросил прямо! Вот и повторился в перевёрнутом виде эпизод с Горьким. По этому поводу много было в институте шуток и подтруниваний, о чём я позднее сообщила Ираклию Луарсабовичу, а он мне ответил в письме:

«Что бы ни говорили наши друзья – я Ваше имя и отчество помню твёрдо, а кроме того помню Вас самоё, что вместе с именем, отчеством и фамилией создаёт конкретный хорошо знакомый и очень милый образ...».

(Недаром-таки слыл Ираклий дамским угодником!).

Концерт же тот оказался для меня просто ошеломляющим, хотя я и была слышана об Андроникове – мастере перевоплощений, но сама впервые встретилась с его блестящим и тонким талантом. Не помню точно программу именно этого вечера, но, кажется, он был посвящён преимущественно портретам музыкальных деятелей, в том числе дирижёров Гаука⁵, Штидри⁶ и, конечно, музыковеда И.И. Соллертинского. Рассказ о Соллертинском автор повторял едва ли не на каждом концерте, часто по просьбе слушателей. Назывался он «В первый раз на эстраде». Впервые на эстраде был, конечно, Андроников в молодости. Центральным персонажем этого замечательного спектакля одного актёра стала привлекательная личность Соллертинского – педагога, исследователя и популяризатора музыки. В совершенно виртуозном номере ярчайшим образом проявились качества Андроникова-рассказчика, которые, пожалуй я не возьмусь здесь описывать. Андроников, очень похоже показывающий разгневанного Соллертинского с его своеобразной манерой речи, который в свою очередь изображает неудачное выступление молодого лектора Андроникова – такой многослойный образ неизменно вызывал весёлый смех и неистовые аплодисменты даже у чинной филармонической публики. Пожалуй, этот искромётный и гиперболизированный рассказ создал гораздо более убедительный и вполне реальный образ, чем серьёзное «Слово о Соллертинском», напечатанное в книге Андроникова «Я хочу рассказать вам».

С этого времени начались наши добрые отношения с Ираклием Луарсабовичем. Каждый свой приезд он приглашал меня на свои выступления, я в свою очередь по мере сил выполняла его просьбы разыскать какие-нибудь сведения среди неиссякаемых сокровищ нашего архива.

16 декабря 1960 года он писал:

«Глубокоуважаемая Дина Михайловна!

Несказанно благодарен Вам за сведения о Кашиевском. Это совсем не так мало – это нить, ухватившись за которую, постараюсь превратить её в канат. Самонадеянно? Правда? Но хочется, чтобы так было, вот я и убеждаю себя. На фотографию Лермонтова махните рукой – не важно. Сама по себе ценности она не представляла: так, приложение к альбомчику. Ещё раз сердечное спасибо за помощь и доброе отношение. Привет всем дамам, коих люблю, уважаю и чтю.

Ваш Ираклий Андроников».

30 октября 1963 года:

«Дорогая Дина Михайловна!

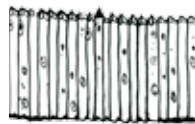
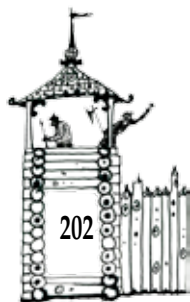
Я по дружбе позволяю себе снова обратиться с назойливой просьбой. Дело в том, что мне необходимо посмотреть в картотеке Модзалевского «Сабурова Софья Ивановна», «Клушина София Ивановна» и, если окажется заслуживающим внимания, – её семейное окружение: отец И.В. Сабуров, братья, мать, урождённая Хераскова, муж – Клушин. Дело в том, что я сейчас в больнице, куда угодил, снимаясь в новой кинокартине «Лента воспоминаний». На днях выйду, но снова впрягусь. А на днях будут листы моей вёрстки – книжка 33 листа, и в ней – недоделки. Помогите!

Ваш уважающий Ираклий Андроников».

Эту книгу он подарил мне через год заочно – я в свою очередь тоже лежала тогда в больнице – с такой надписью:

«За здоровье обычно поднимают бокал. Я поднимаю книгу. Дине Михайловне Климовой с воодушевлением. Ираклий Андроников. 13.10.1964».

Очень скоро стало ясно, что его кулуарные беседы о литературоведческих размышлениях были своеобразной репетицией к выступлениям на эстраде, превращав-

И.Л. Андроников выступает с устными рассказами в Большом зале Филармонии. 1974 г. Фотография В.С. Григоровича. ЦГАКФД Санкт-Петербурга.

шимся затем в рассказы, статьи, очерки. Тогда хрущёвская оттепель приоткрыла двери на Запад и Андроников стал «выездным». Помнится, после одного из долгих отсутствий Иракий появился в рабочей комнате Рукописного отдела с обычным сообщением о своей фамилии и, присев на край чьёго-то письменного стола, приступил к повествованию: «Началась эта история в 1836 году...». И мы как замороженные слушали историю о поисках в Германии альбома с автографами Лермонтова, которую теперь можно прочитать в очерке «Сокровища замка Хохберг»⁷. Именно здесь в главе 8 введены в научный обиход малоизвестные данные о Софье Ивановне Сабуровой, в замужестве Клушиной,

предмету отроческой любви Лермонтова, которой он посвятил несколько стихотворений. Эти сведения опираются на знаменитую картотеку Б.Л. Модзалевского, хранящуюся в Рукописном отделе Пушкинского Дома.

Потом тяжёлая предсмертная болезнь прекратила приезды Андроникова в Ленинград, постепенно затухала и наша переписка. Но кончина этого яркого человека отозвалась в душе такой болью, какая возникает с уходом людей, составлявших неотъемлемую часть нашего духовного окружения.

Передо мной пластинка: «М.Лермонтов. Альбом Одоевского. Читает и комментирует Иракий Андроников». Оживить звучащий на ней голос теперь невозможно: давно утрачен устаревший проигрыватель, а на теперешние этот «носитель» не поставишь. Смотрю на конверт и читаю разбежавшуюся по периметру полуразмытую надпись, приделанную через запятую к печатному заглавию:

«АЛЬБОМ ОДОЕВСКОГО, в данном случае принадлежащий Дине Михайловне Климовой, каковой преподносится в знак уважения и благодарности за все добрые советы и ответы на вопросы, возникающие у автора-составителя пластинки как раз в то время, когда он принимается за работу в Москве. Спасибо Вам, милая Дина Михайловна, спасибо М.Климову и родоначальнику Вашему. Желаю Вам (...).

Иракий Андроников, утверждающий, что именно он – автор этой пластинки и надписи. 26.XI.1965».

Что же пожелал более полувека назад Иракий Андроников, и сбылось ли его пожелание, я теперь никогда не узнаю.

Грампластинка «Альбом Одоевского», подаренная И.Л. Андрониковым Д.М. Климовой. Архив автора.

Я видела Ива Монтана

Монтан Ив (настоящее имя и фамилия Иво Ливи) (1921-1991) – французский певец, актёр театра и кино.

«Счастливые дни каждого – это парад кораблей воспоминаний. Они всегда удаляются, но никогда не исчезают из виду». Монтан.

И не просто видела, а была слушательницей его единственного концерта в Ленинграде.

В начале «хрущёвской оттепели», приоткрывшей «железный занавес», голос Монтана впервые прозвучал в наших домашних репродукторах с нескольких пластинок, привезённых из Франции знаменитым кукольным и общественным деятелем С.В. Образцовым. Первый приезд Монтана вместе с Симоной Синьоре в Советский Союз в конце 1956 года произвёл впечатление необычайное. Осмелюсь утверждать, что с тех пор этот певец стал кумиром нашего поколения на долгие годы.

*Концерт Ива
Монтана во
Дворце культуры
промкооперации.
5 января 1957 г.
Фотографии
Н.А. Науменкова.
ЦГАКФФД Санкт-
Петербурга.*

Впоследствии я познакомилась с творчеством других французских шансонье, полюбила отечественных мастеров авторской песни, но на первом месте был и остаётся Монтан. Его старые пластинки бережно храню, несмотря на отсутствие аппаратуры для прослушивания.

Перед наступающим Новым 1957 годом я, подобно капризной принцессе в сказке, задала своему будущему мужу, а тогда ещё даже и не жениху, заведомо невыполнимую задачу: повести меня на предстоящий концерт Монтана. И верный рыцарь без страха и упрёка совершил этот подвиг.

Концерт состоялся во Дворце культуры им. Ленсовета, тогда – Промкооперации, в просторечии «Промка» (памятник архитектуры в стиле конструктивизма на Петроградской стороне), и был ошеломляюще необычным. Вместо привычных эстрадных исполнителей в строгих чёрных костюмах с хорошо поставленными голосами и «залитованным» в цензуре репертуаром на сцене появился стройный, одновременно подтянутый и раскованный мужчина в коричневой рубашке с распахнутым воротом, заправленной в тёмно-коричневые брюки. Во время исполнения он легко и непринуждённо двигался по сцене под аккомпанемент небольшого ансамбля, расположенного в глубине за прозрачной завесой. В программке пересказывались сюжеты песен, но казалось, что и без перевода понятно, как этот человек любит свой Париж – «O Paris!..», как радостно ему фланировать по Большим Бульварам – «J'aime flaner sur les Grands Boulevards...» и как полна солнцем его голова – «Du soleil plein la tete...». Он не был автором этих песен, многие из них я слышала потом в исполнении других певцов, но для меня они навсегда остались песнями Монтана.

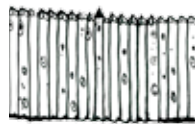
Гораздо позднее я узнала от мужа о невероятных трудностях, которые пришлось преодолеть, чтобы добыть билеты на драгоценный концерт. Драгоценный и в буквальном смысле, учитывая цены, непосильные для студента (деньги он заработал в мимансе Мариинского театра). Да и путь к кассе был тернист. Пришлось стоять в очередях на морозе, дежурить по ночам, ходить на переключки и отмечаться в толстых конторских книгах. Совсем недавно я увидела в документальном фильме тот счастливый зал, где сидела и я, волнующуюся за кулисами Симону и то, как после концерта Монтану преподнесли в подарок те самые многострадальные затрёпанные конторские книги.

Его отношения с Советским Союзом складывались не просто. Вместе с Симонной он приезжал сюда ещё несколько раз, их гостеприимно встречали на III Московском кинофестивале в 1963 году. Но с середины семидесятых имена Монтана и Синьоре если и упоминались в прессе, то с непрямым примечанием: «Их общественная позиция приобрела реакционный, антикоммунистический характер». Перестала звучать и песня в исполнении хора мальчиков, впервые спетая в присутствии этой звёздной пары:

*Задумчивый голос Монтана
Звучит на короткой волне,
И ветви каишанов, парижских каишанов
В окно заглянули ко мне...*

А тогда, в декабре 1956-го, как же нам завидовали те, кому не посчастливилось! В глубине книжных полок сохранился перевод автобиографической книги Ива Монтана «Солнцем полна голова», приуроченный к русским гастролям и подаренный мужу его другом с надписью:

«A l'homme heureux qui peut dire: J'ai vu Yves Montand» – «Счастливому человеку, который может сказать: Я видел Ива Монтана».

Олег Даль и четвероногие

Даль Олег Иванович (1941-1981) – артист театра и кино, играл в московских театрах «Современник» и «На Малой Бронной», снимался в фильмах «Женя, Женечка и Катюша», «Хроника пикирующего бомбардировщика», «Плохой хороший человек», «Как Иванушка-дурачок за чудом ходил» и др., в телесериалах «Приключения Принца Флоризеля», «В четверг и больше никогда» и др.

Кадр из фильма «Как Иванушка-дурачок за чудом ходил». Олег Даль – Иванушка-дурачок, Елена Проклова – Настенька, дочка Марко Богатого. 1977 г.

С 1975 года, когда в нашем доме поселился новый член семьи, – ньюфаундленд Галл – началась у меня новая, счастливая «собачья» жизнь. Расширился круг интересов, появились новые друзья-единомышленники, состоялись незабываемые встречи. Расскажу об одной из них.

В фильме-сказке Надежды Кошверовой «Как Иванушка-дурачок за чудом ходил» главную роль исполнял Олег Даль, а в нескольких эпизодах фигурировали животные. Хорошо воспитанный и широко об-

разованный Галл вошёл в группу собак, которых пригласила на съёмки знаменитая дрессировщица и писательница Лидия Ивановна Острецова. В павильоне «Ленфильма» мы сразу услышали печальную историю о замечательном артисте – коне Фёдке, который незадолго до того трагически погиб по недосмотру беспечных служителей. Говорили, что после этого Даль долго не мог успокоиться и вернуться к работе перед камерой, разговоры о Фёдке не выдерживал, уходил со слезами на глазах. С собаками же во время съёмок он никакой сентиментальности не проявлял, держался доброжелательно, спокойно и по-деловому. Видно было, что в обращении с ними он не новичок.

Целый длинный день снимался один краткий эпизод: Иванушка-Даль подходит к воротам лесного домика, откуда на него набрасывается свора злобных собак. Впрочем, распознав в незнакомце хорошего человека, они меняют гнев на милость и располагаются вокруг совершенно доброжелательно.

Работа поначалу не заладилась. Как осуществить нападение на всенародно любимого артиста, не нанеся ему никаких повреждений?

Конечно, проще всего было бы надеть защитный костюм на дублёра, дать команду «Фас!» и снять эпизод на дальнем плане. Но такой вариант не устраивал режиссёра, да и Даль не любил работать с дублёрами. Поэтому попробовали разместить собак позади камеры, а хозяев – напротив, за декорациями. В нужный момент по команде «Ко мне!» дисциплинированные четвероногие артисты появились в кадре, мирно и неторопливо затрусили вперёд, равнодушно обходя стоявшего на их пути и совершенно не нужного Иванушку. Какое уж тут нападение – ни скорости, ни напора! И тогда Олег предложил довольно рискованный вариант: он бежит от собак, раздражая их своим мешком, затем резко останавливается и бросает мешок перед собой, чтобы свора азартно бросилась на него. Кошверова было запротестовала, даже наша рискованная Лидия Ивановна заколебалась, у нас и вовсе душа ушла в пятки – а ну как раззадоренные псы ненароком повредят не только котомку, но и её владельца? Но дело есть дело, зритель должен увидеть динамичную сцену. И мы дрожжащими руками взяли за ошейники, с трудом сдерживая разгорячившихся собак, пока актёр не добежал до отметки и не начал раскручивать мешок над головой. Едва предмет полетел на пол, ошейники разом отпустили, и собаки вихрем понеслись по площадке. Едва они достигли цели, все не стовариваясь и без всякой команды режиссёра в последний момент хором завопили: «Стоять! Ко мне!». И вот что значит хорошая выучка – собаки затормозили, развернулись и, хотя и неохотно, но возвратились на свои места. А мой Галл не удержался, заодно прихватил далеvский мешок и преподнёс его мне (не зря же бегать!).

Следующий эпизод демонстрировал общение Иванушки с полюбившими его псами. Даль уселся на свою многострадальную котомку и поглаживал собак, уют-

Семейная пара
- Д.М.Климова
и А.И.Корнев – с
любимцем нью-
фаундлендом
Галлом в эпоху
интенсивных ки-
носъёмок. Июнь
1985 г. Фотогра-
фия. Архив автора.

но расположившихся вокруг. Над его головой свесилась огромная башка сенбернара Карлуши. Задумчиво рассматривая шевелюру Иванушки, пёс спокойно и неторопливо взял его за волосы и – снял скальп. Неописуемый вопль костюмерши: «Парижский парик!» – потряс павильон и сильно удивил уравновешенного сенбернара, который тут же отпустил парик и начисто потерял всякий интерес к происходящему. Даль смеялся, причёску поправили, картинку выстроили заново. И тут-то одна из кавказских овчарок решила, по-видимому, приструнить виновника всего этого переполоха и довольно сильно прихватила актёра за руку, так, что остался изрядный синяк. А тот опять проявил изрядное хладнокровие, подбодрил обескураженную хозяйку, объяснил, что держал в своё время лайку и знаком с трудными собачьими характерами. Инцидент был исчерпан, сцена доснята, все разошлись, как говорится, усталые, но довольные.

Фильма я не видела и даже не знаю, не выкинули ли эти сцены в окончательном варианте – при монтаже ведь всякое бывает.

«Собачье народное творчество» описало приключение с сенбернаром в следующих строках:

*Любимец публики Карлуша
На крупных планах выступал.
Он то сидел, развесив уши,
То Даля за парик таскал...*

Моя Киргизия

Айтматов Чингиз Терекулович (1928-2008) – прозаик, критик, публицист, лауреат Государственных премий, автор повестей «Белый пароход», «Пегий пёс, бегущий краем моря», романов «Плаха», «И дольше века длится день» и др.

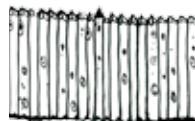
В мае 1988 года в процессе подготовки сборника «Поэты Киргизии» для Малой серии «Библиотеки поэта» я посетила столицу Киргизии Бишкек (которая тогда ещё называлась Фрунзе) и приняла участие в пленуме правления республиканского Союза писателей и выездном заседании Совета по киргизской литературе Союза писателей СССР. Так мне довелось познакомиться с Чингизом Айтматовым. Я поделилась с ним воспоминаниями о военных годах и получила в подарок книгу с автографом и киргизский национальный головной убор. Детские впечатления 45-летней давности я включила и в выступление на пленуме. Киргизское радио полностью передало это выступление и предоставило мне его распечатку. Вот она:

Выступление Д.М. Климовой на пленуме СП Киргизии

На пленуме правления СП Киргизии я представляю редакцию «Библиотеки поэта», которая основана Максимом Горьким в 1931 году, а с 1939 года публикует кроме русской поэзии также вершинные достижения поэтического творчества народов СССР. В том числе нами выпущен сборник «Поэты Киргизии» (1980), где собраны образцы творчества народных певцов-акынов, а также избранные произведения лучших представителей советской поэзии первых десятилетий. Они даны в заново пересмотренных и отредактированных переводах.

В ближайших планах нашей редакции – отдельное издание произведений крупнейшего советского поэта Алыкула Осмонова. В дальнейшем предполагается издание классиков устной киргизской поэзии – Токтогула, Тоголока Молдо, Барпы Алыкулова, а также новое издание «Поэтов Киргизии».

Будучи специалистом по русской литературе XIX века, я тем не менее охотно взялась за редактирование киргизских книг, так как с землёй и народом Киргизии познакомилась ещё в раннем детстве и полюбила их навсегда.

*Автограф
Ч.Т. Айтматова
на книге,
подаренной
Д.М. Климовой.
Архив автора.*

мысом от болезни лёгких, помню и величественных верблюдов прямо на городских улицах, и киргизов в национальной одежде верхом на тихих терпеливых ишаках. И шум арыков, и шелест пирамидальных тополей, каких у нас на севере не бывает...

Такое не забывается, поэтому я с особым чувством перечитываю «Белый пароход» Чингиза Айтматова – одно из выдающихся произведений мировой литературы по глубине психологического анализа и проникновенно в мир детства.

Детство, даже и трудное, – всё-таки счастливый возраст. Кто-то из великих сказал, что человек не должен возвращаться в места, где был счастлив когда-то. Действительно, возвращаясь, видишь не только то, что осталось прежним или изменилось к лучшему, но и с болью обнаруживаешь невозполнимые утраты. Такой утратой я ощущаю в обновлённых, благоустроенных и отстроенных городах Киргизии почти полное отсутствие духа прежнего старого уютного города, утрату национального своеобразия. Не знаю, стоит ли упрекать кого-то или пытаться повернуть вспять неотвратимый бег времени, – ведь подобная нивелировка свойственна всей современной цивилизации. И всё-таки я никогда не восхищаюсь тем, что, преодолев на самолёте тысячи километров, выхожу в почти такой же аэропорт с теми же вывесками и лозунгами, которые видела в разных городах России, Украины или Таджикистана.

Думаю, что стихия родного языка, родной культуры должна сопровождать киргиза с самого детства везде – дома, на улице, в кино и в школе.

Что касается дружеских связей между народами, то она, на мой взгляд, возникает из пересечения личных биографий и национальных судеб, скрепляется общим трудом.

Этому служит и наша совместная деятельность по художественному переводу лучших произведений национальных литератур.

Пусть же не скудеет окружённая жемчужными горами синяя чаша Иссык-Куля – вашего и нашего озера!

*Книги из серии
«Большая библиотека поэта»,
редактором
которых была
Д.М. Климова.
На спинке стула –
киргизская шапка,
подаренная
Ч.Т. Айтматовым.
Май 2011 г.
Фотография
Т.П. Савченковой.*

Пресса лет былых

Т. А. Крамор

«Ершов ещё ждёт своего полного издания...»

Д.М. Климова.
Ноябрь 2006 г.
Фотография
автора.

Среди приглашённых на традиционную Ершовскую научно-практическую конференцию в Ишимском государственном педагогическом институте им. П.П.Ершова была и Дина Михайловна Климова, член Союза журналистов РФ, редактор научной литературы, сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. Она – «живой классик» ершововедения. Именно под её редакцией вышло первое наиболее полное и научно отредактированное издание сочинений нашего великого земляка, ставшее ныне библиографической редкостью.

– Дина Михайловна, как появилась «ершовская» тема в Вашей жизни?

– Это, что называется, воля случая. С детства я знала Ершова только по сказке «Конёк-Горбунок». А когда выросла, то узнала, что на самом деле она написана не для детской аудитории, а для взрослой, в духе той литературной сказки, которой занимался и Пушкин. Но, хотя я занималась литературой этого времени, Ершов не был мне знаком. А работала я в редакции «Библиотеки поэта» – было такое известное серийное издание, основанное Горьким. Кстати, этой серии нынче исполняется 75 лет, так же как и мне, и 25 лет

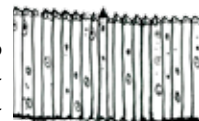
я проработала там старшим редактором. Так вот, в один прекрасный момент, в 1973 году, мне предложили издать любую книгу из перспективного плана «Библиотеки поэта», но не в качестве редактора, а в качестве автора-составителя.

– То есть как редактор Вы участвовали и в других изданиях?

– Я была редактором столь многих изданий, что все перечислить не смогу. Это очень интересная работа, хотя количество редакторов в «Библиотеке поэта» колебалось от пяти до семи человек. Все мои товарищи были высококвалифицированными специалистами, по существу – соавторами составителей. Мы всегда увлечённо участвовали в создании книги. Именно в «Библиотеке поэта» впервые в книгоиздательской практике имя издательского редактора было вынесено из выходных данных в конце книги на титульный лист. Так подчеркнули наше равенство с редколлегией и составителями. Сейчас именем редактора на титуле никого не удивишь, а в то строгое время это была большая честь. «Библиотека поэта» – уникальное издание, какого нет нигде в мире. Жаль, что такого центра изучения русской поэзии уже больше не существует... А как автор-составитель я ещё подготовила в 1986 году издание Александра Сергеевича Грибоедова.

– В чём же специфика работы автора-составителя?

– Он должен быть знатоком творчества писателя. Для научного издания нужно изучить всё его творчество, сконструировать книгу, продумать её структуру, вдумчиво отобрать тексты. Отбор текстов – очень важное дело, ведь не всегда предпола-

гается полное издание. А если избранное, то по какому принципу отбирать? Или структура: группировать тексты по сборникам, в хронологическом порядке, то есть как издавал сам автор, или так, как мы понимаем его творчество? Очень важны текстологические комментарии, это всегда было сильной стороной «Библиотеки поэта». Ещё – так называемый реальный комментарий, когда мы объясняем читателю, даже достаточно образованному, смысл каких-то реалий того времени. Например, в «Коньке-Горбунке» кобылица говорит Иванушке:

Но Конька не отдавай

Ни за пояс, ни за шапку,

Ни за чёрную, слышь, бабку.

«Чёрная бабка» – надкопытный сустав животного, употребляющийся при игре в «бабки» в качестве биты. Но совсем недавно я узнала, что чёрная бабка – это ещё и магический символ. Так что в следующем издании Ершова, если мне доведётся сделать его, комментарий будет значительно расширен.

И ещё обязательна вступительная статья общего характера, в которой описана историко-литературная обстановка, в которой жил и творил автор. Такую статью написала замечательный фольклорист Ирина Петровна Лупанова, которая глубоко занималась Ершовым в пятидесятых годах прошлого века. Её работы были эталонными. С ней много спорили, и я в комментариях обильно её цитирую, потому что довольно часто присоединяюсь к ней или дополняю её выводы. Но не до конца оказались раскрыты литературные связи Ершова, и об этом должна быть вступительная статья в новом издании.

– А до 70-х годов XX века Ершова не издавали?

– В серии «Библиотека поэта» был такой принцип: сначала творчество какого-то писателя издавалось в «большой» серии, с пространными научными комментариями и обработкой текстов, а потом лучшее избранное из этого тома издавалось в «малой» серии для более широкого читателя. Почему-то для Ершова сделали исключение. Марк Константинович Азадовский, замечательный фольклорист и литературовед широкого профиля, издал в 1936 году «Конька-Горбунка» и некоторые стихотворения в «малой» серии. Также в «малой» серии издал Ершова в 1951 году Виктор Григорьевич Утков, тогда ещё начинающий литературовед, а после – известный знаток творчества Ершова. В этих изданиях были и первые публикации некоторых стихотворений. Наконец, в 1961 году выходит третье издание Ершова в «малой» серии, где Азадовский пересмотрел состав и свою концепцию вступительной статьи. Известно, что Марк Константинович готовил и полное собрание сочинений Ершова, но не успел его осуществить. Так вот, лишь в 1973 году издатели «спохватились» и решили, что Ершов наконец заслуживает научного издания в «большой» серии.

– Наверное, с такими замечательными предшественниками Вам было нелегко собрать новое издание?

– Так мне и казалось вначале. Тут был такой прагматический момент: возникли сложные семейные обстоятельства, а гонорар автора-составителя существенно отличался от редакторского. Ну и, конечно, мне давно хотелось самой поработать над книгой автора XIX века, таким, как Ершов, у которого сохранилось не так много произведений. Я рассчитывала на полгода работы. Но когда взялась за дело, оказалось, что и в биографии, и в творческом пути Ершова огромное количество «белых пятен». Ведь в Петербурге он имел знакомства со множеством крупнейших писателей того времени, да и в Тобольске он тоже был связан с широким культурным слоем сибирской интеллигенции, в том числе с декабристами... И все эти связи надо было выявить, прокомментировать. В общем, работа затянулась на два года, книга вышла в 1976-м, причём у меня осталось глубокое убеждение, что впереди ещё много открытий.

– В этом издании есть очень интересный справочный раздел, где Вы сравниваете разные издания «Конька-Горбунка». Неужели существовало несколько вариантов текста?

– Первое издание сказки вышло в 1834 году, оно стереотипно переиздавалось в 1840 и 1843 годах. Его особенность – многочисленные цензурные вычерки, которые в тексте представлены рядами точек – отточиями. Цензура вычёркивала все сатирические нотки, касающиеся царя и его окружения, пусть даже и сказочного, руководствуясь Цензурным уставом 1828 года. А в 1847 году даже и усечённый вариант запрещён к переизданию. Лишь в 1856 году сказка была вновь издана, уже

без отточий – это вторая редакция. А в 1861 году появилось пятое издание, вновь переработанное Ершовым – то есть третья редакция. Передо мной как составителем стояла нелёгкая задача: какой текст считать окончательным, где наиболее полно проявилась авторская воля? Литературоведы много и долго спорят по поводу того или иного варианта. Ведь ершовских рукописей практически не сохранилось. Лишь недавно мне посчастливилось найти в Российском государственном историческом архиве, в бумагах Цензурного комитета документы, которые ставят точку в этом споре.

В 1850-х годах развернулось настоящее сражение за выпуск полного издания «Конька-Горбунка». Книгоиздатель, или, как говорили в то время, книгопродавец Пётр Иванович Крашенинников, наследник издательского предприятия Смирдина, предложил Ершову в 1851 году переиздать сказку по «исправленной рукописи» и с его согласия подал прошение в Цензурный комитет. Цензор Николай Васильевич Елагин 28 сентября дал такой отзыв: «По содержанию сказка предназна-

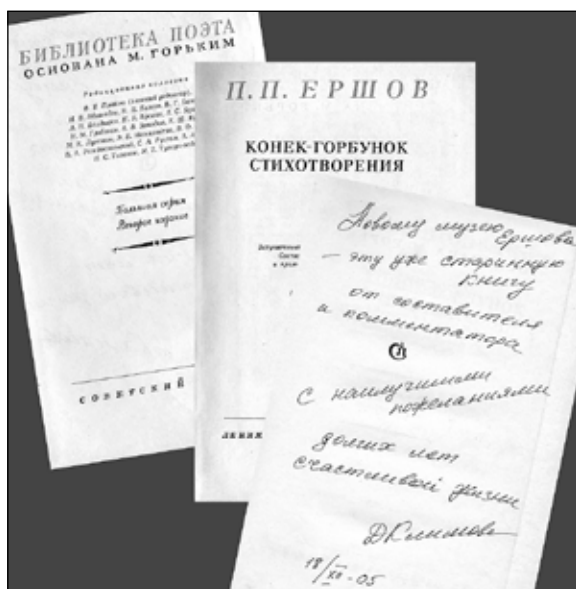
чается для простого народа, и заключается в бытии не естественном, как царя сварили в котле, а царица вышла замуж за Иванушку дурачка... Полагаю такой рассказ не соответствующим понятиям и образованиям». Этот ответ попал в руки Петра Александровича Плетнёва, который когда-то благословил первый опыт Ершова и которому Пётр Павлович поручил стать куратором нового издания. Рука Плетнёва чувствуется в ответе Крашенинникова от 11 октября: «Я... поставлен в затруднительное положение. Сказка потеряла свою ценность. Рассказ событий беспрестанно прерывается, так что многое в нём остаётся совершенно не объяснимым. Издание сказки в таком виде становится совершенно не нужным...». И далее не без скрытой иронии Елагина просят «дать полезный совет – чем заменить вычеркнутые места и каким образом сохранить целостность сказки?». На это Елагин привёл отрицательный отзыв другого цензора, Александра Крылова, и дело прикрыли.

Через три года в Цензурный комитет вновь поступило прошение, на этот раз от самого Ершова.

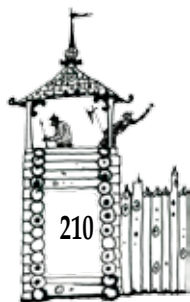
Кстати, это – ещё один прежде неизвестный автограф поэта. В письме, датированном 25 марта 1854 года, Ершов просит разрешить печатать сказку – но уже не по рукописи, а по третьему изданию. Мы видим, что автор сдался. Он хочет издать сказку, по существу, первым изданием, уже изуродованным цензурой. Но даже это ему не разрешают. Тот же самый Елагин возвращает письмо и экземпляр издания с очень лаконичной резолюцией: «Сказка эта напечатана быть не может». Так что история эта кончилась тем, что через двадцать лет после первого триумфального появления «Конька-Горбунка» на свет литератор Павел Васильевич Анненков назвал сказку «теперь забытой».

Но автор и его друзья не сдались. Потепление политического климата в середине 50-х годов вызвало некоторую либерализацию цензуры. Новый министр народного просвещения, он же председатель Главного управления цензуры Авраам Сергеевич Норов привлекает к изменению Цензурного устава Александра Васильевича Никитенко. Он – человек либеральный, который волею судьбы цензуровал первое издание сказки юного Ершова. Теперь он словно стремится исправить то, к чему вынуждал его когда-то служебный долг. В дневниках Никитенко сохранилась запись от 25 июня 1855 года о его беседе с Норовом, в ходе которой он убедил министра в беспочвенности цензурных требований Елагина. И на очередной его отказ министр положил неожиданную резолюцию: «Одобрить это сочинение к перепечатанию, как по заслуженной его литературной известности, так и по общему его направлению, которого благонамеренность не нарушается лёгкими, безвредными шутками».

Более того, Авраам Сергеевич предписал разрешить «автору сказки, коллежскому советнику Ершову или издателю её книгопродавцу Крашенинникову, если пожелают, представить на рассмотрение Цензурного комитета и дополнения к по-

Издание, подаренное Д.М.Климовой Литературному музею П.П.Ершова в г. Ишиме.

следнему изданию». И при этом «наблюдсти, чтобы... ни в каком случае не было уже рядов точек, кроме тех мест, где сам автор признает их нужными по ходу рассказа». Предприимчивый Крашенинников, видимо, сообразил, что ежели ему разрешают печатать с восстановлением цензурных пропусков, то почему бы не напечатать прямо по рукописи? И 25 августа прислал новое прошение. В итоге цензор Елагин был вынужден одобрить то самое издание, которое он так уверенно и неоднократно отвергал. Таким образом, круг замкнулся, и в начале 1856 года автор сказки с облегчением воскликнул: «Конёк мой снова поскакал по всему Русскому царству. Счастливый ему путь!»

А каковы были цензурные пропуски, можно судить хотя бы по такому примеру. В четвёртом издании мы читаем:

*Закричал (от нетерпенья),
Подтвердив своё велье
Быстрым взмахом кулака:
«Гей! Позвать мне дурака!».*

В первом издании третью и четвёртую строки заменяли отточия.

Но было и ещё одно, последнее прижизненное издание 1861 года, с которого теперь обычно и переиздают сказку. В него Ершов добавил сибирских фольклоризмов и сделал в том числе одну замечательную поправку, которой может гордиться любой знаменитый писатель. Это третья строка начала сказки:

*За горами, за лесами,
За широкими морями,
Против неба – на земле,
Жил старик в одном селе.*

Ведь в первых изданиях было: «Не на небе – на земле». Видимо, автор сам чувствовал бессмысленность этой строки. А какой образ возникает теперь? Человек стоит под куполом неба, как бы перед Богом. И это выражение Ершов нашёл, вероятно, в фольклоре. У Даля зафиксирована такая поговорка: «Где? А против неба на земле». Кстати, эта поправка свидетельствует о том, что первые четыре строки не были написаны Пушкиным. Ершов при таком высоком пиетете по отношению к Александру Сергеевичу вряд ли стал бы исправлять его строки.

– И это ещё один аргумент против расхожего мнения, что «Конька-Горбунка» написал Пушкин?

– Авторы этой идеи я даже литературоведами не могу назвать. Это люди, падкие на сенсацию, люди, которые ищут дешёвой славы. Несомненно то, что Пушкин читал сказку и даже наверняка правил её – он обычно покровительствовал молодым авторам, давал им полезные советы, но свидетельств этого вмешательства не сохранилось. К сожалению, издание «Конька-Горбунка», которое имелось в библиотеке Пушкина и наверняка хранило в себе «следы его карандаша», исчезло после смерти Александра Сергеевича и распродажи его имущества.

– Дина Михайловна, Вы неоднократно упоминали про новое издание Ершова. Оно действительно готовится к печати?

– Увы, у Ершова до сих пор нет полного собрания сочинений. В «Библиотеке поэта» могла быть издана только поэзия, а ведь у Петра Павловича есть и рассказы, и драматургия, и публицистика, и переводы. Кроме того, в советское время не полагалось печатать стихи религиозного характера. В 2005 году Виталий Прохорович Зверев, ныне покойный, издал более широкий свод произведений Ершова. Но и он далеко не полон. Не удалось мне полностью «выложиться» и в комментариях. Нам давали для них очень мало места, не хватало бумаги, не хватало и денег на гонорар. Предписывалось, чтобы комментарий составлял не больше 20-25 процентов от авторского текста. А ведь у Ершова тексты небольшие... Правда, это учило выражаться кратко и полно, как говорил Некрасов: «Чтоб словам было тесно, а мыслям просторно».

Я очень сожалею о том, что до сих пор так и не дошли ни у кого руки, и у меня в том числе, до нового научного издания сочинений Петра Павловича. Он этого ждёт, и мы с ишимскими литературоведами это обязательно сделаем. Я рада, что в Ишиме есть замечательный, крепкий центр изучения Ершова, откуда пойдёт издание и изучение этого писателя и дальше «по всей Руси великой».

Наш вернисаж

В. М. Лузина

«Большой хрустальный шар – вот всё, что я хочу...»

О творчестве скульптора Вениамина Сидоренко

Автор статьи благодарит одноклассниц В.Г. Сидоренко Зинаиду Васильевну Ташиланову, Клавдию Сергеевну Котельникову за оказанную помощь в сборе информации.

В истории нашего города есть имена земляков, прославивших малую родину своими достижениями в науке, спорте, литературе и искусстве. И в этом ряду стоит Вениамин Георгиевич Сидоренко, заслуженный художник России, доктор искусствоведения, профессор, чьи работы находятся в ведущих музеях страны: в Эрмитаже (20 произведений), в Русском музее, в Третьяковской галерее, в Музее имени А.С. Пушкина в Москве, а также во многих музеях России и за рубежом.

Пятиклассник Вениамин Сидоренко с вылепленной из пластилина фигуркой Спартака. Ишим. 1950 г.

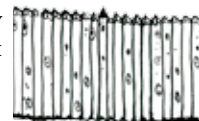
Художник восстанавливал наряду с другими мастерами рельефы храма Христа Спасителя в Москве, реставрировал декоративное убранство российского посольства в Париже, получил высокую награду во Франции за возрождение медальерного искусства.

Уникальность творческого дарования Вениамина Сидоренко – в его усвоении классики как живого неиссякаемого источника и универсального языка, позволяющего освещать все нюансы сложного мира современного человека. Его творчество смело можно отнести к «живой классике». Как всякий большой Мастер, он многогранен, сложен и не скучен.

Вениамин Сидоренко родился в городе Ишим в 1938 году. Его отец погиб на фронте. Мать одна воспитывала четверых детей. Семья бедствовала, как и многие другие семьи в те суровые годы. Вениамин учился в ж.д. школах № 113 (позднее школа № 4) и № 164 (впоследствии ж.д. школа № 9, ныне филиал школы № 4); закончил обучение в 1956 году. Рисовать начал с раннего детства. Художник Николай Михайлович Шутов вспоминает, что Вениамин участвовал во всех школьных выставках и однажды удивил всех педагогов и учеников, представив на очередной выставке огромный пейзаж, выполненный масляными красками. Эти выставки-конкурсы организовывали преподаватели рисования и черчения Георгий Матвеевич Мошкин и Владимир Ильич Чистяков.

Живой, энергичный, Вениамин хорошо запомнился своим ровесникам. Он увлекался лыжами, лёгкой атлетикой, был заядлым рыбаком, принимал участие в художественной самодеятельности, организовал кукольный театр, очень любил читать стихи.

Позднее, написав свою книгу стихов, Вениамин немало строк посвятил своему детству и своей родине. До 1988 года он часто бывал в Ишиме, навещал родных и встречался с одноклассниками.

Молодой скульптор Вениамин Сидоренко.
1970-е гг.

*Здесь звенит роса в поле чистая,
И гудят ключи под горой,
И дорога вниз катит быстрая,
С ясным куполом надо мной.
От ромашек луг белей скатерти,
Здесь когда-то был отчий дом.
Поклонюсь пойду своей матери:
Прах покоится под крестом.
Лес, поля вокруг милы смолоду,
В небесах гремит вешний гром.
Солнце плавится чистым золотом,
А луна в ночи – серебром.*

(«Моя Родина»).

После школы будущий художник работал токарем на заводе МПС. В 1958 году из Абатского района, куда Вениамин уезжал осваивать целинные земли, он был призван в Советскую армию. Служил в Ленинградском военном округе до 1961 года; занимался в художественной студии у известных мастеров. После армии жил и работал на Алтае. С 1974 по 1978 год учился в Ленинградском художественном училище им. В.А.Серова. После его окончания в 1981 году принят в Союз художников России. Работал в творческих мастерских Союза.

Его музой, верной помощницей и вдохновительницей, редактором альбомов и каталогов на протяжении всего творческого пути является его жена – талантливый искусствовед Ольга Сидоренко (Науман). Один из её портретов (бронза) находится в Русском музее в Санкт-Петербурге. Вениамин Сидоренко живёт и работает в Кронштадте, более тридцати лет ведёт предмет скульптуры в художественной школе им. М.К. Аникушина. В 2011 году на День знаний учащиеся подарили педагогу кованный букет (ведь его предки были кузнецами) весом почти 15 кг. Это ли не рукотворный символ признания его уникального труда скульптора и педагога!

Вениамин Сидоренко в мастерской. Кронштадт.
2007 г.

Продолжая традиции высокой классической художественной культуры, русской школы ваяния, В.Г. Сидоренко рассматривает античность как живой пульсирующий источник вдохновения. Он во многом близок учёному-филологу Фаддею Францевичу Зелинскому, написавшему об античной культуре: «Семя, а не норма!». Брошенные античными гениями семена произрастают вновь и вновь в культурах разных эпох и народов.

*Нужна мелодия для сердца,
Душа, раскрытая как дверца,
И вдохновение взлететь –*

всё это было у Вениамина Сидоренко, когда он обратился к античным сюжетам. Художник становится ярким представителем петербургской культуры.

В 1991 году в конкурсе-симпозиуме по граниту скульптором создана композиция «Амазонка», получившая диплом II степени. Работа высотой 2,5 метра, ныне утраченная, была установлена на одном из проспектов Санкт-Петербурга. Среди груды обломков исчезнувшей цивилизации мы обнаруживаем на фрагменте античной дорической колонны вместо капители величественный образ воинственной прекрасной девы – амазонки, сливающейся с конём. Можно увидеть в этом живом ростке из семени античной культуры гармонию и слияние двух начал: аполлонического и дионисийского. Высеченные внизу ступени – приглашение и необходимость совершения Пути для постижения греческой культуры. По своим пропорциям композиция приближается к архаике, шероховатая обработка камня передаёт «патину времени», подчёркивая одновременно красоту и гармонию скульптурной группы.

*В душе моей грохочет гром, / Звенят ручьи, потот цикады,
То арфы вздох, то флейты стон, / То ритм античной колоннады, –*
пишет художник о живом восприятии античной темы. Через всё творчество автора проходит тема воинственной девы – амазонки.

«Юшневская».
Из серии «Жёны декабристов».
Камея. Тонированный самшит.
6х5 см. 1980.

«Творец и муза».
Миниатюра.
Камень. 6х5 см.
1984.

Здесь скульптор близок мастерам Серебряного века, которые очень лично переживали античную эпоху в своём творчестве и увидели истоки нашей цивилизации в том далёком времени, увидели вечные сюжеты и образы, названные позднее К.Г. Юнгом «архетипами». Амазонка и преследующий её всадник, образ коня, безусловно, архетипичны, как вечная борьба женского и мужского начал.

Мне совсем немного надо: / Саблю, песню, скакуну.

Может, женщину из Ада / Да хорошего вина! –

в этих несколько ироничных строках личные чувства автора созвучны содержанию всей «Амазонахмии». Амазонки в греческой мифологии происходят от Ареса (бога войны) и Гармонии. Поэтому поиски гармонии можно метафорически связать с победой над амазонками. Плакетки (прямоугольные пластины) с изображением амазонок полны истинно человеческих страстей («Убегающая амазонка», «Ахиллес и Пентесилея»). Целый ряд работ посвящён слепому аэду Гомеру, автору «Илиады» и «Одиссеи». Вспомним пушкинские строки о нём:

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи,

Старца великого тень чую смущённой душой...

По мотивам гомеровского эпоса созданы бронзовые медали «Кони Нестора», «Гомер», «Античный сказитель Гомер» и др. Повествование Гомера о Троянской войне и приключениях Одиссея течёт медленно и обстоятельно. Но за бесстрастным на первый взгляд текстом скульптор увидел и подчеркнул в своих работах мощную динамику, внутреннюю энергию, которой наполнены гомеровские поэмы. Философы, поэты – круг интересов скульптора необычайно широк и многообразен. Диоген, Данте, Овидий – имена, без которых нельзя представить сейчас историю мировой культуры, привлекают художника.

«Пушкиниана» Вениамина Сидоренко органично связана с античной тематикой; как и вся пушкинская эпоха, как строгий век классицизма, в котором А.С.Пушкин мог оставаться душой романтично и безоглядно свободным. Скульптор изобразил фактически весь круг учителей и друзей поэта. В целом ряде работ, посвящённых Пушкину, он стремится отразить процесс вдохновения, озарения, рождения поэтических строк.

В 1994 году открылась персональная выставка В. Сидоренко «Пушкин и его время» в Санкт-Петербурге. «Пушкин-отрок», «Пушкин-лицеист», «Пушкин. Болдино», «Юный Пушкин», «Рукопись А.С.Пушкина», «Пушкин и Гончарова», «Дуэль» – вся жизнь поэта освещена в медалях, камерных скульптурах, в монументальных образах художника.

Смотрит гений на врага, / До барьера недалёко.

У врага не дрогнет око – / Жизнь за честь не дорога.

Тишина разорвалась, / Ели вздрогнули упруго,

Эхо мечется с испуга, / Птичья стая поднялась... –

такие картины смертельного поединка поэта отражены в стихотворении скульптора «Дуэль». «Пушкиниана» в скульптурных, живописных образах русского и советского искусства огромна. Работы Виктора Попкова «Осенние дожди», «Пушкин и А.П.Керн», «Пушкиниана» Олега Комова, известного советского скульптора, во многом созвучны композициям Вениамина Сидоренко. Хотя у В.Сидоренко пушкинские образы более динамичны, они пребывают в процессе становления, роста, развития. Таков юный поэт в композициях «Союз певцов и чистый и свободный», «Юный Пушкин». Одна из самых поэтических работ художника – «Пушкин в Болдино» (Алтайский музей). Мы словно присутствуем при рождении поэтических строк, при эманациях мыслей поэта. Композиция развёрнута по диагонали и горизонтали относительно земли, усыпанной осенними листьями; фигура словно парит в воздухе, т.к. ноги не касаются основания плоского пьедестала, а подняты над скамейкой. С одной стороны, задача пьедестала – отделить фигуру от реального мира, ограничить её от обыденности, поднять в некую высшую сферу. С другой – постамент определяет точку зрения, с которой будет восприниматься скульптура, оптическое взаимоотношение её со зрителем.

Очень много Вениамин Сидоренко работает в мелкой пластике, создавая медали и плакетки, где основные техники обработки металла (литьё,ковка,чеканка) или

состязаются друг с другом, или сливаются вместе. Медаль изготавливается в честь какой-нибудь выдающейся личности или важного события. На лицевой стороне (аверсе) изображается портрет, на задней (реверсе) фигурная композиция аллегорического, исторического или пейзажного характера. Плакета, обычно четырёхугольная или многоугольная пластина, выполняется в тех же техниках, что и медаль, но служит чаще декоративным целям (украшение мебели, стены).

«Смерть Ифигении». Оттиск с инталии. 4x5 см. 1994.

Первый расцвет медальерного искусства относится ко времени императорского Рима, когда способом чеканки изготавливали золотые, серебряные и бронзовые медали. В XVI веке механизация техники приводит это искусство к упадку. Во второй половине XIX века и в конце XX в. Франция стремится возродить медальерное искусство. Пластика В.Г. Сидоренко была отмечена на выставке во Франции. В медали «А.С. Пушкин. Болдинская осень», бронза (2005 г.) автор активно использует цвет. Бронза выигрывает, если долго находится на открытом воздухе, она окисляется и приобретает приятный голубоватый, зеленоватый, коричневый или черноватый оттенок – покрывается так называемой патиной. Пatina может быть и искусственной. У Вениамина Сидоренко в медалях можно увидеть различного рода патины, в зависимости от творческой задачи художника. В медали «Пётр Великий. Кронштадт. 1704 г.» преобладает тон червонного золота, в «Болдинской осени» голубовато-зелёный тон, в медали «А. Пушкин, Н. Гончарова» преобладает серый тон.

Бронза представляет собой смесь олова и меди (иногда примешивается цинк или свинец). Чем выше процент меди (до 90 %), тем краснее оттенок бронзы, чем больше примеси олова (до 25 %), тем серее или чернее тон бронзы. Бронза – очень древний материал пластики, она изобретена на Востоке приблизительно в III тыс. до н.э. Это любимый материал В. Сидоренко, и какие огромные возможности она даёт мастеру, можно увидеть воочию на выставке его работ. В плакете «Рукопись Пушкина» бронза словно пульсирует образами поэта, органично связанными с текстовым набором его стихов, данных – как в типографской форме – в обратном изображении.

«Анна Ахматова». Камень. Тонированный самшит. 6,5x4,5 см. 1980.

В бронзе скульптор выполнял и свои монументальные произведения: с ведущими российскими скульпторами воссоздавал горельефы храма Христа Спасителя в Москве и горельефы «Война 1812 года», бюсты князя Меншикова и Петра I в музее-усадьбе Остафьево. Библиейские сюжеты полны скрытого драматизма («встреча Авраама с Мельхиседеком», «Давора-прорицательница»). Бронза воздействует резкой трактовкой деталей и общим силуэтом, поэтому бронзовая скульптура выигрывает на вольном воздухе, и украшение белого храма бронзовыми горельефами необычайно эффектно. Это строгий классический рельеф. Передняя плоскость рельефа подчеркнута, фигуры изображены в одном плане, двигаются мимо зрителя, головы всех фигур выдерживаются на одной высоте. Здесь используется принцип исокефалии (равноголовья). Плоскость – абстрактный фон, согласно основному принципу классического рельефа все наиболее выпуклые части находятся по возможности на первоначальной поверхности плиты.

В творчестве Вениамина Сидоренко хочется выделить его камерную скульптуру. Она столь разнообразна, что на страницах Интернета есть упоминание об «авангардизме» отдельных работ скульптора. Это, конечно, не совсем верно. В. Сидоренко действительно расширяет здесь круг классических образцов до искусства XX века, и работы его звучат очень современно. Но классическая строгость, завершенность остаются; авангард же стремится к их разрушению. «Ольга Науман» (1983-1989) чем-то сродни «Помоне» А.Майоля, «Звездочёт» родственен образам О.Родена, Ф.Мазереля. Вышеназванный портрет жены художника – одна из лучших работ мастера. Цельная, гармоничная, выразительная; цвет бронзы живой, тёплый, розоватый; своеобразна фактура материала. Великолепна «София», которая находится в Третьяковской галерее. Вероятно, это портрет жены художника. Образ динамичен и закончен – как своеобразный эквивалент миру мудрых мыслей. Это достигается с помощью композиции, отражающей сложное движение: гордо поднята голова с асимметричной, смещённой вправо причёской, левое плечо выдвинуто вперёд, правая рука и бедро сдвигаются назад; ноги скрещены; правая нога впереди. Сидение находится ниже колен сидящей. Создается непринуждённая, свободная, интимная

состязаются друг с другом, или сливаются вместе. Медаль изготавливается в честь какой-нибудь выдающейся личности или важного события. На лицевой стороне (аверсе) изображается портрет, на задней (реверсе) фигурная композиция аллегорического, исторического или пейзажного характера. Плакета, обычно четырёхугольная или многоугольная пластина, выполняется в тех же техниках, что и медаль, но служит чаще декоративным целям (украшение мебели, стены).

«А.Д.Менишков. Парадный портрет». Бюст. Тонир. гипс, 1,5 нат. вел. 1995. Государственный музей-заповедник «Ораниенбаум».

поза и вместе с тем возникает богатство контрастов. Мотив «контрапоста», открытый греками (оппозиция, контраст, подвижное равновесие), позволяет подчеркнуть динамику живого человека. По своей цельности и законченности образ классичен и безупречен. Одежда лишена складок; она одновременно средство обобщения и передачи пластичности фигуры. Венский стул используется как личное пространство и своеобразный пьедестал; он связан с жестом правой руки, повторяющей изгиб спинки. Цвет материала – чёрный – лишён оттенков тона. По своей цельности и законченности образ очень классичен.

Диоген (знаменитый античный философ-киник) изображён без легендарной «бочки», как человек замкнутый в своём мире, в своём пространстве (композиционное решение через замкнутое движение скрещённых рук и ног). В скульптуре «После купели» есть при всём изяществе образа монолитность, так свойственная египетской скульптуре. В «Близнецах» - ничего лишнего, всё обобщено до предела. В «Звездочёте» подчёркнуто внутреннее состояние героя, в котором можно увидеть портретные черты автора. Это своеобразная молитва, обращённая к звёздам; небо манит и зачаровывает: «Звездам числа нет, бездне - дно». Босые ноги по контрасту с массивной фигурой выглядят невесомыми, словно отрываются от земли, и фигура стремится к полёту.

*Тесно мне на земле, вот бы птицы за вами,
На просторы Вселенной, я в небо хочу.
И как крыльями птица взмахну я руками,
Ещё шаг, ещё вздох, ещё миг – и лечу... –*

передает в стихах подобное состояние автор скульптуры.

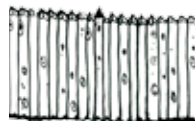
«Пушкин и Гончарова». Медаль. Бронза. 24 см. 1999. Коллекция А.С.Коршикова.

Монументальность и камерность, реалистическая точность и условность, обобщённость пластического языка, декоративная утончённость и всегда динамичность (внутренняя или внешняя); важная роль цвета в скульптуре (о котором так много думали греки в периоды архаики и классики); способность уложить, как в архетипическое яйцо, в крошечную гемму или камею огромный мир - всё это не исчерпывает характеристику творческих особенностей Мастера.

Все работы скульптора мы не можем осветить в этом очерке. Но хочется сказать ещё о камнях, геммах, инталиях... Глиптика (от греч. – вырезано, выдолблено) – это искусство резьбы на драгоценных и полудрагоценных камнях – один из видов декоративного искусства. Резные камни (геммы) с глубокой древности служили печатями (знаками собственности), амулетами и украшениями. Геммы с врезанными (инталии) и выпуклыми (камеи) изображениями выполнялись на камнях мягких или твердых пород вручную или с помощью несложных станков с вращающимися резцами. В России подъём глиптики был связан с эпохой классицизма (XVIII – нач. XIX вв.). В.Г. Сидоренко использует камень, речную гальку, самшит и другие материалы. Он добывается удивительной красоты и пластической обобщённости изображения в работах «Сатир и Нимфа», «Поэт», «Спящий философ», «Амазонка», «Фалестрия», «Белая цапля», «Сон. Автопортрет с женой» и т.д. Белая цапля изображена на медалях, которые хранятся в Русском музее. Красоту, гармонию нужно сохранять и защищать – эта идея пронизывает многие образы художника.

Эпиграфом к книге своих стихов «Облака» и изобразительным эквивалентом к альбому скульптуры взяты художником строки уникального литовского поэта, музыканта, художника Миколююса Константинаса Чюрлёниса: «Большой хрустальный шар – вот всё, что я хочу...». Многозначные и загадочные строки. Какой смысл вкладывал Чюрлёнис в этот образ? Хрустальный шар у него – символ красоты, божественного света, дружбы, любви; инструмент ясновидения, способствующий определению истины... Строки эти звучат далее так: «Когда иду я к людям...».

Открывая для себя мир искусства нашего замечательного земляка, будем помнить, какой огромный, бесценный дар он несёт в своей душе и творчестве людям, в том числе и нам с вами!

«Пётр I». Бюст. Бронза. 1996.
Краеведческий музей г. Кронштадт.

«Овидий. Античный поэт». Медаль. Бронза.
6 см. 1990. Государственный Эрмитаж.

«Данте». Медаль. Бронза. 1989.

«А.С.Пушкин. Болдинская осень». Медаль.
Бронза. 16 см. 1994. Коллекция Ольги Науман.

«Большие грустные птицы».
Медаль. Бронза. 11 см. 1987.
Государственный Русский музей.

«Рукопись А.С.Пушкина».
Плакета. Бронза. 38,5×28 см. 1994.
Государственная Третьяковская галерея.

Коркина слобода

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
РОССИЙСКОГО ПРИИШИМЬЯ

Адрес редакции:

627750, Тюменская обл., г. Ишим, ул. Советская, 30, Культурный центр П.П.Ершова.

Тел./факс (34551) 2-31-41.

E-mail: gkr@rambler.ru.

Электронная версия на сайте: www.ershov.ishimkultura.ru.

Отпечатано в филиале «Ишимская типография» ОАО «Тюменский издательский дом».

627750, Тюменская обл., г. Ишим, ул. им. Чкалова, 17.

Заказ № 2429. Формат 60x84 1/8. Тираж 999 экз.

Объём 25,11 усл. печ. л. Печать офсетная. Бумага офсетная, мелованная.

Гарнитура Palatino Linotype.

Подписано в печать 18.10.2013 г.

К статье П. С. Ситникова «Памятник природы – гора Любви»

*Ишимские бугры у Бердюжинского омута; гора Любви – посредине, за дачей-теремком.
2004 г. Фотография А. В. Зверева.*

*Вид на излучину реки Ишим с горы Любви (к северу).
Май 2010 г. Фотография Г. А. Крамора.*

К статье Г. В. Максимовой

«Абалацкая» («Абалакская») икона во имя Божией Матери и её копии».

Илл. 1. Икона из фондов КОХМ. Судя по дореволюционным фотографиям, подобного плана копия была в Тобольском духовном училище. Также сохранились иконы с похожими чертами в Омске и других местах.

Илл. 3. Абалакская икона. Хромофотография. Одесса. 1890-е гг.

Илл. 6. Тюменский музей изобразительных искусств.

Илл. 7. Ханты-Мансийский музей Природы и Человека.

Илл. 8. Ханты-Мансийский музей Природы и Человека.

К статье Г.А.Крамора «Ишимский след» Абалакской иконы». Фотографии автора.

Икона из Михаило-Архангельской церкви с Ново-Травное Ишимского района. Богоявленский собор, г. Ишим. Съёмка 2013 г.

К статье Г. А. Крамора «Ишимский след» Абалакской иконы». Фотографии автора.

Икона из д. Речкунова Абатского района. Пе-

Икона в иконо-
стасе Ни-
кольской
церкви,
г. Ишим.
Съёмка
2013 г.

Киотная икона из Никольской церкви, г. Ишим.
Съёмка 2006 г.

Бывшая
алтарная
икона из
Никольской
церкви,
г. Ишим.
Съёмка
2013 г.

Икона из Троицкой церкви с. Карасуль Ишимского
района. Съёмка 2013 г.

Икона в иконостасе Никольского придела Богоя-
ленского собора, г. Ишим. Художник М.С. Чукардин.
Съёмка 2008 г.

К статье П. С. Ситникова «Памятник природы – гора Любви».
Фотографии автора и Г. А. Крамора.

Гониолимон красивый.

Один из видов гвоздики.

Лилия кудреватая (саранка).

Ирис низкий.

Прострел желтеющий.

Мордовник обыкновенный.

Шалфей степной.

Ветреница дубравная.